

А. В. ТОРКУНОВ, В. И. ДЕНИСОВ, В. Н. Ф. ПИ

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ:

МЕТАМОРФОЗЫ ПОСЛЕВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Annotation

Первая комплексная отечественная монография по послевоенной истории Корейского полуострова повествует о секретах южнокорейского «экономического чуда», тайных путях продвижения Пхеньяна к атомному оружию, о рождении в недрах авторитарной системы Южной Кореи «демократии корейского типа» и превращении ее в одно из развитых государств мира. Убедительно раскрываются неоднозначные процессы культурно-цивилизационной эволюции двух частей Кореи в условиях политического размежевания.

Анатолий Торкунов, Валерий Денисов, Владимир Ли

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ:

метаморфозы послевоенной истории

Предисловие

Появление этой книги связано, прежде всего, с возрастающим интересом к современным международным отношениям. Профессионально международные отношения и мировая политика изучаются во всех российских университетах от Калининграда до Владивостока. При этом корейский вопрос, новейшая история Кореи^[1] прочно вошли во все учебные программы по мировой политике, международной конфликтологии, истории дипломатии и другим дисциплинам подобного профиля. В последние годы отечественными и зарубежными учеными создан ряд монографий и учебных пособий, авторы которых с позиций постконфронтационного мышления стремятся максимально объективно и взвешенно раскрыть сложные и противоречивые сюжеты истории Кореи после 1945 г. Вместе с тем проблемы Корейского полуострова в этих публикациях освещаются, как правило, бегло и лаконично. Поэтому одна из целей данной публикации – воспроизведение на основе новейших научных достижений реалистичной картины драматического полувекового пути корейской нации после ее освобождения от японского колониального гнета в августе 1945 г.

Научная периодизация истории ряда разделенных наций и государств, к числу которых относится и Корея, сопряжена с немалыми методологическими трудностями и противоречиями. Отечественные и зарубежные авторы обычно освещают политическую, социально-экономическую историю и культурную эволюцию разделенных частей самостоятельно, что значительно сужает целостный исторический пейзаж их коэволюции. Высоко оценивая значение исследований, посвященных отдельно Северу и Югу, авторы этой книги стремились к созданию комплексной работы, не упускающей из виду генетическую, культурно-традиционную целостность корейского этноса.

Что имеется в виду, когда речь идет о соблюдении принципа целостности при периодизации современной истории Кореи? Конечно, это, прежде всего, внутреннее, хотя и противоречивое генетическое единство исторического объекта (нации), которое сочетается с весьма значительной самостоятельностью его составных частей (Севера и Юга). Акцент при этом делается на глубинных закономерностях коэволюции разделенной нации. Это наиболее рельефно отражается на процессах дивергенции, с одной стороны, и конвергенции национальной культуры корейского этноса – с другой.

Наконец, это предполагает проведение скрупулезного сравнительного анализа двух и более объектов (социальных систем) в целях выявления однородных и разнородных элементов, частей и блоков коэволюции. В этом плане компаративистика в немалой степени раскрывает многие малозаметные грани и оттенки исторического пейзажа.

Исходя из этих методологических принципов, а также достижений отечественного и зарубежного корееведения, послевоенная эпоха может быть условно разделена на следующие основные историко-хронологические этапы.

Первый этап – начальная фаза деколонизации – приходится на переходное время управления Кореей

военными администрациями СССР и США (август 1945–1948) В недрах этого периода шел процесс становления новых политических партий и массовых движений, сопровождавшийся «географическим размежеванием» представителей политических сил, ориентирующихся на советскую «народно-демократическую» (сталинскую) систему и на западную либерально-демократическую с «корейской спецификой». Провал плана создания единой военной администрации СССР и США, а также единого временного правительства привел к провозглашению в августе–сентябре 1948 г. двух сепаратных государств – Республики Корея (Тэхан мингук) и Корейской Народно-Демократической Республики (Чосон Минджуджуи Инмин Конхвагук).

Второй этап (1948–1950) относится ко времени конституционной институционализации двух социально-политических систем на Севере и Юге Кореи, которые приобретали антагонистический характер. К власти на Севере пришли радикальные прокоммунистические силы, объединившие ортодоксальных коммунистов, левых социалистов, партийных деятелей, направленных Москвой из числа лиц корейской национальности, а на Юге – коалиция крупной буржуазии и средних слоев националистической ориентации. Подготовка к развязыванию внутренней (гражданской) войны в условиях нарастания мировой «холодной войны» стала основным направлением во внутренней и внешней политике обеих Корей. Причем складывающиеся на Юге и Севере политические классы (политические элиты) ставили во главу угла задачу создания национального государства в границах доколониального времени. Их обращение за поддержкой, соответственно к Советскому Союзу и США, совсем не означало, что они были готовы согласиться с марионеточным характером будущего единого корейского государства.

Третий этап (1950–1953) – годы трагической «великой ограниченной войны» на Корейском полуострове с участием де-факто почти всех великих держав: США, Великобритании, а также КНР, СССР и др. Корейская война едва не привела к ядерному конфликту и лишь чудом не переросла в военный пожар мирового масштаба. Основным итогом войны, несмотря на ее колоссальные людские, материальные и моральные потери, стало возвращение к статус-кво, т. е. к исходным погранично-политическим позициям кануна войны (т. е. весны 1950 г.). Война закрепила раскол нации и нанесла огромную психологическую травму корейскому этносу.

Четвертый этап современной истории Кореи начался со времени прекращения войны на полуострове в июле 1953 г. и продлился до 1961 г. Север и Юг взяли одновременно энергичный старт на осуществление восстановительного процесса. Но более успешным он оказался в КНДР в результате выполнения пятилетнего плана развития народного хозяйства (1957–1961). Резко обострившиеся противоречия и конфликты на Юге привели к кризису Первой и Второй Республик, к падению консервативной лисынмановской власти диктаторского типа.

Пятый этап охватывает начало 60-х – вторую половину 80-х гг. В этот период Корейской Народно-Демократической Республике (КНДР), опираясь на масштабную внешнюю помощь и оптимальную мобилизацию внутренних ресурсов на основе доктрины «чучхе», удается осуществить дальнейший прорыв в направлении социалистической индустриализации и кооперации. Можно сказать, что в КНДР была проведена «тоталитарная модернизация», результатом которой стало превращение Северной Кореи в индустриально-аграрное государство. Тем не менее южнокорейский авторитаризм (режимы президентов Пак Чжон Хи и Чон Ду Хвана) оказался в целом более эффективным в модернизации Юга Кореи по сравнению с сугубо мобилизационной командно-административной системой Севера. Отражением новой динамики в балансе сил на Корейском полуострове стали первые межкорейские переговоры 1972 г. и переход ведущей роли в общекорейском развитии к Республике Корея (РК). С 1987 г. на Юге под интенсивным давлением «снизу» начинается постепенный процесс перехода от авторитарной власти к демократии.

Шестой этап начинается с конца 80-х гг. и продолжается по настоящее время. На этом историческом этапе окончательно определяется ведущая социально-экономическая и политическая роль РК на полуострове на основе утверждения «демократии корейского типа» и перехода к гражданскому обществу. Достижения Юга резко контрастируют с социально-экономическим и политическим кризисом на Севере, который на основе военно-ориентированной политики «сонгун» ищет пути хотя бы частичного «ограниченного» рыночного реформирования народного хозяйства и преодоления обременительной международной изоляции.

Именно на рубеже 80–90-х гг. XX в., когда Юг взял старт в сторону либеральной демократии, появляются серьезные трещины в командно-административной системе Севера. Прекращение внушительной помощи СССР и смерть Ким Ир Сена побудили северокорейцев перейти к политике военизированного варианта авторитарного правления. Но «сильная рука военных», дальнейшее «завинчивание гаек» еще более обострили социально-экономический кризис. Сопоставление Юга и Севера Кореи говорит о том, что однотипная система власти (в данном случае авторитарная) в зависимости от различных политических и социально-экономических предпосылок приносит диаметрально противоположные результаты. Но даже при столь сильных центробежных тенденциях нет оснований рассуждать о формировании на Корейском полуострове двух самостоятельных наций – «социалистической» и «буржуазной». Генетическая и культурно-цивилизационная общность корейского этноса – это итог его долгой борьбы с внешней экспансией и внутренними неурядицами и расколами.

Шестой этап – наиболее сложный и длительный в комплексной периодизации послевоенной истории Кореи, поскольку пока еще не покрылся «архивной пылью». Возможно, в будущем в его рамках будут выделены отдельные подэтапы, но на сегодняшний день в течение этого периода достаточно четко прослеживаются две магистральные тенденции: во-первых, завершение перехода Юга к демократии корейского типа и гражданскому обществу на базе высокоэффективной экономической модернизации и, во-вторых, обострение структурного кризиса всей политико-экономической системы на Севере.

Отдельная проблема – это культурно-цивилизационное развитие на Севере и Юге Кореи в послевоенный период. В рамках целостного культурно-цивилизационного ареала прослеживается нарастание традиционалистских и националистических тенденций в культурной эволюции Севера и усиление восточно-западного межкультурного влияния на культурное развитие Юга. Вместе с тем авторы убеждены, что дивергенция, несмотря на все ее деструктивные плоды, не привела к исчезновению общенациональных черт в культуре корейской нации.

На нынешнем этапе параллельного существования двух Корей вряд ли удастся с научной достоверностью рассуждать о том, когда и в какой форме произойдет воссоединение Юга и Севера Кореи. Тем не менее можно уверенно говорить о том, что оно исторически неизбежно, поскольку отражает сокровенное желание корейцев и базируется на фундаментальной культурно-цивилизационной основе (единый язык, общие традиции, верования, обычаи, теснейшие семейно-родственные связи между северянами и южанами и пр.), хотя преодоление последствий полувековой дивергенции потребует немалых усилий и материальных затрат.

На наш взгляд, комплексная, целостная и универсальная периодизация современной (послевоенной) истории Юга и Севера Кореи позволяет по-новому взглянуть как на исторические процессы, так на и перспективы развития полуострова.

Во-первых, при подобном методологическом подходе открывается возможность конкретного сравнительно-исторического (компаративистского) изучения истории двух Корей на каждом из исторических рубежей прошлого.

Во-вторых, тесное сопоставление достижений и неудач двух неоднотипных моделей социально-

экономического и политического развития позволяет выявлять наиболее сложные и трудные узлы в потенциальном сближении и возможной конвергенции двух противоположных, но имманентно тяготеющих друг к другу систем.

Наконец, в-третьих, приоритетное внимание в корееведческих работах к категориям целостности, универсальности и комплексности по сравнению с признаками искусственного разделения будет содействовать объединению корейской нации, благотворно повлияет на процесс утверждения духа миротворчества, стабильности и единения на полуострове.

Часть первая

«Страна утренней свежести» встречает зарю освобождения

Глава I

Последствия японской колониальной эксплуатации Кореи

§ 1. Закабаление Кореи самураями с Востока

На географическом атласе мира территория Кореи выглядит причудливой формы полуостровом на востоке обширного евразийского суперконтинента. Простираясь почти на тысячу километров с севера на юг, рассекая Желтое и Японское моря, полуостров со второй половины XIX в. стал своего рода «солнечным сплетением» во внешнеполитической стратегии расположенных по соседству геополитических гигантов – Китая, Японии, России. За свою многовековую историю корейский этнос познал всё – ожесточенную межплеменную вражду и рождение в муках национальной государственности, упорное сопротивление иноземному вторжению и феноменальный расцвет собственной цивилизации. Но ничто не оставило столь глубокой незаживающей раны в душе каждого корейца, как многолетнее японское колониальное господство, окончательно установленное в августе 1910 г.

Колониальное господство Японии в Корее хронологически можно разделить на четыре периода: первый (1905–1910) – японский протекторат над Кореей; второй (1910–1919) – военное управление, или «сабельный режим»; третий (1919–1939) – «культурное управление», или период «бархатной кошачьей лапы»; четвертый (1939–1945) – попытка насильственной ассимиляции корейцев с японским культурным пространством.

Полная аннексия Кореи японским милитаризмом в августе 1910 г. означала, что ускоренно модернизирующаяся на основе известных реформ Мейдзи Япония оказалась сильнее других дальневосточных соперников, прежде всего Китая и России. Именно в силу своего стратегического превосходства в регионе империи микадо удалось без большой колониальной войны установить свой абсолютный контроль над Кореей, древней самобытной страной.

С этого времени полновластным владыкой всего Корейского полуострова стал японский генерал-губернатор. Японские чиновники взяли в свои руки все без исключения посты губернаторов провинций и установили полный контроль над финансовыми, дипломатическими, торгово-экономическими, судебными, полицейскими и другими службами. В одночасье прекратило существование суверенное государство, уходящее своими корнями в далекие исторические времена.

Но утрата Кореей национального суверенитета была обусловлена не только внешними, но и внутренними факторами. К концу XIX – началу XX в. корейская государственность вступила в полосу

глубокого энтропийного (всеохватывающего) кризиса и упадка. За фасадом строгой бюрократической регламентации, построенной на конфуцианских принципах, скрывался почти полный паралич государственной машины. Ни одно из ключевых государственных ведомств – министерство по делам чиновников, министерство по делам налогов, министерство церемоний (протокола), военное министерство и другие – не в состоянии были хотя бы в минимальной степени выполнять возложенные на них функции. Налоги не собирались, государственная казна была пуста, а вооруженные силы не могли надежно охранять не только государственные границы, но даже дворцовый комплекс правящей династии Ли. Вопиющий произвол и беззаконие творились в уездах и провинциях, хотя по закону смена губернаторов и местных администраторов проходила каждые два года.

Здесь надо отметить, что российская дипломатия достаточно прозорливо предвидела надвигающуюся катастрофу. Так, в поисках причин, вынуждающих короля Коджона (правил с 1863 г.) в конце XIX в. настойчиво искать иностранного покровительства, русский дипломат А. Н. Шпейер докладывал в сентябре 1897 г. в Санкт-Петербург графу М. Н. Муравьеву:

В этом тревожном донесении не было ни малейшего преувеличения. В условиях нарастания внешней экспансии корейское государство находилось в стадии самораспада. В придворных кругах шла ожесточенная междоусобная борьба, царили придворные интриги и взаимная зависть, полная неспособность выполнять самые необходимые управленческие функции. Ахиллесовой пятой правящей элиты была неспособность к элементарной консолидации и сплочению ради сохранения национально-государственного суверенитета страны. Древняя самобытная страна Восточной Азии, обремененная непомерной тяжестью консервативных традиций, произволом чиновничье-бюрократической касты, не могла не оказаться относительно легкой добычей бурно поднимающейся Японии. Японская аннексия означала крушение многовековой национальной государственности Кореи.

Осознавая невозможность удержания поработенной Кореи одной лишь политикой полицейского кнута, Япония с самого начала стала уделять пристальное внимание созданию своей социальной опоры в колонии. Специальный декрет японского монарха предусматривал «должное и подобающее обращение» с представителями правящей династии Ли, если те проявят соответствующую лояльность к колониальной власти. За номинальным правителем Кореи Сунчжоном (правил с 1907 г.) после аннексии 1910 г. сохранялся титул императорского высочества, и на его содержание выделялись бюджетные средства в размере 1,5 млн иен. Кроме того, декретом японского императора 76 особо избранных представителей правящего сословия янбаней (приблизительного аналога европейских дворян), занимавших ранее важные административные, военные, дипломатические и другие посты, получили высокие титулы японской империи. В их числе оказались 6 «косаку» (маркизов), 3 «хакусаку» (графа), 22 «сисаку» (виконта), 45 «дансаку» (баронов). Каждому из представителей новых корейских компрадоров выплачивались из японской казны денежные вознаграждения. Не были обойдены и представители среднего звена янбаней, занимавшие менее значительные и весомые бюрократические должности в административном аппарате. Крохи с барского стола были брошены и «представителям народа» – конфуцианским проповедникам. Свыше 9,8 тыс. «правильных» толкователей конфуцианской догматики получили от микадо в качестве единовременного дара по 24 иены. Это была символическая компенсация за служение новой чужестранной власти.

Вместе с тем в Токио отдавали себе отчет в том, что для управления Кореей понадобится не только новая система идейного одурманивания, но и немалое число чиновников низшего звена и наемных работников, владеющих элементарными основами грамоты. После подавления общенационального Первоапрельского восстания 1919 г. метрополия провела в Корее серию школьных реформ, цель которых состояла в том, чтобы расширить сферу начального, среднего и профессионального образования с особым акцентом на освоение японского языка и первичных трудовых навыков. Широко рекламировалось

открытие Сеульского императорского корейского университета, предназначенного в основном для выходцев из привилегированных семей.

Однако вопреки официальным декларациям о переходе к «эре культурного управления» иноземная система колониального образования в своей основе носила дискриминационный характер. Как людей «второго сорта», корейцев принуждали всеми мерами отказываться от родного языка, менять корейские имена и фамилии на японские, переходить в японское подданство. Гигантская машина японской пропаганды без устали убеждала корейцев в том, что их будущее зависит от степени их безоговорочной натурализации для сближения с господствующим японским обществом. Тех немногочисленных жителей полуострова, которые попадались на эту пропагандистскую удочку и забывали о национальной самоидентификации, корейцы еще в довоенное время с явным оттенком сарказма стали называть «новыми японцами».

В соответствии с декретами, провозглашенными японским генерал-губернаторством, коренное население Кореи и японские поселенцы имели формально равный доступ к получению образования. Однако на практике существовали две сепаратные системы образования: одна, примитивная, для корейских детей и молодежи, а другая, привилегированная, для японских колонистов. Известный южнокорейский ученый Ли Ги Бэк приводит следующие данные о мифическом «равноправии» корейцев и японцев в получении образования в колониальной Корее в довоенное время. Из каждых 10 тыс. населения начальной корейской школой было охвачено 208 чел., а японской – 1272 чел., мужской средней корейской школой – 5 чел., а японской – 106 чел., женской средней корейской школой – 1 чел., японской – 128 чел., профессиональной корейской школой – около 3 чел., японской – более 62 чел. и т. д. В Сеульском императорском университете, включая его промышленный факультет, общее количество студентов-японцев существенно превышало число корейских студентов, хотя японцы составляли лишь 3 % населения колонии. Выше уже отмечалось, что с первых дней своего господства японские власти стали проводить политику дискриминации и даже преследования корейского языка.

Эта кампания была завершена к концу Второй мировой войны, когда в стране законодательно было запрещено преподавание в школах национальной письменности – хангыля.

Неисчислимы жертвы японской колониальной политики принудительной вербовки «живого товара». В течение своего тридцатилетнего господства в Корее японские власти поэтапно проводили в жизнь Закон о всеобщей государственной мобилизации, Приказ о всеобщей трудовой повинности, Закон о трудовой повинности всего взрослого населения, Декрет о службе женщин в отряде самопожертвования и т. д. Эти законодательные акты представляли собой не только грубое нарушение прав человека, но и попирали общепринятые международные кодексы поведения на временно оккупированной территории. Согласно расследованию «Общества корейцев, пострадавших от насильственной вербовки японскими властями», представленному в ноябре 2003 г. в Комитет по правам человека ООН, в далеко неполные списки жертв принудительной мобилизации военного времени вошли 427 тыс. 129 корейцев. Уделом этих несчастных людей был каторжный труд за мизерную плату на угольных шахтах, рудниках, строительстве дорог, лесозаготовках. Масса молодых кореянок была отправлена в качестве «сексуальных рабынь» в вооруженные силы Японии. Общее же число корейцев, которым пришлось на себе испытать всю тяжесть мобилизации «живого товара», достигло 8,4 млн чел., из которых более 1 млн чел. погибли в неволе.

Японское колониальное господство парализовало на целую историческую эпоху естественное развитие суверенного корейского государства, его просвещение, науку, национальную культуру. Вся политика японского «культурного управления» на полуострове была подчинена одной цели – духовному одурманиванию населения колонии, его тотальной декореизации и японизации в целях создания так называемой «Великой восточноазиатской сферы процветания», под которой подразумевалась

колониальная империя, охватывающая весь район Северо-Восточной Азии.

§ 2. Земля – основная сфера захвата

Установив в Корее свое полное и неограниченное владычество, японские колонизаторы взяли курс на создание жесточайшей системы правления, цель которого сводилась к тотальному захвату национальных богатств поработанной страны, полной японизации ее самобытного населения, превращению Кореи в ключевой плацдарм азиатско-тихоокеанской экспансии Токио.

И первым самым «лакомым куском» для японцев стало основное богатство корейцев – земельные угодья, с которыми была связана жизнь преобладающей массы трудового населения страны (к 1942 г. в аграрном секторе экономики было занято более 66 % самодеятельного населения Кореи. На сельское хозяйство, а также рыболовство и лесные промыслы приходилось более 55 % валовой продукции народного хозяйства). С присущим иноземным пришельцам коварством японцы разработали и ввели в колонии новую систему всеобщего земельного кадастра (переучета) земельных фондов. В ходе этой колонизационной переписи огромная масса крестьян-бедняков оказалась не в состоянии документально доказать свои права на обрабатываемую землю, т. к. традиционной была устная передача наделов наследникам. Такие земли произвольно объявлялись властями «ничейными» и автоматически переходили в фонд колониального губернаторства. Туда же вошли все казенные земли и леса, целинные и залежные земли. Отдельные попытки оспорить подобное беззаконие и ограбление в условиях колониального произвола были абсолютно бесполезными. Поэтому уже к началу 30-х гг. XX в. имперская власть стала собственником почти 8,8 млн чонбо (мера земельной площади в 0,99 га) пашни, лесных и луговых угодий, что составляло свыше 40 % всего земельного фонда страны. Мировая история колонизации не знала подобных масштабов земельной экспроприации.

За счет незаконно экспроприированных угодий колониальные власти стимулировали создание японских акционерных аграрных компаний с системой неограниченной эксплуатации наемного труда разорившихся крестьян. Основной же формой аграрного производства становятся кабальные арендные отношения, при которых монополия на землю целиком сосредотачивается в руках колониальной власти, местных помещиков-абсентеистов (имеется в виду форма землепользования, при которой земля отделена от собственника, получающего денежный доход в виде ренты, но не участвующего в обработке и производственном использовании земли) и ростовщически-кулацких элементов.

Наиболее характерной чертой аграрной политики в колониальной Корее становится дальнейшее обезземеливание трудового крестьянского населения и ускоренный рост пауперизованного населения деревни. За период с 1914 по 1942 г. произошел значительный рост земельных угодий помещиков (на 417 тыс. га за период с 1925 по 1943 г.). Следствием концентрации земли в руках новых колонистов и помещиков было дальнейшее дробление крестьянских хозяйств. К 1943 г. около 72 % таких хозяйств имели менее 1 га обрабатываемой земли. Что же касается хозяйств безземельных арендаторов, то их общая численность за указанный период непрерывно возрастала. Уделом этого тотального ограбления стало безысходное обнищание преобладающей массы аграрного населения страны. После уплаты кабальной арендной платы и долгов ростовщикам сельская беднота оказывалась у разбитого корыта. Продовольствия оставалось в лучшем случае до зимних месяцев, после которых начиналось томительное время недоедания и голода. В поисках источников существования крестьянское население вновь залезало в долги, искало случайную работу в портовых и городских центрах, уходило на заработки в соседние страны, где их ожидал снова каторжный труд и бесправие.

В условиях дефицита земельных угодий преобладающая масса их реальных собственников (японских колонистов и местных помещиков) предпочитала не вести непосредственно хозяйство, а сдавать поля в кабальную аренду. В довоенном 1937 г. из 4,5 млн га в аренду было сдано около 2,6 млн га, или 57,5 %

всей пахотной земли. Еще более аренда была распространена в рисосеянии, где сдавалось под обработку 67,9 % рисовых полей.

Согласно данным японского генерал-губернаторства за 1944 г. в Корее сложилась следующая структура аграрно-колониальных отношений. Земельной собственностью свыше 1 тыс. га располагали 44 хозяйства колонистов и только 8 хозяйств корейских помещиков. Земельную собственность от 400 до 1 тыс. га имели 59 хозяйств колонистов и только 56 хозяйств корейских помещиков. Среди владельцев хозяйств с земельным фондом от 300 до 400 га преобладали японские колонисты, лишь в мелком и среднем парцеллярном (семейно-индивидуальном) хозяйстве преобладали дворы местного населения. Примерно 750 тыс. крестьянских хозяйств были не более чем номинальными собственниками, поскольку располагали крошечными парцеллами (мелкий земельный участок) размером менее 0,1 га.

Японское генерал-губернаторство и действовавшие под его эгидой акционерные компании стремительно превращались в крупнейших хозяев экспроприированной земли. Так, одна из них – «Тоньян чхоксик чусик хвеса», в период своего основания захватившая около 30 тыс. чонбо пахотной земли, в последующие два десятилетия увеличила свои владения примерно в 3,5 раза – до 110 тыс. чонбо. Монополия на землю, водные ресурсы, семена, кредиты, удобрения, тягловую силу и закупочно-распределительную сеть позволяла колониальной власти вкупе с местной помещичье-кулацкой верхушкой выкачивать из селян не только весь прибавочный, но часть жизненно необходимого продукта. Массовое отчуждение земли японскими колонистами, разгул произвола помещиков и кулаков-ростовщиков погрузили аграрную сферу в состояние хронически нарастающего кризиса. Грабительская аренда и субаренда, отнимавшая до 50–70 % собранного урожая, была намного выше, чем в самой метрополии. Так, за пользование водой для орошения в Японии брали около 10 % урожая, а на Корейском полуострове – 30 %. Кредиты в Корее предоставлялись ростовщиками под 60–70 %, что намного превышало кредитование в Японии.

Тяжелая долговая кабала крестьянских семей становилась наследственной, передаваясь из поколения в поколение. Война еще более усугубила аграрный кризис. Нехватка сельхозинвентаря, тяглового скота, удобрений, а также истощение почвы и деградация оросительных систем привели к неимоверному росту средних затрат крестьянского труда на производство единицы продукции. В военные годы на обработку 1 га рисовых полей требовалось 139 условных человеко-дней, хлопка – 128, картофеля – 109, что в 6–8 раз превышало трудозатраты в средневропейской стране. В итоге к концу войны только на севере Кореи ежегодно недоставало 400–500 тыс. тонн продовольственного зерна. Тем не менее, более 70 % сельхозпродукции вывозилось из колонии в метрополию. В городах и поселках была введена карточная система, в день на одного человека выдавались зерновые пайки по 150 г.

Деградация сельского хозяйства колониальной Кореи породила своеобразную фигуру паупера-отшельника (хваджонмина). Оказавшись в состоянии полного разорения, эти безземельные обнищавшие батраки уходили с равнины на казенные земли в отдаленные горные районы. Там они с невероятными усилиями строили примитивное жилье и вручную корчевали деревья и кустарники, чтобы подготовить участки к подсечному земледелию. О том, в каких масштабах шла пауперизация крестьян, говорят следующие данные: в 1916 г. общая численность хваджонминов составляла 245,6 тыс. человек, к 1927 г. эта цифра достигла 697 тыс., а к 1936 г. превысила 1,5 млн.^[2] Поначалу колониальные власти не преследовали хваджонминов, не облагали их поборами в отличие от крестьян, проживающих в долинах. Но стремительный рост числа отшельников, а главное, независимый, свободолюбивый дух, царивший среди покорителей горных джунглей, побудил японские власти взять движение под пристальный административный контроль. Тем более что многие хваджонмины, сочетая земледелие с охотой, были искусными следопытами и знатоками малодоступных горных троп, по которым после аннексии Кореи японцами передвигались партизаны – участники народного сопротивления.

Обездоленная деревня становилась основной социальной базой бурного роста народного недовольства и протеста. В одном из закрытых признаний генерал-губернатора У. Кадзусигэ в Токийском клубе банкиров (1931) говорилось, что отчаявшиеся группы молодых жителей леса «...нападают на сельские управы и на дома богачей, где забирают, а затем сжигают долговые обязательства, бухгалтерские книги и другие документы. Более того, они оказывают сопротивление полицейским, ведущим борьбу с означенными беспорядками, и совершают налеты на полицейские посты». Это было, по существу, признание сокрушительного провала аграрной политики метрополии в Корею. Чтобы исправить положение, был взят лихорадочный курс на частичное обуржуазивание деревни, который нашел свое отражение в Декрете об арендном арбитраже (1932) и Законе о земле (1933), рассчитанных на реализацию в течение 10–12 лет, т. е. до 1942–1944 гг.

Суть этих нововведений состояла в том, чтобы содействовать формированию в обездоленной и пауперизованной корейской деревне крепких и устойчивых хозяйств крестьян-собственников. С этой целью в каждом сельском поселении учреждались специальные «Комитеты по урегулированию арендных конфликтов», куда входили представители японской администрации, местные помещики и представители зажиточной части крестьян. Одновременно во всех провинциях, уездах и волостях на той же социальной основе были учреждены «Комитеты по возрождению деревни», развернувшие широкую кампанию по насаждению «духа гармонии», сотрудничества и взаимопонимания между паразитическими землевладельцами и трудовыми арендаторами.

Под эгидой этих колониальных институтов с 1932 по 1942 г. предполагалось проводить тщательные обследования и на данной основе выявлять ежегодно не менее 2 тыс. арендаторских дворов, которые могли бы стать крепкими частнособственническими хозяйствами. Для приобретения ранее арендованной земли в собственность (не более 0,5 чонбо) крестьянам-беднякам предоставлялся льготный кредит до 1 тыс. иен из расчета 4,8 % годовых с рассрочкой погашения в 25 лет. Средняя цена выкупаемой земли устанавливалась в сумме 60 иен за неорошаемые и 150 иен за орошаемые участки. Разумеется, претенденты на выкуп арендованной земли должны были не только обладать «высоким духом усердия и прилежания», но и быть безукоризненно лояльными к колониальной власти.

Однако пробуржуазные в своей основе декреты метрополии, частично ускорив развитие капиталистических отношений в корейской деревне, лишь в незначительной степени ослабили остроту социальной напряженности и мало повлияли на поднявшуюся волну крестьянского движения. Позиции феодально-помещичьего землевладения не подверглись значительным изменениям, а социально-экономическая деградация деревни оказалась настолько глубокой и масштабной, что ее не могли остановить половинчатые реформы колониальных властей. Более трех четвертей беднейшего аграрного населения продолжало оставаться в тисках тройного угнетения – колониального, феодально-помещичьего и ростовщического.

Грабительская аграрная политика метрополии, направленная на форсированное раскрестьянивание деревни, привела к тому, что в колонии неуклонно снижалось число собственников земельных участков, с 19,7 % в 1920 г. до 16,3 % в 1930 г. в общей массе земледельческих хозяйств. За этот же период, когда японцы радикально перестраивали в свою пользу аграрные отношения, удельный вес полуарендаторов упал с 37,4 % до 25,4 %, а полных арендаторов – кабальных издольщиков, напротив, вырос с 39,8 % до 52,7 %.

Колониальные власти, как уже отмечалось выше, предпринимали чрезвычайные меры для повышения урожайности зерновых культур, но примитивный уровень агротехники, грабительские налоги и крестьянская нищета не позволяли добиться заметного перелома. Так, за период 1920–1930 гг. сбор зерновых в стране вырос с 12,7 млн сом [\[3\]](#) лишь до 13,5 млн сом. Однако даже этот скромный рост был

выгоден, прежде всего, метрополии. За указанные годы вывоз риса и других зерновых в метрополию возрос почти на 400 % (с 1,7 до 5,4 млн сом), что повлекло за собой дальнейшее падение и без того низкого потребления зерна в крестьянских трудовых семьях. Но особенно тяжелыми для корейской деревни оказались военные годы, когда крестьяне по символическим закупочным ценам вынуждены были отдавать японцам не только весь прибавочный, но и часть жизненно необходимого продукта, который шел на нужды продовольственного обеспечения японской армии.

Колоссальный социально-экономический упадок в корейской деревне в годы японской колонизации не мог не вызвать массовой волны крестьянского сопротивления и национально-освободительного движения.

§ 3. Курс на колониальную индустриализацию

Между двумя мировыми войнами Корейский полуостров стал ареной форсированной колониальной индустриализации военизированного типа. Не имея ничего общего с так называемой «цивилизаторской миссией», милитаристски ориентированная экономическая стратегия Токио основывалась на ускоренном переносе в колонию наиболее трудоемких и экологически вредных производств: металлургического, химического, горнорудных разработок и т. п., хищнической разработке природных ресурсов, наконец, на предельных масштабах эксплуатации местной рабочей силы. Колониальный промышленный переворот, приобщивший Корею к индустриальной цивилизации японского и мирового капитализма, обошелся ей довольно дорого.

После установления японского протектората Корея становится основной кладовой, из которой метрополия извлекала за бесценок все возрастающую массу минерально-сырьевых ресурсов.

О том, какое место колониальная Корея играла в обеспечении метрополии уникальными видами стратегического сырья, убедительно говорят следующие данные. В военном 1943 г. в общей добыче минеральных ресурсов японской империи на долю Корейского полуострова приходилось около 100 % графита, 100 % слюды, 100 % магнезита, 88 % вольфрама, 85 % молибдена, 95 % плавикового шпата, 70 % бария, 68 % свинца и т. п. Ключевые позиции в колониальной индустриализации Кореи занимали японские монополистические корпорации – дзайбачу («Мицуи», «Мори», «Ничидзу», «Сумимото» и др.). По данным 1944 г., на их долю приходилось 74 % капитальных вложений, причем 70–80 % этих инвестиций шли в военно-ориентированные отрасли хозяйства. Львиная доля продукции тяжелой промышленности вывозилась в Японию на нужды военного производства (по данным 1944 г., 89,4 % металлических болванок, произведенных в Корее, были направлены на военные заводы в Японию).

Одной из деструктивных черт колониальной индустриализации являлось искусственное сдерживание развития машиностроения, на которое в 1943 г. приходилось лишь 6 % валовой промышленной продукции страны. Все базовые отрасли народного хозяйства Кореи, включая металлургию, энергетику, химию, строительство и др., были полностью зависимы от поставок оборудования из метрополии. «Это означало, что корейские предприниматели были лишены возможности совершенствовать свой технологический потенциал, особенно в сфере машиностроительного производства», – отмечает южнокорейский ученый Кан Ман Гил.

С помощью финансовых и административных рычагов японский акционерный капитал установил абсолютное господство в промышленности закабаленной Кореи. Нижеследующая таблица раскрывает соотношение корейского и японского акционерных капиталов в основных отраслях народного хозяйства (по данным 1944 г.).

№ п/п	Отрасли	Корейские компании	Японские компании	Всего
1	Металлургия	3	30	33
2	Машиностроение	3	30	33
3	Химическая	1	36	37
4	Энергетическая	—	7	7
5	Текстильная	2	18	20
6	Продовольственная	3	32	35
7	Строительство	4	13	17
8	Другие	0	11	11

Таким образом, общее число японских акционерных компаний в металлургической и машиностроительной отраслях превышало число корейских компаний в 10 раз, в текстильной – в 6, продовольственной – в 10,5, строительстве – в 4 раза. Японский колониальный капитал абсолютно преобладал над капиталом корейских компаний и по размерам акционерного капитала, а стало быть, по удельному весу и масштабам извлечения прибавочной стоимости, что служило процветанию метрополии.

Поставив под свой контроль природные ресурсы Кореи, колонизаторы значительно ускорили на ее территории развитие добывающей промышленности, энергетики, транспорта, средств связи и т. п. Форсированная разработка месторождений золота в Корее позволила метрополии реорганизовать свою валютно-финансовую систему и перейти к единой системе золотого стандарта в масштабах всей империи. Японское генерал-губернаторство захватило железные дороги, морские гавани и порты, телеграфные линии, огромные лесные массивы, а также монопольные права на торговлю женьшенем, солью, табаком, опиумом. Еще в 1909 г. японцы учредили в Сеуле Корейский центральный банк (Хангук ынхэн), во главе которого находились финансовые магнаты метрополии. Его задача состояла в том, чтобы огромные и все растущие расходы на содержание колониального чиновничества, переложить военные приготовления полностью на плечи самих корейцев и усилить систему финансовой монополии.

После полной аннексии в Корее резко меняется соотношение между колониальным и национальным капиталом. Тому в немалой степени содействовали дискриминационные декреты японского генерал-губернаторства. Так, по закону о горном деле (1915), запрещалась выдача лицензий на предпринимательскую деятельность любому иностранному капиталу, кроме японского, что позволило последнему монопольно завладеть горнорудными предприятиями, находившимися ранее в ведении властей Кореи. Одновременно с дискриминационными ограничениями для корейского предпринимательства устанавливались крупные льготы для японского капитала. Кроме прочего, был снят налог на добычу золота, серебра, железа, меди на вновь создаваемых рудниках, принадлежавших японцам; отменены пошлины на импорт оборудования для горнорудных предприятий японского капитала. Последним предоставлялись также особо льготные условия приобретения земли в зоне их предпринимательской деятельности. Колониальной администрацией был составлен длинный перечень ключевых должностей, на которые было запрещено назначать корейцев. Зарплата последних, как правило, была в два раза ниже зарплаты японских специалистов той же категории. Японский империализм насаждал в Корее деспотическую систему иноземного порабощения, которая была значительно жестче, чем колониальные структуры других мировых имперских держав того времени (Великобритания, Франция, США и др.).

О том, какими темпами в народном хозяйстве Кореи разворачивалась экономическая экспансия японского монополистического капитала, свидетельствуют следующие данные по горнодобывающей

промышленности Кореи в период с 1909 по 1918 г. Удельный вес корейского капитала в продукции горнодобывающей промышленности в 1909 г. составил 325 тыс. вон, а японского – более 1,2 млн вон. К 1914 г. это соотношение составило соответственно 313 тыс. и 1,7 млн вон, в 1918 г. – 299 тыс. и 24,6 млн вон. К 1918 г. валовая горнорудная продукция предприятий японского капитала превышала продукцию предприятий национального капитала примерно в 8 раз.

Капитал метрополии контролировал и многие другие так называемые нестратегические отрасли хозяйства колонии. Соотношение между корейским национальным и японским колониальным капиталами в 1917 г. составило соответственно: в обработке хлопка – 236 тыс. и 6,8 млн иен; в кожевенном производстве – 52 тыс. и 1,9 млн иен; лесозаготовке – 33 тыс. и 544 тыс. иен; мукомольном и рисоочистительном производстве – 546 тыс. и 3,6 млн иен; табачной промышленности – 211 тыс. и 6,1 млн иен; виноделии – 101 тыс. и 1,9 млн иен; в выработке электроэнергии и газоснабжении – 384 тыс. и 4,4 млн иен. В целом же на долю национального корейского капитала приходилось 1,8 млн иен, японского – 33,6 млн иен и смешанного (японо-корейского) – 409 тыс. иен.

При опоре на искусственно созданный военно-индустриальный потенциал Корейского полуострова в Токио рассчитывали установить свое владычество над обширным пространством Евразии в тесном блоке с фашистскими державами «оси». В секретном меморандуме экс-премьера Японии генерала Танаки от 25 января 1927 г. говорилось: «Нам нужно осуществить продвижение до озера Байкал. Что касается дальнейшего наступления на Запад, то это должно быть решено в зависимости от обстановки, которая сложится к тому времени. Япония должна будет включить оккупированный Дальневосточный край полностью в состав своих владений <...> Япония должна завоевать мир, а для этого она должна завоевать Европу и Азию, и в первую очередь Китай и СССР».[\[4\]](#)

Подготовка к войне в Евразии стала сильным стимулом для создания в Корее японским крупным капиталом целого комплекса предприятий первого подразделения (тяжелая промышленность). В их число вошли: металлургический комбинат в городе Чхонджин, завод азотных удобрений и пороха в городе Хыннаме, химический комбинат в городе Пхеньяне, завод жидкого топлива в Вонсане, Супхунская ГЭС на реке Амноккан, новые железнодорожные линии, цементные заводы, автосборочные и авиасборочные предприятия, шахты и рудники по добыче железной руды, цветных и драгоценных металлов, стратегические дороги, средства связи, судостроительные верфи.

Только за период с 1937 по 1944 г. добыча магнетита в Корее выросла в 4,3 раза, вольфрама – в 5,5 раз, молибдена – в 9 раз, железной руды – в 16 раз. Общее число промышленных предприятий в колонии с 1939 по 1945 г. возросло с 6952 до 14856, т.е. более чем в 2 раза. Вместе с тем колониально-индустриальный комплекс Кореи носил глубоко деформированный характер с незавершенным циклом воспроизводства, чрезвычайно низким удельным весом машиностроения, которое производило лишь 2,5 % промышленной продукции колонии.

Однако условия жизни производительного населения не улучшались адекватно форсированным масштабам колониальной индустриализации и урбанизации. Каторжный труд и мизерная оплата наряду с поголовным обнищанием сельской бедноты становятся причиной все возрастающего исхода беднейшего населения в соседние Китай, Россию, а также в США и Японию. Накануне Второй мировой войны общее число корейцев, переселившихся в Маньчжурию, составило 1 млн, а на российский Дальний Восток – около 200 тыс. человек. На начальном этапе корейской эмиграции (в дореволюционную Россию) в ней абсолютно преобладали трудовые слои: крестьяне – 80 %, рабочие – 5 %, интеллигенция – 5 %, городская мелкая буржуазия – 10 %. Однако в последующем в эмиграции оказалось немало выходцев из верхних янбанско-буржуазных семей, участников антиколониального сопротивления.

Невероятные лишения и страдания испытали на себе корейцы, эмигрировавшие в США. Первые

поколения корейских эмигрантов на Гавайских островах испытали на себе всю тяжесть подневольного, полурабского труда. А в Японии официальные идеологи нередко представляли корейскую диаспору как сборище людей с низким интеллектом, к тому же еще и «грубых, грязных, ленивых», которым надо платить не более 50 % зарплаты самих японцев за тот же труд. Преодолевая неравноправие, дискриминацию, другие формы угнетения, зарубежные корейские диаспоры постепенно становились своего рода внешним катализатором активизации освободительного и патриотического движения, выдвинув из своей среды видных национальных лидеров.

Превращение Кореи из крайне неразвитой аграрной страны в аграрно-индустриальную в годы японского владычества – *уникальное явление в истории мирового колониализма*. Но этот феномен не дает оснований говорить о какой-либо причастности метрополии к общественному прогрессу на полуострове. *Во-первых, без колониальных цепей, т. е. в границах самостоятельного государственного развития, корейцы, безусловно, могли достичь более значительного прогресса, а во-вторых, методы и орудия японской «цивилизаторской» оккупации и эксплуатации оказались более бесчеловечными и изощренными, чем в любой другой колонии того времени.*

§ 4. Антияпонское национально-патриотическое сопротивление

Вскоре после установления в Корее в 1905 г. японского протектората корейское правительство и король Коджон не только потеряли самостоятельность в проведении внешней политики страны, но и не могли без ведома японских властей осуществлять внутреннюю политику. Как уже отмечалось, в 1910 г. Корея формально потеряла свою государственность, став одной из провинций Японской империи. Вся полнота власти перешла к генерал-губернатору, назначавшемуся императором Японии из числа влиятельных представителей военных кругов. Аппарат генерал-губернаторства постоянно расширялся и в конце 1920-х гг. составлял более 40 тыс. чиновников. Власть японских колонизаторов опиралась на значительные силы полиции, жандармерии и армии, а также на широкую сеть доносчиков. В Корее было создано 250 полицейских управлений, 2320 полицейских участков, более 300 различных контрольных постов.

Японские колониальные власти безжалостно подавляли стремление корейцев добиться освобождения страны. Японская пропагандистская машина была поставлена на службу интенсивной индокринации[5] населения Кореи в духе «полезности и важности слияния Кореи с Японией».

Особую активность проявляла созданная и финансируемая японцами организация «Ильчинхве» («Единое прогрессивное общество»), которая пропагандировала «добрые намерения» Японии в Корее, насаждала антироссийские настроения.

Установление японского колониального режима в Корее вызвало естественное сопротивление корейского народа, который мужественно боролся с японским засильем. Эта борьба осуществлялась в различных формах и различными методами: организация убийства высших японских чиновников и предателей корейского народа, служивших колониальным властям; партизанское движение населения различной политической и идеологической направленности; борьба Армии справедливости (Ыйбён), а также культурно-просветительское движение. Самым известным террористическим актом стало убийство в октябре 1909 г. на вокзале в Харбине бывшего японского генерального резидента в Корее Ито Хиробуми, который «организовал» подписание в 1905 г. договора о протекторате, собрав в королевском дворце в Сеуле прояпонски настроенных корейских министров. При этом печати короля и МИД Кореи были похищены японскими чиновниками и поставлены ими на упомянутый договор. Ито Хиробуми был убит корейским патриотом Ан Чжун Гыном, одним из участников партизанского движения. Еще ранее, в марте 1908 г., в Окленде (США) был застрелен Д. В. Стивенс, советник корейского императора по внешней политике, который был назначен японцами. Стивенс был известен своими публичными заявлениями о «полезности» японского протектората над Кореей.

В декабре 1909 г. в Сеуле был тяжело ранен глава корейского правительства Ли Ван Ён, который в августе 1910 г. подписал Договор о влиянии, положивший конец независимости корейского государства. Ранее Ли Ван Ён входил в «китайскую», «американскую», а затем в так называемую «русскую партию», выступавшую за то, чтобы Корея ориентировалась на Россию и тем самым сохранила бы свою самостоятельность.

Партизанское движение Армии справедливости возникло в годы Имджинской войны (1592–1598), когда бойцы Ыйбён вели вооруженную борьбу против японских захватчиков. Движение Ыйбён сыграло заметную роль в победе над японскими агрессорами в той войне.

После подписания в 1905 г. договора о протекторате в Корее появились первые партизанские отряды

Армии справедливости, которые развернули вооруженную борьбу против японских войск, оккупировавших Корею. Надо признать, что в этот период партизаны не добились ощутимых побед. Тем не менее, вооруженное сопротивление японцам нарастало. Подъем антияпонского вооруженного движения начался после смещения с трона в 1907 г. императора Коджона и роспуска по указу нового императора Сунчжона корейской армии. Многие солдаты и офицеры бывшей корейской армии влились в партизанские отряды Ыйбён и мужественно сражались против регулярной японской армии.

Наиболее известными командирами партизанской армии были Ли Ин Ён, профессиональный военный, и Хо Ви, высокопоставленный чиновник при дворе императора Коджона.

В январе 1908 г. войска Армии справедливости во главе с Ли Ин Ёном и Хо Ви двинулись на Сеул, однако были разбиты японцами. Причина поражения была не только в слабом техническом оснащении партизанской армии, но и в поведении командования. Во время наступления на Сеул у Ли Ин Ёна умер отец. Согласно конфуцианским традициям, он должен был соблюдать траур, т. е. отказаться от всякой деятельности. Ли Ин Ён передал командование армией Хо Ви и уехал на родину на похороны отца и для дальнейшего соблюдения траура.

До 1911 г. в Корее продолжалась вооруженная партизанская борьба против японского порабощения. Пик этой борьбы приходился на 1908 г., когда в рядах Ыйбён сражалось более 70 тыс. бойцов. Однако в результате широкомасштабных карательных акций японской регулярной армии численность Ыйбён быстро сокращалась: в 1909 г. – до 25 тыс., в 1910 г. – до 2 тыс., в 1911 г. – до 200 человек. Японские войска, хорошо оснащенные и дисциплинированные, жестоко расправлялись с плохо организованными и слабо вооруженными отрядами корейских партизан.

Японские карательные операции проводились не только против бойцов Армии справедливости, но и против гражданского населения, крестьян, поддерживавших партизан. Японцы совершали массовые казни тех, кто сочувствовал отрядам Ыйбён. В 1907–1910 гг. было убито и ранено более 50 тыс. корейцев. К началу 1911 г. ядро Армии справедливости было разгромлено, ее остатки ушли на территорию Китая и России, где уже действовали их боевые товарищи. В России бывшие партизаны создали Армию независимости под командованием Хон Бом До, которая продолжала борьбу против японских колонизаторов.

Установление «сабельного режима» в Корее означало, что вся полнота власти переходила в руки генерал-губернатора, все карательные органы – суд, полиция, армия – подчинялись только ему и использовались только по его распоряжению. Первое десятилетие после формального «слияния» с Японией было отмечено постепенным осознанием корейцами необходимости сохранения идентичности корейской нации, повышением уровня национального сознания. В Корее продолжали нарастать антияпонские, антиколониальные настроения. Создавались подпольные патриотические организации. Наиболее активно проявила себя организация Синминхве (Новое народное общество), которая последовательно выступала за восстановление независимости Кореи, развитие национальной экономики, просвещение народных масс. Японские колониальные власти в 1912 г. разгромили общество, многие его члены были арестованы.

Заметную роль в организации патриотического движения в Корее играли также религиозные организации – протестантская церковь и корейская церковь Чхондогё (Учение небесного пути), которая призывала любить всех людей. Религиозные организации действовали в Корее легально. Это предоставляло им определенные возможности для патриотической деятельности среди корейского населения.

Антияпонские организации создавались также за пределами Кореи – в России, Китае, США, Японии – проживавшими там корейцами.

Большое влияние на активизацию антиколониальной борьбы корейского народа оказали крупные международные события, в частности, Октябрьская революция в России в 1917 году. Рост революционных настроений во всем мире не обошел и Корею. Борцы за независимость стали создавать новые патриотические организации. В Корее было позитивно воспринято провозглашенное в 1918 г. президентом США Вудро Вильсоном право народов на самоопределение и независимость.

В начале 1919 г. в Корее обозначилась активизация антияпонской борьбы. Обучавшиеся в Японии корейские студенты в феврале 1919 г. приняли Декларацию независимости, в которой содержались требования о предоставлении Корее независимости, созыве Корейского национального собрания, принятии Парижской мирной конференцией решения предоставить Корее право на самоопределение. В случае невыполнения этих требований, указывалось в Декларации, корейский народ поднимется на борьбу за освобождение. Японская полиция разогнала студенческое собрание, арестовав более 60 человек. Об этом инциденте стало известно всей Корее. В Сеуле создается «Штаб движения за независимость Кореи», в который вошли представители Чхондогё и других религиозных организаций. Было принято решение начать подготовку к массовым выступлениям за восстановление независимости корейского государства и провести 1 марта 1919 г. в Сеуле в Парке пагоды митинг с тем, чтобы обнародовать Декларацию независимости. Митинг специально приурочили к похоронам бывшего корейского императора Коджона. Текст декларации сочинил Цой Нам Сон, впоследствии ставший известным корейским писателем и историком. В ресторане «Тэваган» подписавшие Декларацию представители различных слоев корейского общества были арестованы японскими полицейскими. Однако в Парке пагоды на многотысячном митинге Декларация независимости Кореи была зачитана. В ней содержался призыв к Японии предоставить Корее право на самостоятельное развитие, отказаться от насилия в отношении Кореи, проводить политику дружбы и миролюбия.

Сеульский митинг вызвал подъем антияпонской борьбы корейцев. Массовые выступления с требованием предоставления независимости прошли по всей Корее. Первоначально эти выступления носили миролюбивый характер, однако затем начались жесткое противостояние и столкновения с полицией. Корейцы взяли за оружие, стали громить полицейские участки. Всего в Первоапрельском движении приняло участие более двух миллионов корейцев.

Японская колониальная армия жестоко расправилась с борцами за освобождение Кореи. Было убито более 7,5 тыс. человек, ранено 16 тыс. человек. Свыше 50 тыс. корейцев было брошено в тюрьмы. Японские жандармы уничтожили около 50 церквей, более 700 домов, где проживали участники первоапрельского движения.

Вооруженная борьба корейского народа после Первоапрельского движения 1919 г. продолжалась с территории Маньчжурии. Корейские партизанские отряды совершали набеги на японские гарнизоны, заставы в бассейнах рек Амноккан и Туманган, проникали в глубь корейской территории, нанося урон японским колонизаторам. Среди корейских партизанских отрядов наиболее известной была Армия независимости, которой командовал Хон Бом До. В боях у селения Понодон в 1920 г. подразделения Армии независимости разгромили японский гарнизон: было убито более 150 и ранено около 300 японцев. В октябре 1920 г. корейские партизаны провели несколько операций в приграничном с Кореей районе Чхонсанни, уничтожив более двух тысяч японских солдат и офицеров.

Антияпонское Первоапрельское движение получило широкую поддержку корейских диаспор за рубежом. В России, в Китае корейцы принимали свои декларации независимости, требовали прекращения японского господства над Кореей.

Говоря о значении Первоапрельского движения, следует особо подчеркнуть его влияние на осознание различными слоями корейского общества необходимости усиления борьбы за восстановление

независимости корейского государства, освобождение народа от японского колониального гнета.

Первомартовские события в Корее 1919 г. серьезно напугали японские колониальные власти, которые пришли к выводу о необходимости несколько «смягчить» свою политику в отношении корейцев. Вместо военного управления было объявлено о начале так называемого «культурного управления». Генерал-губернатор Хасегава был снят со своего поста и заменен гражданским губернатором. При губернаторе и местных начальниках стали действовать совещательные органы, состоявшие из корейцев, в основном прояпонски настроенных. Японские власти разрешили издание некоторых корейских газет, провозгласили уважение традиций и культуры корейского народа. Однако эти меры носили декларативный характер и не привели к существенному улучшению обстановки в Корее.

В 1920–1930 гг. корейская патриотическая интеллигенция начала кампанию, направленную на возрождение национального сознания народа. Ей удалось добиться от колониальных властей разрешения открывать частные учебные заведения. В 1922 г. было создано «Общество за учреждение корейских народных высших учебных заведений», которое возглавил один из лидеров «Общества независимости» Ли Сан Чжэ. В Корее открывались также частные вечерние школы.

Издание корейских газет, таких как «Чосон ильбо» и «Тона ильбо», позволило расширить пропаганду демократических идеалов, принципов свободы и независимости. В этих газетах публиковались статьи известных борцов за независимость Кореи – Ким Гу, Чо Ман Сика, а также другие материалы, способствовавшие повышению образовательного уровня простых корейцев.

Религиозные организации также внесли свой вклад в движение за восстановление независимости Кореи. Самой популярной среди них была религия Чондогё, представители которой входили в состав основных организаторов Первомартовского движения 1919 года. В 1930-е гг. в Корее насчитывалось около 800 тыс. последователей этой религии.

Большой популярностью у корейского населения пользовалось христианство. Последователи этой религии, а их насчитывалось в Корее более полумиллиона, проводили патриотическую работу среди населения.

Наиболее активными сторонниками движения за независимость Кореи являлась молодежь – студенты и школьники. И хотя число студентов в Корее было небольшим (в 1930-е гг. – 20 тыс. человек), они играли важную роль в борьбе против колониального гнета, за достижение независимости страны. В день похорон последнего корейского императора Сунчжона 10 июня 1926 г. студенты единственного в Корее Сеульского университета провели акцию протеста. Эта акция, однако, не получила широкой поддержки.

Крупным массовым выступлением корейской молодежи и студентов стала антияпонская демонстрация в ноябре 1929 г. Поводом для протеста послужили столкновения между корейскими и японскими школьниками в г. Кванджу. Выступления молодежи перекинулись в другие районы Кореи и продолжались вплоть до начала 1930-х гг. В протестных акциях принимали участие более 50 тыс. учащихся из почти 200 учебных заведений. Полиция жестоко расправилась с молодежью, требовавшей свободы слова, печати, передачи образования в руки корейцев. Японская полиция подвергла жестоким репрессиям корейских студентов. Было арестовано около 1500 человек, 600 учащихся были исключены из школ.

Под влиянием Октябрьской революции в России в 1920-е гг. в Корее и за ее пределами стали создаваться подпольные организации социалистической ориентации. Наибольшую активность в создании социалистических групп проявили корейцы, проживавшие в России и Китае. В апреле 1918 г. во Владивостоке была образована Социалистическая партия, одним из лидеров которой стал будущий глава Временного правительства Кореи в Шанхае Ли Дон Хви. В мае 1921 г. в Иркутске была создана Корейская

коммунистическая партия. Тогда же Ли Дон Хви создал Корейскую компартию в Шанхае. Две эти компартии – «иркутская» и «шанхайская» – развернули борьбу за лидерство. Коминтерн, с которым обе партии поддерживали связи, в декабре 1922 г. принял решение об их расформировании и о создании Корейского бюро, в задачу которого входило формирование на территории Кореи партии коммунистов.

В самой Корее в этот период также создавались коммунистические и социалистические организации – «Общество изучения новых идей» («Общество вторника»), «Общество северного ветра». В апреле 1925 г. эти организации объединились и объявили о создании Компартии Кореи. Ее председателем был избран Ким Джэ Бон. Компартия поставила задачу добиваться независимости Кореи, социально-политических прав и свобод для людей (восьмичасовой рабочий день, равноправие мужчин и женщин, введение обязательного среднего и специального образования), оказывать всемерную поддержку Советскому Союзу и революции в Китае. Было также объявлено о создании Коммунистического союза молодежи Кореи, в состав руководства которого вошел будущий лидер Компартии Кореи Пак Хон Ён.

Коммунистическая партия Кореи просуществовала всего три года. Острая фракционная борьба, жестокие репрессии со стороны японской охраны, аресты коммунистов привели в конечном итоге к разгрому партии. В 1928 г. Коминтерн принял решение распустить Коммунистическую партию Кореи.

В феврале 1927 г. представители интеллигенции социалистической ориентации, религиозных кругов, объединений рабочих и крестьян объявили о создании организации единого фронта – Синганхве (Общество обновления), во главе которого встали один из лидеров действовавшего в конце XIX в. «Общества независимости» и главный редактор газеты «Чосон ильбо» Ли Сан Чжэ. Программа Общества обновления носила достаточно радикальный характер – отмена японских законов, передача образования в руки корейцев, повсеместное изучение корейского языка и др. Общество стало массовой политической организацией. По всей Корее были созданы его отделения (более 140). В 1931 г. в Синганхве насчитывалось около 40 тыс. членов, в основном рабочих и крестьян. Эта организация в начале 1930-х гг. стала заметной политической силой в борьбе за восстановление независимости Кореи. Наличие в Обществе обновления разнородных по своим идеологическим воззрениям группировок (от левых до буржуазно-либеральных), а также обрушившиеся репрессии японских властей стали причиной роспуска и прекращения его деятельности.

Важную роль в антияпонском патриотическом движении Кореи сыграли выступления рабочих и крестьян. В 1920–1930-е гг. создавались легальные организации: «Корейское общество рабочей взаимопомощи», «Рабочий союз Кореи», «Рабоче-крестьянская федерация Кореи», «Всеобщая федерация корейских крестьян» и др. Эти организации вели просветительскую работу среди пролетариата и крестьянства, мобилизуя их на борьбу за свои политические и экономические права.

В 1920–1930-е гг. в Корее заметно увеличилось количество рабочих забастовок. Если в 1921 г. их было всего 36 с участием около 3,5 тыс. человек, то в 1923 г. число участников забастовочного движения составило около 20 тыс. Наиболее крупное выступление рабочих состоялось в январе – апреле 1929 г. в Вонсане. Забастовка вспыхнула на американском нефтеперегонном заводе в знак протеста против избиения корейского рабочего японским солдатом. Заводской профсоюз потребовал наказать японского военнотружущего, улучшить обращение администрации с рабочими, установить минимум заработной платы. Заводское руководство обещало эти требования выполнить, но не сделало этого. В ответ профсоюз объявил забастовку, в которой участвовало более двух тысяч рабочих. Забастовка постепенно принимала антияпонский характер.

Губернатор Кореи отдал приказ немедленно подавить выступление. Вонсан был окружен полицейскими и отрезан от других городов Кореи. Наиболее активные участники забастовки и руководители профсоюзов были арестованы. Забастовка была подавлена.

Крестьянское движение в Корее в 1920–1930-е гг. выдвигало в основном требования экономического характера, например, требование снижения арендной платы. Крестьянские выступления становились все более массовыми. Если в 1920 г. было всего 80 акций протеста, в которых участвовало около 4,5 тыс. крестьян, то в 1935 г., соответственно, 170 и более 12 тыс. участников.

Партизанское движение в Корее в этот период было очень разрозненным. Оно, как и все другие корейские антиколониальные силы, находилось под влиянием различных идеологических течений. Наиболее известными корейскими партизанскими объединениями в 1920–1930-е гг. были Армия независимости Кореи, Отдел управления Армией северных дорог, Армия народного собрания и Корейская революционная армия. Базы этих партизанских отрядов находились на территории Китая.

На российском Дальнем Востоке также имелись базы корейских партизан. Однако после так называемого «амурского инцидента» 1921 г. (подавление частями Красной Армии выступления корейских вооруженных формирований, требовавших отправить их в Корею для борьбы против японских колонизаторов) правительство Дальневосточной республики выступило против использования корейскими вооруженными отрядами территории Дальнего Востока в качестве плацдарма для партизанских действий в Корее.

Корейские партизанские отряды активно действовали в северо-восточных районах Китая, где проживало более одного миллиона корейцев, нападая на японские гарнизоны, расположенные как на китайской, так и на корейской территориях. Японцы стремились внести раскол в национально-освободительную борьбу Китая и Кореи, посеять рознь между китайским и корейским народами.

В 1931 г. японская военщина спровоцировала в Маньчжурии два крупных инцидента. В июне 1931 г. в Ваньбаошане японская разведка организовала столкновения между корейскими поселенцами (японскими подданными) и китайцами, что привело к массовым погромам китайцев, проживавших в Корее.

Еще одним провокационным актом со стороны японских властей стал подрыв железнодорожного полотна в районе Мукдена в сентябре 1931 г., ответственность за который японцы возложили на китайских военнослужащих.

Эти так называемые Маньчжурские инциденты послужили предлогом для вторжения японских войск в Маньчжурию, где было создано марионеточное государство Маньчжоу-го, которое использовалось японцами в борьбе против национально-освободительного движения в Китае и Корее.

Корейские националистические организации и вооруженные формирования, находившиеся в приграничных районах Маньчжурии, в 1920–1930-е гг., создавали так называемые «народные правительства» на контролируемых ими территориях (в районе р. Амноккан, г. Цилиня и др.) – Объединенное справедливое правительство, Главное справедливое правительство, Новое народное правительство и др. Однако фракционность, борьба за власть не позволили объединить все эти «правительства», что, естественно, негативно отразилось на борьбе за независимость Кореи.

К 1936 г. активные действия корейских партизан против японских колонизаторов в Маньчжурии прекратились, ее территория была полностью оккупирована Японией.

В конце 1930-х гг. антияпонское движение в Корее пошло на спад. Вступление Японии в войну с Китаем, затем во Вторую мировую войну сопровождалось усилением репрессий против корейского народа. Японские колониальные власти развернули широкие репрессии против тех, кто выступал за независимость Кореи. Более чем 60-тысячный полицейский корпус участвовал в подавлении стремления корейцев к освобождению от японского колониального господства.

Говоря об антияпонской борьбе корейцев, нельзя не отметить деятельность временных правительств Кореи (ВПК), образованных до и после Первомартовского движения. Таких правительств было три: во

Владивостоке, Шанхае и Сеуле.

В феврале 1919 г. во Владивостоке был сформирован Парламент народа Великой Кореи, который объявил, что новая независимая Корея будет республикой, президентом которой станет Сон Бен Хи, один из лидеров религиозной организации Чхондогё, премьер-министром – проживавший в США Ли Сын Ман, главнокомандующим вооруженными силами – основатель социалистической партии Ли Дон Хви. Однако практических шагов в целях достижения независимости Кореи со стороны корейского парламента во Владивостоке предпринято не было.

В апреле 1919 г. представители всех провинций Кореи (около 30 чел.) собрались в Шанхае и объявили об образовании Временного парламента, приняли Временную конституцию Кореи и сформировали Временное правительство, главой которого стал Ли Дон Нён, премьер-министром – Ли Сын Ман, министром обороны – Ли Дон Хви. Во всех провинциях Кореи были созданы подпольные представительства ВПК, в задачу которых входила организация борьбы за независимость Кореи.

В августе 1919 г. Временное правительство в Шанхае объявило о самороспуске с целью формирования нового объединенного кабинета. В состав нового правительства в качестве ключевых фигур вошли: Ли Сын Ман, президент; Ли Дон Хви, премьер-министр и военный министр; Ли Дон Нён, министр внутренних дел, и др. Существование нескольких антиколониальных группировок привело к острым политическим разногласиям между их лидерами по поводу методов достижения независимости Кореи, финансовым и другим проблемам. Ли Сын Ман, в течение многих лет проживавший в США, ориентировался на эту страну. Он обратился к президенту В. Вильсону с письмом, в котором предложил ввести мандатное управление Кореей со стороны Соединенных Штатов. Этот политический шаг Ли Сын Мана вызвал новые острые разногласия среди членов ВПК. В 1925 г. Ли Сын Ман был снят с должности президента, сама эта должность была упразднена и сформирован Государственный совет. Госсовет возглавил Ким Гу (1876–1949), который в 1930 г. создал Партию независимости Кореи. С этого времени роль Временного правительства Кореи заметно ослабла, прекратила выходить «Газета независимости». Популярность ВПК в самой Корее в условиях жестокой колониальной цензуры была ограниченной.

В 1930-е гг. начал свою партизанскую деятельность будущий руководитель КНДР Ким Ир Сен. Он был командиром небольшого партизанского отряда, действовавшего в районе корейско-китайской границы. Самой известной боевой операцией, которую провели партизаны (около 200 чел.) под командованием Ким Ир Сена, стала атака в июне 1937 г. в районе пограничного городка Почхонбо, в результате которой был уничтожен жандармский пост и несколько японских объектов. Этот эпизод нашел свое освещение в печати ряда стран. Японские колониальные власти считали Ким Ир Сена опасным партизанским руководителем.

В феврале и мае 1936 г. состоялось два совещания в Ляоангоу и Дунгуане (Китай) представителей корейских партизанских отрядов с целью создания единого антияпонского национального фронта. В результате напряженных дискуссий по инициативе Ким Ир Сена была создана Лига возрождения родины (Чогук кванбокхве), принята программа из 10 пунктов, устав и учредительная декларация. Руководителем Лиги стал Ким Ир Сен.

Программа предусматривала свержение японского колониального господства, образование корейского правительства, создание национальных вооруженных сил.

В экономическом разделе программы содержались такие положения, как конфискация всей собственности, принадлежавшей японцам и национальным предателям, ликвидация установленных колониальными властями повинностей, налогов, развитие национальной экономики.

Специальный раздел программы был посвящен решению злободневных социальных задач: установлению 8-часового рабочего дня, улучшению условий труда, повышению заработной платы,

оказанию помощи безработным и т. д.

Программа предусматривала установление в стране политических свобод: слова, печати, совести, собраний, организаций; искоренение колониальной и феодальной идеологии, освобождение политических заключенных, ликвидацию неравноправия, введение охраны материнства. В целом программа носила ярко выраженный демократический характер.

В конце 1930-х гг. японская колониальная армия усилила военные действия против корейских партизан в Маньчжурии. Партизанские отряды несли серьезные потери в столкновениях с японцами. Карательные операции против отряда Ким Ир Сена стали весьма опасными. В декабре 1940 г. Ким Ир Сен с небольшой группой партизан перешел реку Амур и оказался на территории СССР.

Вступление Японии в войну с Китаем в июле 1937 г., а затем и во Вторую мировую войну в декабре 1941 г. сопровождалось усилением экономической экспансии в Корею, ужесточением репрессий против корейского народа, подавлением стремления к независимости. Японская агрессия против государств Азии поглощала значительные ресурсы, которые в основном поступали из Кореи. Причем большая часть природных ресурсов была сосредоточена в Северной Корее, где быстрыми темпами сооружались химические предприятия, машиностроительные заводы, электростанции. Весь промышленный потенциал Кореи работал на японскую военную машину.

На военные нужды Японии было ориентировано и сельскохозяйственное производство Кореи. В ведении японских колонизаторов находилось 40 % земельного фонда Кореи. Производимая в Корее сельскохозяйственная продукция (более 70 %) вывозилась в Японию. Колониальные власти в принудительном порядке изымали у корейских крестьян продовольствие и направляли его на нужды японской армии.

Развязывание Японией войны против азиатских стран сопровождалось введением еще более жестких репрессивных мер в Корее, призванных обеспечить внутреннюю стабильность в колонии. В 1941 г. был издан указ о поддержании общественного спокойствия, в 1942 г. введены военное обучение корейцев и всеобщая воинская повинность для них. Более одного миллиона корейцев были направлены на тяжелые работы в Японию, на угольные шахты Южного Сахалина.

В Корее осуществлялась насильственная ассимиляция. Корейцам запрещалось говорить на родном языке в официальных ведомствах. Еще в 1938 г. было прекращено преподавание корейского языка в школах. За использование родного языка в школах вводилась система суровых наказаний – денежный штраф, удары палкой по рукам и т. п. Корейские учащиеся, говорившие на японском языке, всячески поощрялись, им бесплатно выдавались школьные принадлежности (тетради, карандаши и пр.).

С 1940 г. в Корее началась кампания по насильственной замене корейских имен на японские. Как сообщали официальные японские власти, до 80 % корейцев поменяли свои имена и фамилии. Фактически же японские имена употреблялись лишь в официальных документах, в повседневной жизни корейцы продолжали использовать свои национальные имена и фамилии.

В годы Второй мировой войны японские власти организовали так называемые «подразделения нестигаемых», в которые насильственно включались, в основном, корейские девушки и женщины от 12 до 40 лет. Они направлялись в японскую армию и использовались в качестве «женщин-успокоительниц» (по-корейски – вианбу). Всего около 200 тыс. корейских сексуальных рабынь прошли через эти «подразделения».

Следует признать, что японская политика «интеграции» имела немало сторонников среди корейцев, которым удалось в годы колониального господства сколотить состояние, разбогатеть. По инициативе этих людей в Корее создавались различные организации, «патриотические общества» с целью воспитания

корейцев, мобилизации их сил во имя процветания «великой Японской империи». Среди таких людей оказались Юн Чи Хо, один из лидеров Общества независимости Кореи и автор Декларации независимости, Цой Нам Сон, некоторые другие видные представители корейской интеллигенции.

В начале 1940-х гг. Временное правительство Кореи в Шанхае (ВПК) несколько активизировало свою деятельность. Под его эгидой была сформирована Армия возрождения. В декабре 1941 г. Временное правительство объявило войну Японии. В 1942 г. ВПК обратилось к Китаю, США, Англии и СССР с призывом признать его в качестве законного представителя корейского народа. Однако только правительство Чан Кайши признало ВПК.

Армия возрождения, сформированная под эгидой Временного правительства, была малочисленной (всего 5 тыс. чел.), не проявила себя достаточно активно в борьбе за независимость Кореи. Ее бойцы принимали участие в отдельных операциях против японских войск совместно с китайскими и американскими вооруженными силами.

Борьба корейского народа против японского колониального господства была длительной и тяжелой. Она унесла жизни десятков тысяч корейских патриотов. Однако *свободу и независимость Кореи принесла не Армия возрождения, не партизанские отряды и не американские войска, а Красная армия, разгромившая в августе 1945 г. мощную Квантунскую группировку японских вооруженных сил и освободившая корейский народ от 40-летнего колониального ига.*

Глава II

Разгром милитаристской Японии и послевоенное устройство Кореи

§ 1. Как в Корее был разгромлен японский милитаризм

После разгрома и капитуляции фашистской Германии Советский Союз в соответствии с Ялтинскими (февраль 1945 г.) и Потсдамскими (июль—август 1945 г.) договоренностями начал подготовку к вступлению в войну против милитаристской Японии. В начале апреля 1945 г. Советское правительство денонсировало договор о нейтралитете, заключенный с Японией в апреле 1941 г. СССР перебросил значительные силы на Дальний Восток (25 дивизий численностью 400 тыс. человек, около 900 зенитных орудий). Дальневосточная группировка советских вооруженных сил перед началом операции против Квантунской армии насчитывала 1 млн 750 тыс. личного состава, около 30 тыс. орудий и минометов, более 5 тыс. самолетов, 93 корабля.

Главная военно-стратегическая задача дальневосточной кампании, как ее сформулировал главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке Маршал Советского Союза А. М. Василевский, состояла в «разгроме основной ударной силы японского милитаризма – Квантунской армии – и освобождении от японских захватчиков северо-восточных провинций Китая (Маньчжурии) и Кореи».

Япония хорошо подготовилась к обороне северо-восточного Китая и Кореи. Были построены мощные оборонительные сооружения вдоль границы СССР и Монголии с Маньчжурией и Кореей. К лету 1945 г. Квантунская армия получила серьезное подкрепление живой силой и техникой.

Задачу по разгрому частей Квантунской армии и освобождению Кореи выполняла 25-я армия под командованием генерал-полковника И. М. Чистякова и другие подразделения 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, а также летчики и морская пехота ТОФ СССР.

Накануне наступления А. М. Василевский обратился к корейскому народу с призывом подняться на священную войну против японских поработителей. «Темная ночь рабства над землей Кореи, – подчеркивалось в обращении, – тянулась долгие десятилетия и, наконец, час освобождения настал. Справедливый меч Красной армии занесен над японским милитаризмом, и судьба Японии предreshена».

В ночь с 8 на 9 августа части 25-й армии во взаимодействии с кораблями Тихоокеанского флота нанесли мощные удары по укрепленным позициям Квантунской армии, прорвали японскую оборону и овладели городами Раджин, Унги и другими стратегическими центрами. 15 августа был объявлен Днем освобождения Кореи. Но разрозненное сопротивление отдельных японских гарнизонов продолжалось до 25 августа. Высадившиеся в Пхеньяне и Хамхыне советские десанты завершили разгром японской группировки. В боях за освобождение Кореи погибли, пропали без вести и получили ранение около пяти тысяч солдат и офицеров 25-й армии.

Документы и материалы, опубликованные в августе 1945 г., свидетельствуют о героизме советских солдат и офицеров, о теплых встречах корейцами воинов-освободителей. «В городе Расин (Раджин), –

писали советские газеты, – местное население тепло встречает советских воинов. К морякам приходят делегации жителей, приносят подарки, предлагают услуги. Среди корейцев Сейсина (Чондина) нашлись смелые и мужественные люди, которые, рискуя собственной жизнью, в тяжелые дни боев укрывали у себя раненых советских бойцов и офицеров».

В день освобождения, 15 августа, командование 25-й армии обратилось к корейскому народу со следующими словами: «Граждане Кореи! Помните, счастье в ваших руках. Вы обрели свободу и независимость, и теперь ваша судьба зависит только от вас самих. Советская армия создала все условия для свободного созидательного труда корейского народа. Корейский народ должен стать творцом собственного счастья».

В последние годы в российской и зарубежной исторической, публицистической, мемуарной литературе идут острые дискуссии по вопросу о том, кто же освободил Корею, вооруженные силы какого государства нанесли поражение Квантунской армии на Корейском полуострове. Казалось бы, ответ ясен и однозначен. С 9 августа 1945 г. бои в Корее с японскими силами вела 25-я советская армия. Именно она разбила квантунскую группировку. На монументах освобождения, возведенных в Северной Корее, на русском и корейском языках написано: «Вечная слава великой Советской армии, освободившей корейский народ от ига японских милитаристов и открывшей путь к свободе и независимости».

Вот что вспоминает об освобождении Кореи руководитель советской гражданской администрации в Корее генерал-майор Н. Г. Лебедев. «Мне, как бывшему члену Военного совета 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта, принимавшей вместе с силами Тихоокеанского флота участие в освобождении Кореи, прожившему более трех лет в Корее – со дня ее освобождения до эвакуации советских войск, хочется напомнить о том, как и кем освобождалась Корея.

Факты свидетельствуют, что именно Советская армия освободила корейский народ от японской колониальной зависимости, что только части и соединения 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта совместно с моряками Тихоокеанского флота вели бои с японскими войсками на территории Кореи. Ни американские, ни другие войска боевых действий на территории Кореи не вели и в освобождении Кореи участия не принимали. Американские войска высадились на территорию Южной Кореи 8 сентября 1945 г., т. е. уже после капитуляции Японии».[\[6\]](#)

В первые годы после освобождения Кореи руководитель КНДР Ким Ир Сен не раз подчеркивал историческую роль СССР, его армии в освобождении Кореи. «Если бы Советская армия не освободила Корею, – сказал Ким Ир Сен, – то не смогла бы существовать Корейская Народно-Демократическая Республика <...> Поэтому победа Советского Союза во Второй мировой войне открыла новую страницу в истории корейского народа». Но эта оценка относится к далеким 1950-м годам. Позднее в КНДР стали утверждать, что освобождение Кореи от японского колониального господства принесла некая Корейская народно-революционная армия (КНРА), командовал которой Ким Ир Сен. Это не соответствует действительности. Во-первых, в боевых действиях, как уже подчеркивалось, никакие корейские части участия не принимали. Во-вторых, с декабря 1940 по сентябрь 1945 г. Ким Ир Сен находился на советской территории (с. Вятское Хабаровского края) и прибыл в Корею в сентябре 1945 г., т. е. уже после освобождения. Это, конечно, не умаляет вклада корейских партизан в антияпонскую борьбу на предыдущих этапах.

Северокорейские историки, однако, иначе описывают освобождение Кореи. Так, профессор Ким Хан Гир пишет: «9 августа 1945 г. великий вождь товарищ Ким Ир Сен одновременно с объявлением СССР войны против Японии отдал всем командирам и бойцам КНРА боевой приказ вступить в последнюю решительную битву за освобождение Родины. Под мощным ударом наших частей моментально пали вражеские приграничные укрепления.

Командуя наступлением и высадкой частей КНРА в различных направлениях, великий вождь товарищ Ким Ир Сен в то же время форсировал подготовку для выброски воздушного десанта в горные районы Кореи.

Не прошло и недели после начала операции КНРА по освобождению Родины, как империалисты Японии поспешно объявили о безоговорочной капитуляции 15 августа 1945 года». Этот тезис находится в противоречии с историческими фактами и исторической логикой.

Упоминание о КНРА встречается и в некоторых изданиях, подготовленных российскими учеными. Оказывается, в результате стремительного наступления Советской армии и КНРА 15 августа 1945 г. Япония объявила о своей безоговорочной капитуляции. Этот вывод принадлежит российским исследователям, авторам книги «Корея: расчленение, война, освобождение», изданной в России в 1995 г. Чем руководствовались авторы этой книги, встав на позицию северокорейской историографии, понять трудно.

Южнокорейские исследователи предпочитают писать об освобождении Кореи «силами антигитлеровской коалиции», также игнорируя историческую правду об освободительной миссии Советской армии в Корею. «15 августа 1945 г., – пишут южнокорейские исследователи, – японская армия капитулировала и Вторая мировая война завершилась. После трех с половиной десятилетий правления японских колонизаторов корейский народ получил долгожданную свободу». А кто принес эту свободу, в Южной Корее предпочитают умалчивать или благодарят США за то, что Америка принимала участие в разгроме милитаристской Японии.

После освобождения 20 сентября 1945 г. Ставка Верховного главнокомандующего Советской армией выпустила директиву, в которой были определены цели и задачи Советской армии в Корею. Эти цели и задачи сводились к следующему.

Исходя из требований директивы, советское военное командование приступило к налаживанию нормальной жизни в Северной Корее. Во всех районах были сформированы советские военные комендатуры – уездные (85), городские (7), провинциальные (6). На военных комендантов возлагались обязанности в решении организационно-административных, политических, экономических и культурных вопросов. Они выполняли такие важные функции, как всемерное содействие скорейшему восстановлению нормальной жизни, обеспечение бытовых нужд населения и безопасности жителей и имущества, предотвращение шпионско-диверсионной деятельности врага, разгром оставшихся групп противника, охрана важнейших объектов и трофейного имущества. Военные коменданты были уполномочены издавать приказы и распоряжения, имевшие силу закона. Невыполнение приказов рассматривалось как враждебные действия против Советской армии, виновные привлекались к строгой ответственности.

Советское военное командование в Корею направило командующему 1-м Дальневосточным фронтом К. А. Мерецкову предложение создать специальный орган, которому было бы поручено заниматься гражданскими вопросами, т. е. экономическими, социальными, культурными и т. п. В ноябре 1945 г. приказом народного комиссара обороны СССР была введена должность заместителя командующего 25-й армией по гражданским делам, на которую был назначен генерал-лейтенант А. А. Романенко. В его подчинении находился также аппарат в составе 50 офицеров. При заместителе командующего были созданы следующие отделы: административно-политический, промышленный, финансовый, заготовок и торговли, земли и леса, здравоохранения, путей сообщения, суда и прокуратуры, по контролю и руководству полицией.

При Военном совете Приморского военного округа после упразднения Первого ДВФ был учрежден институт советников в провинциях, в задачу которых входила работа с населением Северной Кореи, руководство местными органами власти, партийными и общественными организациями.

На основе аппарата заместителя командующего 25-й армией по гражданским делам было создано Управление советской гражданской администрации (УСГА) в Северной Корее, на которое было возложено руководство всеми гражданскими делами. При управлении функционировали отделы, аналогичные аппарату заместителя командующего по гражданским вопросам.

При осуществлении политических и экономических мероприятий в Северной Корее советское военное командование руководствовалось упоминавшейся директивой Ставки Верховного главнокомандующего Советской армией от 20 сентября 1945 г., в которой указывалось следующее: «На территории Северной Кореи советов и других органов советской власти не создавать и советских порядков не вводить. Содействовать установлению в Северной Корее буржуазно-демократической власти на базе широкого блока всех антияпонских демократических партий и организаций. Руководство делами гражданской администрации осуществляет Военный совет ПримВО (Приморский военный округ. – *Примеч. авт.*)».[8]

Главное внимание УСГА сосредоточило на скорейшем восстановлении экономики. При отступлении японские войска нанесли большой экономический ущерб. Были выведены из строя 1015 из 1034 средних и мелких предприятий, затоплено более 60 шахт и рудников, разрушено железнодорожное сообщение, бездействовали почта, телеграф.

Благодаря большой организационной работе, проведенной УСГА, в кратчайшие сроки на севере Кореи удалось восстановить экономическую жизнь.

При непосредственном участии советских военных властей в Северной Корее был ликвидирован японский колониальный аппарат и стали формироваться органы местного самоуправления.

Таким образом, к концу 1945 – началу 1946 г. на севере Корейского полуострова при содействии Управления советской гражданской администрации и советских военных властей общественно-политическая и экономическая обстановка стабилизировалась. Начинался активный процесс формирования политической и экономической системы советского типа, в котором принимали деятельное участие возрождавшиеся демократические организации, в том числе социалистической и коммунистической ориентации.

§ 2. Союзники и будущее Кореи: декларации и политика

В годы Второй мировой войны, когда на повестку дня выдвинулась проблема полного военно-политического разгрома государств «оси» не только на Западе, но и на Востоке, в дипломатии трех союзных держав (США, Великобритании и СССР) корейский вопрос стал предметом оживленного обмена мнениями. Подтверждая Атлантическую хартию США и Великобритании от 14 августа 1941 г., к которой позднее присоединился СССР, [\[9\]](#) британский парламент в апреле 1943 г. организовал дебаты по вопросу о деяпонизации и восстановлении независимости Кореи. Один из видных членов палаты общин, специализирующийся на международных проблемах, произнес яркую и впечатляющую речь о многострадальной судьбе корейской нации и внес проект резолюции об установлении официальных связей с Временным правительством Кореи в Китае. Эта рекомендация получила прямую и открытую поддержку правительства гоминьдановского Китая и вызвала воодушевление в рядах Временного корейского правительства во главе с Ким Гу. Тем не менее, МИД Великобритании по согласованию с Вашингтоном не считал возможным принять упомянутую выше рекомендацию, что было бы, по его оценке, официальным признанием лишь «одной корейской группировки». Но за этой оговоркой таилось нечто большее. Уже на этом этапе Великобритания и США склонялись к идее установления международной опеки над Кореей.

Это решение Лондона вызвало бурную реакцию сторонников Временного правительства Кореи. 2 мая 1943 г. министр иностранных дел этого правительства Чо Со Ван направил британскому премьеру У. Черчиллю послание, в котором говорилось, что находящийся в угнетении корейский народ добивается обретения полной независимости и выступает против любых намерений относительно установления международной опеки над Кореей в послевоенное время. Такого рода планы, подчеркивалось в послании, совершенно не соответствуют Атлантической хартии, идут вразрез с сокровенной волей почти 30 миллионов корейцев и создают угрозу мирным отношениям в Восточной Азии. [\[10\]](#)

Следующей фазой совместного согласования державами антифашистской коалиции своих позиций по корейскому вопросу стала Тегеранская конференция с участием Сталина, Рузвельта и Черчилля (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). Незадолго до этой конференции Рузвельт и Черчилль совещались по вопросам дальневосточной политики с лидером гоминьдановского Китая Чан Кайши. Три союзных государства пришли к согласию в том, что после разгрома и капитуляции Японии Корея будет предоставлена свобода и независимость, но не немедленно, а «в должное время» путем введения переходной системы международного управления. Данная формулировка, создававшая серьезные барьеры на пути неотложной деколонизации Кореи, была, несомненно, отходом от резолюции, которая призвала восстановить корейскую национальную государственность «как можно быстрее».

На конференции трех союзных держав в Тегеране обсуждались узловые стратегические вопросы Второй мировой войны, и корейская проблема не была включена в официальную повестку дня. Вместе с тем лидеры «большой тройки» обменялись мнениями по корейской проблеме в рабочем порядке во время дополнительных дипломатических встреч. Во время одной из них президент Рузвельт поинтересовался у Сталина его мнением относительно решений Каирской конференции (ноябрь 1943 г.). Советский лидер дал положительную оценку принятым в Каире договоренностям, отметив, что Корея должна обрести государственный суверенитет, а оккупированные Японией Маньчжурия, остров Формоза (Тайвань) и Пескадорские острова возвращены Китаю. Таким образом, Советский Союз по существу присоединился к решениям Каирской конференции глав внешнеполитических ведомств США,

Великобритании и Китая по вопросу о деколонизации Кореи.

Однако в позиции США по корейскому вопросу были свои немаловажные нюансы. Президент Рузвельт, выступая на специальном совещании по вопросам тихоокеанской войны 14 января 1944 г., однозначно заявил: «Корейцы пока не в состоянии поддерживать порядок и управлять независимым правительством, поэтому мы возьмем их под опеку сроком до 40 лет...». Корейские националистические и патриотические круги в Китае, США и других странах с унынием и растерянностью восприняли нежелание союзных держав пойти на безотлагательное восстановление корейской государственности.

На Ялтинской конференции трех союзных держав корейский вопрос также не значился в основной повестке дня, но он был достаточно детально проработан во время двусторонней беседы Рузвельта и Сталина 8 февраля 1945 г. Президент США заявил, что после разгрома Японии Корейский полуостров следует передать в систему международной опеки, созданной из представителей СССР, США и Китая. При этом Рузвельт сослался на почти 50-летний американский опыт «подготовки к самоуправлению» Филиппин, добавив, что корейцам этот переходный период может быть сокращен до 20–30 лет. Сталин, не возражая в принципе, заметил: «Чем короче, тем лучше». Затем он поинтересовался, предусматривается ли размещение иностранных войск на Корейском полуострове. Последовал отрицательный ответ Рузвельта, что вполне удовлетворило Сталина, добавившего, что к установлению системы опеки в Корее помимо СССР, США и Китая надо обязательно привлечь и англичан.

Позиция США и СССР в грядущей судьбе колониальной Кореи, зафиксированная в документах Ялтинской конференции, отражала твердое намерение союзников ликвидировать японскую колониальную систему. Вместе с тем она была непоследовательной и противоречила общепризнанным международным принципам права наций на самоопределение. И это досадное противоречие было порождено, прежде всего, искаженными представлениями о ситуации на Корейском полуострове, недопониманием многовековых традиций корейской государственности, что нашло отражение в специальном докладе исследовательской комиссии А. Дж. Тойнби, представленном МИД Великобритании и Госдепартаменту США в январе 1945 г.

В этом докладе утверждалось, что корейцы, якобы, не обладают необходимым политическим опытом в управлении современным государством и не в состоянии осуществлять административные функции на профессиональном уровне. Корейцам, говорилось далее в разработке, присуща повышенная склонность к ссорам и склокам как между отдельными личностями, так и между различными политическими группировками. В ответ на настойчивые требования Временного правительства Кореи официального дипломатического признания авторы доклада утверждали, что нет никакой уверенности в том, что зарубежные корейские общины получают широкую поддержку в самой Корее для успешного управления страной. Такая же характеристика была дана нелегальным антияпонским политическим группировкам в самой Корее. Вывод комиссии Тойнби был однозначен – корейцам для перехода к реальному самоуправлению крайне необходима переходная подготовительная фаза или, точнее, система международной опеки.

Очевидно, что лидеры союзных держав на Ялтинской конференции действовали практически в соответствии с основными рекомендациями комиссии Тойнби. Согласованную в Тегеране, а позднее в Ялте позицию союзников предстояло уточнить и конкретизировать на Потсдамской конференции государств антифашистской коалиции. В силу перегрузки официальной повестки дня первоочередными проблемами вступления СССР в тихоокеанскую войну корейская проблема в Потсдаме специально не обсуждалась, хотя попутно была затронута во время двусторонней беседы Сталина и Черчилля 22 июля 1945 г. Участник этой встречи В. М. Молотов предложил обменяться мнениями относительно введения системы опеки на Корейском полуострове. Однако стороны решили передать корейский вопрос на обсуждение

специального совещания глав внешнеполитических ведомств союзных держав, которое будет созвано после разгрома держав «оси».

Между тем, в самый канун вступления СССР в войну против милитаристской Японии, Токио предпринял отчаянный дипломатический демарш, чтобы уклониться от советского военного удара и в то же самое время сохранить Корейский полуостров в сфере своего влияния. В июне 1945 г., т. е. после капитуляции нацистской Германии, в Москву для ведения сверхсекретных переговоров со Сталиным и Молотовым прибыл близкий к императорским кругам принц Коноэ. По признанию бывшего главы МИД Японии С. Того, император и правительство Японии при обсуждении вопроса о «плате за мир» с СССР пришли к следующему выводу: «Она, по нашим согласованным прикидкам, могла бы включать отмену Портсмутского договора и Пекинской конвенции об основных принципах взаимоотношений между Союзом ССР и Японией и восстановление в общих чертах положения, которое существовало до русско-японской войны, при условии вынесения за скобки вопроса об автономии Кореи, который будет решаться по усмотрению Японии». Принц Коноэ был уполномочен информировать по дипломатическим каналам советское руководство о том, что Токио готов возвратить СССР Курилы и Южный Сахалин, но против какой-либо деколонизации Корейского полуострова, если Москва откажется от планов войны против Японии. Как известно, советское руководство уклонилось даже от формальной дипломатической встречи с принцем Коноэ, сохранив тем самым курс на полный военно-политический разгром агрессивного японского милитаризма.

Действуя в духе союзнических обязательств, Советский Союз вступил 8 августа 1945 г. в войну против Японии. В ходе предвоенных военно-политических переговоров между верховными командными структурами США и СССР была определена условная линия разграничения боевых операций вооруженных сил двух держав. Американцы с самого начала заявили свои претензии на стратегически важные районы юга – от Пусана до Инчхона. Затем уже в условиях начавшейся войны (15 августа 1945 г.) президент США Трумэн направил Сталину на согласование проект приказа, согласно которому американское командование принимает капитуляцию японских войск к югу от 38-й параллели, а советские вооруженные силы осуществляют пленение японцев к северу от этой линии. Согласие советской стороны означало, что 38-я параллель, разделяющая примерно поровну две части Кореи, становится временным рубежом соприкосновения вооруженных сил США и СССР.

Сентябрь—декабрь 1945 г., наполненные напряженным дипломатическим противостоянием и нарастающей политической борьбой, прошли под знаком ожидания Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. Оно состоялось в Москве 18–26 декабря 1945 г. и было посвящено, помимо других проблем, корейскому вопросу.

Заседания Московского совещания проходили в форме открытого дипломатического диалога, но на них не сочли возможным пригласить, даже в качестве наблюдателей, представителей самой Кореи, хотя в стране более четырех месяцев действовали влиятельные патриотические силы и движения. Избирательный состав участников из числа держав-победителей во многом определил односторонний характер принятых на совещании договоренностей.

Первый проект по политическому устройству в Корее внес госсекретарь США Д. Бирнс. Согласно предложению последнего, на полуострове создается двуединая политическая администрация во главе с командующими войсками США и СССР для урегулирования и управления общекорейскими проблемами (валютными, торговыми, транспортными и другими). Участие самих корейцев в такой администрации предполагалось ограничить ролью вспомогательных управленцев, консультантов и советников. Далее США предлагали установить международную опеку над Кореей сроком на 5–10 лет, учредив для этого специальный административный орган опеки, который сосредоточит в своих руках всю полноту

законодательной, исполнительной и судебной власти. В свою очередь, указанный административный орган будет осуществлять свои властные и управленческие полномочия через верховного комиссара и Исполнительный совет, состоящий из представителей США, СССР, Великобритании и Китая. Американская делегация утверждала, что разработанный ею проект международной опеки призван содействовать политическому, экономическому и социальному прогрессу корейского народа, развитию самоуправления и независимой судебной системы и учреждению суверенного корейского правительства. Таким путем США стремились на длительное время, исходя из своих обширных геополитических устремлений в Северо-Восточной Азии, сохранить в Корее военно-оккупационный режим и задержать предоставление независимости народу освобожденной страны.

В сложившейся ситуации СССР оказался перед непростой дилеммой. Безоговорочное принятие американского проекта в корне противоречило его официально провозглашенной приверженности неотъемлемому праву угнетенных наций на самоопределение. С другой стороны, советская дипломатия продолжала ценить союзнические отношения с США, хотя первые признаки грядущей «холодной войны» уже подавали свои сигналы. Выход был найден в разработке и представлении советской стороной альтернативного плана компромиссного урегулирования из четырех пунктов, которые с незначительными поправками были приняты 27 декабря 1945 г. Содержание принятого документа сводилось к следующему:

1. В целях удовлетворения сокровенных чаяний корейского народа формируется Временное корейское демократическое правительство (ВКДП) для решения неотложных административных, экономических и иных проблем деколонизации обеих частей Кореи, скорейшей ликвидации пагубных последствий многолетнего японского владычества на полуострове.

2. Для содействия формированию Временного корейского демократического правительства учреждается двусторонняя Американско-Советская совместная комиссия, которая наладит политические консультации с демократическими партиями и организациями. Рекомендации совместной комиссии подлежат окончательному контролю четырех государств – США, СССР, Великобритании и Китая и, стало быть, становятся обязательными для ВКДП.

3. Двусторонней Американско-Советской совместной комиссии с участием Временного корейского демократического правительства и привлечением корейских демократических партий и организаций поручается разработать меры необходимого содействия дальнейшему прогрессу Кореи на путях установления государственной независимости страны. Совместная комиссия на основе той же процедуры вносит на одобрение своих четырех правительств проект соглашения о введении системы международной опеки в Корее сроком не более чем на 5 лет.

Таким образом, принятое Московским совещанием соглашение по Корее, в основу которого был положен советский проект, существенно отличалось от американского варианта. Его базовое содержание составляла концепция формирования временной корейской демократической государственности при всемерной опоре на демократические низы и их поддержке. Вместе с тем соглашение, хотя и видоизменило, но сохранило квинтэссенцию американского проекта – введение в Корее системы опеки четырех крупных держав (США, СССР, Великобритании и Китая). Американско-советский компромисс по вопросу об опеке над Кореей был в немалой степени обусловлен стремлением Москвы действовать в духе достигнутых ранее соглашений с союзными державами по антифашистской и антимилитаристской коалиции. Однако «плата» за этот компромисс оказалась непомерно высокой. Именно советской стороне пришлось позднее принять на себя всенародную волну патриотического протеста, прокатившегося почти по всему Югу в 1946–1947 гг.

Московское совещание «большой тройки» стало по существу последней согласованной акцией союзных государств по мирному урегулированию корейской проблемы. Ко времени проведения первой (и

последней) Совместной советско-американской комиссии (20 марта – 8 мая 1946 г.) на полуострове уже начала действовать по существу двухзональная система восстановления и развития Кореи.

В апреле 1947 г. госсекретарь США Д. Маршалл и министр иностранных дел СССР В. М. Молотов обменялись, однако, письмами, в которых все еще сохранялась конструктивная идея восстановления общекорейской государственности. В письме Д. Маршалла от 8 апреля 1947 г. выражалось сожаление по поводу глубокого тупика, в который зашла работа Совместной советско-американской комиссии по Кореи, и плачевных последствий углубляющегося разделения страны по временной демаркационной линии, а также бесплодных дискуссий по вопросу о том, что же означает понятие «демократические силы», с которыми командования США и СССР должны консультироваться в Кореи. В сложившейся ситуации политика США на Корейском полуострове, подчеркивалось в письме Д. Маршалла, преследует следующие основные цели:

1. Оказать содействие учреждению в кратчайший возможный срок «самоуправляющейся суверенной Кореи», которая будет свободна от иностранного контроля и будет иметь право стать членом ООН.
2. Обеспечить необходимые условия для того, чтобы учрежденное таким образом общекорейское национальное правительство представляло свободно выраженную волю своего народа.
3. Оказать помощь корейцам в построении здоровой экономики как существенной основы их независимой и демократической государственности.

В письме Д. Маршалла, как это ни парадоксально, ни в прямой ни в косвенной форме не говорилось о системе опеки, которую предполагалось ввести на Корейском полуострове на основе Московского совещания министров иностранных дел «большой тройки». Безусловно, это был вынужденный дипломатический маневр США в ответ на громадную волну протеста, поднявшуюся на полуострове против попытки союзных держав сохранить стратегический контроль над полуостровом.

Ответ главы внешнеполитического ведомства СССР В. М. Молотова был дан 19 апреля 1947 г., т. е. спустя примерно десять дней. В этом письме акцент также был сделан на неотложном создании Временного корейского правительства, которое стало бы «важнейшей предпосылкой для восстановления Кореи как независимого государства», и создании условий для дальнейшего продвижения страны по демократическому пути. Однако практические шаги в этом направлении, по мнению Молотова, особенно работа Совместной советско-американской комиссии по Кореи, оказались заблокированными вследствие различной трактовки представителями США и СССР вопроса о взаимодействии с местными демократическими партиями и организациями. Американская сторона произвольно исключила из участия в консультациях на территории Южной Кореи ряд крупных демократических партий и организаций, в т. ч. Всекорейскую конфедерацию труда, Всекорейский крестьянский союз, Всекорейский союз молодежи и др. Тем не менее советская сторона все еще допускала возможность достижения согласованных действий между военными администрациями СССР и США и предлагала следующую программу двусторонних действий:

1. Сформировать Временное корейское демократическое правительство на основе максимально широкого представительства демократических партий и общественных организаций, чтобы «ускорить политическое и экономическое объединение Кореи как самостоятельного и независимого от иностранного вмешательства государства» и устранить опасное деление страны на две территориально-политические зоны.
2. Создать на всей территории Кореи, включая прилегающие к ней острова, новые демократические органы власти и управления путем свободных выборов на основе всеобщего и равного избирательного права.

3. Оказать всемерную помощь корейскому народу в восстановлении «как единого суверенного государства», так и в развитии самостоятельной национальной экономики и возрождении культуры.

Далее В. М. Молотов предложил возобновить в мае 1947 г. работу Совместной комиссии, с тем, чтобы уже к июлю—августу того же года выработать согласованные предложения о формировании самостоятельного Временного корейского демократического правительства.

Конструктивные предложения советской стороны получили в целом поддержку США, что было подтверждено в послании Д. Маршалла на имя В. М. Молотова от 2 мая 1947 г. Причем в этом письме говорилось, что не следует отстранять от политических консультаций те демократические партии и общественные организации, которые занимают критические позиции относительно создания будущего правительства Кореи. Однако эта установка оказалась лишь абстрактной политической декларацией. На практике летом 1947 г. военная администрация США развернула на Юге массовые репрессии против левых. Так, в июле—августе 1947 г. были арестованы один из ведущих деятелей Демократического национального фронта Южной Кореи Ким Кван Су, заместитель руководителя Трудовой партии Южной Кореи Ли Ги Сок, председатель Крестьянского союза Пэк Йон Хи, заместитель председателя Крестьянского союза Ли Гук Хун и другие лидеры левых организаций. Массовые репрессии показали, что США при опоре на право-консервативные силы Юга в одностороннем порядке взяли курс на изоляцию и подавление левого фланга политических сил. Весьма показательно, что репрессиям подверглись не только противники решения Московского совещания об опеке, но и другие организации и движения, которые выступали за скорейшее восстановление национально-государственного суверенитета страны.

США явно опасались, что нарастающая волна национально-освободительного движения может привести к стихийному возникновению в Корее неконтролируемой ими политической власти. Именно этим объясняется принципиально новая позиция Госдепартамента США, который в ноте от 26 августа 1947 г. на имя В. М. Молотова заявил, что «двусторонние переговоры по вопросу о консультациях с корейскими политическими партиями и организациями могут привести к задержке в осуществлении решений Московского совещания, направленных в конечном итоге на предоставление независимости Корее „в скором времени“». [\[11\]](#) Одновременно американская сторона заявила о необходимости перенесения центра тяжести при урегулировании проблем Кореи в четырехстороннюю комиссию в составе США, СССР, Великобритании и Китая, полагая, что при таком балансе сил американская дипломатия будет иметь явный количественный перевес. Кроме того, США высказались за создание в американской и советской зонах, т. е. на Юге и Севере Кореи, двух автономных законодательных органов, избранных на основе тайного, всеобщего, демократического избирательного права и пропорционального представительства. Представители двух собраний, т. е. Севера и Юга, проведут в г. Сеуле, по идее американской стороны, совместное заседание «общекорейского национального законодательного собрания» и сформируют Временное правительство объединенной Кореи.

Советская сторона не возражала против труднейших консультаций с политическими партиями и организациями Кореи для создания единого Временного общекорейского народного собрания, которое стало бы объединенным институтом законодательной власти для обеих частей страны. Вместе с тем идею создания двух парламентов на Севере и Юге советская сторона расценила как опасный шаг к закреплению разъединения Кореи.

Дальнейшие напряженные переговоры и дискуссии между СССР и США не дали результатов, и в сентябре 1947 г. корейский вопрос был передан по инициативе американской стороны на рассмотрение ООН.

Здесь необходимо оговориться, что советская трактовка самого понятия трехсторонней или четырехсторонней опеки над освобожденной Кореей во многом отличалась от американско-английского

подхода. Еще в упомянутой выше беседе с Рузвельтом 8 февраля 1945 г. в Ялте И. В. Сталин провел различие между такими понятиями, как «опека» и «протекторат». Более того, советский лидер назвал предполагаемую форму переходного союзнического контроля над Кореей «попечительством», максимально ограниченным по своим срокам. Именно из такой, явно смягченной позиции исходило советское руководство, когда направляло свою делегацию в Лондон на консультативное совещание представителей союзных держав по вопросам послевоенного урегулирования (11 сентября – 2 октября 1945 г.).

В досье делегации СССР, прибывшей на эту встречу, помимо других, находились проекты рабочих документов по Корее, которые предусматривали:

1. Создание комиссии из представителей США, СССР, Великобритании и Китая для предварительной проработки вопросов об условиях и времени создания «Временного независимого корейского правительства, корейской конституции, местного самоуправления и пр.».
2. Выработку согласованных политических рекомендаций, которые вносятся на рассмотрение соответствующих правительств союзных держав.
3. Совместное обсуждение неотложных вопросов с участием представителей американского командования на Юге и советского на Севере страны.

Однако в последующем, и особенно в ходе Московского совещания, советская сторона отошла от своей самостоятельной позиции в пользу американской трактовки международной опеки, и эта уступка обернулась позднее ощутимым ударом по влиянию и авторитету СССР в Корее, в освобождении которой он сыграл решающую роль. Скрупулезно изучая изменения в позициях делегации СССР в период работы Московского совещания, южнокорейский историк Ки Кван Со пришел к выводу: «В предложениях СССР обнаруживается постоянная уступка американцам по сравнению с первыми его проектами об опеке. Позиция Советского Союза изменялась поэтапно: от отказа от введения опеки к попытке отложить вопрос о нем на будущее и затем к согласию на ее осуществление сроком до пяти лет...». Такое изменение позиций советской делегации явилось результатом компромисса с американской позицией, направленной на обязательное установление опеки. Правда советская трактовка опеки исходила из обязательного признания ключевой роли Временного правительства Кореи, опирающегося на патриотические и демократические партии и общественные организации. И в этом была глубокая логика. Крушение японского милитаризма вызвало невиданный национально-патриотический подъем не только в крупных мегаполисах, но и в самых отдаленных районах полуострова. Задавленная и дремавшая десятилетиями, политическая активность корейцев с августа—сентября 1945 г. стихийно выплеснулась на улицы и площади большинства корейских городов и селений в виде нескончаемых народных шествий, митингов и демонстраций под флагами национального освобождения. Подавляющая масса национально-патриотических сил Юга начинает группироваться вокруг Подготовительного комитета, который, как отмечалось выше, возглавил видный представитель левого течения Е Ун Хён. 6 сентября 1945 г. в Сеуле в обстановке необычайного энтузиазма состоялся Всекорейский народный конгресс, который провозгласил создание Корейской Народной Республики (КНР) и ее руководящего органа. В короткий срок организационные структуры республики появились практически во всех крупных городах и селениях Юга. Однако консолидация и рост активности национально-патриотических сил не входили в планы военно-оккупационных сил США, и Вашингтон отказался от какого-либо взаимодействия с Корейской Народной Республикой.

Тогда переливавшаяся через барьеры оккупационных властей политическая энергия южнокорейского общества получила проявление в бурном становлении новых политических партий и движений самой различной политической ориентации. 9 сентября 1945 г. было объявлено о создании Демократической

партии Кореи (Хангук минчжудан) во главе с Сон Джину, а два дня спустя (11 сентября) было объявлено о воссоздании Коммунистической партии Кореи (Чосон Консондан) во главе с популярным в народе борцом за независимость Кореи Пак Хон Ёном. В короткий срок на политической арене Юга Кореи появилось около пятидесяти политических партий и организаций, в их числе Национальная партия Кореи (Кунминдан) во главе с Ан Джэ Хоном; Народная партия Кореи (Чосон инминдан) во главе с Е Ун Хёном и др. Из многолетней эмиграции вернулось в страну Временное (шанхайское) правительство, вооруженные силы которого (Армия за возрождение отечества – Кванбоккун) сражались на фронтах тихоокеанской войны на стороне союзников. Однако ни одна из этих сил не была признана американскими военно-оккупационными властями. И отнюдь не случайно.

Американские войска, высадившиеся без единого выстрела в порту Чемульпо (Инчхон), 8 сентября 1945 г. начали с введения декретов об установлении строжайшего военного контроля и применения смертной казни в отношении любого корейца, обвиненного в невыполнении их приказов или в участии в акциях политического протеста. Причем японским колониальным чиновникам было приказано «оставаться на своих местах» вплоть до передачи властных полномочий американским должностным лицам. Одновременно военная администрация США объявила о том, что она сосредоточивает в своих руках всю полноту временной власти, исходя из того, что Корея представляла собой якобы не освобожденную от иностранного владычества страну, а некое государство, потерпевшее вместе с метрополией поражение во Второй мировой войне. Провозгласив на словах приверженность демократическим свободам, оккупационные власти США запретили проведение без их санкций митингов и демонстраций, публикацию материалов оппозиционного содержания.

Согласно военному декрету, обнародованному в феврале 1946 г., под контроль военно-административной системы США ставились все без исключения политические партии и организации Юга.

Но никакие военно-полицейские меры не в состоянии были парализовать пробудившуюся к свободе и независимости волю корейского народа. С ноября—декабря 1945 г. и в течение многих последующих месяцев Южная Корея буквально сотрясалась от массовых народных протестов, направленных против планов союзных держав заменить японское колониальное угнетение системой международной опеки. В те дни не было ни одного национального органа печати, который не обсуждал бы с возмущением итоги Московского совещания по будущему политическому статусу Кореи.

Первоначально инициативу противодействия опеке взяли на себя левodemократические силы. Еще 26 октября 1945 г. в газете «Мэиль синбо» было обнародовано коллективное заявление ряда партий и движений левой ориентации, отвергающее опеку как способ замедленной политической деколонизации Кореи. Но этой патриотической позиции левые придерживались лишь до начала 1946 г. 2 января 1946 г. не без скрытого прессинга извне Компартия Кореи, действовавшая на Юге, сделала диаметрально противоположное заявление. В сущности, Компартия Юга, находившаяся на полулегальном положении, оказалась единственной заметной политической силой, выступившей в поддержку концепции союзных держав об опеке как политическом инструменте деколонизации Кореи. В упомянутом выше заявлении южнокорейских коммунистов говорилось, что «...три великие державы продолжают нести ответственность за мировое лидерство, так же как это было во время войны с фашизмом. Следовательно, решение Московской конференции трех министров иностранных дел является дальнейшим развитием и укреплением демократии». Далее в заявлении говорилось, что в условиях отсутствия национального единства идея опеки отражает дружественное сотрудничество и помощь трех союзных государств (США, СССР и Великобритании) и все споры по корейскому вопросу призваны укреплять дух «международного сотрудничества и демократии». Столь непоследовательная позиция левых нанесла впоследствии немалый ущерб их политическому влиянию в народных массах и по существу была на руку центристским и правым силам в их усилиях развертывания общенационального движения «антиопека».

Его активные участники, представлявшие почти все действовавшие к этому времени политические партии и движения во главе с Ким Гу, провозгласили 28 декабря 1945 г. создание Комитета по всеобщей мобилизации населения против опеки. По его призыву стали проходить массовые митинги и демонстрации, началась подготовка к всеобщей политической забастовке. В многочисленных информационных материалах комитета, концепция опеки союзных держав представлялась как завуалированная форма «нового протектората», причем основная роль в разработке этой крайне непопулярной идеи необоснованно приписывалась советской стороне. Опираясь на ширившееся движение «антиопеки», правоэкстремистские силы подняли яростную волну антикоммунистической истерии, спровоцировав ряд злодейских террористических акций против лидеров левопатриотического движения. Разногласия вокруг вопроса об опеке углубили раскол национально-освободительных сил Юга, что сыграло впоследствии поистине трагическую роль в размежевании двух корейских государств.

Стихийная буря всенародного движения на Юге против опеки вызвала нескрываемую тревогу среди высоких американских чинов, оказавшихся в самой гуще бурных событий народного протеста. Так, командующий оккупационными войсками США в Корее генерал Д. Ходж направлял в те дни в Вашингтон экстренные депеши, в которых настоятельно рекомендовал отмежеваться от самой концепции опеки, несущей в себе угрозу возникновения нового освободительного восстания корейского народа. В этом же русле госсекретарь США Д. Бирнс (30 декабря 1945 г.) сделал чрезвычайно важное заявление о том, что Совместная советско-американская комиссия имеет всю полноту полномочий для того, чтобы принять новое решение о том, что «опека не будет нужна». Три дня спустя (2 января 1946 г.) глава американской военной администрации в Южной Корее генерал А. Арнольд заявил, что США предпримут максимум политических усилий для того, чтобы предотвратить установление системы опеки в Корее. Вне всякого сомнения, это была, с одной стороны, серьезная дипломатическая уступка Вашингтона и крупная победа национально-патриотических сил Юга – с другой. С этого времени США не только перестали противодействовать массовому движению «антиопеки», но всеми путями стремились продвинуть в лидеры Юга только что вернувшегося из долгой американской эмиграции Ли Сын Мана, правого националиста, главу Демократической палаты, выполнявшей консультативные функции при Американской военной администрации (АВА).

Многие годы Ли Сын Ман был одним из политических лидеров корейской эмиграции США, участвовал в мобилизации сил диаспоры для участия в тихоокеанской войне против Японии. В Сеул прибыл на самолете ВВС США 16 октября 1945 г. В качестве главы Демократической палаты выдвинул 1 ноября 1946 г. платформу деколонизации Кореи, включавшую:

1. Безотлагательное предоставление независимости Корее на основе деклараций союзных держав в Каире и Потсдаме.
2. Вывод советских и американских войск из Кореи.
3. Создание Временного корейского правительства и принятие суверенной Кореи в члены ООН.
4. Ликвидацию раздела Кореи по 38-й параллели.
5. Проведение общекорейских демократических выборов.

Личность Ли Сын Мана продолжает привлекать внимание исследователей, поскольку он оказал большое влияние на развитие не только Кореи, но и всего региона. Его трактовка ряда аспектов национальной независимости и реформирования постколониального общества дает возможность понять мотивы как позитивных перемен, так и ошибок, имевших место в период Первой республики (Первая республика была сформирована 15 августа 1948 г.), составить более полное представление о политических реалиях современной РК.

Мировоззрение Ли Сын Мана, одного из «отцов-основателей» корейской государственности на Юге Кореи, формировалось под влиянием христианского Запада. Свою миссию он видел в том, чтобы приблизить Корею к англо-американскому Западу, к мировой цивилизации. При этом его не интересовало, как скажется вестернизация на этнической ментальности корейцев. Россия была антиподом его идеалов и представлялась ему средоточием зла и экспансии.

Националистическая платформа Демократической палаты Ли Сын Мана наряду с активной позицией в движении «антиопека» необычайно возвысила его роль как одного из лидеров борьбы за реальное возрождение независимости страны. Позициям левodemократических сил, продолжавших поддерживать идею опеки, был нанесен немалый политический урон. Стало очевидно, что убеждать пробудившийся народ в некоей «целесообразности» опеки было абсолютно бесперспективно. Это был гибельный путь политической несостоятельности и самоизоляции.

Иная, более запутанная ситуация в связи с проблемой опеки стала складываться на Севере Кореи. Первоначально левые силы в советской зоне оккупации негативно встретили планы установления опеки союзных держав над Кореей. Это видно из выступления Ким Ир Сена, секретаря Оргбюро ЦК Компартии Кореи, от 18 декабря 1945 г., в котором говорилось: «Такое решение может противоречить нашему собственному желанию», хотя важнейшей политической задачей в складывающейся ситуации является формирование Единого национального демократического фронта (ЕНДФ). Открытое осуждение опеки выразили левые силы лишь в провинции Канвон. Однако наиболее активное противодействие Московскому совещанию оказала влиятельная Демократическая партия во главе с Чо Ман Сиком, отражавшая настроения значительной части новых средних социальных слоев города и деревни – интеллигенции, чиновничества, учащихся, мелких и средних предпринимателей.

Советской военной администрации пришлось предпринять немалые усилия, чтобы остановить волну несогласия с идеей опеки. Запрещалось публиковать и распространять печатные материалы на эту острейшую тему, проводить митинги и демонстрации. Участники подобных акций квалифицировались как «прояпонские элементы» и подвергались арестам и административным преследованиям. Во все провинции и уезды были направлены усиленные группы пропагандистов-политработников. В эту работу включались и высшие должностные военные чины расквартированной на Севере Кореи 25-й Советской армии (генералы А. А. Романенко, Н. Г. Лебедев и др.). В итоге 3 января 1946 г. была обнародована Декларация шести левых национально-патриотических организаций Севера, выражавшая полную поддержку решению Московского совещания, которое трактовалось как продвижение по пути содействия «политическому, экономическому и социальному прогрессу корейского народа», способствовало «установлению свободного единого и независимого государства». В число коллективных авторов указанной Декларации вошли: Оргбюро ЦК Компартии Кореи, Северокорейское бюро Всекорейской конфедерации труда, Крестьянский союз провинции Южная Пхёнан, Демократический женский союз, Демократический союз молодежи, Лига независимости Кореи и другие организации, вошедшие впоследствии в ЕНДФ (июль 1946 г.). Продолжавший отстаивать свою позицию «антиопеки» лидер Демократической партии Чо Ман Сик был смещен с поста партийного лидера, подвергнут домашнему аресту. Многие деятели и активисты демократов вынуждены были бежать на юг страны.

Так, уже в первый год военно-административного правления не только на Юге, но и на Севере Кореи возникли предпосылки последующего раскола национально-патриотических сил страны на два непримиримых, антагонистических лагеря.

* * *

Колониальное порабощение Кореи японским империализмом – самый мрачный и трагический

период в многовековой истории корейского народа. Превращая угнетенную страну в придаток милитаризованной экономики метрополии, самурайские круги Японии применяли в колонии самые крайние методы азиатского деспотизма и насилия. Никогда в истории Корея не подвергалась столь масштабному материальному ограблению и столь унижительным методам национальной дискриминации и подавления. Чужеземные правители за фасадом создания мифической «великой азиатской сферы процветания» пытались поставить под запрет родной язык корейского этноса, вытравить его национальное самосознание.

Однако корейский народ, несмотря на свою разобщенность и недостаточную общенациональную сплоченность, никогда не прекращал своей национально-патриотической борьбы. Самые разные методы этой борьбы (партизанская антияпонская война, социалистическое и коммунистическое движение, выступления патриотов-националистов и др.) неуклонно расшатывали систему колониального владычества, которая в конечном итоге рухнула под ударами государств антифашистской и антимилитаристской коалиции в августе – сентябре 1945 г.

Советский Союз и другие союзные державы окружили бастионы японского колониализма и милитаризма, освободили Корею от чужеземного рабства. Однако им не удалось после окончания тихоокеанской войны выработать согласованные решения по вопросам послевоенного урегулирования на Дальнем Востоке, в т. ч. и в Корее. Две военно-оккупационные зоны на полуострове, контролируемые соответственно Советским Союзом и США, в условиях нарастающей советско-американской конфронтации превратились в два сепаратных государства, которые вступили между собой в непримиримую схватку.

Часть вторая

Расколота нация

Глава I

Создание Республики Корея (Хангук) к югу от 38-й параллели

§ 1. Советско-американская конфронтация по вопросам государственности на Корейском полуострове

Московское совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании уполномочило представителей военных администраций СССР и США вести переговоры по вопросам организации опеки над Кореей и создания Временного правительства. Переговоры закончились безрезультатно.

Состоявшиеся в 1946 г. переговоры между представителями военного командования СССР и США в Корее по вопросам взаимных поставок товаров и продовольствия на север и юг, контактов населения двух зон также не дали положительных результатов. Сторонам удалось договориться только по вопросу восстановления транспортного сообщения между двумя зонами. Эта договоренность, однако, так и осталась на бумаге.

Представители советского военного командования предложили наладить экономические связи между севером и югом Кореи. Северная Корея выразила готовность поставлять на юг электроэнергию, уголь, химические удобрения, цветные металлы и другие товары и получать с юга продовольствие, электрооборудование. Однако США отказались поставлять рис на север. Таким образом, не удалось установить межкорейский экономический обмен.

В ряде южнокорейских исследований подвергается критике деятельность советских военных властей в Северной Корее. Ученые РК, используя архивы Министерства обороны СССР, пытаются своеобразно толковать многие исторические факты. В частности, южнокорейский исследователь Чжон Хюн Су утверждает, что советское военное командование (СВК) на севере Кореи сразу же взяло линию на раскол, начало формировать органы местной власти. «В октябре 1945 г., – пишет Чжон Хюн Су, – позиция руководства СВК сводилась к тому, чтобы развивать Северную Корею как самостоятельное политическое и экономическое образование».

Трудно согласиться с такой трактовкой. В этой связи хотелось бы напомнить о директиве И. В. Сталина от 20 сентября 1945 г., в которой речь шла, кроме прочего, о содействии в восстановлении экономической жизни на территории Северной Кореи, подвергшейся разрушениям в результате боевых действий. Вполне очевидно и логично формирование органов местного самоуправления на севере Кореи, ибо их задача

состояла в том, чтобы совместно с Управлением советской гражданской администрации (УСГА) восстанавливать и развивать экономику, образование и здравоохранение.

Созданная на Московском совещании Совместная советско-американская комиссия по Корее действовала с марта 1946 г. по октябрь 1947 г. Советскую делегацию в Комиссии возглавлял генерал-полковник Т. Ф. Штыков. Однако комиссии не удалось достигнуть согласия по вопросу о создании Временного правительства Кореи. Заседания Комиссии проходили весьма напряженно. Каждая из сторон стремилась продвинуть своих сторонников из числа корейцев для участия в консультациях по формированию Временного правительства. Длительные напряженные дискуссии велись по поводу того, какие партии и организации считать демократическими, а какие реакционными.

Советская делегация настаивала на том, чтобы консультации по формированию Временного правительства велись только с теми партиями и группировками, которые поддерживали решения Московского совещания министров иностранных дел трех держав. Американцы, ссылаясь на то, что в решениях совещания не было указания на этот счет, отвергли советские требования.

Постоянные противоречия, которые проявлялись в ходе обсуждения советскими и американскими военными представителями конкретных вопросов реализации решений Московского совещания, трактуются некоторыми южнокорейскими учеными-историками как нежелание и даже боязнь СССР «проникновения» США в советскую зону ответственности на Корейском полуострове. Чжон Хюн Су пишет, что советская делегация в совместной комиссии «занимала глухую оборону, чтобы пресечь попытки проникновения американцев в свою оккупационную зону».

Автор прав лишь отчасти. Советско-американское политическое противостояние в Корее после ее освобождения – результат острой борьбы, которая разворачивалась между двумя противоположными идеологическими лагерями. Эта борьба проходила по всему периметру мировой политики и, естественно, она не могла обойти Корейский полуостров. Нарождавшаяся во главе с Советским Союзом новая мировая политическая система – социализм – пыталась отвоевать позиции у капитализма. Наступала эпоха «холодной войны».

И совершенно нелогичен и исторически неверен тезис Чжон Хюн Су о том, что роль Москвы в корейском вопросе в 1945–1948 гг. «недостаточно конструктивна и позитивна». Эту «неконструктивность» автор обнаруживает в том, что «Советский Союз преследовал цель создания в Корее левого правительства», которое, по его словам, «навсегда обеспечивало бы его (СССР. – *Примеч. авт.*) государственные интересы». И тут же южнокорейский ученый утверждает, что, проводя такую политику, «Советскому Союзу удалось предотвратить установление контроля США над всей Кореей». Думается, что здесь он прав, т. к. обе стороны – и СССР, и США стремились создать такие политические режимы в обеих зонах Кореи, которые отвечали бы их интересам. И ответственность за распад Кореи не может быть возложена только на Советский Союз. Значительная доля вины лежит на США, которые отказались искать компромиссы на основе решений Московского совещания и пошли на создание сепаратного государства южнее 38-й параллели.

Несмотря на очевидные непоследовательные оценки южнокорейским исследователем роли Советского Союза в корейских делах в первые годы после освобождения, тем не менее его общий вывод достаточно позитивен: «Надо отдать должное Москве: период формального советского управления в Северной Корее был весьма краткосрочным и конструктивным. Самое главное, что он обошелся без тех правовых эксцессов, которые сопровождали американскую оккупацию Юга».

В сентябре 1947 г. советская сторона внесла предложение об одновременном выводе из Кореи войск СССР и США и предоставлении корейцам права самим решать проблему воссоединения страны. Американская делегация отказалась рассматривать советское предложение и, в свою очередь, выступила с

инициативой вынести корейский вопрос на рассмотрение ООН, имея в виду провести в обеих частях Кореи всеобщие выборы и на их основе сформировать общекорейское правительство. Эта американская инициатива не нашла поддержки у Советского Союза. Американская сторона в октябре 1947 г. заявила о прекращении своего участия в работе Совместной комиссии, мотивируя это тем, что правительство США внесло корейский вопрос на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН.

Надо сказать, что левые организации в Южной Корее выступали за продолжение работы советско-американской комиссии. Видный представитель южнокорейских левых Е Ун Хён (1885–1947), считал, что продолжение деятельности комиссии будет способствовать укреплению позиций демократических сил на юге. Е Ун Хён был активным сторонником объединения левых и правых сил в Южной Корее на основе поддержки решений Московского совещания. Эта его идея не была реализована, т. к. позиции противников опеки на юге, прежде всего, Ким Гу и Ли Сын Мана, были более прочными и пользовались поддержкой населения.

Генеральная Ассамблея ООН в октябре 1947 г. начала обсуждение корейского вопроса. В ходе дискуссии на Генассамблее СССР выдвинул предложение об одновременном выводе из Кореи советских и американских войск и приглашении представителей корейского народа участвовать в обсуждении вопроса о Корее. Имея большинство в ООН, Соединенные Штаты добились отклонения советского предложения. Генеральная Ассамблея приняла резолюцию о создании Временной Комиссии ООН по Корее, которой было поручено контролировать проведение выборов в обеих зонах Кореи и создание корейского правительства. Весьма важным пунктом принятой резолюции являлось то, что выборы должны были проводиться на основе пропорционального представительства северной и южной зон. Это автоматически обеспечивало преимущество для тех сил на юге, которые поддерживались США (население Южной Кореи по численности примерно в полтора раза превосходило население Северной Кореи).

На юге решение о проведении выборов в национальное собрание было воспринято неоднозначно. Если ориентировавшиеся на США политические силы поддерживали эту идею, то многие политические организации выступили против сепаратных выборов. В различных районах Южной Кореи были организованы массовые выступления, а на острове Чечжудо левыми силами было организовано вооруженное восстание, которое сорвало проведение там выборов.

Выступавшие против выборов под эгидой ООН политические партии и общественные организации Северной и Южной Кореи в начале апреля 1948 г. на совещании в Пхеньяне подвергли резкому осуждению решение ООН о проведении выборов. На совещании было принято обращение к правительствам СССР и США одновременно вывести свои войска с Севера и Юга и дать корейскому народу возможность самому организовать всеобщие выборы и создать демократическое правительство, которое провозгласило бы образование независимого корейского государства.

Вслед за этим совещанием 30 апреля 1948 г. в Пхеньяне состоялась новая встреча руководителей более сорока основных политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи. В этой встрече приняли участие руководители севера: Ким Ир Сен, Ким Ду Бон, Пак Хон Ён, а также такие видные южнокорейские деятели правого толка, как Ким Гу, Ким Гю Сик, Ан Дже Хон и другие. Представители Севера и Юга высказались за немедленный одновременный вывод всех иностранных войск с Корейского полуострова и заявили, что они не признают результаты сепаратных выборов и не поддерживают правительство, которое будет создано после проведения выборов.

Таким образом, советско-американская конфронтация, а также неспособность политических сил Северной и Южной Кореи договориться о создании единого корейского государства не позволили выполнить решения Московского совещания министров иностранных дел трех держав. Корейская проблема осталась нерешенной. На полуострове продолжалось углубление кризиса, возрастала

конфронтация между Северной и Южной Кореей. Обе корейские стороны продолжали двигаться к полному размежеванию.

§ 2. Политическая ситуация на Юге после капитуляции Японии

Безоговорочная капитуляция Японии 2 сентября 1945 г. повлекла за собой полный паралич всей системы имперского управления Токио на Корейском полуострове. Но еще в разгар военных действий высшие чины японской администрации в Сеуле стали в панике предпринимать лихорадочные усилия в попытках ослабить волну антиколониального народного протеста. Утром 15 августа 1945 г. генерал-губернатор Абэ установил контакт с популярным лидером радикального националистического движения Е Ун Хёном, чтобы продемонстрировать нечто вроде начальной церемонии передачи власти корейцам. Однако Е Ун Хён избрал самостоятельный путь действий, сформировав под своим руководством Комитет по подготовке к национальной независимости (Чосон конгук чунби вивонхве), в состав которого вошли в основном умеренные националисты и ряд деятелей левой ориентации. Несмотря на бойкот правых сил, указанному Комитету удалось добиться немедленного освобождения из тюрем всех политических заключенных, а также провозгласить гарантии базовых демократических свобод на общественно-политическую деятельность, право на создание добровольных групп патриотов по защите общественного порядка и недопущения анархии. Вслед за Сеулом организационные структуры Подготовительного комитета стихийно возникли в Сувоне, Чхунчхоне, Чхонджу, Тэгу, Чханвоне, Пусане, Кванджу и других городах и селениях Юга. 6 сентября 1945 г., т. е. еще до высадки американских войск в Инчхоне, Подготовительный комитет обнародовал довольно радикальную политическую программу деколонизации и продвижения по пути национального возрождения. Программа предусматривала полное изгнание не только японских колонизаторов, но и коллаборационистов из всех сфер национальной жизни (политической, экономической, культурной и пр.), безвозмездную конфискацию и передачу колониальной собственности корейскому народу, введение всеобщего избирательного права, законодательные гарантии основных демократических свобод, включая свободу вероисповедания, введение 8-часового рабочего дня, обеспечение минимума заработной платы, проведение радикальной антипомещичьей аграрной реформы на основе принципа «земля – крестьянам», национализацию ключевых отраслей индустрии, транспорта, средств связи, государственное управление (или регулирование) базовыми сферами народного хозяйства и, наконец, учреждение (в противовес существовавшей до японской колонизации монархии) Корейской Народной Республики (Чосон инмин конхвагук).

Программа Корейской Народной Республики отражала бурный рост патриотических и левodemократических настроений в корейском обществе. На протяжении целого поколения народные массы не раз убеждались в безразличии Запада к национальным требованиям угнетенной Кореи. Вместе с тем стало очевидно, что только освободительная миссия СССР открыла для Кореи путь к восстановлению национальной независимости.

О радикальных левodemократических сдвигах на Юге убедительно свидетельствовали выборочные опросы общественного мнения, проведенные Американской военной администрацией (АВА) в середине 1946 г. в Сеуле и обнародованные влиятельной газетой «Тона ильбо». В опросе приняли участие несколько тысяч респондентов из разных слоев населения, и на вопрос: «Какой политический строй вы поддерживаете?», были получены следующие, во многом сенсационные ответы: «капитализм» – 14 %, «социализм» – 70 %, наконец, «коммунизм» – 7 %, «затрудняюсь ответить» – 8 %. Итоги другого опроса, проведенного газетой «Чосон синмун» 3 июля 1947 г., показали, что более двух третей респондентов выступают за ограничение деятельности ультраправой Демократической партии, поддерживают Народные комитеты и платформу Корейской Народной Республики и концепцию радикальной аграрной реформы на

основе принудительной конфискации помещичье-феодалной собственности и бесплатной передачи ее трудовому крестьянству.

Несмотря на преобладание столь радикальных настроений, Е Ун Хён, будучи политическим реалистом, стремился проводить курс на консолидацию всех патриотов, участников антияпонского сопротивления. Именно во имя этой цели он рекомендовал избрать первым президентом Корейской Народной Республики Ли Сын Мана. Эта рекомендация была одобрена на представительной конференции Комитета по подготовке к национальной независимости еще 6 сентября 1945 г., т. е. за день до высадки американских войск на Юге. На той же конференции на пост вице-президента был предложен Е Ун Хён, министра иностранных дел – Ким Гу, министра финансов – Чо Ман Сик, министра образования – Ким Сон Су. Однако к исполнению своих обязанностей частично приступил лишь Е Ун Хён, тогда как Ли Сын Ман и другие националисты бойкотировали решение упомянутой выше конференции. Тем не менее в середине 1946 г. Е Ун Хён и его близкий сподвижник Хо Хон сумели достичь компромиссного соглашения с лидерами умеренных националистов – Ким Гю Сиком и Вон Сехуном о создании Объединенного комитета левых и правых сил (Чвау хапчак вивонхве).

Достижение временного соглашения о взаимодействии между сторонниками Е Ун Хёна и Ким Гю Сика могло в принципе стать зародышем широкого общенационального фронта патриотических и освободительных сил, основой формирования единого демократического правительства освобожденной Кореи и предотвращения угрозы политического раскола страны. Однако деятельность Подготовительного комитета не вписывалась в стратегические замыслы США и южнокорейских консерваторов. 19 июля 1947 г. в разгар борьбы южнокорейских патриотов за восстановление независимости Кореи Е Ун Хён был злодейски убит. Эта тяжелая утрата, как и рассчитывали заговорщики-террористы, нанесла смертельный удар по Подготовительному комитету, который вынужден был вскоре свернуть свою активную деятельность в Сеуле и ряде провинциальных центров Кореи. Устранение с политической арены Е Ун Хёна в сочетании с преследованием властями таких видных деятелей антияпонского сопротивления, как Ким Гу, Ким Гю Сик и других, позволило оккупационной администрации США с еще большей эффективностью проталкивать во власть правонационалистическую группировку во главе с Ли Сын Маном.

Уже на этой стадии формирования конфронтационной стратегии на Корейском полуострове все более значимую роль начинают играть губительные последствия начавшейся глобальной «холодной войны» между Москвой и Вашингтоном. В геополитических планах Вашингтона, как уже было отмечено в предыдущей главе, какое-либо усиление влияния Советского Союза на Корейском полуострове рассматривалось сквозь призму стратегических интересов США в Тихоокеанском регионе. Поэтому АВА взяла однозначный курс на всемерную поддержку на Юге правонационалистических сил откровенно проамериканской ориентации. Явную незаинтересованность в продвижении правонационалистических, тем более, проамериканских настроений на Север демонстрировала и советская администрация и сложившиеся на Севере органы власти.

Появившийся 16 октября 1945 г. в Сеуле после многолетней эмиграции Ли Сын Ман с ходу был объявлен лидером правых сил. Через девять дней (25 октября) он провозглашает создание Ассоциации по ускоренному достижению независимости Кореи (Тоннип чхоксон чжунан хёбыйхве), который становится ударной силой в борьбе против сторонников Временного шанхайского правительства и Корейской Народной Республики. 31 октября 1945 г. Ли Сын Ман встретился с Пак Хон Ёном, лидером южнокорейских коммунистов и, ссылаясь на позицию главы АВА генерала Ходжа, потребовал прекращения «незаконной» деятельности Народной Республики. По этому поводу Пак Хон Ён с возмущением говорил: «Не понимаю, на каком основании вы требуете роспуска Народной Республики. Не понимаю, на каком основании вы утверждаете, что Народная Республика выступает против АВА, и почему мировое сообщество не может согласиться с правительством, созданным самими корейцами. Наконец, непонятно, по какой причине

Народная Республика мешает вам и вашей политической деятельности». Однако в действительности было очевидно, что за этим курсом скрывается американо-лисымановский сговор против национально-патриотических и левых сил. 12 декабря 1945 г. АВА объявила деятельность Корейской Народной Республики вне закона. А 15 мая 1946 г. АВА, обвинив путем грязной провокации коммунистов в причастности к выпуску фальшивых банкнот, запретила деятельность Компартии. Путь для правых был открыт. 3 июня 1946 г. Ли Сын Ман в своем выступлении на митинге в провинции Чолла-Пукто открыто заявил о необходимости создания на территории Юга сепаратного корейского правительства. Разумеется, это программное заявление полностью соответствовало политическим позициям АВА по корейскому вопросу. Противодействуя активизации либерально-националистических и левых сил и течений, США сделали открытую ставку на правых националистов при формировании различных органов управления при АВА. Представители руководящей верхушки Демократической партии Ким Сон Су и Ким Ён Су стали политическими советниками при АВА, а еще два других деятеля партии – Чо Пён Ок и Ю Ок Чжём заняли важные и ответственные посты директоров департаментов полиции и образования.

Национально-патриотические и левые силы Юга, группируясь вокруг Демократического национального фронта (Намчосон минджуджуй минджок чонсон), попытались остановить политическое возвышение правых сил, действовавших под прикрытием АВА и Временной комиссии ООН. По инициативе ДНФ ЮК развернулось массовое движение (митинги, петиции, демонстрации) за демократические принципы деколонизации и восстановления независимости Кореи. Левыми и патриотическими организациями был создан комитет по подготовке и проведению всеобщей политической забастовки.

В обращении к корейскому народу комитет от имени национальных патриотов и демократов обнародовал 7 февраля 1948 г. свою платформу, в которой потребовал:

1. Выслать Временную комиссию ООН, которая намеревается реализовать «план раздела и порабощения Кореи».
2. Предотвратить формирование сепаратистского правительства на Юге страны.
3. Не допустить проведения антидемократических выборов в условиях разгула насилия и террора.
4. Вывести с полуострова одновременно все иностранные, т. е. и советские, и американские войска.
5. Предоставить корейскому народу суверенное право на создание общекорейского «единого демократического правительства». Подвергнуть наказаниям всех прояпонских деятелей и реакционеров – агентов внешних сил.
6. Увеличить минимум в три раза заработную плату рабочим и служащим.
7. Немедленно ввести в действие закон о труде и социальном страховании.
8. Гарантировать выдачу рабочим не менее 750 г, а членам их семей 450 г риса в день.
9. Подвергнуть безвозмездной конфискации земли помещиков и феодальных собственников и без какого-либо выкупа передать ее крестьянам.
10. Передать всю полноту власти в стране повсеместно созданным самими корейцами народным комитетам.

В борьбе против левых сил Юга, отвергавших политическую программу созданной в 1947 г. по инициативе США Временной комиссии ООН по Корее, США стали формировать свой, т. е. сугубо односторонний, план создания сепаратной южнокорейской государственности. 1 марта 1948 г. американская военная администрация объявила, что всеобщие парламентские выборы в Корее состоятся 9—10 ноября 1948 г. Это означало, что Вашингтон, вопреки позиции левых и умеренно-националистических сил, решил действовать по своему одностороннему сценарию, одобренному ООН, где

у США было устойчивое большинство. 10 мая 1948 г., несмотря на противодействие левых сил, в Южной Корее состоялись выборы в Конституционное собрание (Чегук кукхве), которое спустя примерно два месяца (17 июля 1948 г.) обнародовало новую конституцию страны, провозгласившую 15 августа рождение Республики Корея (или «Тэхан Мингук» – Государства великого народа ханов, или, сокращенно, Хангук). Первым президентом Республики Корея был избран Ли Сын Ман (годы президентства 1948–1960).

Пройдя американскую школу жизни, Ли Сын Ман, тем не менее, не стал демократом. На посту президента Республики Корея он проявил себя как жесткий диктатор, не признающий политических соглашений или компромиссов. Мир он видел в черно-белых тонах, без оттенков и нюансов. Его стремление к упрочению личной власти вступало в конфликт с той политической системой, которую он в силу своих обязательств перед США был вынужден создавать. В конечном счете, он все же свел на нет систему демократических выборов, а также конституционные гарантии предотвращения произвола со стороны исполнительной власти.

Так началась история Первой Республики Корея.

Конституция Республики Корея от 17 июня 1948 г. поставила последнюю точку в дискуссиях о потенциальной возможности восстановления монархии, которая была незаконно ликвидирована японцами в 1910 г. Наследник корейского престола Ли Ын, один из сыновей свергнутого Кочжона, после аннексии Кореи проживал в Японии, где получил военное образование и стал офицером императорской армии, дослужился до генерал-лейтенанта и даже командовал японской дивизией на китайском фронте. После капитуляции Японии Ли Ын неоднократно пытался вернуться вместе со своей супругой, японской принцессой Масако, на свою историческую родину. Но Ли Сын Ман решительно противодействовал этому. Упразднив монархию, правые националисты заявили, что бывший наследник престола может поселиться в Корее в качестве частного лица. (Забегая несколько вперед, отметим, что осуществить эту возможность Ли Ыну удалось лишь в 1963 г., когда ему было позволено на правах бывшего собственника поселиться в одном из королевских дворцов Сеула).

Итак, какие социально-политические силы пришли к власти на Юге в результате выборов 10 мая 1948 г. Депутатские мандаты обрели 84 крупных землевладельца, 32 богатых предпринимателя, 23 бывших чиновника колониальной администрации. Лидерами Национального собрания стали представители двух крупных политических организаций Юга: Ассоциации по ускоренному достижению независимости Кореи и упомянутый выше Хангук минчжудан.

Продвижение правоконсервативной группировки Ли Сын Мана к власти сопровождалось невиданным разгулом террора, ставшего одним из методов ускоренной расчистки политического пространства. Вслед за Е Ун Хёном, Сон Джину и другими 24 июня 1949 г. практически без какого-либо камуфляжа был злодейски расстрелян бывший глава Временного правительства Кореи, весьма популярный и авторитетный в патриотических кругах страны Ким Гу. Наемный убийца – кадровый офицер военной разведки лишь для отвода глаз был на некоторое время заключен в тюрьму. Затем ко всеобщему удивлению он получает полную реабилитацию и даже восстанавливается на военной службе, где стремительно поднимается до звания полковника. Такого рода парадоксы были неотъемлемой чертой политической борьбы на Юге в первые послевоенные годы.

Злодейское убийство Ким Гу стало тяжелой потерей для национальных патриотов Юга. Выходец из патриотических янбанских кругов Ким Гу, находясь в вынужденной эмиграции в Китае и возглавляя Временное правительство Кореи, предпринимал немалые усилия для создания единого антияпонского фронта. Прообразом этого фронта стал Объединенный союз организации движения за возрождение Кореи (Хангук кванбок ундон танчхе енхапхве), выступавший за создание нового (немонархического) корейского государства. Под руководством Ким Гу Временное правительство Кореи разработало и опубликовало в

ноябре 1941 г. программу республиканской конституции, в которой предусматривались такие необычные для Кореи акции, как проведение всеобщих демократических выборов; введение системы обязательного образования; установление государственной собственности на землю и ее распределение среди трудового крестьянства; национализация крупной промышленности. Эти принципы социал-демократического толка нашли также отражение в новом доработанном проекте Конституции Республики Корея, увидевшем свет в 1944 г. в самый разгар Тихоокеанской войны. 1 марта 1942 г. Ким Гу от имени Временного правительства и угнетенного корейского народа направил историческое обращение к правительствам США, СССР, Великобритании и Китая с настоятельным призывом признать независимость Кореи, поскольку Армия возрождения Кореи (Хангук кванбоккун) мужественно сражалась на стороне союзных войск в войне против Японии. Однако это обращение было оставлено союзными державами без ответа. После капитуляции Японии лидеры Временного правительства Кореи возвращаются на родину (ноябрь 1945 г.) и настойчиво выступают за объединение всех национально-освободительных сил, включая правых, умеренных и коммунистов. Эта позиция создавала серьезную основу для поиска общенационального консенсуса, но против открыто выступили ультраправые националисты, организовавшие против Ким Гу преступный заговор с целью физического устранения его с политической арены.

Развернув кампанию массового террора против левых и национально-патриотических сил, правые националисты при интенсивной поддержке АВА стали продвигать в жизнь проект первой конституции, которая наделяла главу государства (президента) обширными полномочиями и прерогативами, во многом дублирующими основные положения конституции США. В перечень этих функций вошли: ввод в действие законов, принимаемых парламентом; руководство Государственным советом; назначение и смещение премьера и его заместителей. В качестве Верховного главнокомандующего президент наделялся правом объявления состояния чрезвычайного положения, войны или мира. Будучи лидером ведущей политической партии, назначал высших государственных чиновников. На президента как руководителя внешней политики страны возлагалась ответственность за мирное воссоединение отечества. Президент возглавлял законотворческий процесс, однако не обладал правом роспуска парламента. Более того, сам парламент наделялся ключевым правом импичмента президента в случае ненадлежащего исполнения им конституции страны. Национальным символом возрожденного государства стал бело-сине-красный флаг Тхэгыкки (принцип «наивысшей кульминации» в даосизме).

Тхэгыкки был создан корейским патриотом Пак Ён Хю еще в 1883 г. До японской колонизации Тхэгыкки был официальным государственным флагом Кореи. В годы колониального режима даже хранение этого флага рассматривалось японцами как тяжкое государственное преступление. На ослепительно белом фоне флага в символическую окружность сливается некое подобие двух космических капель – красной и синей (Ян и Инь), сложное взаимодействие которых отражает все явления человеческого мироздания. Белизна фона – символ чистоты помыслов и миролюбия корейской нации. Триграммы на углах флага подчеркивают неувядающую жизненность этого символа.

Первым премьер-министром Первой Республики Корея стал **Ли Бомсон** (1900–1972).

В составе правительства Первой республики абсолютно преобладали вернувшиеся из эмиграции выходцы из крупных янбанских кланов, выпускники американских и японских университетов. Первое министерство иностранных дел РК возглавил Чан Тхэксан, выпускник Эдинбургского университета, министром внутренних дел стал Юн Чхиён, выпускник Принстонского университета. Министром финансов был назначен Ким Доён, получивший в США ученую степень доктора наук. Министерством торговли и промышленности возглавила Им Ёнсин (Им Хунза), окончившая университет штата Южная Каролина в США. В состав кабинета по тактическим мотивам был включен Чон Джинхан, председатель Всекорейской федерации рабочих союзов Кореи. Единственным членом кабинета, тяготеющим к левым позициям, оказался Чон Бонам, бывший коммунист, избранный в 1948 г. в состав первого Национального собрания

РК.

Проамериканская правонационалистическая ориентация первого правительства РК представляла собой разительный по своему социальному составу контраст с первым кабинетом министров КНДР, сформированным при активном участии советской военной администрации в основном из бывших партизан и подпольщиков, т. е. реальных участников антияпонского вооруженного сопротивления, о чем более подробно говорится в следующей главе.

§ 3. Формирование экономической основы Первой республики

Получив в свои руки ключевые портфели государственно-административного управления, кабинет Ли Сын Мана с первых же дней своего существования оказался тем не менее в полной финансово-экономической зависимости от АВА, которая еще в ноябре—декабре 1945 г. объявила себя владельцем всей без исключения собственности на Юге, включая земли бывших колонизаторов, склады, промышленные и энергетические объекты, административные здания, дороги и другое имущество, составлявшее основу экономического господства метрополии в стране. В итоге под контролем АВА оказалось 2690 предприятий горнорудной и обрабатывающей промышленности, примерно 324 тыс. чонбо пахотной земли, более 9 тыс. торговых заведений, 2800 складских помещений, 225 судов, более 48,4 тыс. жилых домов. Собственностью военной администрации США были объявлены все не вывезенные из страны валютно-финансовые ресурсы (золото, платина, серебро, ценные бумаги, кредиты и другие источники банковских доходов). До капитуляции японцам принадлежало от 70 до 90 % суммарного капитала, инвестированного в ключевые народно-хозяйственные отрасли Кореи. Все эти капиталовложения перешли под контроль специально созданного Управления по охране имущества при АВА.

Вместе с тем военные власти США оставляли нетронутой структуру многих крупных японских компаний и даже управленческие права японских чиновников в этих компаниях. В числе «неприкасаемых» оказалась, в частности, принадлежавшая японцам «Корейская корпорация по контролю над важнейшими материалами». Часть ценнейших запасов этой корпорации (вольфрам и другие стратегические товары) уже с октября 1946 г. стали вывозиться в США. В целях расширения экспансии американского капитала в начале 1947 г. была создана «Корейско-американская торговая палата», учредителями которой стали такие киты американского бизнеса, как «Интернейшнл телефон энд телеграф», «Калифорния Тексас ойл», «Сокони вакуум ойл» и др. Представители этих и других американских корпораций назначались «советниками» в ключевых административных структурах Юга. А ряд высших должностных чинов вооруженных сил США на Дальнем Востоке без стеснения становятся акционерами заокеанских корпораций, проявлявших наибольший интерес к национальным ресурсам Кореи.

С марта 1947 г. военные власти США начали частичную распродажу корейским гражданам экспроприированной японской собственности, а также некоторой части земель японских колонистов. Низкая эффективность этой акции побудила военные власти США заключить 11 сентября 1948 г. с южнокорейскими властями специальное финансово-экономическое соглашение о передаче последним для последующей реализации огромной по своим масштабам бывшей собственности японских колонизаторов. На основе этого соглашения правительству Южной Кореи были переданы конфискованные у японских собственников железные дороги, средства связи, центральный банк, предприятия судостроительной, угольной, судоходной и других корпораций. Сохраняя под контролем государственного сектора ключевые отрасли народного хозяйства и монополию внешней торговли, правительство РК на основе декрета от 19 декабря 1948 г. приступило к «свободной продаже», т. е. приватизации примерно 2300 бывших японских предприятий. Эта акция позволила южнокорейским властям привлечь на свою сторону верхушку национально-буржуазных кругов, которая стремилась расширить накопление своего первоначального капитала за счет льготных государственных акций.

Передавая новым частникам предприятия легкой промышленности, торговли, сферы услуг и т. п., АВА стремилась оставить под контролем государства все стратегически важные предприятия топливно-

энергетической, машиностроительной, металлургической промышленности, транспорт, почтово-телеграфную связь, банковскую систему и др. Таким образом предполагалось создать сильный государственно-капиталистический сектор, который призван был наряду с крупным частнокапиталистическим сектором играть ключевую роль в народно-хозяйственном развитии страны. Уже на этом этапе резкий скачкообразный рост совершают семейно-клановые финансово-промышленные группы – чэболь. Наиболее впечатляющий пример прорыва в большой бизнес продемонстрировала корпорация «Самсунг» (в переводе «Три звезды»).

Основатель корпорации Ли Бьенг Чуль в середине 30-х гг., т. е. во время японской оккупации владел небольшим мукомольным предприятием и скромной сельской лавкой. В 1938 г. ему удается открыть экспортную линию по торговле рисом, сахаром и сушеной рыбой в Китае. Во время Второй мировой войны Ли Бьенг Чуль создает предприятие по производству рисовой водки и пива, которые пользовались большим спросом со стороны вооруженных сил. Но это были скромные этапы первоначального накопления. Подлинный прорыв в большой бизнес начинается после прихода к власти правой группировки Ли Сын Мана. Ли Бьенг Чуль входит в круг самых приближенных к хозяину Голубого Дворца, щедро финансирует избирательные кампании Ли Сын Мана, который не остается в долгу.

Государственные кредиты, выгодные подряды, льготы по приватизации японского имущества и другие привилегии открывают широкую магистраль в большой бизнес. «Самсунг» становится владельцем объектов текстильной, сахарной промышленности, судостроения, крупных отелей, университетов, больших печатных изданий. Уже к концу 50-х гг. «Самсунг» – самый богатый чэболь Южной Кореи (но главный бизнес – электроника мирового уровня с многомиллиардным оборотом – приходится на последующие десятилетия).

Огромную роль в становлении южнокорейских чэбелей сыграли программы американской помощи. 16 февраля 1948 г. правительство Ли Сын Мана подписало с США «Договор о дружбе и торговле», по условиям которого на РК распространялось действие «плана Маршалла», что свидетельствовало о том, что Южная Корея становится сферой важных геополитических и стратегических интересов США на Дальнем Востоке.

Заметной социально-экономической и политической акцией Первой республики, организованной не без интенсивного давления США, стало проведение на Юге довольно глубоких аграрных преобразований. «Закон о земельной реформе» был одобрен Национальным собранием РК 21 июня 1949 г. в условиях, когда на Севере, т. е. в КНДР, было полностью ликвидировано не только колониалистское, но и помещичье и кулацко-ростовщическое землевладение (подробнее см. гл. 3).

Превращению аграрного закона в нормативный акт исполнительной власти сопутствовала затяжная закулисная борьба, в ходе которой феодально-помещичьи круги пытались выхолостить основное содержание аграрной реформы, ограничив его верхушечным, во многом формальным перераспределением земли. Однако это противодействие было преодолено южнокорейскими властями, которые осознавали, что дальнейшее промедление в проведении реальных преобразований в деревне несет серьезную угрозу существованию самой республики. На юге страны неуклонно нарастало социальное брожение трудовых слоев крестьянства, сельской бедноты и пауперов, объединявшихся вокруг Крестьянского союза Южной Кореи (Намчосон нонмин тонмэн), руководимого левыми политическими силами.

В ряде районов Юга крестьянское движение за землю, социальные и политические права принимало характер открытой повстанческой войны. Наиболее крупным массовым выступлением беднейшего крестьянства того времени стало вооруженное восстание сельской и городской бедноты на острове Чеджудо, вспыхнувшее весной 1948 г. Во многих населенных пунктах острова повстанцы, численность

которых достигла 10 тыс. человек, явочным порядком брали власть в свои руки, захватывали земли помещиков. Черпая вдохновение в традициях Первоапрельского движения 1919 г., повстанцы добивались установления народной власти, равенства, справедливости. С середины 1948 г. пламя вооруженных массовых народных выступлений стало распространяться на другие регионы Юга – провинции Чолла-Пукто, Чолла-Намдо, Южный Кёнсан.

Для подавления повстанческого вооруженного сопротивления, объявленного южнокорейскими властями «коммунистическим заговором», военные власти США и правительство Ли Сын Мана прибегли к беспощадным карательным акциям. В мятежных провинциях и уездах Юга было объявлено чрезвычайное положение, и части регулярных войск под наблюдением американских инструкторов и при поддержке авиации и ВМС США приступили к планомерной ликвидации основных очагов народного сопротивления. Уже на первом этапе этой карательной операции было убито и ранено около 9 тыс. повстанцев. Десятки тысяч мирных граждан, сочувствующих повстанцам, как и в годы японского владычества, оказались в казематах. В такой накаленной ситуации 20 ноября 1948 г. Ли Сын Ман провел в Национальном собрании Закон о государственной безопасности, который квалифицировал любую оппозиционную властям деятельность как «государственную измену», подлежащую строжайшему наказанию вплоть до смертной казни. Уже в первые годы применения этого драконовского закона в южнокорейских тюрьмах и концлагерях оказались не только коммунисты, но и многие патриоты-националисты, включая парламентариев, настойчиво требовавших вывода американских войск из страны. В июне 1949 г., попирая депутатскую неприкосновенность, сеульские власти подвергли аресту вице-спикера Национального собрания Ким Яксу, известного патриота и ветерана антияпонского сопротивления. Тотальные карательные меры вынудили южнокорейских левых и патриотов-националистов отойти в глухие горные и таежные районы и перейти к тактике скрытой войны. На переднем крае этой борьбы находились Компартия Южной Кореи (Намчосон консандан) и другие патриотические партии и организации Юга, включая участников известных переговоров между Севером и Югом (19–30 апреля и 29 июня – 9 июля 1948 г.).

В такой ситуации Закон о земельной реформе от 21 июля 1949 г. не был какой-либо благотворительной акцией, а представлял собой прямое следствие развертывания социальной борьбы в южнокорейской деревне, хотя его содержание носило половинчатый характер.

По условиям реформы все земли помещиков и ростовщиков свыше 3 чонбо подлежали за соответствующую плату выкупу облигациями Корейского национального банка и передаче в государственный аграрный фонд. Последний, в свою очередь, осуществлял перераспределение земли среди трудовых крестьян по рыночной стоимости среднегодового урожая в рассрочку на 15 лет. Таким путем, в короткий срок у помещиков и крупных землевладельцев было изъято и передано крестьянам около 600 тыс. чонбо обрабатываемой земли. В итоге новыми земельными собственниками стали около 950 тыс. крестьянских хозяйств. Реформа не ликвидировала крестьянского малоземелья и безземелья, но мелкие собственники, получившие в среднем по 0,5 чонбо обрабатываемой, в основном орошаемой высокоплодородной земли, придали новый социально-экономический облик южнокорейской деревне. По своим масштабам и глубине это была своего рода аграрная революция «сверху», во многом предопределившая не только новую социально-экономическую, но и политическую обстановку на Юге.

Правда, практическое проведение аграрного закона в жизнь сопровождалось многочисленными явными и скрытыми нарушениями. Одним из самых распространенных было искусственное дробление крупных земельных владений, всевозможные фиктивные сделки помещиков и ростовщиков. Поэтому из общего фонда в 1,44 млн чонбо земли, обрабатываемой арендаторами до реформы, в реальную систему перераспределения попала лишь половина арендуемых угодий. Тем не менее аграрный закон Первой республики нанес ощутимый удар по всей системе не только колониальных, но и феодально-помещичьих отношений, которые в своей массе прекратили де-факто свое существование. В отличие от Севера, где под

фасадом национализации осуществлялось огосударствление земли, передаваемой лишь в бессрочное пользование кооперативам и госхозам, южнокорейские крестьяне превращались в реальных хозяев ранее арендуемых наделов. Реформа уничтожила по крайней мере на переходный период бесчисленный слой паразитических абсентеистов-посредников, присваивавших нередко львиную долю прибавочного продукта непосредственных производителей. Новые крестьяне – реальные собственники – составили социальную основу более эффективного в последующем товарно-капиталистического фермерского хозяйства. В то же самое время Первая республика обрела и в деревне солидную социально-политическую опору, которая сыграла немалую роль на последующих этапах эволюции южнокорейской государственности.

§ 4. Южная Корея в канун гражданской войны

Стратегическая линия США на создание сепаратного государства на юге Кореи проявилась в действиях Соединенных Штатов и по другим направлениям корейской политики Вашингтона. США продолжали наращивать и совершенствовать свои программы экономической помощи Первой республике. В соответствии с программой американского Управления экономического сотрудничества (УЭС) первоочередные усилия для экономического восстановления и развития РК направлялись: во-первых, на существенный прирост производства продовольствия, прежде всего, для внутреннего потребления; во-вторых, на увеличение добычи и промышленную обработку сырьевых товаров, в-третьих, на восстановление и развитие энергетических отраслей и транспорта – железнодорожного, сухопутного, морского. Таким путем предполагалось реанимировать захиревшую экспортную торговлю в целях накопления валютных средств для новых инвестиционных проектов.

В целях поддержки этой программы самообеспечения Госдепартамент США запросил у Конгресса экстренную помощь для РК в размере 350 млн долл. на период 1950–1953 гг. Дипломаты США заверяли конгрессменов, что «Южная Корея – это бастион демократии в Азии» и без экономической поддержки власть Первой республики в Сеуле наверняка рухнет, что нанесет непоправимый ущерб по жизненно важным интересам США в регионе.

Осторожное отношение многих конгрессменов к данному проекту побудило правительство США направлять первоначально свою помощь Южной Корее не непосредственно ее правительству, а через Пентагон, т. е. оккупационные войска и другие ведомства.

Именно при содействии Пентагона в Первой республике форсированными темпами началось воссоздание военно-полицейской машины. Еще в ноябре 1945 г. АВА создала в Сеуле Директорат национальной обороны, под юрисдикцию которого были переданы унаследованные от японцев остатки военно-полицейской и охранной структуры, включая здания, средства связи, транспорт и т. п. Одновременно на упомянутый орган были возложены основные функции по мобилизации, организации, обучению и экипировке сухопутных и морских вооруженных сил. С этого времени южнокорейская военно-полицейская структура стала развиваться особенно бурно. 8 июня 1949 г. Госдепартамент США опубликовал заявление, из которого следовало, что по мере совершенствования военной подготовки южнокорейцев Пентагон будет передавать РК свое оружие. Более того, США не исключали возможности вывода из РК своих войск, если южнокорейцы окажутся способны «самостоятельно» обеспечивать свою оборону и безопасность.

К весне 1949 г. благодаря солидным американским субсидиям в РК было мобилизовано 114 тыс. солдат и офицеров, в т. ч. в регулярную армию – 65 тыс., полицию – 45 тыс., береговую охрану – 4 тыс. Подавляющая масса офицерских кадров проходила обучение или стажировку в вооруженных силах и полицейской службе США. При каждом крупном войсковом подразделении РК действовал американский советник, обладающий правами экстерриториальности. Форсированная милитаризация страны резко усилилась после принятия 15 июля 1949 г. Национальным собранием закона о всеобщей воинской повинности для всех молодых людей в возрасте от 17 до 28 лет. Ни один призывник, независимо от его служебного или имущественного положения, не освобождался от службы в вооруженных силах. Кроме кадровой армии создавался полувоенный Корпус национальной обороны, в который зачислялись все демобилизованные из рядов армии, охранных и силовых структур. На основе бурного роста милитаризма, превращения Первой республики в военно-полицейское государство в стране резко усиливаются реваншистские настроения. Согласно конституции Республики Корея КНДР рассматривалась лишь как «временно оккупированная территория». Правительство Первой республики периодически «назначало»

губернаторов северных провинций, имевших даже свои временные служебные апартаменты у южных ворот г. Сеула. В такой ситуации 38-я параллель стала ареной непрекращающихся пограничных столкновений, в которых участвовали десятки тысяч солдат и полицейских. Угроза массовой гражданской войны становилась все более осязаемой и реальной.

Таким образом, создание 15 августа 1948 г. на юге Кореи сепаратной республики нанесло ощутимый удар по сокровенной мечте корейского народа о быстром возрождении общенациональной государственности. Из временной линии разъединения союзных войск 38-я параллель превращалась в официальную границу между двумя самостоятельными корейскими государствами, каждое из которых претендовало на общенациональное представительство. В то драматическое время расколу Кореи, к сожалению, в немалой степени содействовала односторонняя линия тогдашнего руководства ООН. На осеннюю сессию Генеральной Ассамблеи ООН 1948 г. были допущены только представители Юга Кореи. 12 декабря 1948 г. ГА ООН приняла резолюцию, в которой правительство Республики Корея признавалось как «законное правительство», избранное на основе демократических выборов и под наблюдением Временной комиссии ООН. Тем самым, действуя целиком в духе психологии «холодной войны», США и их союзники в ООН полностью бойкотировали реальное существование КНДР, которая безуспешно стремилась в те дни быть услышанной мировым сообществом. ООН в корне отвергала политические инициативы Севера, хотя в документах Комиссии ООН по Корее по-прежнему делался акцент на необходимость объединения Кореи и даже скорейшем выводе иностранных войск из страны.

Создание самостоятельного государства на юге Корейского полуострова в решающей степени было обусловлено геополитическими устремлениями США в обширном регионе Северо-Восточной Азии. Отвергнув концепцию восстановления единой корейской государственности, Вашингтон стремился обрести нового военно-политического союзника в регионе, создать по линии 38-й параллели силовой барьер противостояния и конфронтации не только с КНДР, но и с КНР. Весь ход дипломатических баталий по корейскому вопросу, воинственная риторика Сеула, его нежелание признать политические реалии и баланс сил были признаками надвигающейся беды, которая очень скоро нагрянула на Корейский полуостров в виде большой необъявленной региональной войны.

Глава II

Образование Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР)

Освобождение Кореи открывало перспективы для свободного независимого развития единого корейского государства. На севере Корейского полуострова разворачивалась работа по активизации общественно-политической жизни, экономическому и политическому строительству.

В конце сентября 1945 г. в Вонсан из Владивостока на теплоходе «Пугачев» прибывает Ким Ир Сен. Он назначается помощником коменданта г. Пхеньяна. С прибытием Ким Ир Сена в Северную Корею активизируется борьба различных политических сил за выбор пути дальнейшего развития Северной Кореи.

При поддержке Советской гражданской администрации создаются органы местного самоуправления – народные комитеты. К концу 1948 г. в народных комитетах работало уже свыше 10 тыс. человек. Для координации деятельности народных комитетов в октябре 1945 г. был учрежден временный орган управления – Административное бюро пяти северокорейских провинций, а также 10 департаментов, которые занимались развитием экономики, здравоохранения, культуры и т. д. Председателем Административного бюро стал Чо Ман Сик, популярный в Корею политический деятель националистического толка.

Советские власти на первых порах сделали ставку на Чо Ман Сика в качестве руководителя Северной Кореи. Первые встречи представителей советского военного командования с Чо Ман Сиком оставили довольно сложное впечатление об этой политической фигуре. Вот что пишет в своих мемуарах командующий 25-й армией генерал-полковник И. М. Чистяков: «Во время беседы Чо Ман Сик сидел в кресле неподвижно, с закрытыми глазами. Можно было подумать, что он спит. Лишь изредка, молча, еле заметно Чо Ман Сик кивал головой в знак согласия или качал головой, возражая. Вел он себя как старший по возрасту среди присутствовавших, видимо, полагая, что чем меньше будет говорить, тем выше будет его авторитет». Несмотря на такое поведение (а оно укладывалось в конфуцианские традиции корейцев), советская администрация продолжала надеяться на то, что ей удастся привлечь Чо Ман Сика на свою сторону, однако он отказался. Чо Ман Сик был настроен резко антикоммунистически и не проявлял готовности к сотрудничеству с представителями левого крыла нарождавшейся северокорейской политической элиты.

В первые месяцы после освобождения на Севере и Юге Кореи стали формироваться политические партии. В сентябре 1945 г. в Сеуле была воссоздана Компартия, которую возглавил ветеран коммунистического движения Кореи Пак Хон Ён.

10 октября 1945 г. в Пхеньяне было образовано Оргбюро Компартии Кореи как ее отделение на Севере. Возглавил северокорейское оргбюро Ким Ён Бом, который еще в 1930-е годы был направлен Коминтерном в Корею для нелегальной работы. Ким Ир Сен в то время был членом бюро. Через два месяца в декабре 1945 г. Ким Ир Сен сменил Ким Ён Бома и стал руководителем северокорейских коммунистов.

В современном корееведении продолжают перманентные дискуссии о том, кто же такой Ким Ир Сен, как случилось, что 33-летний капитан Красной армии стал руководителем северокорейского государства. Все специалисты сходятся во мнении, что И. В. Сталин был «крестным отцом» Ким Ир Сена. В

корееведческих кругах существует версия, основанная на рассказах очевидцев, о том, что, когда Сталину показали список возможных руководителей Кореи, он поставил галочку красным карандашом напротив фамилии Ким Ир Сена.

В Корею в годы колониального режима Ким Ир Сен был хорошо известен как один из популярных партизанских командиров. Когда 14 октября 1945 г. Ким Ир Сен был представлен генералом И. М. Чистяковым собравшимся на митинге в Пхеньяне как «выдающийся партизанский командир», среди митингующих прошел «гул изумления». Люди считали, что Ким Ир Сен – это не молодой человек, а убежденный сединой партизанский вождь. Появление Ким Ир Сена на пхеньянском митинге положило начало его стремительному политическому восхождению.

Выбор будущего руководителя был непростым. Как считают российские военные историки А. С. Орлов и В. А. Гаврилов, И. В. Сталин в августе 1945 г. дал указание провести работу по подбору возможных кандидатур на должность руководителя Северной Кореи. Сделать это нужно было достаточно быстро. Попытки привлечь популярного буржуазного деятеля Чо Ман Сика к руководству Северной Кореей, как об этом было сказано выше, окончились неудачей. Чо Ман Сик, придерживаясь достаточно прочных националистических взглядов, не желал работать с представителями левых убеждений, которые стали доминировать на всех уровнях политической жизни Северной Кореи сразу же после освобождения. Кроме того, ему не очень-то хотелось выполнять указания советских военных властей.

И. В. Сталину был представлен список из пяти групп для отбора на роль северокорейского руководителя. В первую группу входили люди, направленные в Корею в 1920–1930-е гг. Коминтерном для подпольной работы с целью создания коммунистических организаций. Все они окончили советские учебные заведения. Среди них были упоминавшиеся Ким Ён Бом, Пак Ден Ай (в СССР Пак Ден Ай была известна как Вера Пак. В 1950–1960-е гг. входила в состав высшего партийного руководства, была членом Политбюро ЦК ТПК. В конце 1960-х гг. подверглась репрессиям).

Вторую группу представляли выходцы из Яньани (Китай), где в годы войны находилось руководство Компартии Китая во главе с Мао Цзэдуном, прошедшие там специальную подготовку. Наиболее видным представителем этой группы был Ким Ду Бон.

В третью группу входили местные националистические лидеры. Наиболее известным из них был Чо Ман Сик.

Четвертая группа была представлена советскими гражданами корейской национальности, среди них Хо Га И – член Политбюро ЦК, заместитель председателя ЦК Трудовой партии Кореи.

Пятую группу составляли партизанские лидеры – Ким Ир Сен, Цой Ён Ген и др.

По словам А. С. Орлова и В. А. Гаврилова, советские компетентные органы давали высокую оценку личным и деловым качествам Ким Ир Сена (*по-китайск.* Цзин Жи Чен): «...имеет хорошую военную подготовку. Неоднократно поощрялся командованием. Пользуется авторитетом среди подчиненных. Награжден орденом Красного Знамени. Делу Ленина – Сталина предан». Те, кто лично хорошо знали Ким Ир Сена, воевали вместе с ним против японцев в 1930-е гг., служили в 88-й интернациональной бригаде в 1940–1945 гг. под Хабаровском, отмечают его «фатальную преданность Сталину». Ким Ир Сен «боготворил» советского вождя и «всячески демонстрировал свою любовь на словах».

В выдвижении Ким Ир Сена большую роль конечно же сыграла его молодость. Советский руководитель считал, что все перечисленные выше качества Ким Ир Сена позволят Москве управлять им, проводить ту политическую линию, которая необходима СССР. На первых порах так и было. Но затем история распорядилась по-своему. Вернее, Ким Ир Сен стал осуществлять такой политический курс, который, как он считал, отвечает интересам его партии, его страны.

В феврале 1946 г. в Северной Корее начала действовать Новая народная партия (ННП), созданная возвратившимся из Китая Ким Ду Боном. По своим целям и программным установкам ННП была близка к коммунистам и ориентировалась на интеллигенцию и мелкую буржуазию.

После объединения Компартии и Новой народной партии Трудовая партия насчитывала в своих рядах более 300 тыс. членов. Принятая на объединительном съезде Программа ТПК провозгласила в качестве главной задачи создание «независимого демократического единого государства». Устав провозглашал ТПК «марксистско-ленинской партией» и предусматривал ее построение «на принципах демократического централизма».

После освобождения Кореи советским руководством было принято решение направить туда граждан СССР корейской национальности для оказания помощи в формировании корейской государственности, восстановлении разрушенной экономики. Всего в Северную Корею было направлено несколько сотен советских корейцев. Наиболее известным среди них был Хо Га И (Хогай), вошедший впоследствии в состав высшего северокорейского руководства.

В конце 1947 г. в руководстве Трудовой партии Кореи сформировались четыре группировки: внутренняя – коммунисты, которые вели подпольную деятельность в годы японского колониального господства (руководитель Пак Хон Ён), «Яньянская» – во главе с Ким Ду Боном, «просоветская», которую возглавлял Хо Га И, и партизанская (маньчжурская), руководимая Ким Ир Сеном.

Наличие четырех группировок в северокорейской правящей партии в конечном итоге привело к острой внутрипартийной борьбе, завершившейся разгромом «внутренней» «Яньянской» и «советской» фракций и победой партизанской группировки во главе с Ким Ир Сеном.

В ноябре 1945 г. Чо Ман Сик создает Демократическую партию Кореи (ДПК) националистического направления. В руководство ДПК вошли соратники Ким Ир Сена по партизанской борьбе Цой Ен Ген и Ким Чхэк.

Спустя некоторое время Демократическая партия раскололась. Чо Ман Сик выступил категорически против решений Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании об опеке над Кореей и был снят с должности председателя ДПК. Партию возглавил Цой Ен Ген. Чо Ман Сик был также отстранен от руководства административным бюро пяти провинций.

В ноябре 1945 г. была образована еще одна политическая партия Чхондогё-Чхонудан (Партия молодых друзей небесного пути), религиозная партия.

Помимо политических партий на Севере были сформированы контролируемые ТПК общественные организации – Объединенные профсоюзы Кореи, Крестьянский союз, Союз демократической молодежи, Союз демократических женщин. В августе 1946 г. три политические партии – ТПК, ДПК и Чхондогё-Чхонудан, а также общественные организации объединились в Единый демократический национальный фронт (ЕДНФ).

В связи с резкой активизацией антикоммунистической кампании в Южной Корее, усилением репрессий против левых сил большинство их руководителей перешло на Север. Среди них был и Пак Хон Ён. После образования КНДР он являлся одним из высших руководителей республики.

В целях укрепления новой власти, активизации усилий по проведению реформ в феврале 1946 г. создается Временный народный комитет Северной Кореи (ВНК СК) во главе с Ким Ир Сеном.

В марте 1946 г. Временный народный комитет принимает Политическую программу из 20 пунктов, которая определила основные параметры государственного строительства на севере Корейского полуострова. В программе провозглашались задачи по ликвидации последствий японского колониального

господства, установление 8-часового рабочего дня, равенство мужчин и женщин, свобода слова, собраний, уличных шествий и т. д. Программа включала также задачи в сфере борьбы с «антидемократическими и фашистскими элементами» (что означало подавление всякой оппозиции). Программа включала положение о необходимости передачи в государственную собственность крупных предприятий, рудников, банков, уничтожение помещичьего землепользования и передачи земли крестьянам. Иными словами, становилось очевидным, что новое руководство намеревалось строить северокорейскую государственность на социалистических основах, хотя слово «социализм» и отсутствовало в программных установках.

Одним из первых юридических актов нового органа северокорейской власти стал указ о земельной реформе от 5 марта 1946 г. Вся земля бывших японских владельцев, а также корейских помещиков полностью изымалась в пользу государства и распределялась между безземельными и малоземельными крестьянами. Для реализации указа о земельной реформе создавались крестьянские комитеты (их было сформировано около 12 тыс.). Реформа была проведена быстро, завершена в течение 20 дней и получила широкую поддержку среди крестьянства. Было изъято 1 млн 325 тыс. чонбо и передано в бессрочное пользование 725 тыс. крестьянских хозяйств.

В августе 1946 г. был принят закон о национализации промышленности, средств связи и транспорта. Под государственный контроль было поставлено более 1000 предприятий, банковско-кредитных учреждений, транспортная инфраструктура.

В июле 1946 г. принимается Закон о равноправии женщин, который предоставил им равные с мужчинами права во всех сферах общественно-политической, экономической и культурной жизни. В декабре 1947 г. в Северной Корее была проведена денежная реформа, введена собственная валюта – вона.

Национализация промышленных предприятий, банков, осуществленная на основе Закона о национализации, привела к созданию крупного госсектора, который охватывал около 80 % промышленного производства. Наряду с Законом о национализации было издано постановление ВНК СК об охране прав частной собственности, согласно которому допускалась деятельность капиталистических предприятий с числом рабочих не более 50 человек. Банкам было предоставлено право выдавать владельцам частных предприятий краткосрочные кредиты.

Проведенные реформы носили общедемократический характер и составляли основу нарождавшегося нового политического режима на севере Корейского полуострова. Реформы получали всемерную поддержку со стороны советской военной и гражданской администраций. Важнейшие законодательные акты и мероприятия по формированию новых органов власти на Севере разрабатывались советскими специалистами.

В конце 1946 – начале 1947 г. в Северной Корее состоялись выборы в народные комитеты провинций, городов, уездов, волостей и сел на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Итогом выборов стало укрепление позиций Трудовой партии в органах государственной власти. Представители ТПК составляли от 65 до 83 % членов народных комитетов.

17 февраля 1947 г. в Пхеньяне был созван Первый съезд народных комитетов провинций, городов и уездов, на котором был избран высший орган государственной власти – Народное собрание Северной Кореи (НС СК), которое наделялось высшей властью «до образования в Корее Временного демократического правительства».

Народное собрание состояло из 237 депутатов, из них членов ТПК – 87 (36 %), Демократической партии – 30 (13 %), партии Чондогё-Чхонудан – 30 (13 %), беспартийных – 90 (38 %). Социальный состав Народного собрания: рабочие – 52 (22 %), крестьяне – 62 (26 %), служащие – 56 (24 %), представители интеллигенции – 36 (15 %), торговцы – 10 (4 %), промышленники – 7 (3 %), кустари – 4 (2 %), служители

культы – 10 (4 %). Среди депутатов было 34 женщины. На первой сессии Народного собрания в марте 1947 г. был избран Президиум во главе с Ким Ду Боном. Был также сформирован Народный комитет как высший исполнительный орган государственной власти, который возглавил Ким Ир Сен.

Параллельно с созданием органов государственной власти в Северной Корее шло формирование вооруженных сил, полиции и службы безопасности. Первые подразделения северокорейской армии были созданы в 1946 г. 8 февраля 1948 г. было официально объявлено о создании Корейской народной армии (КНА).^[12] Первые офицерские кадры были подготовлены в офицерских школах, открытых в Северной Корее при содействии советских военных советников, или в СССР.

Полицейские формирования и служба безопасности были созданы также в 1946 г. Первым руководителем северокорейских органов безопасности стал соратник Ким Ир Сена Цой Ен Ген.

Таким образом, к концу 1947 г. на севере Корейского полуострова было сформировано государство со всеми необходимыми атрибутами: высшим законодательным органом, правительством, армией и полицией, законодательством, финансами. Северная Корея, однако, не спешила опережать Юг в вопросах государственного строительства. В Южной Корее шли аналогичные процессы, но они были более динамичными, чем на Севере, и новые власти во главе с Ли Сын Маном настойчиво стремились к созданию сепаратного государства.

В ноябре 1947 г. на III сессии Народного собрания Северной Кореи была образована Комиссия по подготовке проекта временной конституции во главе с Ким Ду Боном. В течение февраля—апреля 1948 г. этот проект обсуждался населением Северной Кореи. После всенародного обсуждения Комиссия НССК одобрила проект Конституции.

В июне 1948 г., т. е. после принятия в Сеуле конституции о создании сепаратного южнокорейского государства – Республики Корея – в Пхеньяне состоялось совещание представителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи, на котором было принято решение о проведении 25 августа 1948 г. всеобщих выборов на севере и юге Корейского полуострова в единое Верховное народное собрание (ВНС) и об образовании единого корейского правительства. В результате состоявшихся выборов в ВНС было избрано 572 депутата: 360 – от Южной Кореи, 212 – от Северной Кореи. На Севере выборы были прямыми, равными, при тайном голосовании, на Юге – косвенными и проводились нелегально. 8 сентября 1948 г. на первой сессии ВНС была принята Конституция, а 9 сентября было провозглашено создание Корейской Народно-Демократической Республики. Председателем Президиума ВНС КНДР был избран Ким Ду Бон. Председателем Кабинета министров назначен Ким Ир Сен.

Конституция северокорейского государства 1948 г. по своей идеологической направленности была социалистической и базировалась на советской конституции, хотя и не содержала упоминаний о социализме и диктатуре пролетариата.

В Основном законе КНДР нашли отражение многоукладность экономики – наличие государственного, кооперативного, частнокапиталистического и мелкотоварного секторов. Основные средства производства были объявлены собственностью государства.

Конституция декларировала передачу земли крестьянству, разрешала частную предпринимательскую деятельность, ограничив ее сферами мелкой и средней промышленности, а также торговлей. В Основном законе был закреплён один из главных принципов развития экономики социализма – принцип народно-хозяйственного планирования.

Конституция декларировала предоставление гражданам КНДР демократических прав и свобод, провозгласила равноправие граждан независимо от пола, национальности, вероисповедания, имущественного положения, образования во всех сферах государственной, политической, экономической,

общественной и культурной жизни.

Декларировались гарантии свободы слова, печати, объединений, собраний, митингов, уличных демонстраций, свободы вероисповедания и отправления религиозных культов, а также права на создание демократических политических партий, профессиональных союзов, различных обществ.

Конституция закрепила принцип равного вознаграждения за равный труд, право на отдых, на социальное обеспечение, право на образование.

Основной закон страны закрепил принципы избирательной системы. Все граждане, достигшие 20 лет, независимо от пола, национальности, вероисповедания, оседлости, образования, социального и имущественного положения, за исключением лиц, лишенных избирательных прав по приговору суда, просяпонских элементов и национальных предателей, а также умалишенных, получали право избирать и быть избранными. В 1956 г. возрастной ценз был снижен с 20 до 18 лет. В 1962 г. норма представительства при выборах депутатов в Верховное народное собрание стала один депутат от 30 тыс. избирателей (до этого от 50 тыс.).

Конституция КНДР определила 8-часовой рабочий день, установила ежегодный оплачиваемый отпуск, право на социальное обеспечение по старости, в случае болезни, потери трудоспособности. Это право гарантировалось государством путем предоставления бесплатной медицинской и материальной помощи. Было введено обязательное бесплатное образование. В Северной Корее к моменту освобождения насчитывалось более 2 млн неграмотных, не было ни одного высшего учебного заведения.

Конституционными обязанностями граждан КНДР были объявлены защита республики, «революционных завоеваний народа». Граждане КНДР были также обязаны трудиться.

Конституция установила следующую систему государственных органов. Верховное народное собрание осуществляло законодательные функции. Президиум ВНС в период между сессиями парламента выполнял функции высшего органа власти.

Высшим исполнительным органом стал Кабинет министров (КМ), который руководил деятельностью министерств и ведомств, входивших в его состав. Местными органами власти в провинциях, городах, уездах, волостях и селах были народные комитеты.

После образования КНДР северокорейское политическое руководство в своей внутренней и внешней политике ориентировалось на Советский Союз и другие страны социалистического блока. Верховное народное собрание КНДР на следующий день после провозглашения Республики обратилось к правительствам СССР и США с предложением о выводе с Севера и Юга, соответственно, советских и американских войск. К концу 1948 г. советские войска покинули КНДР. 12 октября 1948 г. СССР и КНДР установили дипломатические отношения.

Первым советским послом в КНДР стал Т. Ф. Штыков, ранее возглавлявший советскую делегацию в совместной советско-американской комиссии по Корее. Вслед за СССР КНДР признали и другие страны социализма: Монголия, Польша, Венгрия, Чехословакия, Румыния, Болгария, Югославия.

В феврале 1949 г. правительство КНДР официально обратилось в ООН с просьбой принять ее в члены Организации Объединенных Наций. Однако США и их союзники не допустили членства КНДР в ООН. Со своей стороны, и Советский Союз втировал попытки РК вступить в ООН.

После образования КНДР в стране стали активно внедрять советскую систему в хозяйственную жизнь. В феврале 1949 г. Верховное народное собрание КНДР принимает двухлетний план восстановления и развития экономики на 1949–1950 гг. По официальным данным, план 1949 г. был перевыполнен. СССР, другие социалистические страны оказывали значительную экономическую помощь КНДР в строительстве

основ плановой экономики. Советский Союз и КНДР наращивали объемы двусторонней торговли. В 1948 г. товарооборот между двумя странами составил 48,4 млн руб., в 1949 г. – почти 140 млн руб. (в ценах 1948–1949 гг.). Более двух третей советского экспорта в КНДР составляли промышленное оборудование и сырье.

Большое значение для расширения экономического и культурного сотрудничества между Москвой и Пхеньяном имел визит в СССР в марте 1949 г. правительственной делегации КНДР во главе с Ким Ир Сеном. В ходе визита было подписано Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и КНДР. Это был первый международный документ, который подписало правительство КНДР после провозглашения северокорейского государства.

После заключения соглашения значительно активизировались советско-северокорейские торгово-экономические и культурные связи. В 1950 г. объем торговли достиг 700 млн руб. Для ускорения развития экономики КНДР Советский Союз выделил ей крупные кредиты. СССР направил в КНДР большую группу специалистов, которые оказали помощь в восстановлении крупных промышленных объектов – Сунхунской ГЭС, металлургического завода в Чондине и др.

Советские преподаватели, ученые помогали создавать по советскому образцу систему народного образования КНДР. К 1950 г. в Северной Корее было открыто 15 высших учебных заведений, 70 техникумов и педагогических училищ. Сотни северокорейских юношей и девушек были направлены на учебу в советские вузы.

СССР принял непосредственное участие в создании и укреплении северокорейской армии. Советские военные инструкторы находились в частях Корейской народной армии. Советским вооружением и боевой техникой были оснащены вооруженные силы КНДР. К началу корейской войны КНА насчитывала около 200 тыс. солдат и офицеров, около 250 танков, более 200 самолетов.

Руководство КНДР целиком и полностью ориентировалось на Советский Союз, активно внедряло советские формы и методы политического, экономического и военного строительства. СССР оказывал широкую дипломатическую поддержку политическим инициативам КНДР по корейскому вопросу (вывод иностранных войск с территории Корейского полуострова, предоставление корейцам Севера и Юга права самостоятельно решать проблему объединения страны и др.).

Таким образом, на севере Корейского полуострова при советском непосредственном участии было создано государство, ориентировавшееся на СССР и стремившееся, как показали дальнейшие события, к объединению с югом в целях создания единого корейского государства социалистического типа.

Естественно, в условиях усиливавшейся советско-американской военно-политической конфронтации после окончания Второй мировой войны СССР, исходя из своих национальных интересов, не мог отдать на откуп США северную часть Корейского полуострова, чтобы этот район был превращен во враждебный Советскому Союзу плацдарм.

* * *

Принятие Конституции и провозглашение КНДР, последовавшее через несколько месяцев после образования РК, а также крупные экономические, политические и военные мероприятия, осуществленные в Северной Корее, завершили процесс размежевания на Корейском полуострове. КНДР, провозгласив построение народно-демократического государства, взяла на вооружение советскую модель политического развития. РК начала внедрять западную американскую модель – строить рыночную экономику. В 1948 г. был формально оформлен раскол Кореи на два враждебных государства. Каждое из корейских государств считало себя единственным законным представителем корейского народа. Это

положение было зафиксировано в конституциях обеих Корей. С образованием двух государств обстановка на Корейском полуострове становилась все более напряженной, противостояние и противоборство двух Корей нарастало.

Часть третья

«Великая ограниченная война» на Корейском полуострове

Глава I

Причины возникновения и перипетии «великой ограниченной войны» в Корее

§ 1. Первая фаза конфликта

Война в Корее, разразившаяся через пять лет после исторической победы государств антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне, стала первым серьезным ударом по системе решений Ялтинской и Потсдамской конференций о послевоенном мироустройстве, балансе сил и международном порядке. Из конфликта сугубо внутреннего характера между северянами и южанами вооруженная схватка стремительно переросла в «великую ограниченную войну» с участием 20 государств из всех частей света. Военный пожар, вызвав огромные (сопоставимые с мировыми войнами) людские и материальные потери, создал непосредственную угрозу возникновению нового глобального военного конфликта. По образному замечанию американского военного историка У. Стьюка, «... можно только удивляться тому, что Третья мировая война так и не началась... Миллионы людей жили в постоянном страхе ожидания войны. И эти опасения никогда не были столь сильны и широко распространены, как во время корейской войны».[\[13\]](#)

Каковы же фундаментальные предпосылки и корни этого конфликта?

Многие годы в советской историографии преобладала версия, которая родилась в Пхеньяне и была опубликована в газете «Правда» 25 июня 1950 г. В этих сообщениях говорилось, что армия Южной Кореи численностью до 10 дивизий «совершила нападение» на КНДР по всей линии 38-й параллели и углубилась на ее территорию от 2 до 3 км. Однако части Корейской народной армии успешно отбили атаки противника и перешли в широкое контрнаступление. В последующие дни мир был извещен об «освобождении Сеула» и дальнейшем стремительном продвижении КНА к Тэджону, Тэгу и далее на Юг.

Уже в те дни было очевидно, что «контрнаступательные» действия северян далеко выходят за рамки адекватного «отпора агрессии». Возникал и другой вопрос: каким образом без тщательной подготовки, включая концентрацию и перегруппировку ударных сил, создание необходимого запаса продовольствия и снаряжения, разработку стратегического и оперативного плана, можно осуществить подобного рода крупномасштабную акцию?

Неизвестные прежде архивные документы и живые свидетельства видных военных и дипломатов позволяют почти в деталях реконструировать реальную картину корейского конфликта, вспыхнувшего, кстати, в недрах бурно разгорающейся «холодной войны» того времени. Именно непримиримая политико-

идеологическая конфронтация Москвы и Вашингтона, как было подробно рассказано в предыдущих главах, не позволила им, вопреки декларированным позициям, создать единые общекорейские органы власти и управления на полуострове, с тем чтобы не допустить раскола освобожденной страны по 38-й параллели, которая была установлена союзниками всего лишь как временная линия капитуляции Квантунской армии Японии.

В январе 1950 г. между Вашингтоном и Сеулом было оформлено Соглашение о помощи и взаимной обороне, которое позволило южанам форсировать формирование южнокорейской военной машины.

В июне 1949 г. США на основе временного административного соглашения передали южнокорейской стороне 50 тыс. карабинов с боеприпасами, 2 тыс. реактивных орудий, 40 тыс. автомашин, легких орудий и минометов, 70 тыс. снарядов на общую сумму в 5,6 млн долл. Эта помощь позволила РК довести общую численность кадровых вооруженных сил (включая полицию) до 104 тыс. чел. Кроме того, на Юге были форсированно созданы вспомогательные подразделения (около 200 тыс. чел.), обученные резервисты (200 тыс. чел.). Подобная милитаристская гонка неотвратимо влекла за собой большой военный пожар на полуострове.

О разработке Югом стратегических планов воссоединения Кореи военно-силовыми методами свидетельствует целый ряд ранее секретных документов, перехваченных в свое время разведслужбами КНДР и СССР. Так, в донесении советского посла Т. Ф. Штыкова в Москву 13 июля 1949 г. сообщалось, что в связи с военными приготовлениями на Севере «...Ли Сын Ман заявил, что южане должны предупредить северян и начать наступление в июле». Позднее (2 сентября 1950 г.) в руках советской разведки оказалась копия секретной переписки между Президентом РК Ли Сын Маном и американским политологом Робертом Т. Оливером. Обосновывая необходимость неотложного военного похода на Север, правитель Южной Кореи утверждал: «Мы оттесним часть людей Ким Ир Сена в горный район и там заморим их голодом, тогда наша линия обороны должна быть создана по рекам Тумынь и Ялу».

Необычайно интенсивно шел процесс милитаризации и на Севере с целью «освобождения» Юга силовыми методами. 17 марта 1949 г. было заключено первое межгосударственное соглашение о сотрудничестве в сфере экономики и культуры между СССР и КНДР. Накануне этого события (5 марта 1949 г.) Ким Ир Сен был принят Сталиным. Во время этой беседы северокорейский лидер докладывал, что вооруженные силы КНДР намного сильнее южнокорейской армии. Выслушав собеседника, Сталин обещал предоставить северокорейцам дополнительную военную помощь, в т.ч. боевыми самолетами и кораблями. С этого времени особенно усиливается модернизация и дальнейшее развертывание вооруженных сил КНДР. В их состав вошли и обстрелянные в упорных боях корейские партизаны численностью около 14 тыс. человек, действовавшие в годы антияпонской борьбы в Маньчжурии, и часть южнокорейских участников подпольного антиколониального сопротивления, перешедшая с Юга на Север. В 1949 г. общая сумма советских военных поставок КНДР составила 249,9, а в 1950 г. – 869,6 млн валютных рублей.

Сеул и Пхеньян, отвергая сам факт существования 38-й параллели даже как временной линии размежевания между двумя правительствами, вступили между собой в необъявленную психологическую, а порой и горячую войну примерно за два года до начала широкомасштабных военных операций. Только за период 1949 – начало 1950 г. в районах, прилегающих к 38-й параллели, произошло более 1800 пограничных вооруженных конфликтов, т.е. примерно 2–3 вооруженных столкновения за одни сутки. Одновременно и на Юге, и на Севере полуострова заметно усилились подпольные диверсионные акции другой стороны. Только в 1949 г. на Севере органами безопасности было арестовано 5762 человека, обвиненных в соучастии в подготовке диверсионных акций, шантаже и враждебной пропаганде. В дополнение к этому на Юге начался крестовый поход против левых и национально-патриотических сил и

движений. В такой обстановке Сеул и Пхеньян оказались втянутыми в сети ожесточенной информационной войны. За полтора месяца до начала открытого конфликта один из представителей южнокорейского генералитета Ким Сок Вон громогласно объявил, что «освободительный поход» на север не за горами и он (генерал) будет скоро «завтракать в Хэджу, обедать в Пхеньяне, а ужинать в Вонсане», т. е. во всех крупных стратегических центрах Северной Кореи.

Уже на этом этапе созревания корейского конфликта значительно активизируются усилия американской дипломатии. 17 июня 1950 г. в Сеул в качестве спецпредставителя президента США прибыл Д. Ф. Даллес. Военная тематика звучала во всех его встречах с южнокорейской военной элитой во время посещения линии соприкосновения с северянами по 38-й параллели. Выступая затем в Национальном собрании (парламенте) РК, он заявил: «Вы ни в коем случае не будете одинокими, поскольку играете достойную роль в осуществлении великого замысла во имя свободы человека». В Вашингтоне и Сеуле полагали, что этой превентивной акции вполне достаточно, чтобы парализовать перерастание миниконфликта на Корейском полуострове в крупную региональную войну. Но, как показали последующие события, был допущен серьезный политико-дипломатический просчет. К тому же глубокие корни и предпосылки конфликта таились в недрах самого разделенного корейского общества. В освобожденной внешними силами стране не было достаточно влиятельных сил, способных консолидировать нацию. Верхние, имущие слои общества, немалая часть крупного и даже среднего чиновничества были дискредитированы сотрудничеством с японскими колониальными властями. Патриотическая интеллигенция в своей основной массе вынуждена была в годы колониализма эмигрировать в Китай, США, Россию и другие страны. После освобождения в Корее, как отмечалось в предыдущей главе, ускоренно формировались многочисленные партии и политические движения, но ни одна из них не в состоянии была выполнить всекорейскую национально-патриотическую миссию. К тому же формирование общедемократических партий и движений не входило в то время в расчеты ни Вашингтона, ни Москвы. Американская военная администрация отвергла в этой связи притязания националистического Временного (шанхайского) правительства Кореи на участие в единой правительственной коалиции. В то же время проведенное в Пхеньяне (апрель 1948 г.) объединенное совещание представителей партий и общественных организаций Севера и Юга было направлено в основном на закрепление монополии коммунистов в структурах власти.

В современных вооруженных конфликтах ключевое значение имеет фактор упреждения потенциального противника по времени. Внезапный и опережающий первый удар создает ключевые, нередко решающие преимущества в балансе стратегических сил. Видимо, именно это обстоятельство побудило тогдашних северокорейских лидеров Ким Ир Сена и Пак Хон Ёна обратиться в сентябре 1949 г. к руководству СССР с просьбой санкционировать вооруженное вторжение северян на Юг с целью силового объединения страны. В силу стратегической важности вопроса И. Сталин вынес вопрос на заседание Политбюро ЦК ВКП(б), которое не сочло возможным в тот период одобрить предложение Пхеньяна. Соответственно в адрес советского посла в КНДР Т. Штыкова была направлена следующая шифрограмма:

Северокорейские руководители, с одной стороны, вынуждены были подчиниться директиве Кремля, но с другой – продолжали на практике проводить подготовку военного вторжения на Юг. И их усилия не остались незамеченными. Восемь месяцев спустя, точнее в апреле—мае 1950 г., когда лидеры КНДР прибыли в Москву, советское руководство в ходе конфиденциальных переговоров Сталина с Ким Ир Сеном совершает в корейском вопросе поворот на 180 градусов. 14 мая 1950 г. в Пекин на имя совпосла была направлена следующая шифрограмма для передачи Мао Цзэду:

Этот лаконичный документ позволяет сделать ряд далеко идущих выводов и оценок: во-первых, Сталин не пожелал брать на себя единоличной ответственности за развязывание войны на полуострове и стремился разделить ее хотя бы частично с Пекином и Пхеньяном; во-вторых, мировой стратегический

баланс, по оценке Кремля, неуклонно изменялся в пользу мирового социализма (после провозглашения 1 октября 1949 г. КНР и первого полевого испытания осенью того же года первой ядерной бомбы в СССР); в-третьих, советское руководство исходило в тот период из бесперспективности мирных, ненасильственных вариантов воссоединения Кореи.

13 мая 1950 г. Ким Ир Сен и Пак Хон Ён были приняты в Пекине Мао Цзэдуном. Высшее китайское руководство поддержало в целом военно-политические замыслы Пхеньяна, которые ранее были одобрены с определенными оговорками Москвой. При этом китайский лидер заметил, что осторожная, завуалированная позиция СССР вполне объяснима: СССР связан с США ключевым международным соглашением о временной демаркационной линии по 38-й параллели. Мао также высказал убеждение в том, что ни США, ни Япония открыто не вмешаются в вооруженный конфликт.

Между тем в Пхеньяне в ускоренном темпе при участии главного советского военного советника генерала Васильева завершалась разработка оперативного плана «освободительной войны». 15 июня 1950 г. совпосол в КНДР Штыков докладывал в Кремль, что массированная военная операция начнется на рассвете 25 июня 1950 г. развернутым наступлением на Ондинском полуострове. Одновременно главный удар будет нанесен вдоль высокоразвитого западного побережья Южной Кореи в направлении Сеула и юга полуострова. На восточном направлении замышлялось с ходу занять ряд стратегически важных центров. Тем самым основные силы южан планировалось взять в кольцо и уничтожить в районе Сеула. Затем намечалось приступить к ликвидации остатков разрозненных и полуразбитых сил южан.

Разведслужбы США и РК располагали, хотя и неполной, но все же достаточно солидной информацией о повышенной концентрации северокорейских войск у 38-й параллели в апреле—июне 1950 г. (Об этом, в свою очередь, стало известно и Пхеньяну, который принял решение изменить первоначальные сроки начала войны примерно на один месяц – с июля на июнь 1950 г.) В такой острокритической ситуации и Вашингтон, и Сеул допускают явный стратегический просчет в оценке реальной угрозы широкомасштабного конфликта. Судя по американским публикациям, правящие круги США и РК не предполагали, что только что сформированная, слабообученная и совсем не обстрелянная северокорейская армия будет брошена в столь масштабную войну на юге страны. Власти США и РК считали маловероятным непосредственное вовлечение в конфликт континентального Китая, который лежал в руинах после многих лет войны. Что же касается СССР, то он был по рукам и ногам связан в Центральной и Восточной Европе труднейшей борьбой за утверждение просоветских народно-демократических режимов и усилиями по созданию после образования НАТО в 1949 г. коллективной стратегической обороны на основе Варшавского пакта. Однако стратегические замыслы советско-китайско-северокорейской коалиции исходили из иных предпосылок по всем узловым позициям.

Крупный региональный конфликт на Корейском полуострове стремительно вызревал в недрах мировой биполярной системы, проходя последовательно все основные стадии разрушительного военного кризиса, и крупномасштабная война между Севером и Югом Кореи с применением новейших вооружений того времени началась на рассвете 25 июня 1950 года. Несмотря на продолжающийся в мировом корееведении во многом бесплодный спор о том, кто же произвел первый роковой выстрел, было очевидно, что КНДР оказалась лучше подготовлена к вооруженной схватке. В обнародованном впоследствии обобщающем документе МИД СССР «О корейской войне 1950–1953 гг. и переговорах о перемирии» говорилось, что к началу боевых действий в районе 38-й параллели соотношение между РК и КНДР составляло: по численности сухопутных сил – 1:2, по количеству артиллерийских стволов – 1:2, пулеметов – 1:7, автоматов – 1:13, танков – 1:6, самолетов – 1:6 и т. д. Ударный костяк КНА был усилен также за счет перевода на Север двух дивизий НОАК, состоявших из этнических корейцев.

В первой крупной послевоенной вооруженной схватке между вчерашними союзниками по

антигитлеровской и антимилитаристской коалиции проявились все основные закономерности региональных войн второй половины XX в.

Во-первых, война в Корее вспыхнула вначале в качестве внутреннего гражданского противоборства между северянами и южанами, между коммунистами просоветской ориентации и правыми националистами проамериканской ориентации. В дальнейшем, после прямого и опосредованного вмешательства великих держав, произошла стремительная интернационализация конфликта, что само по себе создало новую опасную угрозу всей системе международной безопасности и стабильности.

Во-вторых, в условиях интернационализации региональной войны выстроилась сложная многоярусная иерархия его участников: прямых и косвенных, первостепенных и второстепенных, формальных и неформальных, что в свою очередь отразилось на функционировании всего противоречивого механизма противоборства, всей структуры управления и урегулирования конфликта.

И, наконец, *в-третьих*, региональная война в Корее в конечном итоге вновь продемонстрировала полную несостоятельность стратегии и тактики «молниеносного удара», сокрушения потенциального противника одним сверхконцентрированным натиском.

В российской и зарубежной военной историографии война на Корейском полуострове разделена на четыре стратегических этапа.

Первая фаза – начальная стадия войны, форсированное наступление Корейской народной армии (КНА) от рубежей 38-й параллели к бассейну реки Нактонган (25 июня – 14 сентября 1950 г.).

Вторая фаза – контрнаступление американо-южнокорейской армии («войск ООН») от линии реки Нактонган на юге и порта Инчхон на востоке до северокорейско-китайской границы (15 сентября – 24 октября 1950 г.).

Третья фаза – вступление в войну армейской группировки КНР («китайских народных добровольцев»), наступление китайско-северокорейских войск до районов, прилегающих к 38-й параллели (25 октября – 9 июля 1951 г.).

Четвертая фаза – военные действия в условиях равновесия сил и затяжного стратегического тупика, начало мирных переговоров и подписание временного соглашения о прекращении огня (10 июля 1951 г. – 27 июля 1953 г.).

На первой фазе войны (с 25 июня по 14 сентября 1950 г.) ударная группировка КНА (в составе четырех пехотных дивизий и танковой бригады) осуществила стремительный прорыв в направлении Сеула. Подавляя слабоорганизованное сопротивление южнокорейских войск, передовые части КНА стремительно вышли на северный берег реки Ханган. Вслед за этим войска КНА развернули новую наступательную операцию и 30 июня овладели Сеулом, поставив одновременно под свой контроль дорогу на Инчон. В авангарде наступающей группировки КНА шел танк № 312 под командованием полковника Ан Дон Су, бывшего советского корейца из Узбекистана, удостоенного позднее посмертно звания «Герой КНДР».

Стремясь к окружению и разгрому основной группировки южнокорейских войск до прибытия в Корею американских войск, командование КНА предприняло 3 июля наступательную операцию в направлении Пусан – Ульсан – Пхохан. 7 июля КНА начала новую операцию с целью разгрома высадившейся к этому времени в Пусане 24-й пехотной дивизии США и дальнейшего продвижения на Юг страны.

Официальная северокорейская версия массированного прорыва Севера на Юг была раскрыта в радиовыступлении Ким Ир Сена 26 июня 1950 г. Первоочередной целью войны против «предательской клики» на Юге их американских покровителей была объявлена борьба за «объединение, свободу, независимость и демократизацию» всей страны. 4 июля 1950 г. Ким Ир Сен помимо поста Председателя

Военного комитета занял пост Верховного главнокомандующего КНА, сосредоточив в своих руках по законам военного времени абсолютную полноту не только партийной, государственной, но и военной власти.

Некоторые российские авторы, следуя оценкам историографии КНДР, крупные наступательные операции против южнокорейско-американских войск нередко громогласно именуют как «сеульская», «тэчжонская», «пусанская», «пхеньян-хыннамская» и другие победоносные стратегические операции, которые якобы влекли за собой разгромные удары по противнику. Однако такого рода завышенные оценки не укладываются в реальное содержание молниеносной войны. В действительности каждая из них представляла собой лишь кратковременное тактическое достижение, за которым следовали катастрофические неудачи и поражения. И все же первые военные достижения северян не были случайными. К началу войны КНДР располагала довольно внушительными вооруженными силами, созданными на основе Закона об образовании регулярной армии от 8 февраля 1948 г. Другими словами, северяне оказались на более высоком уровне военной мобилизации и обладали безусловным превосходством в численности вооруженных сил и военно-технической оснащенности (за исключением минометов и противотанковых орудий).

Реальное соотношение военно-стратегического потенциала КНДР и РК достаточно рельефно раскрывается следующими данными.

Соотношение вооруженных сил Севера и Юга Кореи (на 25.06.1950 г.)

а) регулярные вооруженные силы

Род войск	РК	КНДР
Сухопутные войска	8 дивизий — 67414 человек	10 дивизий — 120880 человек
	добровольческие спецподразделения — 27558 чел.	добровольческие спецподразделения — 61820 чел.
Морские силы	3 дивизиона военных кораблей	—
	7 гарнизонов — 7715 чел.	3 гарнизона — 4700 чел.
Морская пехота	2 батальона — 1166 чел.	десант — 9000 чел.
Воздушные силы	1 эскадрилья, 7 авиационных баз, 1897 чел.	1 воздушная дивизия — 2000 чел.
Итого	105750 человек	198400 человек

б) боевая техника и снаряжение

Наименование техники	РК	КНДР
танки	—	242
бронетранспортеры	27	54
самоходные орудия	—	176
гаубицы пехоты	105 мм МЗ — 91	122 мм — 172
		76 мм — 380
минометы	81 мм — 384	82 мм — 142
	60 мм — 576	61 мм — 360
противотанковые орудия	55 мм — 140	45 мм — 550
	другие — 1900	
зенитные орудия	—	85 мм — 12
		37 мм — 24
самолеты	L-4 — 8	Як-9 — 8
	L-5 — 5	истребители ИЛ — 10
	L-6 — 10	истребители ИЛ — 2
		учебные, разведывательные самолеты — всего 211
корабли	сторожевые корабли — 28	сторожевые корабли — 30
	вспомогательные суда — 43	вспомогательные суда — 80

Источник: Война в Корее. 1950–1953: Взгляд через 50 лет. – М., 2001. – С. 41–43.

Из вышеприведенных данных видно, что северяне на первом этапе войны превосходили южан по общей численности личного состава ВС примерно в 1,9 раза, сухопутных войск – 1,9 раза, десантных войск – 1,7 раза, количеству гаубиц – 6 раз, боевых самолетов – 9 раз, боевых кораблей и вспомогательных судов – примерно в 2 раза. Северяне располагали 242 танками и 176 самоходными орудиями, которых вообще к тому времени не было у национальных вооруженных сил РК. Вместе с тем южане обладали примерно двукратным превосходством в минометах и примерно четырехкратным преимуществом в противотанковых орудиях различного калибра.

Именно концентрация столь внушительного «военного кулака» и фактор внезапности позволили КНА, действия которой направлялись советниками – группой советских генералов и дипломатов, в число которых входили генералы Васильев, Штыков (совпосол в КНДР) и другие, прорвать в первые дни войны

передовые оборонительные плацдармы Национальной армии РК и форсированно войти в Сеул и ряд узловых стратегических пунктов и рубежей к югу от 38-й параллели.

Южнокорейскую столицу охватила массовая неразбериха. Ли Сын Ман в сопровождении жены-американки, личного секретаря и телохранителей в панике бежал из Сеула в Тэджон, а затем в Тэгу и далее в Пусан. Сюда же перебралось и Национальное собрание, возобновившее свои заседания и предоставившее главе государства чрезвычайные полномочия. Пусан оказался наводнен невероятным числом беженцев (около 900 тыс. чел.). Даже обеспечение обитателей палаточных лагерей питьевой водой стало большой проблемой. На осажденном пусанском пространстве были введены законы военного времени, шли массовые аресты и казни «северокорейских агентов», активистов левого направления. На протяжении лишь одного 1950 г. в Пусане было казнено около 50 тыс. человек.

В итоге первых недель стремительного прорыва КНА на Юг под контролем правительства Ли Сын Мана оставалось лишь 10 % южнокорейской территории. Но именно эта небольшая часть южнокорейской территории («пусанский периметр») оказалась наиболее «крепким орешком» для измотанной КНА, вынужденной перейти к обороне на рубежах реки Нактонган.

Несмотря на внешнее впечатление, что цель КНДР – осуществить силой оружия национальное воссоединение Кореи, баланс стратегических и дипломатических сил быстро начинает меняться в пользу американо-южнокорейской коалиции. В первый же день войны, т. е. днем 25 июня 1950 г., Совет Безопасности ООН в отсутствие представителя СССР, бойкотировавшего его заседания, принял по настоянию США резолюцию № 82, которая квалифицировала массированные наступательные операции КНА по линии 38-й параллели как акт прямой агрессии против Республики Корея, где «действует законное правительство, осуществляющее эффективный контроль и юрисдикцию над той частью Кореи, где Временная комиссия (ООН) имела возможность вести наблюдение и проводить консультации...» Совет Безопасности призвал государства – члены ООН (здесь имелись в виду прежде всего СССР и другие страны, поддерживающие КНДР) воздерживаться от «действий, которые могут неблагоприятно отразиться на деятельности ООН в деле осуществления полной независимости и единства Кореи». Ситуация на Корейском полуострове характеризовалась как серьезная угроза безопасности и благосостоянию корейского народа и возникновения крупномасштабного вооруженного конфликта. Исходя из вышеизложенного, СБ ООН предложил КНДР «немедленно прекратить военные действия и вывести войска на 38-ю параллель».

Содержание данного документа показывает, что Вашингтон, делая исключительную ставку на созданный под его эгидой сеульский режим, опасался спонтанного вовлечения в широкомасштабный конфликт с союзными с КНДР СССР и КНР. Отсюда его готовность пойти на компромиссное урегулирование, если бы северокорейцы остановили наступательные операции против Юга и отвели свои войска на исходные рубежи. Однако подобный сценарий, по всей видимости, не входил в планы тогдашней коалиции Пхеньян – Москва – Пекин.

27 июня 1950 г. СБ ООН в экстренном порядке провел новое заседание по корейскому вопросу, одоблив резолюцию № 83. В ней констатировалось, что Северная Корея, совершила акт агрессии против Южной Кореи, проигнорировала призыв ООН остановить свои боевые операции и отвести войска на 38-ю параллель. В резолюции подчеркивалось, что «нужны срочные меры военного характера, принимая во внимание призыв Корейской Республики (Южной Кореи) о принятии немедленных и эффективных мер для обеспечения мира и безопасности» на Корейском полуострове. Далее СБ ООН рекомендовал «государствам – членам ООН предоставить Корейской Республике помощь, которая необходима для восстановления международного мира и безопасности».

Проведя через Совет Безопасности данное постановление, Вашингтон добился весомого

дипломатического успеха. Послевоенный стратегический баланс сил в СевероВосточной Азии не позволял США в одиночку, без опоры на союзников предпринять широкомасштабное вторжение на Корейский полуостров. Этого же опасались и не желали многие другие государства – члены ООН. С принятием же резолюции Совета Безопасности № 83 создавалась международно-правовая зацепка для создания многосторонних формирований в поддержку «жертвы» северокорейской агрессии. Хотя такое решение противоречило в принципе Уставу ООН.

С 27 по 30 июля 1950 г. президент Г. Трумэн отдал серию приказов, из которых следовало, что США приступили к оказанию непосредственной военной помощи Сеулу. Трумэн обязал генерала Д. Макартура осуществить срочно переброску сухопутных войск США из Японии на Корейский полуостров. Он также приказал американским ВМС блокировать всё корейское побережье и приступить к бомбардировкам стратегических объектов Северной Кореи.

7 июля 1950 г. СБ ООН вновь при отсутствии советского представителя принял еще более развернутую резолюцию № 84, окончательно санкционировавшую прямое вооруженное вмешательство т. н. «войск ООН» во внутривосточный конфликт в Корее. Резолюция гласила, что в условиях продолжения «незаконного нападения северокорейских войск» на Корейскую Республику необходимо всю международную добровольную помощь разных правительств и неправительственных организаций сконцентрировать в руках так называемого «Объединенного командования», назначенного США. Далее СБ ООН предложил правительству США «назначить главнокомандующего этими силами» и уполномочил Объединенное командование по своему усмотрению пользоваться флагом ООН во время операций против вооруженных сил Северной Кореи наряду с флагами различных государств, участвующих в операциях.

Логическим дополнением данного постановления стала резолюция СБ ООН от 31 июля 1950 г. В ней содержалось предложение Объединенному командованию ООН в Корее взять на себя определение масштабов внешней помощи корейскому народу и озаботиться установлением на местах порядка оказания такой помощи. Далее Совет Безопасности обязал Генерального секретаря ООН и другие компетентные и вспомогательные органы ООН всемерно содействовать оказанию помощи корейскому народу по требованию Объединенного командования и сообразно тем заданиям, которые оно выполняет от имени СБ. Вышеупомянутую резолюцию Совета Безопасности поддержали 53 государства – члена ООН, и она содержала обращение к США назначить командующего коалиционными силами, действующими под флагом ООН. Основу этих сил составляли военнослужащие США (ВВС – 93,4 %, ВМС – 85,9 %, сухопутные силы – 50,3 %). 8 июля 1950 г. во главе «войск ООН» встал генерал Д. Макартур.

Резолюции Совета Безопасности № 84 и № 85 завершили форсированный процесс правовой интернационализации Корейской войны. С этого времени «флаг ООН» становится официальным прикрытием всех военных операций коалиционных сил на полуострове, включая жестокие бомбардировки густонаселенных районов Кореи, применение напалма, разрушение плотин и электростанций и других народнохозяйственных объектов. Отныне «войска ООН», создаваемые в обход Устава этой организации, наделялись правом неограниченной кадровой, боевой и материальной поддержки не только из ооновских источников, но и государств – участников коалиции. Таким образом, примерно через одну-две недели вооруженное противостояние в Корее вступает в стадию широкой интернационализации со всеми ее опасными последствиями и угрозой для стабильности и безопасности всего региона Северо-Восточной Азии.

В первой линии ударных северокорейских частей действовала 105-я бронетанковая дивизия, оснащенная советскими танками Т-34, многими из которых управляли и командовали этнические корейцы из СССР, бывшие трактористы и механизаторы из Узбекистана и Казахстана. Примерно в 34 милях от Сеула, у небольшой деревушки Осан, на пути к порту Пусан войска КНА в начале июля 1950 г. впервые

непосредственно столкнулись с морской пехотой США, которая 1 июля высадилась в аэропорту г. Пусан. Вот как описал это упорнейшее сражение американский военный историк У. Стюк:

«Четыреста пехотинцев американской ударной группы Смита залегли в ожидании противника на возвышенностях, расположенных вдоль главной дороги, менее чем в трех милях от деревни. В 8:16 утра американская артиллерия, расположенная позади линии обороны, открыла огонь по танкам. Затем обнаружила себя и пехота, передовые ряды которой открыли огонь из противотанковых ружей и реактивных гранатометов. Но танки не остановились и не повернули назад. Хотя четыре из них были повреждены и вышли из строя, остальные двадцать девять машин прорвали американскую линию обороны. За ними шли еще три танка и два полка северокорейской пехоты. К вечеру американцы беспорядочно отступали по размытым дождями холмам и рисовым полям».

И далее: «Бой у деревни Осан показал, что появление американских войск в Корее само по себе не изменит ход войны. Огневая мощь американских войск оказалась недостаточной, чтобы противодействовать танкам советского производства, а северокорейских солдат не испугало появление нового противника. ... В течение первых недель войны американским войскам и остаткам армии Корейской республики пришлось вести отчаянные бои для того, чтобы просто удержаться на территории полуострова».[\[14\]](#)

После упорных сражений в бассейне реки Нактонган, текущей на юг полуострова, КНА сумела плотным кольцом обложить город Тэгу. Во время этой операции едва не был уничтожен штаб 8-й американской армии, действовавшей в то время на юге полуострова. В конце августа 1950 г. подразделения КНА предприняли отчаянную попытку крупного наступления на Пусанский плацдарм. Против 14 северокорейских дивизий действовало 5 американских дивизий и 1 бригада Великобритании. Ценой крупных потерь северяне форсировали реку Нактонган и продвинулись на 10–15 километров, однако вслед за этим они вынуждены были перейти к обороне, чтобы, перегруппировав свои измотанные силы и получив подкрепления, попытаться довести операцию до победы. В этом их в августе 1950 г. вдохновлял из Москвы И. Сталин, который в своем послании подчеркивал, что северяне, обладающие очевидным морально-политическим превосходством, наверняка выиграют это последнее решающее сражение.[\[15\]](#)

Однако КНА, столкнувшись с ожесточенными контратаками южнокорейских и американских войск, вынуждена была (с 21 августа) перейти к обороне по всему фронту. На этой фазе конфликта на первой линии фронта было задействовано со стороны северокорейцев лишь 10 пехотных дивизий из 14 и одна 105-я танковая дивизия, сильно ослабленные почти трехмесячными непрерывными сражениями.

Свое вооруженное вторжение на Юг северокорейское руководство трактовало как «расширение и углубление национально-демократической революции» в условиях созревания непосредственной революционной ситуации на всем полуострове. На временно занятой КНА южнокорейской территории повсеместно восстанавливались ослабленные суровыми репрессиями низовые организационные структуры Трудовой партии. Активную роль в этом играли выпущенные из тюрем деятели левого движения. Такого рода оргструктуры были восстановлены в провинциях Северная Чхунчхондо, Кенгидо, Южная Чхунчхондо, Южная Чолла, Северная Кенсандо, Южная Кенсандо и других. Возобновили свою деятельность Лига демократической молодежи, Женская лига, Крестьянская лига и др. Все эти структуры группировались вокруг руководимых Трудовой партией Организации единого фронта и народных комитетов, которые декларировали программу привлечения к ответственности «прояпонских и предательских элементов», конфискацию колониально-помещичьей собственности и передачу земли без компенсации тем крестьянам, которые ее обрабатывают.

На основе обнародованных 4 июля 1950 г. властями КНДР «Условий осуществления программы

земельной реформы в южной части Республики» народные комитеты, действовавшие в освобожденных районах (провинциях Кенгидо, Северная Кенсандо, Южная Кенсандо, Южная Чолла и др.), стремились в форсированном порядке передать безвозмездно землю крестьянам. За короткий срок северокорейский вариант земельной реформы охватил 1198 пригородных селений на Юге. В этих районах примерно 38 % обрабатываемой земли прежних крупных собственников подлежали национализации и примерно 66 % крестьянских трудовых хозяйств наделялись земельными участками без выплаты компенсации. Народные комитеты объявили о ликвидации всех долговых обязательств крестьянских хозяйств перед помещиками и ростовщиками. Однако реальное проведение аграрной декларации северян на Юге натолкнулось на серьезные трудности. Многие крестьяне, особенно те, кто прежде приобрел земельные участки в частную собственность за определенный выкуп, сдержанно отнеслись к северокорейским аграрным акциям. И они убедились в своей правоте, когда контрнаступление войск ООН, начавшееся в середине сентября 1950 г., привело к автоматическому аннулированию всех северокорейских декретов в аграрной сфере.

Довольно настороженно, если не враждебно, южнокорейская деревня встретила военно-мобилизационные акции северян. 6 июля 1950 г. правительство Ким Ир Сена издало декрет о всеобщей воинской мобилизации на занятой северянами территории Юга. Мобилизации подлежали молодые люди, достигшие 18 лет, в первую очередь из числа крестьян и рабочих. В короткий срок, по данным южнокорейского историка Ким Ман Гиля, было призвано принудительно около 400 тыс. молодых южнокорейцев. Одновременно Пхеньян организовал настоящую охоту за деятелями правого толка и «предателями», которых приговаривали к смертной казни или тайно вывозили в тюрьмы КНДР. В итоге северокорейская армия, пришедшая на Юг под лозунгами освобождения и народной демократии, стала восприниматься как чуждая и даже враждебная сила. Все это оказалось на руку «Объединенному командованию ООН», которое в тщательно скрытом виде вело форсированную подготовку к стратегическому контрнаступлению против КНА, действовавшей в отрыве от тыловых баз, в условиях невероятной растянутости коммуникаций, а главное, без обеспечения надежных оборонительных позиций на флангах основных группировок наступающих войск.

§ 2. Вторая фаза войны: эскалация конфликта под флагом ООН

Советский Союз, несмотря на угрожающие резолюции СБ, продолжал де-юре подчеркивать свою непричастность к Корейской войне. Советское руководство стремилось доказать, что конфликт носит сугубо «внутренний характер» и корейский народ обладает неотъемлемым правом высказаться в пользу того или иного сценария национального суверенитета. Правда, единого мнения по корейскому вопросу у Кремля в тот период не было, о чем довольно красноречиво повествует в своих «Воспоминаниях» Н. С. Хрущев.^[16]

Северокорейская армия, отмечает автор указанных мемуаров, быстро продвигалась на Юг. Однако расчет Пхеньяна на то, что при первых же выстрелах «будет внутренний подъем южан», поднимется всенародное восстание против проамериканского режима, не оправдался.

Утверждения Севера о том, что весь Юг покрыт подпольными коммунистическими ячейками и вооруженными группами, оказались явной гиперболой. Вооруженным силам КНДР нужен был импульс для последнего натиска на пусанский периметр и «война сразу бы закончилась», возникла бы объединенная «социалистическая Корея» с развитой промышленностью, богатыми ресурсами, сильным сельским хозяйством. А главное, Вашингтон вряд ли стал вмешиваться в конфликт более крупными вооруженными силами. «Думаю, что если бы Ким Ир Сен, – пишет далее Н.Хрущев, – получил от нас еще один, минимум два танковых корпуса, то ускорил бы продвижение на Юг и с ходу занял бы Пусан».

Реакция Сталина на это предложение была резко отрицательной. Как и в самом начале Корейской войны, советский лидер считал, что не должно быть никаких доказательств реальной причастности СССР к конфликту: «Мы не хотим, чтобы появились данные для обвинения нас в том, что мы участвуем в этом деле. Это дело Ким Ир Сена». Последующие события показали, что осторожная и сдержанная позиция Сталина предотвратила непосредственное вовлечение СССР в крупномасштабное вооруженное столкновение с США на Корейском полуострове.

Между тем ситуация на фронтах Корейской войны в результате явных стратегических просчетов Пхеньяна стала стремительно меняться в пользу «войск ООН». 15 сентября 1950 г. в глубоком тылу КНА в районе портового города Инчхон (ранее Чемульпо) США осуществили внезапную высадку крупного войскового десанта, поддерживаемого почти 230 боевыми кораблями ВМС и 400 самолетами. Оборона КНА, состоявшая здесь всего лишь из 3–4 тыс. солдат и офицеров, была мигом сметена американскими войсками. С этого времени начинается второй (переломный) этап Корейской войны, продлившийся около 40 дней, т. е. до массовой переброски китайских народных добровольцев (КНД).

Против северян действовали усиленные южнокорейские подразделения и Первый корпус армии США. Под угрозой полного окружения части КНА стали стихийно откатываться назад. 28 сентября 1950 г. американцы, южнокорейцы и другие армейские части, действовавшие под флагом ООН, освободили Сеул, к 1 октября вышли к 38-й параллели, 9 октября заняли Пхеньян, а к 24 октября подошли к западному участку корейско-китайской границы в районе города Чхосан. К этому времени в составе полуразбитых северокорейских дивизий оставалось не более 20 % личного состава. Боевые соединения практически не имели средств ПВО, полевой артиллерии, бронетехники.

Инчхонская десантная и нактонганская операции США и РК стали крупным успехом командования ООН и серьезным просчетом военной разведки КНДР и СССР.

Главный военный советник КНА генерал Васильев отмечал: «Нам хорошо была известна тактика американцев. Ни у кого не было сомнения в том, что, обороняя Пусанский плацдарм, американцы

предпримут активные действия на других участках. Они имели богатый опыт подготовки и проведения морских десантных операций и обязательно высадят десанты на Корейское побережье. Но мы не знали до последнего дня, где именно и какими будут по масштабу эти операции.

Захват Инчхона явился для нас полной неожиданностью. Здесь оказались главные военно-морские силы. Пока мы изучали и оценивали обстановку у себя на передовом фронтовом командном пункте, вся обстановка резко и коренным образом изменилась».^[17]

Коренной перелом в Корейской войне со второй половины сентября 1950 г. был обусловлен, таким образом, прямым вмешательством США под флагом ООН. К концу августа – началу сентября 1950 г. КНА противостояла объединенная американо-южнокорейская группировка численностью в 180 тыс. солдат и офицеров, что в 2,5 раза превышало боевой состав полуразбитой северокорейской армии. В короткий срок Вашингтон и Сеул добились превосходства в артиллерийских стволах в 6 раз и обеспечили почти полное огневое господство на море и воздушном пространстве.

Провал так хорошо разработанной на бумаге «освободительной войны» был обусловлен серьезными стратегическими просчетами верховного командования КНА и советских военных советников.

Северокорейская и советская разведслужбы, допустив просчет с определением района возможной высадки основного десанта войск ООН, в сентябре 1950 г. поставили КНА на грань катастрофы. Пытаясь как-то стабилизировать ситуацию, Политбюро ЦК ВКП(б) направило 27 сентября 1950 г. директиву генералу Штыкову (совпослу) и генералу Матвееву (псевдоним маршала Советского Союза М. В. Захарова), в которой прямо говорилось, что в крупных неудачах на фронтах Кореи виноваты не только командование КНА, но и советские военные советники. В директиве за подписью И. Сталина говорилось: «Наши военные советники не добились точного и своевременного выполнения приказа Главкома о выводе с основного фронта в район Сеула четырех дивизий, тогда как полная возможность к этому в момент принятия решения была, ввиду этого было потеряно семь дней, что и принесло американцам под Сеулом большую тактическую выгоду.

Обращает на себя серьезное внимание неправильная и совершенно недопустимая тактика использования в бою танков. Танки в последнее время используются у вас в бою без предварительных артиллерийских ударов с целью очистки поля для танков, ввиду чего ваши танки очень легко сжигаются противником».

И далее: «...Обращает внимание стратегическая малограмотность наших советников, а также их слепота в деле разведки. Они не поняли стратегического значения высадки противника в Чемульпо, отрицали серьезное значение высадки, а Штыков даже предлагал привлечь к суду автора заметки в „Правде“ об американском десанте. Эта слепота и отсутствие стратегического опыта привели к тому, что необходимость переброски войск с юга в район Сеула была подвергнута сомнению, сама переброска была растянута и замедлена и таким образом потеряли на этом семь дней к радости противника.

Исключительно слаба помощь наших военных советников корейскому командованию и в таких важнейших вопросах, как вопросы связи, управления войсками, организации разведки и ведения боя. В результате этого войска Корейской армии по существу почти неуправляемы; ведут бой вслепую и организовать взаимодействие между родами войск в бою не могут. Это терпимо может быть при успешном наступлении, но нетерпимо совершенно при осложнениях на фронте».

2 октября 1950 г. маршалу Захарову было приказано придать «исключительно важное значение» выводу частей КНА, особенно командного состава, из окружения в одиночку, группами, уничтожая или бросая при этом тяжелое вооружение и опираясь по возможности на сочувствие местного населения.

Однако это были явно запоздалые директивы. Потери КНА только в живой силе превысили в первые

2–3 месяца войны 50 тыс. солдат и офицеров. Раздробленные на отдельные группировки, лишенные своевременных поставок боевого снаряжения и боеприпасов, слабо управляемые из единого командного центра, находясь под яростными ударами ВВС США, истрепанные остатки частей КНА стихийно откатывались на Север, к корейско-китайской границе, оказывая лишь спонтанное сопротивление.

На этой фазе Корейской войны особую роль играли объединенные военно-морские силы США и Великобритании. Корабли 7-го флота США осуществляли по приказу Пентагона тотальную блокаду и массированные обстрелы северокорейского побережья с Востока и Запада. С 7-м флотом США взаимодействовали ВМС Великобритании. Так, флагман британского флота на Дальнем Востоке крейсер «Белфаст» во взаимодействии с кораблями 7-го флота США уже 3 июля 1950 г. начал обстрел территории Северной Кореи. Только за один день 19 июля «Белфаст» выпустил 350 шестидюймовых снарядов в направлении КНДР. Всего за Корейскую войну «Белфаст» выпустил около 8 тыс. шестидюймовых снарядов, что было в 3,5 раза больше, чем за всю Вторую мировую войну. (Относительно слабые ВМС КНДР не в состоянии были противодействовать огневой мощи британского крейсера. Тем не менее в августе 1952 г. на его палубе, причинив серьезные повреждения, разорвался 76-миллиметровый артиллерийский снаряд, выпущенный северокорейской береговой батареей.)

После пересечения 1 октября 1950 г. 38-й параллели «Объединенное командование ООН» столкнулось не только с сопротивлением регулярных частей КНА, но и широкомасштабным партизанским движением. В эти критические для КНДР дни Ким Ир Сен говорил, что он не пойдет на капитуляцию, уйдет в горы, чтобы вновь вести партизанскую войну против интервенции. Реальная угроза нарастания партизанского сопротивления на Севере вынудила коалицию внести существенные изменения в свою наступательную стратегию и тактику. 29 октября 1950 г. начальник штаба 10-го корпуса ВС США подполковник В. Куинн представил обстоятельный доклад Пентагону, из которого следует, что американская сторона в полной мере оценивала возможные угрозы эскалации партизанской войны в горных приграничных районах Северной Маньчжурии и Северной Кореи. По оценке автора доклада, северокорейские партизаны действуют в рамках трех боевых структур: а) регулярные группы, обученные для нанесения внезапных ударов по наиболее важным стратегическим позициям и коммуникациям; б) полувоеннизированная милиция, которая днем трудится на полях и других работах, а ночью совершает дерзкие вооруженные диверсии, чтобы с рассветом, спрятав оружие в горных тайниках, вновь оказаться на своем обычном трудовом месте; и в) народоармейцы из числа местного крестьянства и ремесленников, оснащенные лишь примитивным оружием (ножами, мечами, ломами, топорами и т. п.) и совершающие акции террора и устрашения против местной полиции и марионеточных административных чиновников. Народоармейцы для сбора необходимых сведений широко используют женщин и детей, и в каждом таком партизанском отряде действуют политкомиссары.

Автор доклада сформулировал ряд практических предложений, которые стали осуществляться на практике Объединенным командованием ООН. Во все воинские подразделения была направлена обстоятельная информация о тактике современных партизанских войн, создана специальная школа по подготовке и переобучению специалистов по контрпартизанским операциям, организованы из числа южнокорейцев специальные антипартизанские отряды, вооруженные и обученные для действий в труднодоступной горной местности. Одновременно «Объединенное командование ООН» осуществляло засылку своих агентов в районы партизанских действий, проводило массовые пропагандистские кампании по привлечению на свою сторону местного населения, создавало низовую сеть вооруженной полиции из числа недовольных режимом Ким Ир Сена.

Разумеется, эти чрезвычайные акции не могли подавить партизанскую войну в тылах «войск ООН», но ее эффективность так же, как и на Юге, оказалась намного ниже по сравнению с расчетами китайско-северокорейского командования. В итоге партизанское движение на Севере оказало незначительное

влияние на стремительное продвижение «войск ООН» к корейско-китайской границе.

Масштабы боевых операций на втором этапе корейской войны далеко выходили за пределы адекватной реакции по «отражению агрессии», предусмотренной Уставом ООН. Американско-лисыньмановская коалиция полагала, что Северная Корея отныне навсегда останется под ее стратегическим контролем, хотя между Вашингтоном и Сеулом по этому вопросу возникло вначале довольно серьезное противоречие. Администрация Ли Сын Мана претендовала на автоматическое признание ее юрисдикции на всей северокорейской территории, занятой «войсками ООН». Однако в специальном заявлении Объединенного командования было подчеркнуто, что полномочия правительства Республики Корея распространяются только на южную часть страны, а административные функции к северу от 38-й параллели выполняют специальные представители Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи (The United Nations Commission on the Unification and Rehabilitation of Korea). По предложению Макартура на Севере временно замораживались какие-либо реформы по вопросам землепользования, банковского дела и валюты. Командование «войск ООН» разрешило временно использовать в обороте северокорейскую вону с тем, чтобы предотвратить анархию в социально-экономической сфере Севера.

Однако лисынмановские власти усмотрели в этой политике некое ущемление своих законных прерогатив. 10 октября 1950 г. они обнародовали декрет о введении к северу от 38-й параллели военного положения и создании под эгидой южан военно-гражданской администрации. Для осуществления административного контроля в 9 наиболее крупных городах Севера создавались специальные полицейские силы численностью около 3 тыс. человек, а также вспомогательные формирования из числа правонационалистически настроенной молодежи. Правительство Ли Сын Мана даже попыталось назначить своего главного администратора во временную военно-гражданскую администрацию Пхеньяна, тогда как это кресло уже было занято назначенцем «командования ООН». Американские и другие войска, действовавшие под флагом ООН, почти повсеместно наталкивались на недружественное, если не враждебное отношение местного населения. И это было не случайным явлением.

Появление на северокорейской территории воинских частей США мигмом рассеяло иллюзии об их «миротворчестве». Американцы действовали так же цинично и бесцеремонно, как действуют всегда оккупанты на чужой земле. В середине июля 1950 г. Первая кавалерийская дивизия США дислоцировалась примерно в 150 км от Сеула. Дороги были переполнены беженцами, традиционно одетыми в белую одежду. Второй батальон седьмого полка дивизии получает секретный приказ об угрозе проникновения в тыл «северокорейских диверсантов», маскирующихся под крестьян. Американцы, расположившись у речной переправы, начинают «охоту» за всеми подозрительными, открывая шквальный огонь по любым скоплениям мирных людей, среди которых, по их предположениям, наверняка затаились партизаны. Когда второй батальон отошел на новые позиции, под мостом остается целое кладбище из 460 трупов беженцев. «Это была самая настоящая бойня... Южные корейцы, северные корейцы – мы их не различали!» – признавал позднее один из участников этой карательной операции, военный служащий США Ю. Хессельман. И это был не единичный случай целенаправленного истребления американцами мирного населения Кореи.

После успешной инчхонской операции в середине октября 1950 г. Объединенное командование ООН продолжало наращивать свое военно-политическое давление на отступающие и во многом деморализованные части северокорейской армии. К октябрю 1950 г. «войска ООН» проявились на отдельных участках и побережье пограничных с Китаем рек Туманган и Амнокан, и командование КНА вынуждено было начать срочную эвакуацию своих резервных военных частей в Маньчжурию, на территорию КНР (9 пехотных дивизий, офицерское училище, учебно-танковый полк, остатки авиадивизии с учебным полком и др.). На карту было поставлено само существование КНДР как суверенного государства. 9 октября 1950 г. Ким Ир Сен обратился к Сталину с тревожной просьбой в неотложном порядке

разрешить: а) подготовку 200–300 летчиков из числа граждан КНДР, направленных ранее на учебу в СССР; б) подготовку из числа советских корейцев, проживающих в различных районах СССР, примерно 1000 танкистов, 2000 летчиков, 500 связистов и 500 офицеров инженерной службы. Практическая реализация этой программы требовала немало времени, а корейский фронт срочно нуждался в военных кадрах такого рода, которые могли обеспечить только КНР и СССР. Советское руководство оказалось перед угрозой прямого и широкомасштабного вовлечения в Корейскую войну. В Москве и Пекине понимали, что исчезновение КНДР – «форпоста социализма» в СевероВосточной Азии – нанесет колоссальный геополитический и морально-политический урон советско-китайской союзнической коалиции. В такой критической ситуации Москва и Пекин принимают решение об оказании непосредственной военной поддержки выдохнувшейся северокорейской армии: Китай – сухопутными войсками, а СССР – военно-воздушными силами. В соответствии с этим решением 25 октября 1950 г. начался массированный ввод в Корею китайских народных добровольцев (КНД).

§ 3. Третья фаза войны: прибытие в Корею «китайских народных добровольцев»

Итак, 25 октября 1950 г. КНР предприняла массированный ввод своих войск на Корейский полуостров, хотя скрытая переброска «китайских народных добровольцев» осуществлялась еще с середины октября. Так начался третий этап Корейской войны, который продлился до открытия первых переговоров о перемирии в Кэсоне (9 июля 1951 г.).

Командующим группировкой китайских войск, названных в целях дипломатического камуфляжа «добровольцами», был назначен один из наиболее опытных и популярных в стране военных деятелей Пэн Дэхуай. В своих мемуарах он вспоминает, что утром 4 октября 1950 г. из Пекина в Сиань, где он в то время находился, неожиданно прислали специальный самолет. От имени ЦК КПК ему было предложено срочно вылететь на экстренное совещание в центр. Около 4 часов пополудни, когда Пэн Дэхуай прибыл в здание ЦК, там уже шло совещание высшего руководства партии и страны, на котором обсуждался вопрос о неотложном вступлении китайских войск в Корею. Генерал был твердым сторонником такой акции, и ему без дискуссии поручалось командование китайскими войсками, которые придут на помощь братской Северной Корее. Всю ночь после этого совещания, вспоминает маршал, он не мог уснуть, размышляя о сложностях предстоящей операции. «Я думал о том, что если США оккупируют Корею, то нас будет разъединять только река Ялуцзян, возникнет реальная угроза Северо-Восточному Китаю... Если США захотят развязать агрессивную войну против Китая, то они в любое время найдут предлог для этого. Нельзя идти на уступки», – написал позднее Пэн Дэхуай в своих мемуарах. Очевидно, так размышлял в тот период Мао Цзэдун, хотя не все другие китайские лидеры разделяли это мнение. Вступление в Корейскую войну непосредственно увязывалось с обеспечением национально-государственной безопасности КНР.

Первоначально в состав контрнаступательной группировки КНД вошли 5 стрелковых корпусов и 3 артиллерийские дивизии. В целом же Китай задействовал в Корейской войне огромную по численности группировку в 25 армейских корпусов.

Китайско-северокорейской армии на этом этапе войны противостояла группировка Объединенного командования ООН, состоявшая из 11 пехотных дивизий и бригад, численностью в 211 тыс. солдат и офицеров, оснащенных 790 танками, 300 самолетами, 720 полевыми, 270 зенитными и 764 противотанковыми орудиями. КНД и КНА имели превосходство в живой силе, полевой артиллерии и минометах, но американско-южнокорейские войска значительно превосходили противника по числу танков, зенитных орудий, самолетов и боевых кораблей.

При таком неблагоприятном балансе оснащенности современной боевой техникой китайцы умело использовали временные преимущества ведения иррегулярной полупартизанской войны: тщательную маскировку в лесисто-горной местности, скрытое передвижение в ночное время, просачивание сквозь боевые позиции противника и нанесение им молниеносных ударов в тылах и флангах. Как отмечают российские военные историки А. С. Орлов и В. А. Гаврилов, китайские добровольцы максимально использовали свои преимущества недостаточно оснащенной крестьянской армии, уменьшая одновременно свои слабости. Они атаковали главным образом ночью, прошупывая оборону, охватывая и наводя страх на противника, используя большое количество ручных гранат, огонь ручных пулеметов и минометов. Короче говоря, китайские войска были не разновидностью противника, а совершенно другим противником. После одной из таких атак командир 24-й американской дивизии генерал Чёрч в лихорадочном возбуждении воскликнул: «Китайцы уже здесь. Третья мировая война началась!»

Бои на северокорейском плацдарме с конца октября по декабрь 1950 г. отличались исключительным упорством.

Обе стороны несли огромные людские и материальные потери. Так, 1-я дивизия морской пехоты США потеряла в боях этого периода от 40 до 70 % личного состава. А общие потери «войск ООН» в этот период составили 36 тыс. солдат и офицеров, из которых 24 тыс. были американцами.

Наступательный порыв «войск ООН» резко ослаб и стал иссякать не только в результате появления на Севере Кореи огромных по численности КНД, но и вступления в войну базировавшегося в Маньчжурии 64-го Истребительного авиационного корпуса (ИАК) ВВС СССР, в задачу которого входило обеспечение «воздушного зонта» над небом КНДР. Действия 64-го ИАК во многом изменили характер Корейской войны. Американские летчики столкнулись с советской боевой техникой (самолетами «МИГ-15»), которые по своим качествам не уступали соответствующим аналогам США (истребители F-86 «Сейбр»). С этого времени американская авиация не могла безнаказанно действовать в воздушном пространстве КНДР.

После переброски в Корею КНД во взаимодействии с частями северокорейской армии и при интенсивной поддержке 64-го ИАК советских вооруженных сил развернули широкое контрнаступление против «войск ООН», что вызвало гневную реакцию в милитаристских кругах США. Командующий «войсками ООН» Д. Макартур представил Белому дому программу «решительных действий», которая предусматривала перенос военных действий на китайскую территорию, массированные бомбардировки стратегических объектов в Маньчжурии, полную блокаду не только северокорейского, но и китайского побережья, перекрытие путей снабжения китайской армии со стороны СССР, масштабное вовлечение в военные действия против КНДР и КНР гоминьдановских войск, наконец, ядерные бомбардировки КНДР и КНР. Однако президент Г. Трумэн, госсекретарь Д. Ачесон и министр обороны Д. Маршалл отказались поддержать Макарута и не без веских оснований. «Без сомнения, мы достигли момента, когда надо было принимать серьезное решение. Если бы мы избрали путь разжигания войны в отношении Китая, нам следовало бы ожидать возмездия. Пекин и Москва были союзниками как идеологически, так и по договору. Если бы мы напали на коммунистический Китай, то должны были ожидать русского вмешательства», – писал позднее в своих мемуарах Г. Трумэн.

Региональная война в Коре с прямым вовлечением не только США и их союзников, но КНР и СССР, едва не переросла в гиперконфликт (военное столкновение мирового масштаба), хотя И. Сталин также избегал открытого и фронтального военного столкновения с американцами, к которому, по его оценке, Советский Союз не был готов к тому времени.

Опасения Сталина по поводу угрозы вовлечения СССР в широкомасштабную войну в Восточной Азии, как показали события Корейской войны, имели под собой веские основания. В октябре 1950 г. ВВС США внезапно подвергли массированному обстрелу крупную советскую авиабазу в районе Сухой реки в 40 милях от Владивостока, с которой обычно стартовали наши истребители, обеспечивавшие «воздушный зонт» над небом КНДР. Разразился крупный политико-дипломатический скандал. При этом в Вашингтоне, зная, что СССР привел в состояние боевой готовности Тихоокеанский флот и бронетанковые дивизии в Приморье, пошли все же на дипломатический компромисс. В ответ на решительный и резкий официальный протест СССР США принесли советской стороне официальные извинения, предложили компенсацию за нанесенные разрушения, сместив формально командира авиаподразделения, участвовавшего в воздушном налете, хотя подобный инцидент вряд ли мог произойти без санкции высоких военных инстанций.^[18] Острые политические дискуссии по вопросу об участии КНР в Корейской войне развернулись и в Китае. Влиятельная группа наиболее решительных противников прямого вовлечения КНР в военные действия на Корейском полуострове (Чжоу Эньлай, Жень Биши, Чэнь Юнь, Линь Бяо и др.) настойчиво доказывала, что страна после многих лет внутренних войн остро нуждается в мирной

передышке и Народно-освободительная армия Китая (НОАК) не готова к крупномасштабным боевым сражениям с современной, модернизированной армией США. В ответ на это Мао Цзэдун доказывал, что военное столкновение с США – роковая неизбежность.

После ввода в Северную Корею «китайских народных добровольцев», как уже было отмечено выше, было сформировано единое Объединенное (корейско-китайское) командование во главе с Ким Ир Сеном. В конце октября 1950 г. объединенная корейско-китайская коалиция, преодолевая ожесточенное противодействие первоклассно оснащенных войск США и их союзников, начала развернутое контрнаступление в направлении бассейна реки Чхончхонган. В кровопролитных сражениях китайские и северокорейские войска форсировали водный рубеж и, продвигаясь далее на юг, освободили на западном побережье Пхеньян, а на восточном берегу Вонсан (6 декабря 1950 г.). 24 декабря коалиция КНДР и КНР вышла к 38-й параллели, а 4 января 1951 г. были снова заняты Сеул и Инчхон. Однако спустя примерно 2,5 месяца (14 марта 1951 г.) Сеул вновь оказался под контролем несколько окрепших и усиленных войск ООН. В дальнейшем КНА и КНД предприняли попытку нового крупного контрнаступления, но не достигли поставленных целей. К июню 1951 г. фронт вновь (с некоторыми отклонениями) стабилизировался вдоль 38-й параллели, и обе коалиции оказались вовлечены в затяжную и изнурительную позиционную войну.

К этому времени и Северная, и Южная Корея достигли предела военно-политического и социально-экономического истощения. О реальной внутривнутриполитической ситуации в КНДР того времени достаточно красноречиво свидетельствуют дипломатические документы, поступавшие в те дни из Пхеньяна. Так, в материалах за 1951–1952 гг., когда война на полуострове приобрела в основном тупиковый, позиционный характер, острой проблемой КНА стало массовое дезертирство солдат и офицеров, мобилизованных в свое время на юге. Отсутствие необходимого взаимодействия между фронтом и тылом, тотальные бомбардировки и обстрелы со стороны «войск ООН», нехватка боеприпасов и продовольствия, отсутствие элементарных санитарно-гигиенических условий резко усиливали неверие армейской массы в обещанную «победу» над противником. Как было установлено проверкой Главного политического управления КНА, во многих подразделениях переднего края (1, 2, 3 армии) по 2–3 месяца солдаты и сержанты не только не мылись в бане, но даже не умывались, не стригли волосы, не меняли белье. Отсюда – почти поголовная завшивленность личного состава подразделений первого эшелона. Пища в траншеи к солдатам доставлялась обычно в холодном виде. Жидкой пищи солдаты, как правило, не получали. Чай или кипяток солдаты тоже не получали, не всегда имели возможность пить даже холодную воду. Личный состав по 10–15 дней не получал табак, не имел курительной бумаги. «Эти явления американцы использовали в своих пропагандистских целях», – говорилось в указанном докладе Главпура КНА. [\[19\]](#) В упомянутых выше документах говорилось также о «значительном преувеличении» размаха партизанского движения в Южной Корее и явной гиперболизации различных операций по «разгрому противника».

Что же касается внутривнутриполитической жизни Юга, определяющую роль здесь играли два фактора: во-первых, доминирование военно-политического влияния США, которые де-факто приняли на себя функции внешней опеки над РК, поскольку решение всех ключевых вопросов государства, включая верховное командование южнокорейскими войсками, было передано американской стороне; и, во-вторых, резкое обострение межгрупповой, межклановой борьбы внутри правящей элиты по узловым вопросам внешней политики. Оттесненные от реальной власти растущие группировки южнокорейской национальной буржуазии и новые средние слои были встревожены диктаторскими тенденциями в правлении Ли Сын Мана, а также его излишне жесткой, непримиримой риторикой в отношении Севера, блокирующей пути мирного урегулирования. Трехлетняя война резко усилила правонационалистические настроения среди южнокорейской правящей верхушки. На имя президента США Г. Трумэна от парламента РК было направлено специальное послание, в котором говорилось, что единственный путь прекращения огня на полуострове – это объединение всей корейской нации «под эгидой Корейской Республики». Это означало,

что находящиеся у власти в Сеуле ультраправые и консервативные силы намерены вести войну до «победного конца», не считаясь с ее огромными людскими и материальными потерями и постоянной угрозой перерастания в военный конфликт мирового, глобального масштаба.

Однако вопреки воинственной риторике Сеула великие державы, вовлеченные в региональный конфликт, более реалистически оценивали складывающуюся ситуацию равновесного баланса стратегических сил, который не позволял ни одной из противоборствующих коалиций рассчитывать на капитуляцию другой стороны. Первый осторожный дипломатический зондаж состоялся еще в июле 1950 г. Беседа шла между заместителем министра иностранных дел СССР А. А. Громыко и британским послом США в СССР Д. Келли. Однако же этот разговор не дал практических результатов. Тем не менее эта встреча позволила определить общее дипломатическое пространство для возможного проведения в будущем мирных переговоров по Корее. Для советской стороны стало очевидно, что требование вывода многонациональных «войск ООН» и восстановление представительства континентального Китая в ООН не могут быть приняты Вашингтоном в качестве предварительного условия прекращения огня в Корее.

Но по сути это были две разные, не взаимосвязанные между собой политические проблемы.

В октябре 1950 г. глава советской делегации в ООН А. Вышинский внес на рассмотрение V сессии Генеральной Ассамблеи ООН проект резолюции, который в принципе мог бы побудить США и их союзников пойти на поиски миротворческого компромисса. В указанном проекте документа предусматривалось: а) немедленное прекращение огня и вывод всех иностранных войск из Кореи; б) проведение общекорейских выборов в объединенный Национальный парламент под наблюдением комиссии ООН, составленный из представителей соседних с Кореей государств; в) создание совместной комиссии из представителей Севера и Юга для управления страной; г) принятие объединенного правительства Кореи в ООН; д) предоставление Корее экстренной международной экономической помощи.

Трансатлантический блок отклонил в целом проект советской резолюции, но принял решение о создании Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи из представителей Австралии, Нидерландов, Пакистана, Таиланда, Турции, Филиппин и Чили. В ее компетенцию входило оказание всемерного содействия в создании единого независимого и демократического правительства Кореи на основе проведения всекорейских выборов под международным наблюдением. Указанной комиссии в условиях ожесточенных боев между коалицией КНА – КНД, с одной стороны, и «войсками ООН», с другой, не удалось практически даже приступить к работе. К тому же ни Вашингтон, ни Москва пока еще не осознавали в полной мере тупикового характера конфликта и даже рассчитывали укрепить свои потенциальные переговорные позиции путем выигрыша отдельных сражений войны. Свидетельством этого может служить секретная директива Политбюро ЦК ВКП(б) от 7 декабря 1950 г. советскому представителю в ООН А. Я. Вышинскому. В ней говорилось, что его предложение о прекращении военных действий в Корее является «неправильным в настоящее время, когда американские войска терпят поражение» и оказались якобы перед угрозой полного разгрома.

Советская сторона, судя по архивной документации того времени, терпеливо и настойчиво ожидала того, чтобы дипломатическая инициатива по мирному урегулированию в Корее исходила в первую очередь от США. И эти надежды оказались не напрасными. В мае—июне 1951 г. один из наиболее компетентных американских советологов того времени, бывший посол США в СССР, отставной дипломат Дж. Кеннан вышел на прямые, но неофициальные контакты с постпредом СССР в ООН Я. А. Маликом. Результаты этих встреч принесли сенсационные дипломатические результаты.

Во время первого чаепития 31 мая 1951 г., состоявшегося в официальной резиденции Я. А. Малика в Нью-Йорке, после общих разговоров речь зашла о Корее, и Дж. Кеннан как бы между прочим обронил

фразу о том, что воюющие в Корее коалиции могли бы «прекратить огонь» и остановиться примерно на тех рубежах, т. е. на 38-й параллели, которые они занимают ныне де-факто. Советский дипломат уклонился от прямого ответа, хотя это был поворотный момент в дипломатии Корейской войны. Лишь во время второй встречи с Кеннаном 5 июня 1951 г. Малик, высказавшись в целом за мирное урегулирование в Корее, заявил, что СССР не является ее участником и поэтому вопрос о перемирии следует вести прежде всего с КНР и КНДР. Это значило, что СССР добивается расширения формата урегулирования конфликта, исходя из политических реалий на полуострове. В контексте этой позиции в июне 1951 г. в пекинском журнале «Народный Китай», предназначенном для внешнего мира, была обнародована основополагающая статья Сунь Цинлинь (вдовы Сунь Ятсена) о возможности мирного сосуществования между различными социальными системами, если обе стороны проявят добрую волю и пойдут навстречу друг другу.

После столь солидной дипломатической подготовки на арене зондажа потенциальных мирных переговоров вновь появился Я. А. Малик. Выступая в специальной радиопрограмме ООН «Цена мира» 23 июня 1951 г., глава советской дипломатической миссии в ООН открыто поддержал идею мирных переговоров воюющих в Корее коалиций «...в отношении прекращения огня и перемирия на условиях взаимного отвода войск от 38-й параллели». В принципе это было одобрение изложенной ранее позиции США. Вместе с тем МИД СССР в своем разъяснении посольству США в Москве от 27 июня 1951 г. вновь подчеркнул, что «командование ООН» в Корее должно вести мирные переговоры в Корее с китайско-северокорейской коалицией.

После выступления Я. А. Малика по радиопрограмме ООН продвижение к открытию мирных переговоров по Корее обрело более реалистический характер. Но еще 25 июня 1951 г. идея советского представителя в ООН получила в целом позитивную оценку в выступлении президента США Г. Трумэна. Вслед за этим последовало практическое согласие посла США в СССР Керка об участии в мирных переговорах в Корее представителей командования КНД и КНА, что вполне устраивало Пекин. После этих согласований президент Трумэн дал указание генералу Риджуэю, командующему войсками ООН в Корее, открыть переговоры о перемирии с северокорейской стороной. 28 июня 1951 г. Риджуэй направил в адрес северокорейско-китайского командования радиogramму с предложением начать мирные переговоры. Радиogramма была немедленно доведена до сведения Сталина, который в ответном послании от 30 июня 1951 г. рекомендовал дать безотлагательный положительный ответ американцам. По мнению Сталина, соглашение о перемирии в Корее должно быть завизировано в конечном итоге личными подписями Ким Ир Сена и Пэн Дэхуая.

Несмотря на столь четко сформулированный кремлевский сценарий, китайское руководство вновь попыталось сделать СССР одним из основных участников мирного урегулирования. В письме к Сталину Мао Цзэдун предложил, чтобы руководство переговорами в Корее осуществлялось непосредственно советским руководством. Сталин не без резкости заметил: «Это, конечно, немыслимо и не нужно. Руководить придется Вам, тов. Мао Цзэдун. Самое большое, что мы можем дать, – это советы по отдельным вопросам. Мы также не можем держать непосредственную связь с Ким Ир Сеном. Связь должны держать Вы».^[20] 10 июля 1951 г. в городе Кэсон состоялась первая долгожданная встреча представителей командования двух воюющих коалиций. Дорога к перемирию была открыта. Так начался четвертый самый изнурительный и долгий этап Корейской войны.

Глава II

Путь к перемирию

§ 1. Основные итоги конфликта

Более двух лет со времени первого заседания мирных переговоров, состоявшегося 10 июля 1951 г., шли исключительно напряженные, затяжные дипломатические баталии, которым сопутствовала то затихающая, то вспыхивающая с новой силой позиционная война на различных фронтах Корейского полуострова.

К началу четвертого этапа войны в Корее на ее сухопутном и прибрежном пространстве действовали две крупные военные группировки, численность и оснащенность которых была вполне сопоставима с крупными сражениями Второй мировой войны. О реальных гипермасштабах этого военного противостояния убедительно говорят следующие данные. На территории КНДР были размещены 51 дивизия китайских народных добровольцев (КНД), 23 пехотные и 4 механизированные дивизии КНА. Объединенная воздушная армия (ОВА) северокорейцев и китайцев включала 6 истребительных, 3 штурмовые, 1 бомбардировочную и еще одну смешанную авиадивизии. Общая численность корейско-китайских войск к этому времени достигла 1,3 млн чел., из которых на долю китайских добровольцев приходилось около 900 тыс. чел., а северокорейцев – 400 тыс. солдат и офицеров.

Что же касается «войск ООН», то на их позициях было развернуто 16 пехотных дивизий и 1 дивизия морской пехоты, 4 пехотные бригады, 11 отдельных пехотных дивизий, 2 танковые дивизии, 2 отдельных артиллерийских полка, полк ВДВ, полк морской пехоты, 17 отдельных батальонов, 3 отдельных танковых батальона, 18 дивизионов полевой артиллерии, 9 зенитных дивизионов, 7 отрядов береговой охраны. Всего в составе «войск ООН» было задействовано около 400 тыс. солдат и офицеров, включая 220 тыс. американских военнослужащих. Войска КНА – КНД имели преимущество над противником в численном составе войск, приблизительный паритет в артиллерии и минометах, но значительно уступали по оснащенности боевыми самолетами и силами ВМС. Именно при таком соотношении стратегических сил в районе 38-й параллели война в Корее вошла в стадию затяжного стратегического тупика, когда ни одна из сторон не могла реально рассчитывать на достижение решающей военно-политической победы на поле боя путем разгрома и подавления противника.

В такой тупиковой ситуации осенью 1951 г. Объединенный комитет начальников штабов США (ОКНШ) устроил утечку конфиденциальной информации о том, что Пентагон завершил разработку плана нанесения массированного атомного удара по Северной Корее и, возможно, Северо-Восточному Китаю. Затем с одобрения президента Г. Трумэна в октябре 1951 г. ВВС США провели маневры под кодовым наименованием «Хадсон Харбор», целью которых было нанесение всеуничтожающих ядерных ударов по КНДР.

Именно в обстановке подобного военно-атомного шантажа проводились первые переговоры воюющих сторон в Кэсоне, которые вскоре были перенесены в соседнее селение Пханмунджом. Военную делегацию «войск ООН» возглавлял американский генерал С. Джой (а с весны 1952 г. другой генерал – У. Гаррисон). В ее состав был включен военный представитель ВС Республики Корея. Объединенную северокорейско-китайскую делегацию возглавил начальник генштаба КНА генерал Нам Ир. В состав делегации были включены два высокопоставленных китайских генерала.

Первые же контакты представителей воюющих сторон показали, что к перемирию ведет долгий и сложный путь. По всем основным вопросам (демаркационная линия, демилитаризованная зона, обмен военнопленными, создание военной комиссии и комиссий по наблюдению за перемирием из представителей нейтральных стран, проведение общеполитической конференции и др.) развернулись предельно напряженные дипломатические баталии, причем без какого-либо ослабления накала боевых действий на фронтах. В ожесточенные споры и взаимные обвинения вылились обсуждения корейского вопроса в феврале, октябре и декабре 1952 г. в ООН, которая в тот период действовала исключительно по американским сценариям. В ноябре 1952 г. советская делегация внесла на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН свое предложение сформировать комиссию по мирному урегулированию в Корее из представителей не только воюющих сторон, но и нейтральных государств в следующем составе: Великобритания, СССР, США, Китай, Франция, а также Бирма, Индия, Швейцария, Чехословакия и КНДР и РК. Однако ГА ООН 3 декабря 1952 г., отклонив советское предложение, приняла индийский проект резолюции о скорейшем прекращении огня в Корее и обмене военнопленными на основе односторонних принципов, изложенных ранее США. Как и следовало ожидать, советская сторона отклонила указанную резолюцию, поскольку она не предусматривала возвращение всех военнопленных из числа военнослужащих КНДР и КНР.

Затягивание мирных переговоров в Корее в немалой степени обуславливалось односторонней оценкой международной ситуации того времени не только со стороны США и их союзников, но и советско-китайской коалиции. Это видно из стенограммы записи беседы И. Сталина с Чжоу Эньлаем, состоявшейся в Кремле 20 августа 1952 г. В ходе этой беседы Сталин сказал, что корейская война «портит кровь американцам» и «невыгодна» им, что вооруженная схватка в Корее «показала слабость американцев», а «северокорейцы ничего не потеряли, кроме жертв, которые они понесли в этой войне». В подобную идеологическую риторику были окрашены и суждения Чжоу Эньлая, по мнению которого корейская война показала, что США не готовы к новой мировой войне, что, сдерживая США в Корее, Китай способствует тому, что угроза возникновения Третьей мировой войны отдалается лет на 15–20.

Отойти радикально от односторонности и сверхидеологизации в корейской войне позволила лишь смерть Сталина 5 марта 1953 г. Уже 19 марта 1953 г. правительство СССР утвердило документ, предусматривающий курс на скорейшее прекращение войны на Корейском полуострове, где «войска ООН» продолжали с неослабевающим ожесточением осуществлять тактику выжженной земли.

Специальная директива для советской делегации, представленной на Генеральной Ассамблее ООН, содержала прямое указание «рекомендовать воюющим сторонам в Корее немедленно и полностью прекратить военные действия на суше, на море и в воздухе». Лидер КНДР безоговорочно поддержал эту установку. Однако Мао Цзэдун полагал, что военное противостояние на Корейском полуострове следовало бы продолжить. По его словам, «с чисто военной точки зрения было бы неплохо продолжать бить американцев еще год, с тем чтобы занять более выгодные рубежи на реке Ханган». Еще более решительными противниками переговоров о перемирии оказались южнокорейцы, открыто помышлявшие о завершении воссоединения Кореи сугубо силовыми методами, т. е. с помощью «войск ООН». Однако противодействие противников прекращения войны было в конечном итоге преодолено прежде всего усилиями Вашингтона и Москвы. На этом этапе дипломатической разведки Госдепартамент США в качестве одного из взаимоприемлемых вариантов урегулирования не исключал совместного рассмотрения на международном уровне вопроса о возможной нейтрализации Корейского полуострова при обязательном условии вывода с его территории всех иностранных войск.

Долгожданная развязка в интересах воюющих коалиций наступила лишь 27 июля 1953 г., когда в Пханмунджоме было оформлено Соглашение о прекращении огня.

Подписание Соглашения о перемирии не обошлось без сложной дипломатической интриги. Согласно первоначальному замыслу Кремля, предполагалось, что Соглашение о прекращении огня от северо-кореysко-китайской коалиции будет подписано без участия Ким Ир Сена, только представителем Китая. Однако Мао Цзэдун довольно резко отклонил этот сценарий, заявив, что без лидера КНДР китайская сторона в мирных переговорах участвовать не будет. Чтобы предотвратить дальнейшее затягивание с прекращением огня, был выработан и реализован следующий сценарий: в 10 часов утра 27 июля 1953 г. состоялась встреча штабных офицеров противоборствующих сторон, которые завизировали Соглашение о перемирии. Затем заочно (без прибытия в Пханмунджом) свои подписи поставили Ким Ир Сен, Пэн Дэхуай и от Объединенного командования войск ООН – генерал Кларк. Присутствовавший на церемонии подписания южнокорейский генерал Чхве Доксин отказался подписать документ, требуя от имени своего правительства: а) вывода с полуострова китайских народных добровольцев; б) разоружения северо-кореysкой армии; в) проведения общекореysких выборов под эгидой ООН. Тем не менее в тот же день в 22.00 по местному времени Соглашение о перемирии в Корее вступило в силу.

Исключительно сложным и затяжным оказался вопрос об обмене военнопленными. Коалиция войск ООН представила список, состоящий из 132474 военнопленных из числа военнослужащих КНА и КНД, в то время как северо-кореysко-китайская коалиция подала сведения об 11551 военнопленном из числа граждан Республики Корея, США и других членов ООНовской коалиции. Но в числе военнопленных на Юге Кореи оказалось немалое число тех, кто был в свое время принудительно призван в ряды КНА, а теперь не хотел вновь возвращаться на Север. США настаивали на том, что каждому военнопленному необходимо предоставить свободу выбора – поселиться в Северной или Южной Корее, Китае или Таиланде. Однако Пхеньян и Пекин настаивали на возвращении всех военнопленных, хотя опросы среди них показали, что только 83 тыс. человек предпочитают вернуться на Север. КНДР и КНР решительно возражали против результатов такого опроса. Тогда южнокореysкие власти в одностороннем порядке освободили из плена 25 тыс. военнослужащих, предоставив им возможность самим определить свою судьбу. Эта провокационная акция едва не сорвала весь ход мирных переговоров.

Наконец, войска двух воюющих коалиций 31 июля 1953 г., демонтировав оборонительные сооружения переднего края, отошли от линии непосредственного боевого соприкосновения на 2 км, образовав таким образом демилитаризованную зону (ДМЗ) шириной в 4 км, на многие последующие десятилетия расколовшие исторически сложившуюся единую кореysкую нацию.

ДМЗ на Кореysком полуострове – уникальное военно-инженерное сооружение, аналога которому не найти нигде в мире. Ее ширина – 4 км и тянется она по всему периметру границы между КНДР и РК. ДМЗ проходит в 62 км от Сеула и 215 км от Пхеньяна. По середине ДМЗ проведена военно-демаркационная линия (ВДЛ), размеченная 1392 полосатыми черно-желтыми столбами, расположенными на расстоянии 100–200 метров друг от друга. За состояние 696 столбов отвечают войска КНДР, за другие 696 – «войска ООН». Надписи на столбах сделаны на английском, китайском и кореysком языках. Всего в районе ДМЗ было дислоцировано около 1 млн вооруженных военнослужащих обеих сторон, здесь созданы сплошные минные поля, проволочные заграждения, многочисленные огневые точки.

В дополнение к ДМЗ на расстоянии в несколько сот метров от нее южнокореysцы соорудили грандиозную стену, назначение которой прикрыть Сеул от возможной танковой атаки с Севера. На сооружение стены израсходовано 800 тыс. т цемента, более 200 тыс. т металлоарматуры, 3,5 млн кубометров песка и гравия. Фундамент стены углублен в землю на 2–3 м, и высота сооружения от 3 до 5 м. Ее ширина – от 10 до 19 м у основания и 3–7 м в верхней части. Общие расходы по сооружению этого заградительного барьера составили 32 млрд вон, что соответствует бюджету целого городского поселения.

Еще одна «достопримечательность» ДМЗ – уникальные тоннели, сооруженные северянами на случай

нового вооруженного столкновения с южанами. Первый тоннель (обнаружен в 1975 г.) проходит под ДМЗ в западном секторе ДМЗ. Спецкоридор высотой в 1,2 м и шириной 0,9 м укреплен железобетонными плитами, рельсами для вагонеток, снабжен электроосвещением. В течение 1 часа через тоннель можно перебросить армейскую группировку численностью в 30 тыс. человек, оснащенную легкой полевой артиллерией и гранатометами. Второй тоннель (обнаружен тоже в 1975 г.) проходит под центральным сектором ДМЗ. Он в два раза выше и шире первого и проложен в скальной породе на большой глубине, проникает на 1,1 км от ДМЗ и может пропускать одну дивизию в час с танками, БМП и полевой артиллерией. Третий недостроенный тоннель (выявлен в 1978 г.) под ДМЗ длиной в 1635 м предполагалось вывести на территории Юга в 44 км от Сеула. Его проектные параметры сопоставимы со вторым тоннелем и обладают примерно такой же пропускной способностью. Наконец, в восточном секторе ДМЗ был обнаружен четвертый тоннель, имеющий проходные параметры второго и третьего тоннелей. Его выход на Юге упирается в стратегическую автотрассу Сеул – Каннин. При прокладке этих уникальных военно-инженерных сооружений северяне широко использовали богатый опыт строительства пхеньянского метрополитена.

Помимо объектов, вокруг которых постоянно разгораются дипломатические баталии, в ДМЗ создана уникальная «зона совместной безопасности», расположенная на западной оконечности линии размежевания в селении Пханмунджом площадью в 800 кв. м, которая считается нейтральной зоной. Каждая сторона располагает в Пханмунджоме 6 наблюдательными пунктами и 35 постоянно находящимися на посту пограничниками, а также своими комнатами связи, оснащенными необходимыми средствами экстренной коммуникации. Именно в этой зоне проходят свое первое практическое испытание самые разнообразные проекты полномасштабного урегулирования на Корейском полуострове.

* * *

Дата и время подписания Соглашения о перемирии (10 часов утра 27 июля 1953 г.) прочно вошли в мировую историю середины XX в. Реализм и здравомыслие оказались на этот раз выше воинственных устремлений тех, кто добивался продолжения войны до «полной победы», хотя никогда прежде ни в одной из войн прошлого земля Кореи не подвергалась столь опустошительному разрушению.

Вот как описал ситуацию на полуострове независимый американский военный историк Б. Камингс: «В 1953 г. Корейский полуостров представлял собой дымящиеся руины. От Пусана на юге до Синчжу на севере корейцы хоронили своих мертвых, оплакивая потери и пытались соединить разбитые осколки былой жизни. В столице Южной Кореи Сеуле пустые здания, подобные скелетам, стояли вдоль улиц, мощенных чудовищной смесью бетона и шрапнели. На севере все современные сооружения теперь едва стояли: Пхеньян и другие города представляли собой кучи разбитого кирпича и пепла, фабрики были пустыми, огромные плотины больше не сдерживали воду. Люди жили подобно кротам, ночуя в пещерах и штольнях и просыпаясь в кошмаре наступившего дня».[\[21\]](#)

В мировом корееведении не ослабевают дискуссии о геополитических последствиях и итогах Корейской войны. При этом различные точки зрения историков и политологов группируются по следующим основным позициям.

Первая позиция. «Блистательную победу» исторического характера в «отечественной» и «освободительной» битве одержали КНА и КНД. Победоносные операции КНА и его Верховного командования против оккупационных сил, действовавших под флагом ООН, нанесли «сокрушительный удар» по интервентам и южнокорейским марионеткам, вынудили противника пойти на заключение перемирия и в конечном итоге поставили мощный заслон на пути империалистической экспансии Запада. По словам Ким Ир Сена, развязав корейскую войну, США и их союзники сделали опасный шаг на пути к

новой мировой войне. Однако «...мудрая политика СССР и КНР предотвратила превращение корейского конфликта в мировую войну. Мы вправе гордиться тем, что корейский народ, отразив натиск американских агрессоров, внес большой вклад в дело предотвращения третьей мировой войны». [22]

Сторонники мнения о военной и политической победе КНДР и КНР в Корейской войне делают главный акцент на явных преимуществах «человеческого фактора» над всеми другими факторами, включая военно-технологические.

«Военное поражение» американцев в корейской войне, согласно этой позиции, подтвердило, что военно-техническое превосходство беспомощно перед мощью революционной армии и не может гарантировать победу. «В корейской войне *США потерпели жестокое поражение* не только в военном, но в политическом и моральном отношении. Морально-политическое поражение американской армии в корейской войне стало одним из важных факторов, определивших всеобщий крах мифа о «непобедимости» США, развенчавших иллюзии о том, что они «защитники свободы, демократии и гуманизма», – утверждают авторы книги «Корея: расчленение, война, объединение». [23]

Вторая позиция. Региональную войну на Корейском полуострове выиграла коалиция западных держав во главе с США. Она остановила «коммунистическую эскалацию» на его исходных рубежах 38-й параллели, не позволив Москве и Пекину расширить дальше на северо-восток Азии сферу своего геополитического влияния. Именно в таком ключе оценивает суммарные итоги и последствия корейской войны упоминавшийся выше военный историк США У. Стьюк, который пытается доказать, что для Вашингтона региональная война на Корейском полуострове, несмотря на некоторые «горькие плоды», стала крупной геополитической победой, которая «вышла далеко за границы самой Кореи, так как демонстрация способности и желания дать агрессии вооруженный отпор сопровождалась наращиванием военной мощи в самих США и Западной Европе, целью которой было сдерживание возможной агрессии в других районах мира». [24]

Третья позиция. Корейская война 1950–1953 гг. принесла серьезные военные и политические преимущества Советскому Союзу. В подтверждение этой версии приводятся конкретные данные о боевых действиях 64-го истребительного авиационного корпуса (ИАК), который уничтожил в небе Кореи американских самолетов в 3 раза больше по сравнению со своими боевыми потерями. Кроме того, утверждают сторонники данной позиции, Москве удалось реализовать свои важные геополитические цели: предотвратить потенциальное сближение Пекина и Вашингтона, ограничить влияние КНР в постколониальном «третьем мире» и в немалой степени усилить на какое-то время зависимость Китая от СССР. Как полагают российские военные аналитики А. С. Орлов и В. А. Гаврилов, Советский Союз, не выиграв формально войну, в которой он открыто не участвовал, сумел все же удержать в сфере своего геостратегического влияния север Корейского полуострова и проверить на прочность свою внешнеполитическую доктрину «интернациональной миссии». «Затянувшаяся война была выгодна СССР с той точки зрения, что она отвлекала финансы, вооруженные силы Запада от Европы, главного яблока раздора двух держав», – утверждается в упомянутой выше работе. [25]

В другой коллективной работе российских военных историков говорится: «Война в Корее *принесла определенные политические дивиденды СССР*. Возрос престиж советского государства в «третьем мире», многие развивающиеся государства увидели в Советском Союзе своего покровителя и потенциального донора». [26]

Перед нами три диаметрально противоположные оценки итогов корейского конфликта 1950–1953 гг. В поисках объективной научной оценки итогов корейской войны необходимо исходить из того, что к ней неприменимы такие классические дефиниции, как «победители» и «побежденные». Отметим, прежде всего, что ни один из его основных участников (США, КНР, СССР, КНДР и РК) в отдельности или в коалиции

не может считаться одержавшим «победу», поскольку не нанес решающего поражения противнику на поля боя и не продиктовал ему ультимативных условий капитуляции. Применительно к региональным вооруженным конфликтам типа корейской войны следует использовать другие политологические определения: «выигравшие» и «проигравшие». И здесь мы обнаружили уникальное явление – в труднейшем вооруженном противоборстве, которое растянулось на Корейском полуострове более чем на 3 года, не было выигравших, а были только проигравшие, включая две супердержавы того времени – США и СССР.

Конечно, самый тяжелый, катастрофический «проигрыш» обрушился на плечи основной жертвы войны – корейский народ. Статистика Корейской войны противоречива. Тем не менее ключевые данные по этому сюжету, признаваемые многими исследователями, отражают реальные масштабы военной трагедии.

Общее число корейцев (убитых, искалеченных и пропавших без вести) составило около 3 млн человек, что соответствует одной десятой населения полуострова того времени. Примерно 10 млн корейцев война разлучила со своими семьями, а 5 млн человек стали беженцами. Суммарный материальный ущерб двух Корей, по самым скромным подсчетам, превысил 3,7 млрд долл. При этом на полуострове было почти полностью разрушено промышленное производство, превращены в руины и пепелище более 600 тыс. домов.

Международная статистика корейской войны весьма противоречива. Но многие зарубежные и российские исследователи пришли к выводу, что, на самом деле, общее число погибших и искалеченных (военных и гражданских) в этой войне достигло 5,5 млн человек, т. е. вполне сопоставимо с жертвами войны мирового характера. Одновременно независимые от Пекина и Пхеньяна источники утверждают, что общее число боевых потерь северокорейско-китайской стороны (убитыми, ранеными, пленными) составило 2 млн человек солдат и офицеров. В свою очередь, по данным северокорейских источников, общее число потерь «войск ООН» в корейской войне (убитых, раненых, плененных) составило 1,56 млн человек, что является наивысшим для США и их союзников показателем во всех региональных войнах второй половины XX в.

Из двух частей Кореи наибольшие разрушения были причинены КНДР. По данным ЦСУ КНДР, с 1949 по 1953 г. общее население страны в результате ожесточенных военных действий, массированных бомбардировок, пленения противником, перемещения на Юг и т. п. уменьшилось более чем на 1,13 млн человек. В годы войны ВВС США осуществляли ежедневно от 700 до 1 тыс. самолетовылетов (а в отдельные дни – до 2 тыс. самолетовылетов), превращая в безжизненное пространство ранее густонаселенные селения и цветущие нивы Северной Кореи. ВВС США сбросили только за первый год корейской войны 15 млн различных авиабомб, в т. ч. начиненных напалмом. Превратились в руины и пепелища не только Пхеньян, но и Вонсан, Хыннам, Нампхо, Чхонджин, Синыйджу и многие другие города КНДР. Ряд американских экспертов пришли к выводу, что на Корейский полуостров в период вооруженного конфликта США обрушили столько же авиабомб, сколько на Германию и Японию в период Второй мировой войны. Во время войны на Севере Кореи было разрушено около 9 тыс. промышленных предприятий, 5 тыс. школ, 1 тыс. больниц, много тысяч культурно-бытовых учреждений. А общее число занятых в народном хозяйстве Севера Кореи сократилось на 26 %, в т. ч. в промышленном секторе – на 40 %, в строительной сфере – на 55 %.

Тяжелые, хотя и меньшие по сравнению с Севером, людские и материальные потери понесла Южная Корея. Только в военных действиях РК потеряла убитыми 415 тыс. человек, ранеными – 428 тыс., или всего 843 тыс. человек. На Юге Кореи было разрушено более 17 тыс. промышленных объектов. А общий материальный ущерб, причиненный войной южанам, превысил 2 млрд долл.

На фоне этих трагических показателей вряд ли возможно выдвигать гипотезу о т. н. «победе» (хотя бы

«пирровой») в войне, которая отбросила обе Кореи на уровень даже ниже колониального положения народа в период Второй мировой войны.

Столь же несостоятельны любые утверждения о торжестве американского оружия и «победе» «коалиции ООН» во главе США в корейской войне. Вашингтон и его союзники сохранили существование Республики Корея как самостоятельного государства, но нанести решающее военно-политическое поражение северокорейско-китайско-советской коалиции не сумели. Корейская война, как уже было отмечено выше, завершилась временным соглашением о перемирии на тех же исходных рубежах 38-й параллели, на которых она началась, т. е. с ничейным результатом. Вместе с тем интервенционистская акция на Корейском полуострове нанесла серьезный урон морально-политическим позициям Вашингтона в «третьем мире», хотя «коалиция ООН» формально действовала под традиционным западным флагом «защиты свободы и демократии». Огромные человеческие потери в этой во многом тупиковой войне во всей полноте поставили вопрос о недопустимости решать существующие региональные споры и противоречия силой оружия и на основе произвольного толкования международного права.

Суммарные расходы США на корейскую войну (согласно американским источникам) достигли 83 млрд долл., что примерно в 41 раз превышало общий национальный доход Южной Кореи за предвоенный 1949 г. Американская статистика приводит следующие данные о человеческих потерях участников вооруженного корейского конфликта:

Страна	Убитые, чел.	Раненые и пропавшие без вести, чел.	Всего
Австралия	339	1245	1584
Бельгия	97	355	452
Канада	309	1235	1544
Китай			900000
Колумбия	140	517	657
Эфиопия	120	536	656
Франция	288	836	1124
Греция	169	545	714
Нидерланды	111	593	704
Новая Зеландия	31	78	109
Северная Корея			520000
Норвегия	3		
Филиппины	92	356	448
Южная Африка	20	16	36
Южная Корея	415004	428568	843572
СССР	299		
Таиланд	114	799	913
Турция	717	2413	3130
Великобритания	670	2692	3362
США	29550	106978	136978

Источник: Попов И. М., Лавренев С. Я., Богданов В. Н. Корея в огне войны. – М., 2005. – С. 517.

Согласно этим данным, человеческие потери «коалиции ООН» были значительно ниже потерь северокорейской и китайской стороны. Тем не менее они были максимально высокими для региональной войны. Общелюдские потери США составили более 136 тыс. чел., в т. ч. убитыми более 29,5 тыс. чел., ранеными, пропавшими без вести и плененными противником – 106,9 тыс. чел. Второй после США участник военно-политической коалиции – Республика Корея (по данным южнокорейских источников) потеряла более 843,3 тыс. чел.: убитыми, ранеными, репатрированными, плененными, пропавшими без вести и т. п. Другие данные о потерях «войск ООН» приводят китайско-северокорейские источники: суммарные людские потери – около 1,1 млн человек, в т. ч. потери американцев – 397,5 тыс. чел., южнокорейцев – 667,2 тыс. чел., других (австралийцев, канадцев, французов, англичан, турок, греков, филиппинцев и др.) – более 29 тыс. чел. Согласно этому же источнику, китайские войска убили и ранили 671,9 тыс. солдат и офицеров противника, взяли в плен более 40 тыс. чел., уничтожили 2006 танков, 10,6 тыс. самолетов, 585 артиллерийских орудий противника.

Существенные различия в оценках потерь США и других участников коалиции не имеют в данном случае принципиального значения. И в тех, и в других публикациях признаются громадные масштабы кровопролития, итогом которого стал еще более серьезный стратегический тупик на пути мирного урегулирования в Корее.

Конечно, не следует отрицать, что Вашингтон с максимальной геополитической выгодой использовал Корейскую войну для упрочения военно-политического альянса с Токио и форсированной милитаризации на трансатлантическом пространстве по линии НАТО.

Корейская война 1950–1953 гг. вопреки оценкам, утвердившимся в свое время в советском корееведении, не принесла каких-либо победных лавров и советско-китайскому блоку. Москве и Пекину удалось отстоять дальнейшее существование КНДР как самостоятельного государства. Но плата за это достижение оказалась непомерно высокой. Только по официальным данным Пекина, китайские народные добровольцы потеряли в корейской войне 390 тыс. чел., в т. ч. убитыми в боях 110,4 тыс., умершими от ран и болезней – 33,6 тыс., оказавшимися в плену и пропавшими без вести – 25,6 тыс., ранеными – более 260 тыс. чел. До сего времени не подсчитаны прямые и косвенные финансовые потери КНР в корейской войне. Они исчисляются многими десятками миллиардов долларов и на многие годы серьезно осложнили народнохозяйственное развитие страны. Но главная неудача КНР носила геополитический характер: война блокировала усилия континентального Китая по воссоединению Тайваня и подвела его к последней грани возникновения войны мирового масштаба.

Корейская война не принесла дивидендов (военно-политических, стратегических, геоэкономических и др.) Советскому Союзу. Все стратегические замыслы КНДР на молниеносное воссоединение Кореи силой оружия рухнули уже в первые недели вооруженного противостояния. Нанести решающее военное поражение «войскам ООН» было невозможно. Вступив завуалированно в Корейскую войну, Москва независимо от своих устремлений нанесла серьезный ущерб основным устоям Ялтинско-Потсдамских соглашений о послевоенном устройстве мира в СВА. Неудачный курс сталинистской дипломатии превратил разделенную Корею на все последующие десятилетия в заложницу планетарной холодной войны.

Вместе с тем в истории Корейской войны 1950–1953 гг. есть одна весьма деликатная глава, связанная с масштабным вооруженным, хотя и косвенным, участием в конфликте СССР. Наземные и морские операции КНД и КНА почти на протяжении всей войны прикрывал специально сформированный для этого

64-й истребительный авиакорпус (ИАК) советских ВВС. Корпус был сформирован 14 ноября 1950 г., его штаб находился близ китайского города Аньдун и в его состав в разное время входили 15 советских авиадивизий (28-я, 50-я, 151-я, 324-я в 1950 г.; 303-я, 873-я, 923-я, 18-я в 1951 г.; 97-я, 190-я, 133-я, 216-я, 32-я в 1952 г.; 282-я и 353-я в 1953 г.). К концу 1951 г. 64-й ИАК корпус насчитывал 13 тыс. солдат, сержантов и офицеров боевого состава и 26 тыс. чел. во вспомогательных частях технического обеспечения.

Советские авиаторы мужественно и стойко сражались с самолетами коалиции ООН в небе Кореи. Всего за время Корейской войны ими было сбито 1097 самолетов противника при потере 319 своих боевых машин. Большая группа советских асов (25 чел.) была удостоена закрытыми указами Президиума ВС СССР звания Героев Советского Союза. В их числе советские боевые пилоты: Н. В. Сутягин, сбивший 22, Е. Г. Пепеляев – 20, А. П. Сморгачев – 15, Л. К. Щукин – 15, Д. П. Оськин – 14, М. С. Пономарев – 14 и С. М. Крамаренко – 13 самолетов противника. (В составе ВВС США также были пилоты, сбившие рекордное число советских, китайских и северокорейских самолетов: Д. Макконел – 16, Д. Джабара – 15, М. Фернандес – 14, Д. Дэвис – 14, Р. Бейкер – 13 самолетов.) Общее соотношение советских и американско-ооновских потерь составляло 3,4:1 в пользу СССР.

Многие годы спустя, согласно официальному источнику «СССР в войнах XX века», стало известно, что суммарные потери СССР в Корейской войне (убитыми, ранеными, умершими от болезней) составили 315 человек, в т. ч. 168 офицеров и 147 сержантов и рядовых. Советские пилоты, действовавшие в составе 64-го авиакорпуса, сыграли особо важную роль в корейской войне. Они мужественно и стойко прикрывали не только наземные подразделения КНА и КНД, но и многие ключевые народно-хозяйственные и стратегические объекты (мосты, электростанции, дороги и т. п.). Без этого важного военно-авиационного прикрытия вряд ли северокорейско-китайские войска могли бы отбросить «войска ООН» от китайско-корейской границы, вновь освободить Пхеньян, Вонсан и другие стратегические центры КНДР и закрепиться на линии 38-й параллели.

Как обоснованно пишут авторы книги «Корея в огне войны»: «Советские летчики, зенитчики, военные советники и специалисты достойно выполнили свой интернациональный долг. Они проявили лучшие качества воинов – высочайший профессионализм, героизм и мужество, верность долгу. И то обстоятельство, что они воевали под чужими именами, в чужом небе и в общем-то за чужие интересы, не только не умаляет величие их подвига, а, наоборот, многократно его увеличивает».^[27]

Таким образом, корейский конфликт 1950–1953 гг. оказал крайне негативное влияние на международную ситуацию, причем не только в Северо-Восточной Азии. Последствия этого конфликта намного превосходили разрушения, обрушившиеся на Корейский полуостров в период сражений против Квантунской армии Японии.

Военный конфликт перечеркнул все прежние международные договоренности о деколонизации Кореи и создании единого демократического государства на полуострове. Война в огромной степени усугубила трагический раскол Кореи. По обе стороны 38-й параллели окончательно закрепились две антагонистические социально-политические системы, готовые вновь обрушить друг на друга невероятно раздутые для мирного времени вооруженные ударные кулаки. Война резко обострила конфронтацию и вражду между КНДР и РК, хотя на их территориях оказались миллионы перемещенных лиц, беженцев, эмигрантов из другой части страны. Вместе с тем война со всей очевидностью показала полную невозможность воссоединения корейской нации с помощью военного конфликта.

Корейская война, будучи одним из наиболее значительных проявлений процесса обострения «холодной войны», оказала на длительный период деструктивное влияние на общую ситуацию в Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Война, отразившая непримиримую конфронтационность в идеологии, во многом стимулировала впоследствии антагонистическую эволюцию

военно-политического противостояния между двумя полюсами мировой политики.

Все основные участники корейской войны (легальные и нелегальные) оказались перед трудноразрешимыми политико-дипломатическими проблемами. Резко и надолго ухудшились советско-американские отношения, особенно после того, как президент США Г. Трумэн в прямом телефонном разговоре с И. Сталиным «недвусмысленно пригрозил ему применением ядерного оружия».^[28] Как это ни парадоксально, корейская война внесла серьезные раздоры в отношения между Москвой и Пекином. Война породила трения в советско-китайском союзе. Пекин был обижен, что Кремль побудил его сражаться на полуострове, оставаясь при этом в стороне от бойни и взимая с КНР плату за советские вооружения. Сама КНР после корейской войны на многие годы (вплоть до середины 70-х годов) оказалась в тяжелой международной изоляции.

Корейская война была использована Вашингтоном для резкого усиления своей милитаристской стратегии в СВА, вовлечения в гонку вооружений Японии, Тайваня и других его военно-политических союзников в регионе. 1 октября 1953 г. был заключен Договор об обеспечении взаимной безопасности между США и РК, по условиям которого на южнокорейской территории были размещены американские войска, что в свою очередь практически блокировало перспективы межкорейского диалога. В не менее сложной политико-дипломатической ситуации оказался СССР. Вынужденный почти безоговорочно поддерживать не только экономически, но и в политическом и стратегическом плане КНДР, Кремль многие годы лишен был возможности выходить на прямые взаимовыгодные деловые и политические связи с Республикой Корея.

С огромным трудом достигнув Соглашения о перемирии, участники Корейской войны попытались сделать еще один реалистический шаг на Женевском совещании 1954 г.

§ 2. Женевское совещание 1954 г. по Корее.

Исторические и дипломатические уроки Корейской войны

Соглашением о перемирии предусматривался созыв конференции для мирного решения корейского вопроса. Статья IV Соглашения о перемирии гласила: «Для обеспечения мирного урегулирования корейского вопроса военное командование обеих сторон настоящим рекомендует правительствам заинтересованных стран созвать в течение трех месяцев политическую конференцию для урегулирования путем переговоров вопросов, касающихся вывода из Кореи всех иностранных вооруженных сил, мирного урегулирования корейского вопроса».

В августе 1953 г. возобновилась работа VII сессии Генеральной Ассамблеи ООН в целях принятия решения о созыве политической конференции по Корее. Советская делегация внесла проект резолюции ГА ООН, в которой был предложен следующий состав участников конференции: США, Англия, Франция, СССР, КНР, Индия, Польша, Швеция, Бирма, КНДР и Южная Корея. Решение предлагалось принять путем консенсуса. США выступили с идеей пригласить СССР на конференцию по Корее в составе корейско-китайской стороны и не допустить участия в ней нейтральной Индии. Созыв конференции явно затягивался. 1 октября 1953 г. США и РК подписали Договор о взаимной обороне, что еще больше осложнило поиск согласия о проведении международной конференции по Корее.

В ноябре 1953 – январе 1954 г. в Пханмунчжоме было проведено несколько раундов переговоров между представителями корейско-китайской стороны и командованием войск ООН, на которых так и не удалось согласовать вопрос о созыве конференции.

На Берлинском совещании министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции (январь – февраль 1954 г.) советская делегация предложила рассмотреть корейский вопрос. Министры иностранных дел по настоянию СССР приняли решение созвать международную конференцию и наряду с другими вопросами рассмотреть проблему мирного урегулирования в Корее.

В конце апреля 1954 г. в Женеве открылось совещание на уровне министров иностранных дел, в котором приняли участие делегации 19 государств, включая СССР, КНР, США, Великобританию, Францию, КНДР, РК, а также 12 других стран-участников Корейской войны на стороне войск ООН. Во время первого дня заседания глава делегации КНДР министр иностранных дел Нам Ир внес следующее предложение: «...в целях скорейшего восстановления национального единства Кореи и создания единого, независимого и демократического государства

1. Рекомендовать правительствам КНДР и РК:

а) провести на основе свободного волеизъявления населения всей Кореи общекорейские выборы в национальное собрание, которое образует единое правительство Кореи;

б) для подготовки и проведения свободных общекорейских выборов в национальное собрание Кореи и для осуществления неотложных мероприятий, направленных на экономическое и культурное сближение между Северной и Южной Кореей, создать общекорейскую комиссию из представителей Севера и Юга;

в) предусмотреть, что одной из первоочередных задач общекорейской комиссии является подготовка проекта избирательного закона;

г) с целью восстановления экономики Кореи, повышения благосостояния корейского народа

общекорейской комиссии безотлагательно провести мероприятия по установлению и развитию экономических и культурных связей между КНДР и РК.

2. Признать необходимым, чтобы все иностранные вооруженные силы были выведены с территории Кореи в шестимесячный срок.

3. Признать необходимость обеспечения мирного развития Кореи со стороны соответствующих государств...». [\[29\]](#)

Эти предложения нашли поддержку со стороны СССР и КНР. В выступлениях министра иностранных дел СССР В. М. Молотова и министра иностранных дел КНР Чжоу Эньлая предложения северокорейского министра иностранных дел Нам Ира были охарактеризованы как «основа для принятия соответствующего решения по корейскому вопросу». В выступлениях госсекретаря Дж. Ф. Даллеса, министра иностранных дел РК Бен Ен Тэ, представителей других стран-союзников Южной Кореи в Корейской войне выражалось несогласие с проектом решения корейской проблемы, предложенным северокорейской делегацией.

Для того, чтобы сдвинуть обсуждение проблемы с мертвой точки, делегация КНР предложила дополнить пункт 1 северокорейской инициативы следующей фразой: «В целях оказания содействия общекорейской комиссии в деле проведения выборов по всей Корее... создается комиссия нейтральных стран по наблюдению за проведением общекорейских выборов».

Предложения, выдвинутые южнокорейской делегацией на Женевском совещании 22 мая 1954 г. по вопросу объединения Кореи, сводились в главных своих аспектах к следующему.

«1. В целях образования единой, независимой и демократической Кореи будут проведены под наблюдением Организации Объединенных Наций свободные выборы в соответствии с ранее принятыми резолюциями ООН.

2. Представительство в общекорейском законодательном органе будет пропорционально населению Южной Кореи.

3. Общекорейский законодательный орган будет созван в Сеуле немедленно после выборов.

4. Существующая конституция РК будет оставаться в силе с теми изменениями, которые могут быть внесены в нее общекорейским законодательным органом.

5. Китайские коммунистические войска будут полностью выведены из Кореи за один месяц до дня выборов.

6. Вывод из Кореи вооруженных сил Объединенных Наций может начаться до проведения выборов, но он не может быть завершен до того, как объединенное правительство Кореи установит свой полный контроль над всей Кореей и это будет подтверждено ООН.

7. Территориальная целостность и независимость Кореи будут гарантированы Организацией Объединенных Наций». [\[30\]](#)

Северокорейская делегация, советские и китайские представители в ходе дискуссии высказались против предложений РК, подвергли их острой критике. Союзники Южной Кореи, прежде всего США, активно и безоговорочно поддерживали, прямо скажем, весьма спорные, с точки зрения международного права, предложения делегации РК.

5 июня 1954 г. делегация СССР выступила с инициативой принятия основных принципов мирного урегулирования корейского вопроса:

«1. В целях объединения Кореи и создания единого, независимого и демократического корейского государства провести свободные выборы на территории всей Кореи.

Представительство в общекорейском законодательном органе должно быть пропорционально населению всей Кореи.

2. Для подготовки и проведения свободных общекорейских выборов и оказания содействия сближению между КНДР и РК создать общекорейский орган.

3. Вывести все иностранные вооруженные силы из Кореи в определенные сроки.

4. Установить, что для наблюдения за проведением свободных общекорейских выборов создается соответствующая международная комиссия.

5. Признавая важным недопущение нарушения мира в Корее, считать необходимым, чтобы наиболее заинтересованные в поддержании мира на Дальнем Востоке государства взяли на себя обязательство обеспечить мирное развитие Кореи...». [31]

Как видно, советские предложения в определенной степени учитывали южнокорейский проект. Советская делегация предложила провести дополнительные дискуссии по таким вопросам, как состав общекорейского органа по подготовке и проведению выборов в Корее и состав международной комиссии по наблюдению за выборами, а также по срокам вывода иностранных войск с территории Корейского полуострова. Однако советские инициативы не получили поддержки у США, РК и их союзников. Фактически совещание министров иностранных дел в Женеве зашло в тупик.

В попытке выйти на определенные договоренности по отдельным вопросам корейского урегулирования делегация КНДР внесла новые предложения: вывод из Кореи всех иностранных войск, сокращение до 100 тысяч численности вооруженных сил КНДР и РК, признание несовместимыми с целями мирного объединения Кореи соглашения с другими государствами, содержащие военные обязательства той или иной части Кореи (в 1953 г. РК и США заключили договор о взаимной обороне; КНДР не имела союзных договоров с СССР и КНР), образование общекорейского комитета по установлению и развитию связей между Севером и Югом, гарантии со стороны государств—участников Женевского совещания мирного развития и объединения Кореи. Однако и эти предложения не были приняты США, РК и их союзниками.

Переговоры по корейскому урегулированию в Женеве завершились безрезультатно. Ни одна из сторон не была готова идти на компромисс. Как пишет южнокорейский исследователь Ю Бён Ен, «провал политической конференции по объединению Кореи был ожидаем. Ни одна из великих держав не была готова заплатить очень высокую цену за объединение Кореи. Все стороны, представленные в Женеве, были заинтересованы в сохранении статус-кво». [32] Международная обстановка также не способствовала мирному разрешению корейской проблемы. «Холодная война» в мире была в самом разгаре. Между Советским Союзом и США продолжалась, а периодически и усиливалась, политическая конфронтация. Два идеологически противоположных лагеря разворачивали масштабную гонку вооружений. В различных регионах мира возникали острые очаги напряженности. Все это не могло способствовать поиску путей мирного урегулирования обстановки на Корейском полуострове, которая продолжала оставаться напряженной и взрывоопасной.

* * *

Если говорить о главных причинах и уроках Корейской войны, то важно отметить следующее. *Основной причиной корейского конфликта стал раскол Корейского полуострова на два враждебных государства, которые не признавали легитимность друг друга и поддерживались противоборствующими блоками – советским и американским.*

Политические элиты Северной и Южной Кореи были убеждены, что объединение страны возможно только силовыми методами. Иных путей достижения единства они, к сожалению, не видели или не хотели видеть. Обе корейские стороны вели подготовку к силовому решению корейского вопроса. Лидеры Южной и Северной Кореи продемонстрировали свою неспособность во имя национальных интересов подняться выше собственных политических амбиций. Военный конфликт в Корее в 1950–1953 гг. вошел в историю как безуспешная и очень опасная попытка решить корейскую проблему силовыми средствами.

Корейская война 1950–1953 гг. – это глубокая, незаживающая рана корейского народа. Война не только унесла жизни многих миллионов корейцев Севера и Юга, разрушила города и села обеих Корей. Более 10 млн корейцев, проживающих по разные стороны 38-й параллели, потеряли родственные связи.

Корейская война на долгие десятилетия отодвинула вопрос об объединении страны, сохранила военную и политическую напряженность на полуострове, которая не раз ставила оба корейских государства на грань нового военного конфликта.

Часть четвертая

Две Кореи на пути послевоенного восстановления и развития (1953–1960-е годы)

Глава I

Социально-экономическое и политическое развитие КНДР после окончания войны

После окончания Корейской войны социально-экономическая обстановка в КНДР была очень сложной. Страна была практически разрушена. Перед северокорейским руководством стояла неотложная задача экономического возрождения. В августе 1953 г. на Пленуме ЦК ТПК было принято решение о форсированном восстановлении народного хозяйства. Весь период восстановительных работ был разбит на три этапа: 1-й этап (в течение шести месяцев) – подготовительный; 2-й этап (1954–1956 гг.) – выполнение заданий трехлетнего плана, полное восстановление разрушенной экономики; 3-й этап (1957–1961 гг.) – осуществление пятилетнего плана, создание основ социалистической экономики.

В период выполнения трехлетнего плана в КНДР было восстановлено и вновь построено более 300 промышленных объектов.

Значительную помощь в ликвидации последствий Корейской войны, восстановлении северокорейской экономики оказали Советский Союз, КНР, другие страны социализма. Общая безвозмездная помощь социалистических стран КНДР составила более 800 млн руб (в ценах 1953 г.), в т. ч. СССР – 292,5 млн руб., КНР – 258,4 млн руб. Выделенные средства были использованы для закупок и поставок в КНДР автомашин, рыболовных судов, сельскохозяйственной техники, оборудования для горнорудной, энергетической и строительной промышленности, производства минеральных удобрений, нефтепродуктов.

СССР оказал содействие в восстановлении и строительстве ряда крупных промышленных объектов – Сухунской ГЭС, металлургического завода в Чондине, сталелитейного завода в Ким Чхэке, завода цветных металлов в Нампхо, завода азотных удобрений в Хыннаме, цементного завода, крупного текстильного комбината в Пхеньяне, мясокомбината, рыбоконсервных заводов и др.

КНР помогала Северной Корее поставками различного промышленного оборудования, продовольствия, хлопчатобумажных тканей, обуви. Китайские специалисты участвовали в восстановлении железных дорог КНДР, строительстве мостов и т. д.

В счет выделенной помощи из других социалистических стран (209 млн руб.) в Северную Корею поставлялись металлорежущие станки, строительное и дорожное оборудование, стальной прокат, медикаменты, сырье для легкой промышленности, продовольствие.

Ноябрьский (1954 г.) Пленум ЦК Трудовой Партии Кореи (ТПК) обсудил ситуацию в области сельского хозяйства и принял решение о проведении массовой коллективизации в стране. Уже к концу 1955 г. в Северной Корее было создано более 12 тысяч сельскохозяйственных кооперативов, которые объединяли

около 50 % дворов и 48 % пахотных земель. К 1958 г. кооперативы объединяли уже более 80 % всех крестьянских хозяйств и около 80 % пахотных земель. В начале 1959 г. было объявлено о завершении кооперирования сельского хозяйства в стране.

Форсированная принудительная коллективизация сельского хозяйства КНДР привела к огромным трудностям в обеспечении зерном населения страны. На специальном заседании Президиума ЦК ТПК в июне 1955 г. было констатировано тяжелое продовольственное положение в КНДР. Крестьяне в большинстве своем голодали и откровенно высказывали недовольство по поводу состояния дел в сельском хозяйстве. В провинции Чаган, например, до 80 % крестьян голодали и питались в основном кореньями дикорастущих деревьев и разного рода зелеными травами. Выступавшие на заседании Президиума ЦК ТПК председатели провинциальных парткомов и народных комитетов отмечали, что 1955 г. – это самый тяжелый период в снабжении продовольствием со времени освобождения страны от японского колониального господства. Все выступавшие требовали выделения крестьянам срочной продовольственной ссуды.[\[33\]](#) Президиум ЦК ТПК принял ряд неотложных решений по исправлению ситуации на селе. В частности, Центральный банк освобождал крестьян от возврата ссуд, выданных во время и после войны, ограничил количественный рост кооперативов, освободил крестьянскую молодежь от призыва в армию в 1955 г.

Состоявшийся в апреле 1956 г. III съезд Трудовой партии Кореи определил основные задания пятилетнего народнохозяйственного плана (1956–1961 гг.), наметил курс на социалистическую индустриализацию и завершение социалистических преобразований сельского хозяйства. В 1960 г. было объявлено о досрочном выполнении пятилетки. Согласно официальной северокорейской статистике, среднегодовые темпы прироста промышленной продукции в период осуществления пятилетнего плана составляли 36,6 %. В 1960 г. в КНДР производилось 9,7 млрд кВт · ч электроэнергии, 600 тыс. т чугуна, 700 тыс. т стали, 2,4 млн т цемента, 12 млн т угля. По основным экономическим показателям КНДР в 1960 г. заметно опережала Южную Корею.

Несомненные успехи, достигнутые в послевоенный период в восстановлении и развитии экономики КНДР, непосредственно были связаны с большой экономической помощью СССР, КНР, других стран советского блока. Предприятия, построенные в Северной Корее при техническом содействии СССР, в 1960 г. производили 40 % электроэнергии, 51 % чугуна, 53 % кокса, 90 % аммиачной селитры, около 70 % хлопчатобумажных тканей. Советская сторона оказывала крупное научно-техническое содействие Северной Корее. В КНДР было направлено более 1,5 тыс. советских инженеров и техников.

Несмотря на очевидные достижения в экономическом строительстве в 1950-е гг., население страны продолжало испытывать немалые трудности как объективного, так и субъективного характера. Недостаток квалифицированных специалистов, бюрократизм, администрирование, отсутствие демократических начал в деятельности партийных и государственных органов оказывали негативное влияние на социальную обстановку в стране. В партии и обществе утвердилась линия на восхваление Ким Ир Сена, который принимал единоличные решения по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики. Партийный и государственный аппарат подвергался частым реорганизациям и перетряскам. В стране было широко распространено взяточничество, хищение государственных средств, злоупотребление служебным положением.

В Корейской народной армии имели место серьезные нарушения. Снизилась воинская дисциплина. Среди генералов и офицеров было распространено пьянство, высокомерие в обращении с подчиненными. Это приводило к самоубийствам, дезертирству, другим преступлениям среди военнослужащих. Эти сведения были почерпнуты из рассекреченных советских архивных материалов.[\[34\]](#)

После Корейской войны в руководстве Трудовой партии Кореи обостряется политическая борьба

между различными фракциями. Ким Ир Сен и возглавляемая им партизанская (маньчжурская) группировка проводят жесткие меры по укреплению своего влияния, устранению тех в высшем партийно-государственном руководстве, кто был не согласен с политическим и экономическим курсом, предложенным и настойчиво осуществлявшимся партизанской группировкой, кто выступал против культа личности Ким Ир Сена, его авторитарных методов руководства партией и страной.

В 1955 г. Ким Ир Сен вводит в северокорейский политический лексикон термин «чучхе» (в буквальном переводе с корейского «хозяин своего тела», «сам себе хозяин»). В выступлении в декабре 1955 г., озаглавленном «Об искоренении догматизма и формализма в идеологической работе и об установлении “чучхе”», Ким Ир Сен призвал отбросить в сторону все иностранное и опираться в идеологической и политической работе на «истинно корейские» культурные и моральные ценности, подчеркивал превосходство всего корейского над зарубежным. Вместе с тем Ким Ир Сен указывал (в первые годы после появления «чучхе»), что эта идеология связана с коммунистическими и социалистическими идеями, однако она отражает специфику, особенности, присущие северокорейскому социализму. Позже (в 1980-е гг.) Ким Ир Сен и северокорейская пропаганда заявят о том, что идеи «чучхе» являются самостоятельной идеологической доктриной, отражающей современные тенденции развития человечества. Эти тенденции будут охарактеризованы как «эпоха самостоятельности».

В конце 1950-х гг. политическое руководство КНДР принимает решение ускорить темпы экономического развития страны. В этих целях ЦК ТПК подготовил и направил в низовые партийные организации так называемые красные письма, в которых содержались призывы резко увеличить производство основных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции. В частности, предусматривалось в ближайшие несколько лет увеличить производство электроэнергии до 20 млрд кВт · ч, угля – 25 млн т, чугуна – 7 млн т, стали – 3,5 млн т, цемента – 5 млн т, морепродуктов – 1 млн т, довести сбор зерна до 7 млн т. Заметим, что эти показатели с трудом были достигнуты к середине 1970-х гг. Членов партии, все население КНДР призывали продемонстрировать «революционный энтузиазм», смело думать и смело дерзать, преодолевать консерватизм и другие негативные явления. Фактически это был призыв к «большому скачку», который в это же время был провозглашен в Китае. Северокорейской формулой «большого скачка» стало движение Чхонлима,^[35] призванное ускорить развитие всего народно-хозяйственного комплекса КНДР и решить острые проблемы экономики страны. Ким Ир Сен следующим образом охарактеризовал начавшуюся политическую кампанию: «Движение Чхонлима – великое революционное движение миллионов, которое сметает все отсталое во всех областях экономики и культуры, идеологии и морали, совершает небывалое новаторство и небывалыми темпами ускоряет социалистическое строительство». Как видно, «движение Чхонлима» выполняло двукратную задачу – форсировать хозяйственное строительство в стране и утвердить новые идеологические и политические установки в северокорейском обществе. Иными словами, в КНДР начинался процесс жесткой индоктринации населения в духе новой идеологической концепции «чучхе».

В Северной Корее развернулось интенсивное строительство небольших металлургических и машиностроительных предприятий с годовым производством 10–20 тыс. т продукции. На стройки были мобилизованы сотни тысяч людей. Ускоренное развитие получила местная промышленность. Была поставлена и выполнена задача построить в каждом уезде по 10 небольших фабрик по производству товаров народного потребления. За счет легкой промышленности планировалось решить проблему снабжения населения предметами первой необходимости. Однако сделать это не удалось. Не хватало сырья, квалифицированных кадров, массовые хищения и растраты свели практически на нет усилия местных органов увеличить производство товаров массового спроса. Одновременно провозглашается курс «опоры на собственные силы» – «чарёк кансен», который как бы дополнял идеологическую доктрину «чучхе».

В условиях тяжелого экономического положения в стране, отсутствия реального улучшения жизни населения, коррупции и массовых хищений ситуация в высшем руководстве страны становится еще более острой. Яньанская и просоветская группировки все чаще выступают с критикой Ким Ир Сена и его методов управления, в целом политического курса, проводимого бывшими партизанами.

Сильное влияние на различные фракции в северокорейском руководстве оказали решения XX съезда (1956) КПСС, осудившего культ личности И. В. Сталина. Участие в работе съезда делегации ТПК, ознакомление партийно-государственного актива КНДР с докладом Н. С. Хрущева и решениями XX съезда КПСС поставило перед руководством ТПК и лично перед Ким Ир Сеном непростую задачу, каким образом избежать критики и разоблачений за поощрение своего культа в партии и стране. На партийных конференциях разного уровня Ким Ир Сену и его партизанским соратникам удалось свалить на репрессированных к тому времени Пак Хон Ёна и Хо Га И вину за то, что они и их группировки в ТПК, т. е. внутренняя и просоветская, стремились создать культ личности этих двух деятелей. Что касается Ким Ир Сена, то в материалах ЦК ТПК утверждалось, что он всегда категорически возражал против хвалебных слов о себе в печати КНДР, выступал против того, чтобы его называли вождем, против аплодисментов в его честь и т. п. Подводя итоги обсуждения решений XX съезда КПСС, ЦК ТПК сделал вывод, о том, что «в Трудовой партии Кореи существовал лишь культ личности Пак Хон Ёна и Хо Га И».[\[36\]](#)

На III съезде ТПК, проходившем в апреле 1956 г., проблема культа личности не прозвучала достаточно остро. Вся критика по этому вопросу шла вокруг имени Пак Хон Ёна. Присутствовавший и выступивший на III съезде ТПК глава делегации КПСС Л. И. Брежнев ограничился лишь общим замечанием о том, что «съезд окажет помощь в установлении ленинских принципов коллективного руководства во всех парторганизациях, защитит партию (ТПК. – *Примеч. авт.*) от ошибок культа личности».

На съезде были одобрены основные направления пятилетнего плана развития экономики (1957–1961). Главной задачей пятилетки было объявлено «укрепление основ социализма, осуществление индустриализации и кооперирования сельского хозяйства, а также решение проблем одежды, питания и жилья». Планом предусматривались высокие темпы роста промышленного производства, структурная перестройка всей экономики. Согласно официально опубликованным данным, пятилетний план был выполнен досрочно, за четыре года.

После III съезда ТПК в северокорейском руководстве вновь вспыхнули острые противоречия между партизанской фракцией, возглавляемой Ким Ир Сеном, и просоветской, которую после устранения Хо Га И возглавил Пак Чхан Ок. На Пленуме ЦК ТПК, состоявшемся 30–31 августа 1956 г., в повестку дня был внесен вопрос об итогах поездки делегации ТПК во главе с Ким Ир Сеном в СССР и европейские социалистические страны. Однако вся работа Пленума вылилась в жесткое политическое противостояние, завершившееся победой Ким Ир Сена и его сторонников. Были разгромлены, исключены из руководства и арестованы члены просоветской и прокитайской группировок, возглавлявшихся, соответственно, Пак Чхан Оком и Цой Чхан Иком. Четыре члена прокитайской фракции тайно покинули Пхеньян 31 августа 1956 г. и выехали в КНР.

Серьезное положение, сложившееся в северокорейском руководстве, стало предметом обсуждения между руководством КПСС и КПК. Было принято решение направить в Пхеньян советско-китайскую делегацию во главе с А. И. Микояном и Пэн Дэхуаем с тем, чтобы на месте разобраться со сложной ситуацией в ТПК. Как считает южнокорейский исследователь Бэк Чжун Ги, советско-китайская делегация имела планы устранения Ким Ир Сена с руководящих постов в ТПК и правительстве, однако, убедившись в том, что он пользуется серьезной поддержкой в ЦК ТПК и в целом в стране, решила ограничиться тем, чтобы реабилитировать тех, кто был снят с руководящих постов на августовском Пленуме ЦК ТПК (1956 г.). Как отмечает Бэк Чжун Ги, под давлением А. И. Микояна и Пэн Дэхуа Ким Ир Сен согласился восстановить

на прежние должности участников выступления против него и не репрессировать высших кадровых работников, входивших в просоветскую и прокитайскую фракции.^[37] Спустя некоторое время, Ким Ир Сен и его сторонники осуществили серьезную чистку ТПК, многие видные деятели Северной Кореи были подвергнуты репрессиям, некоторым советским корейцам, занимавшим руководящие партийные и государственные посты в КНДР, разрешили выехать в СССР. Репрессивные меры осуществлялись на основе решения Политкомитета ЦК ТПК от 30 мая 1957 г. «О превращении борьбы с контрреволюционными элементами во всенародное, всепартийное движение». В 1959 г. при ЦК ТПК был создан специальный орган во главе с Ким Ен Дю, братом Ким Ир Сена, перед которым была поставлена задача активизировать борьбу по выявлению врагов режима. Аналогичные структуры были созданы при провинциальных, городских и уездных партийных комитетах, в которых было задействовано более семи тысяч специально отобранных людей, преданных Ким Ир Сену и его политическому курсу.

В ходе проведения кампании по выявлению врагов все северокорейское население было поделено на три категории: 1) «враждебные силы»; 2) «нейтральные силы» и 3) «дружественные силы». Это деление практически сохраняется и по сегодняшний день. В течение четырех лет (1957–1960) было выявлено большое количество «злостных контрреволюционеров», из них около 2500 человек были казнены, многие тысячи, судьбы которых остались неизвестными для родственников, заключены в тюрьмы или сосланы в отдаленные районы страны. Да и родственникам зачастую приклеивали ярлык «врага» и подвергали репрессиям.^[38]

Наряду с массовыми репрессиями, развернувшимися в КНДР в послевоенный период, руководство страны активизировало различные идеологические и политические кампании, призванные стимулировать хозяйственную жизнь, усилить индоктринацию населения и таким образом укрепить культ личности Ким Ир Сена и тоталитарную систему, которая после ликвидации августовского (1956 г.) кризиса стала все больше проявлять себя в качестве «социализма корейского образца». Однако об окончательной победе «корейского социализма» или «чучхейского социализма» будет объявлено позже, в 1970 г. на V съезде Трудовой партии Кореи. Юридическую силу эта «победа» получит в декабре 1972 г., когда будет принята новая социалистическая Конституция КНДР.

В числе политико-идеологических кампаний в самом начале 1960-х гг. следует выделить две: в феврале 1960 г. появляется «новый» метод политического руководства сельским хозяйством – так называемый «метод Чхонсанри» и новая система управления промышленностью – «тэанская система работы». Оба метода связаны с именем и деятельностью Ким Ир Сена. 5 февраля 1960 г. руководитель КНДР посетил село Чхонсанри (уезд Кансо, провинция Южная Пхенан) с целью изучения положения дел в сельском хозяйстве. Там Ким Ир Сен сформулировал основные положения «метода Чхонсанри»: во-первых, вышестоящий партийный орган или руководитель обязан оказывать помощь нижестоящим инстанциям и руководителям; во-вторых, руководитель обязан лично разбираться с положением дел на месте; в-третьих, руководитель обязан вести политическую работу с населением таким образом, чтобы она способствовала проявлению энтузиазма и творческого подхода к работе. «Метод Чхонсанри» был взят на вооружение всем партийным и государственным аппаратом КНДР как «уникальное» средство мобилизации народных масс на выполнение партийных установок, как средство идеологического и политического воспитания людей в духе «идей чучхе».

Рождение «тэанской системы» также связано с именем Ким Ир Сена, который в декабре 1961 г. побывал на Тэанском электромеханическом заводе (недалеко от Пхеньяна) и в течение нескольких дней осуществлял «руководство на месте», в результате чего появилась новая система управления промышленным производством, которая включала следующие элементы: во-первых, отмена единоначалия директора предприятия и введение «коллективного управления» производством со стороны партийного комитета; во-вторых, управление производственным комплексом должно быть ориентировано

на достижение не только производственных результатов, но и политико-идеологических, воспитательных целей; в-третьих, вводилась система снабжения предприятия сырьем, материалами на основе опоры на собственные силы.

В конце декабря 1961 г. в КНДР была проведена реформа управления сельским хозяйством: были созданы уездные комитеты по руководству сельхозкооперативами, на которые были возложены функции по финансированию, кадровому и техническому обеспечению сельского хозяйства, по руководству сельскохозяйственным производством.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. в КНДР проводились многочисленные реформы в различных областях экономики, культуры, государственном строительстве. Только с 1954 по 1964 г., т. е. в течение 10 лет, в стране было проведено более 30 разного рода реорганизаций, преобразований. Основная цель этих реформ – ликвидировать все, что не отвечает «национальным особенностям» и традициям корейского народа, и создать новые методы управления обществом, соответствующие идеологии «чучхе».

Курс на ускорение экономического развития с упором на тяжелую промышленность был официально закреплён в решениях IV съезда правящей Трудовой партии Кореи, состоявшегося в сентябре 1961 г. Выступая с отчетным докладом, Ким Ир Сен заявил, что в КНДР «успешно решены основные задачи переходного от капитализма к социализму периода и партия приступает к форсированной социалистической индустриализации, „вступает в этап новой борьбы за взятие вершин социализма“.

IV съезд ТПК одобрил основные направления нового семилетнего плана развития народного хозяйства на 1961–1967 гг. Планом предусматривалось довести производство электроэнергии до 17 млрд кВт · ч, угля – 23–25 млн т, стали – 2,2–2,5 млн т, химических удобрений – 1,5–1,7 млн т, цемента – 4–4,5 млн т, тканей – 400–500 млн м, морепродуктов – 1–1,2 млн т.

В процессе выполнения семилетки предусматривалось существенное повышение жизненного уровня населения. В частности, планировалось увеличить сбор зерна с 3 млн т в 1960 г. до 6–7 млн т в 1967 г., поднять производство мяса и мясных продуктов, построить 600 тыс. квартир.

Достижение этих, прямо скажем, непростых экономических показателей мыслилось за счет «чудес людского энтузиазма», нового скачка, путем широкого развертывания общенародного движения Чхонлима. Ким Ир Сен отмечал, что именно благодаря этому движению был досрочно выполнен пятилетний план (1957–1961). «Наш героический рабочий класс, – говорил он на IV съезде партии, – меньше чем за один год построил доменные печи мощностью 300–400 тыс. т, всего лишь за 75 дней завершил прокладку ширококолейной железнодорожной линии, за один год с небольшим воздвиг на голой пустоши крупный виналоновый завод. Трудящиеся нашей страны, развернув движение „от станка—станок“, в течение одного года изготовили сверх государственного плана более 13 тыс. металлообрабатывающих станков, за 3–4 месяца построили свыше тысячи предприятий местной промышленности, в течение 6 месяцев провели огромную работу по преобразованию природы для орошения 370 тыс. чонбо суходольных полей».^[39] На съезде особо подчеркивалась необходимость продолжения борьбы за укрепление единства партии на основе идеологии «чучхе». И хотя «партия сумела с корнем вырвать фракционизм, ликвидировать вредное влияние антипартийных элементов», задача «установления чучхе по всем областям» была объявлена в качестве одной из первоочередных. При этом указывалось, что «чучхе» – это творческое применение всеобщих истин марксизма-ленинизма к конкретной действительности КНДР».

Провозглашенные экономические планы не были выполнены к 1967 г. Семилетка была пролонгирована до 1970 г. Причины невыполнения плана состояли, прежде всего, в просчетах в экономической политике, в стремлении решить сложные экономические проблемы только за счет энтузиазма и, конечно же, в росте масштабов военных расходов.

В 1962 г. руководство ТПК принимает решение об осуществлении новой политики – о параллельном экономическом и оборонном строительстве. Поводом для нового политического курса послужил отказ СССР предоставить КНДР военную помощь на безвозмездной основе. Состоявшийся в декабре 1962 г. Пленум ЦК ТПК «осудил» СССР и лично Н. С. Хрущева за «ревизионистскую политику» и одобрил курс на «модернизацию армии и превращение ее в кадровую, на вооружение всего народа, превращение всей страны в неприступную крепость». В 1964 г. Ким Ир Сен выдвинул лозунг «один – на сто», означавший, что в случае войны один северокорейский военнослужащий должен убить 100 вражеских солдат. Этот лозунг до сих пор остается одним из главных политических средств воспитания военнослужащих Корейской народной армии.

В 1966 г. конференция ТПК подтвердила линию на параллельное военное и экономическое строительство. С этого времени процесс милитаризации северокорейского общества принял целенаправленный характер и стал последовательно и настойчиво осуществляться руководством КНДР.

К концу 1960-х гг. в КНДР были осуществлены крупные идеологические, политические и организационные мероприятия, которые привели к укреплению позиций Ким Ир Сена и возглавляемой им группировки, формированию националистического тоталитарного режима. В этот же период начался активный процесс милитаризации северокорейского общества, проводилась интенсивная идеологическая и организационная работа по утверждению «чучхейской политической системы» КНДР.

Вместе с тем в этот период КНДР удалось *восстановить разрушенную войной промышленность*, серьезно укрепить военно-экономический потенциал страны, выдержать напряжение конфронтации – соревнование с Югом, а в первые послевоенные годы и серьезно опередить его по темпам экономического развития.

Глава II

Кризис Первой и Второй республик на Юге Кореи

§ 1. Партии, кланы и политическая борьба

Бушевавшая почти три года братоубийственная война превратила в руины мирные города и селения Корейского полуострова. В отличие от Севера, где восстановительные процессы при содействии СССР, КНР и других дружественных государств носили более целеустремленный характер, население Юга испытывало огромные лишения вследствие анархии и внутривластных неурядиц. Репрессивная политика северокорейских властей, их постоянная «охота за ведьмами» побудила многие тысячи северокорейцев бежать на Юг, где они пополняли массовую армию безработных, пауперов, обездоленных. Только за два послевоенных года (1953–1955) общее число полностью безработных в стране подскочило с 1 до 2 млн человек. Кроме того, почти 2/3 трудоспособного населения были заняты неполный рабочий день или имели случайные заработки, т. е. находились на грани нищеты. Газета «Сеул синмун» (13.05.1958 г.) с горечью констатировала, что общее число полностью и частично безработных превышает 4,8 млн человек, что соответствует 36,6 % самодеятельного населения Юга.

В целом же в первом послевоенном 1954 г. валовой объем промышленного производства едва достигал 20 % по сравнению с 1945 г. Острый дефицит электроэнергии, отсутствие сырья, гнетущее налоговое бремя, чрезвычайно низкий уровень покупательной способности населения приводили к массовому свертыванию среднего и мелкого производства. К концу 1955 г. на Юге реально действовало всего 32 % всех зарегистрированных промышленных предприятий. В феврале 1957 г. Торгово-промышленная палата РК опубликовала доклад, из которого следовало, что в стране бездействуют полностью или работают с неполной загрузкой около 3135 предприятий, что составляло более половины всех промышленных объектов страны. В число безработных входили десятки тысяч выпускников университетов и огромная масса демобилизованных солдат и офицеров. Недовольство и возмущение этих людей были «как пороховая бочка, которая могла взорваться от малейшей искры».

В такой ситуации Первой республике пришлось сосредоточить свои усилия на восстановлении разрушенной аграрной экономики, налаживании нормального продовольственного обеспечения. Формально упомянутая в предыдущей главе аграрная реформа на Юге считалась в основном завершенной еще в 1951 г. Но, несмотря на заметное перераспределение земельного фонда в пользу мелких и средних хозяйств, реального роста сельскохозяйственного производства не происходило. В результате массовых армейских мобилизаций на селе остро не хватало рабочих рук, а перевод промышленности на военные нужды парализовал поставки в деревню сельхозинвентаря, удобрений, ядохимикатов.

В годы войны оказались разрушенными многие оросительные системы, что создавало катастрофическую ситуацию для земледельца, почти наполовину зависевшего от искусственного орошения. Новым бедствием стало принудительное изъятие земли под военные базы, аэродромы, полигоны, стратегические дороги и др. объекты «войск ООН» и южнокорейской армии. В результате урожайность зерна в 1953–1954 гг. упала до 60 % довоенного уровня. Для минимального продовольственного обеспечения Югу недоставало 1,5–2 млн т зерна в год, но лишь половина этого дефицита покрывалась за счет американской гуманитарной помощи.

После войны более рельефно стали выявляться социально-экономические последствия аграрной

реформы. К 1960 г. (по сравнению с довоенным 1949 г.) удельный вес крестьянских хозяйств, обрабатывающих участки размером до 1 чонбо, возрос с 71 до 73 %. Доля же крестьян, обрабатывающих 1–2 чонбо, снизилась с 21,4 до 20,7 %. Что же касается хозяйств среднезажиточных крестьян, то их число в рассматриваемый период осталось неизменным – около 6 %. Проведенная в интересах развития капитализма аграрная реформа, подорвав феодально-помещичью монополию, не устранила крестьянского малоземелья и пауперизма.

В такой ситуации примерно одна пятая часть беднейших крестьянских хозяйств вынуждена была прибегать к аренде. Причем арендная плата по-прежнему носила кабальный характер, доходя до 40 % урожая на суходольных землях и до 80–90 % на поливных участках. Ежегодно к весне около 1 млн беднейших крестьянских дворов оставались без необходимого продовольствия. Голод, обнищание, социальные бедствия по-прежнему оставались уделом сельской бедноты, которая массами уходила в города в поисках источников существования. Другими словами, аграрная реформа, несмотря на некоторое ограничение помещичье-ростовщических кругов, не устраняла острейших социальных противоречий в южнокорейской деревне.

Территория Юга не испытала на себе столь разрушительных бомбардировок авиации США, как на Севере. Тем не менее только ее материальные потери в войне достигли 3–4 млрд долл., что значительно превышало валовой национальный доход страны за 1949–1950 гг. В период войны на Юге было разрушено 43 % промышленных объектов, 41 % электростанций, 50 % шахт и рудников, почти 1 /3 жилых домов, общественных зданий, дорог, мостов, пристаней. Согласно данным южнокорейского историка Ли Ги Бэка, в 1951 г. по сравнению с довоенным 1949 г. валовой сбор зерновых составил 73 %, морепродуктов – 92 %, хлопчатобумажных тканей – 86 %, выпуск резиновой обуви – 57 %, вольфрамовой руды – 47 %, цемента – 58 %, черепицы – 30 %, антрацита – 10 % и т. п. В условиях экономической разрухи и хаоса цены на товары первой необходимости подскочили на 1800 %.

В целях вывода народного хозяйства Юга из состояния тотального развала и тупика в декабре 1953 г. создается Американско-корейская смешанная экономическая комиссия (АКСЭК), которая взяла под свой контроль всю промышленную, аграрную и финансовую политику Сеула. Без одобрения этой комиссии власти РК не имели возможности разрабатывать государственный бюджет, намечать приоритетные направления народно-хозяйственного развития. Именно АКСЭК определяла в конечном итоге распределение американской помощи РК (около 1,5 млрд долл. до 1956 г.). Несмотря на заключение перемирия и окончание войны, американско-южнокорейская программа восстановления экономики РК по-прежнему носила милитаристский характер. Около 3 /4 помощи США направлялось на содержание и оснащение вооруженных сил РК. Необычайно высокое бремя военных расходов приходилось и на государственный бюджет республики.

Сохраняя контроль и влияние над ключевыми отраслями южнокорейской государственно-капиталистической экономики (финансы, электростанции, шахты и рудники, судостроительные верфи и т. п.), США в первую очередь форсировали восстановление и развитие тех предприятий, которые обеспечивали их стратегическим сырьем и материалами. В 1955 г. по сравнению с первым послевоенным 1954 г. добыча графита на Юге возросла на 628 %, меди – на 300 %, железной руды и вольфрама – в среднем на 176 %. В первые послевоенные годы американцы вывозили из РК остродефицитный вольфрам в таком количестве, которое превышало его ежегодное производство в самих США. Однако доходы от роста экспортных операций шли в первую очередь на покрытие растущих расходов по реорганизации южнокорейской армии и содержание войск США на Юге. В такой ситуации даже сверхжесткая авторитарная власть лисынмановской группировки, опирающейся на иностранные штыки, не в состоянии была парализовать движение социально-политического протеста. Общее число только крупных выступлений южнокорейского трудового населения росло по восходящей линии. Если в первом

послевоенном 1954 г. их было 44, то в последующие 1955 – 55, а в 1956 – 96. В эту нарастающую волну забастовочного движения втягивались рабочие и служащие различных объектов «войск ООН», Комиссии ООН по Кореи и других международных организаций, находящихся под контролем США.

В марте 1956 г. только на вспомогательных объектах американских войск в РК бастовало более 100 тыс. рабочих. В том же году в забастовочное движение были вовлечены рабочие текстильной и горнорудной промышленности, железнодорожного транспорта, новые отряды докеров и горняков.

Аграрная реформа и частичная передача земли в руки тех, кто ее обрабатывает, несколько ослабила социальную напряженность в южнокорейской деревне. Однако беднейшие, наиболее обездоленные слои крестьянства после некоторого затишья стали вновь подниматься на социальную борьбу. Одной из действенных форм этой битвы становится сопротивление массовой экспроприации крестьянских наделов для возведения военных баз, полигонов и складов. В 1955 г. вся Южная Корея солидаризировалась с организованным сопротивлением примерно 1 тыс. крестьян уезда Чханвон (в провинции Южный Кёнсан) против экспроприации 100 тыс. пхён[40] земельных угодий для военных объектов южнокорейской армии. Не менее значительный резонанс получили массовые крестьянские выступления на острове Чечжудо, в окрестностях Инчхона, провинциях Южный Чхунчхон, Северный Кёнсан, Южный Кёнсан, Кёнги и др. Одной из форм крестьянского сопротивления стали неуплата налогов и неполное выполнение государственных поставок. В 1955 г. план принудительных закупок зерна государством по строго фиксированным, явно заниженным ставкам был выполнен лишь на 55 %. Такая же картина наблюдалась и в последующие годы.

Всё более политически активной частью послевоенного южнокорейского общества становилось студенчество и молодое поколение, тяжело страдавшее от тотальных принудительных мобилизаций в армию, засилья духа милитаризма в учебных заведениях. Одной из форм молодежного протеста становится массовое уклонение от обязательного воинского призыва. По данным на март 1956 г., свыше 80 % выпускников высших учебных заведений отказались от насильственного призыва в армию. Эти действия получили широкую поддержку всей студенческой молодежи, проводившей массовые митинги и демонстрации под лозунгами демократизации учебно-образовательного процесса, государственных гарантий в обеспечении нормальных условий жизни молодого поколения.

В стремлении удержать в своих руках рычаги всё более непопулярной власти правительство РК ввело 24 декабря 1958 г. архиреакционный Закон о государственной безопасности, согласно которому любое проявление политической оппозиции, критика существующего режима и даже благожелательные высказывания в адрес Севера квалифицировались как «государственная измена», подлежащая строжайшим наказаниям вплоть до смертной казни. Этот драконовский закон удалось провести через парламент лишь после того, как здание Национального собрания штурмовал «спецназ», насильно удаливший из зала бурно протестовавших депутатов от оппозиционных партий (Минчжудан, Тхонъильдан и др.).

Под прикрытием навязанного силой Закона о государственной безопасности на Юге развернулись разнузданные репрессии против патриотов и демократов. В течение нескольких месяцев в тюремных камерах оказалось более 247 тыс. оппозиционеров. Суровым репрессиям вплоть до закрытия подверглось около 80 наиболее влиятельных газет и журналов. По всей стране прокатилась волна политических убийств и покушений.

Ключевую роль в многоярусной политической системе республики играла проправительственная Либеральная партия (Чаюдан), созданная еще в период Корейской войны 23 декабря 1951 г. В целях политико-идеологического прикрытия на пост формального лидера новой партии был выдвинут довольно известный в народе участник антияпонского сопротивления Ли Бомсон, который в годы Второй мировой войны был начальником штаба освободительной армии возрождения (Квонбоккун), действовавшей на

стороне союзных войск. В составе первого правительства РК ему был предоставлен пост министра обороны, а затем внутренних дел. Однако консервативный блок Ли Сын Мана с Ли Бомсон оказался чрезвычайно шатким и вскоре полностью развалился. Первое испытание на прочность этого блока произошло в июле – августе 1952 г., когда решался вопрос об очередном избрании Национальным собранием президента страны. К этому времени основательно подмоченный имидж Ли Сын Мана и неуклонное усиление демократической оппозиции не давала Чаюдан реальной возможности сохранять и далее под своей эгидой президентскую власть. И тогда правящий блок решил добиваться введения в стране прямых президентских выборов. Соответствующая поправка к Конституции страны 4 июля 1952 г. была вновь проведена силовыми методами или, точнее, путем временного заключения в тюрьму 47 оппозиционных депутатов. Как и следовало ожидать, на пост президента с значительным отрывом голосов был переизбран Ли Сын Ман, но его разногласия с Ли Бомсоном приобрели столь острый характер, что привели к полному разрыву между ними. В сентябре 1953 г. Ли Сын Ман добился исключения Ли Бомсона из партии Чаюдан, а спустя несколько месяцев (март 1954 г.) сам занял пост лидера правящей партии. Путем такого рода сверхконцентрации и совмещения государственно-партийной власти Либеральная партия рассчитывала сохранить в своих руках на третий срок на очередных выборах 1956 г. пост президента страны. Однако Чаюдан не удалось удержать монопольные политико-идеологические позиции. Открытую и довольно влиятельную оппозицию ей составила Демократическая партия (Минчжудан), созданная после окончания корейской войны в сентябре 1955 г. Социальное ядро Минчжудан составили представители преимущественно новых национально-буржуазных кругов, которых привлекали западные модели социально-экономической и политической модернизации. Отвергая авторитарные тенденции в политике Чаюдан, сторонники Минчжудан выступили за демократические принципы политического устройства на «основе справедливых и свободных выборов», равные возможности в предпринимательской деятельности, внедрение «свободной экономики», покровительство мелкому и среднему национальному бизнесу. Осуждение диктаторских методов управления, ограничение произвола крупного капитала, проведение демократической социальной политики привлекало симпатии широких слоев народа, и новая партия стала стремительно набирать политическую силу.

Немалую роль в этом сыграло то, что во главе Минчжудан встал популярный ветеран антияпонского, антиколониального сопротивления Син Икхи (1894–1956), бывший лидер Демократической национальной партии (Минджу кунминдан) и заместитель председателя первого Национального собрания РК. Однако за 10 дней до президентских выборов 5 мая 1956 г. Син Икхи, один из основателей партии, бывший член Временного правительства Кореи в эмиграции, последовательный сторонник Ким Гу, внезапно умер. Но, несмотря на смерть Син Икхи, Минчжудан сумела провести на пост вице-президента другого лидера партии Чан Мёна (1899–1966), а на состоявшихся два года спустя парламентских выборах 1958 г. завоевала 79 мандатов, что составило более 1 /3 всех депутатских мест в Национальной ассамблее. Стало очевидно, что Минчжудан – реальный претендент на первые роли в политической иерархии страны.

В ноябре 1957 г. организационно оформилась еще одна политическая структура – Партия единства (Тхонъильдан), костяк которой составили отошедшие от Минчжудан радикально настроенные средние и мелкобуржуазные слои общества. Программные установки новой партии базировались на широких общедемократических требованиях, дополненных популистскими лозунгами о путях национального возрождения и достижения «социальной справедливости». Лидером партии стал известный деятель национально-освободительного движения Ким Джун Нён. Он оказался единственным представителем партии Тхонъильдан, который был избран депутатом Национальной ассамблеи РК в мае 1958 г.

Условия форсированного послевоенного восстановления требовали максимального единения и сплочения национально-патриотических сил Юга, с тем чтобы, исходя из трагических уроков войны 1950–1953 гг., развернуть курс на воссоединение разделенного государства. Однако в процессе партийно-

политической институционализации во всей полноте проявилась застарелая болезнь корейского общества – клановость, групповщина, местничество, которые даже в суровые годы антияпонского сопротивления не позволили сформировать единую общенациональную платформу антияпонского сопротивления.

В пестром политическом калейдоскопе политических партий 50-х годов определенную роль играли целый ряд других объединений буржуазно-националистической, мелкобуржуазной и правосоциалистической ориентации. С середины 1956 г. на Юге стала действовать Республиканская партия (Конхвадан), в высшее руководство которой вошел Ли Бом Сок. Программные установки партии исходили из неприемлемости господства в стране компрадорско-монополистического капитала, ограничения буржуазных свобод и гражданских прав. Партия выступила за развитие самостоятельной и самообеспечивающейся экономики, повышение социальной обеспеченности и образовательного уровня трудового населения. Однако на президентских выборах 1956 г. Ли Бом Сок, баллотировавшийся на пост вице-президента, потерпел тяжелое поражение, вслед за которым начался фактический распад Конхвадан на сепаратные политические группировки.

Еще одной партией, оставившей заметный след в политической истории Юга Кореи, стала Прогрессивная партия (Чинбодан), возникшая 10 ноября 1956 г. во главе с популярным представителем леворадикальной интеллигенции Чо Бо Намом (1898–1959), о котором мы уже упоминали ранее как видном участнике национально-освободительного движения и бывшем министре сельского хозяйства и лесоводства в первом правительстве РК. Чинбодан, отражая настроения радикальных слоев национальной интеллигенции, средней и мелкой буржуазии и части рабочего класса («синих воротничков»), выступила с одновременным осуждением коммунистического насилия на Севере Кореи и авторитарных тенденций лисынмановской администрации. Партия выступила за проведение экономических, политических и социальных реформ демократического характера. В отличие от ряда других политических партий Чинбодан выдвинула развернутую программу мирного воссоединения разделенной Кореи на основе выработки политического консенсуса между Севером и Югом. Такая позиция обеспечила Чо Бо Наму репутацию последовательно прогрессивного национального лидера. Выставив свою кандидатуру на пост президента РК, он получил на выборах 1956 г. более 2,16 млн голосов по сравнению с примерно 5 млн голосов, поданных за кандидата Чаюдан Ли Сын Мана.

Рост влияния Чинбодан, выступавшей с национально-патриотических позиций, особенно ее программа мирного сближения и воссоединения с Севером, были истолкованы правящими консервативно реакционными кругами Сеула как крайне опасный «коммунистический заговор». На основе драконовского Закона о государственной безопасности силовые структуры РК развернули тотальные репрессии против активистов партии.

25 февраля 1958 г. в вопиющем противоречии с Конституцией РК Чинбодан была объявлена вне закона как организация, виновная в проведении антинационального курса и тайных связях с Севером. 2 июля того же года заранее ангажированные судьи Верховного суда приговорили лидера партии Чо Бо Нама к смертной казни. Чинбодан не сумела организованно перейти на нелегальное положение, и с этого времени начался фактически распад ее некогда влиятельных политических рядов.

Внутриполитические раздоры в рядах Чинбодан, Минчжудан, Конхвадан и др. приводили к новым перегруппировкам политических сил, возникновению все новых партий и организаций. Именно на такой основе в октябре 1957 г. возникла Партия демократического обновления (Минчжу хексидан), объединившая разнородные буржуазно-националистические круги, оппозиционные авторитарному режиму Чаюдан. Руководство партии возглавили член Национального собрания Со Сан Иль (1885–1962) и Чан Гон Сан, занимавший в годы японской оккупации видный пост во Временном корейском шанхайском правительстве. Популистская программа Минчжу хексидан позволила ей временно сблизиться с

реформистской Рабоче-крестьянской партией (Нонондан), требовавшей проведения в стране социально-экономических преобразований социал-демократического характера в интересах трудящихся масс. В июне 1958 г. две радикальные лево-националистические партии начали переговоры об организационном слиянии, которые привели в ноябре того же года к созданию Националистической партии демократического социализма (Минджокджуый минджу сахведан). Пост председателя объединенной партии занял Чон Джинхан, выпускник Университета Васеда в Японии, видный участник национально-освободительной борьбы, один из лидеров профсоюзного движения. Однако суровые репрессии властей Юга не позволили Минджокджуый минджу сахведан укорениться в политической структуре общества, где абсолютно преобладали партии крупного капитала.

§ 2. Кризис и падение лисынмановского режима

Очередные парламентские выборы в Национальное собрание РК в мае 1958 г. сопровождались вопиющим произволом и нарушением избирательного закона, когда дело касалось прогрессивных и независимых кандидатов. Тем не менее они отразили реальную после окончания войны расстановку и соотношение основных политических сил на Юге. В итоге парламентских выборов в мае 1958 г. доминирующие позиции заняла Чаюдан, которая завоевала 126 мандатов (из 233), получив 42,1 % голосов электората. На втором месте оказалась Минчжудан с 79 депутатскими местами и 34,2 % голосов избирателей. Упомянутый выше Тхонъильдан завоевал лишь 1 мандат и менее 1 % голосов избирателей. Значительная часть парламентских мест – 27 мандатов при 21,5 % голосов получили т. н. независимые, хотя на практике они представляли различные мелкобуржуазные политические группировки, оппозиционные правящему блоку.

Несмотря на численное преобладание, правящая Чаюдан не обладала, тем не менее, необходимым большинством в 2/3 депутатских мандатов, что предвещало неизбежное обострение внутривнутриполитического противоборства в стране.

Для мрачного послевоенного периода лисынмановского правления характерна не только интенсивная партийно-политическая институционализация, но и бурное становление крупных финансово-промышленных группировок, получивших довольно выразительное наименование чэболи, т. е. родового клана, обладающего богатствами. (Российские востоковеды полагают, что их рост в постколониальной Корее во многом напоминает существование широко известных монополистических концернов дзайбацу в Японии.)

Чэболи стремительно развивались в условиях льготного передела огромной колониальной собственности, перешедшей под контроль АВА и правительства РК, включая предприятия и объекты тяжелой и легкой промышленности. Приближенные к власти наиболее ловкие и оборотистые дельцы обычно за символическую плату становились собственниками или совладельцами многих ключевых объектов народного хозяйства. Получая льготные банковские кредиты, умело спекулируя на инфляции и товарном дефиците, чэболи интенсивно подключались к восстановлению национальной экономики, получая при этом прибыли и дивиденды, немыслимые в условиях нормального накопления и воспроизводства.

Некоторые из чэболей, как уже упоминалось выше, начали свою предпринимательскую деятельность еще в 30-х гг., т. е. в годы японской оккупации, и специализировались первоначально на выпуске широкого ассортимента потребительских товаров и лишь затем перешли на производство технологически сложной продукции.

Именно при опоре на чэболи Первая республика провозгласила экономическую стратегию, основанную на внешней помощи («вончжо кёнчже») или, точнее, на американских кредитах и субсидиях. Ежегодно получаемая РК помощь из специально созданных целевых американских фондов составляла 200–300 млн долл.

Именно в годы лисынмановского правления началось возвышение таких финансово-промышленных групп, как «Хёндэ» (“Hyundai Corporation”), «Самсунг» (“Samsung”), «Лакки голдстар» (“Lucky Goldstar”), «Дэу» (“Daewoo Motor”), «Ссанъён (“Ssangyong”)» и других. История чэболизации южнокорейской экономики не лишена парадоксов. Основатель «Хёндэ», Чон Джу Ен, в молодости грузчик и автослесарь, не имеющий университетского образования, только в 1947 г. основал вместе со своим братом небольшую строительную компанию. Выгодные подряды от государства позволили компании развернуть

высокоприбыльный бизнес в производстве цемента, алюминия, стали, бумаги, химических товаров, судостроении, а впоследствии стать одним из крупных мировых производителей автомобилей. Скачкообразное возвышение южнокорейских чэболей было бы невозможным без тесной унии олигархического капитала с государством.

В условиях социальной пропасти, разделяющей верхние и нижние эшелоны общества, помощь извне направлялась, прежде всего, на поддержку крупного капиталистического предпринимательства и усиленную милитаризацию. К началу кризисного 1960 г. ежегодный уровень инфляции достигал 20 %, а численность безработных и полубезработных в общей массе трудоспособного населения – 40 %. Однако социальные бедствия широких трудящихся масс отнюдь не сдерживали крупнокапиталистическое накопление. Масштабы концентрации и централизации крупного предпринимательского капитала на Юге убедительно раскрывают следующие данные. К 1962 г. в текстильной промышленности Юга насчитывалось 174 фабрики, из которых 33 крупных предприятия контролировали более 80 % товарооборота. В сахарной промышленности из 58 зарегистрированных предприятий к числу крупных относились только 2, но они контролировали свыше 91 % товарооборота в данной отрасли. В шинной промышленности действовало 10 предприятий, но 2 крупнейших завода владели более 92 % рыночного оборота. В производстве резиновой обуви из 48 предприятий 9 крупнейших держали под своим контролем более 77 % общего товарооборота. Аналогичная тенденция прослеживалась и в новых стратегических отраслях народного хозяйства Юга – радиоэлектронике, химии, автомобилестроении, судостроении, промышленном и жилищном строительстве, сфере инфраструктуры.

Интенсивная чэболизация стала одной из основных предпосылок созревания социально-экономического и общеполитического кризиса на Юге во второй половине 50-х гг. С одной стороны, стремительный рост крупного олигархического капитала заметно расширял народнохозяйственный потенциал страны, но с другой – этот процесс резко обострил социальные противоречия в обществе. За несколько лет при содействии правительства выросли сильные финансово-промышленные корпорации, вскоре монополизировавшие весь рынок сбыта. Впоследствии в области экономики образовался явный дисбаланс. Средний и малый бизнес, не имеющий достаточной финансовой поддержки, вконец разорвался или поглощался более крупными предпринимателями.

Ответной реакцией Первой республики на растущую волну социально-политического протеста, охватившего не только города, но и сельские районы Юга, были еще более суровые полицейские репрессии. Под тотальным запретом оказались не только левые, но и умеренные националистические и патриотические партии и движения. На основе дополненного Закона о государственной безопасности проводились массовые аресты и полицейские расправы с оппозиционными политическими деятелями Минчжудан и других партий и организаций. Драконовские гонения обрушились на независимые средства массовой информации, выступавшие хотя бы с робкой критикой антинародной, диктаторской политики Чаюдан. Нарастало массовое недовольство и в южнокорейской деревне, из которой в города в результате разорения, пауперизации и голода вынуждены были переместиться более 1 млн крестьян, пополнивших и без того массовую армию городских пауперов и люмпенов.

В такой накаленной ситуации народное восстание против авторитарного произвола могло вспыхнуть в любое время. Нужен был какой-то ощутимый толчок, и им стала насквозь фальсифицированная кампания президентских выборов 15 марта 1960 г. Основным кандидатом на третий срок при интенсивной поддержке внешних сил остался Ли Сын Ман. Однако борьба за пост вице-президента превратилась в нешуточную схватку в верхах. Незадолго до выборов в одной из частных клиник в Вашингтоне внезапно скончался Чо Бён Ок, выдвинутый на пост президента от группировки Минчжудан. Правящая Чаюдан в целях дальнейшей монополизации авторитарного правления режима попыталась занять неожиданно возникшую вакансию. На пост вице-президента был выдвинут весьма близкий к Ли Сын Ману Ли Ги Бун,

крупный южнокорейский олигарх, бывший председатель Чаюдан, спикер Национального собрания и министр обороны РК. Для того чтобы облегчить ему победу, Чаюдан привела в движение все административные ресурсы, подкупы, подтасовки, фальсификации и другие противоправные акции. Одновременно власти предприняли и хитроумные политические маневры, вступив в предвыборный сговор с руководством Всеобщей федерации рабочих союзов Кореи (Тэхан нодон чохап чхоннён хепхве) и другими реформистскими профсоюзами. С помощью подобных политических маневров правящей Чаюдан удалось забаллотировать довольно популярного в патриотических кругах страны одного из лидеров Минчжудан Чан Мёна, который на предыдущих выборах 1956 г. уверенно завоевал пост вице-президента Первой республики.

В ответ на мнимую «победу» Ли Сын Мана – Ли Ги Буна руководство Минчжудан обнародовало заявление протеста, в котором объявило состоявшиеся под полицейскими прицелами выборы президента и вице-президента страны «противозаконными и недействительными». Тем более что они были проведены ранее первоначально установленной даты, при отсутствии наблюдателей от оппозиции в местах голосования, беспрецедентном давлении на электорат, с использованием подмены избирательных бюллетеней и фальсификаций при подсчете голосов. По всей стране начала подниматься стихийная буря народного негодования.

В числе первых городов, охваченных массовыми антиправительственными волнениями, оказался портовый город на юге – Масан. По призыву оппозиционных партий и организаций центральные кварталы города заполнили тысячи участников демонстраций протеста – студенческая молодежь, рабочие, служащие, городская беднота. Участники мирного выступления несли транспаранты, на которых было начертано: «Долой фальсифицированные выборы!», «Долой Ли Ги Буна», «Долой лисынмановское правительство!», «Свободу учебным заведениям!» и др. Лисынмановские власти, напуганные столь крупной волной стихийного народного протеста, решили разогнать демонстрантов силой оружия. В результате расстрела погибло более 100 безоружных горожан. Полиции удалось на время ослабить напор демонстрантов в Масане, но масанские события подобно молнии воспламенили подъем антиправительственных выступлений в других крупных центрах страны – Сеуле, Тэгу, Инчхоне, Чжонджу, Тэджоне, Кванчжу и других.

В Сеуле 16 и 17 марта десятки тысяч студентов и преподавателей столичных университетов вместе с другими слоями горожан вышли на демонстрации и митинги солидарности с участниками выступлений в Масане. Отвергая результаты фальсифицированных выборов, участники массовых шествий потребовали немедленного расследования кровавых полицейских злодеяний в Масане, строжайшего наказания должностных лиц, ответственных за расстрел безоружных манифестантов. Среди других требований восставших были: «Народу – свободное волеизъявление!», «Не допускать подавления штыками демонстрации учащихся и студентов!», «Не допускать полицейских посягательств на права и свободу народа!», «Провести новые президентские выборы!».

К 19 апреля 1960 г. общее число участников антиправительственных выступлений в Сеуле и других городах превысило 100 тыс. человек. На начальном мирном этапе борьбы повстанцы не выдвигали прямых антилисынмановских лозунгов и требований. Некоторая часть студенческих лидеров и университетских профессоров и оппозиционных деятелей наивно полагала, что за экономический и политический кризис в стране несут ответственность «плохие чиновники» и бюрократы, окружившие «хорошего» правителя страны. Эта наивная вера побудила студенческую делегацию из университета Тонгук направиться к президентскому дворцу Кёнмунде, чтобы добиться прямой встречи с Ли Сын Маном и передать ему петицию со своими политическими требованиями. Однако на подступах к дворцу мирное шествие встретил шквальный огонь жандармерии на поражение, и 10 человек были убиты охранкой. Беспощадный расстрел близ дворца Кёнмунде, больно отозвавшийся в сердцах оппозиционеров, стал стихийным призывом к

всенародному восстанию.

Общее число участников новой волны восстания за демократию и свободу достигло вскоре 500 тыс. чел. Новым лозунгом повстанцев, переживших сложную полосу политической зрелости, стало требование «Долой Ли Сын Мана!» Многие стратегические кварталы Сеула оказались под фактическим контролем повстанцев. Радикально настроенные группы молодежи подожгли редакцию проправительственной газеты «Сеул синмун», совершили погромы в головном офисе правящей Чаяудан и ряде правительственных учреждений. Стихийные толпы взяли в плотное кольцо здание Национального собрания, требуя от него немедленных законов в духе демократических требований оппозиции.

Оказавшись на краю пропасти, Ли Сын Ман все еще надеялся не без поддержки Вашингтона удержать власть в своих руках. На чрезвычайном заседании правительства во дворце Кёнмунде он потребовал от силовиков принять «самые решительные меры» против бунтовщиков и подрывных элементов. Своим единоличным декретом он ввел военное положение в стране, назначив ответственным за его обеспечение начальника сухопутных войск генерала Сон Е Чхана. Против безоружных демонстрантов было разрешено использовать танки и другие виды боевой техники. В ночь с 19 на 20 апреля механизированные армейские части с различных направлений штурмовали Сеул и другие города, охваченные восстанием. Планомерно оттесняя повстанцев в глухие переулки и окраины, каратели без предупреждения открывали огонь по манифестантам. Итогом этой карательной операции, вошедшей в историю Кореи как «кровавый вторник», стало около 130 убитых и 800 раненых.

Однако даже столь безжалостная расправа не остановила участников восстания, которым стало ясно, кто направляет против них пули карателей. В столичном парке «Пагода» студенты, свалив с постамента скульптуру Ли Сын Мана, волоком потащили ее по улицам, встречая одобрительные выкрики горожан. В некоторых кварталах солдаты отказывались направлять танки и бронемашину против своих братьев и сестер.

В этих условиях атмосфере 26 апреля 1960 г. Национальное собрание РК вынуждено было принять резолюцию, в которой содержалось требование немедленной отставки Ли Сын Мана с поста президента и объявлялись недействительными итоги президентских выборов 15 марта 1960 г. В такой ситуации у Вашингтоне не оставалось иного выбора кроме как отмежеваться от Ли Сын Мана. Госдепартамент США сделал официальное заявление о своем несогласии с «нарушениями демократии» в Южной Корее. С этого времени правящая Чаяудан стала стремительно утрачивать рычаги реального управления государством. Из-под повиновения властей стала выходить последняя опора режима – армия. Перед угрозой неминуемой катастрофы скандально избранный на пост вице-президента страны Ли Ги Бун покончил 28 апреля жизнь самоубийством. На другой день Ли Сын Ман в строжайшей тайне на самолете ВВС США бежал из Сеула на Гавайские острова, где он безвыездно поселился на вилле, которую ему предоставила местная корейская диаспора.

Так бесславно завершилась история Первой республики Корея, а вскоре и жизненный путь доктора Ли Сын Мана, фигуры весьма неоднозначной и противоречивой. В современной историографии РК преобладают негативные оценки его политической биографии. С объективных академических позиций вряд ли такая оценка справедлива. Видимо следует различать в Ли Сын Мане личностное начало, с одной стороны, и политическое – с другой. Как личность он, безусловно, был патриотом Кореи, внес немалый вклад в антияпонскую освободительную борьбу. Но как политический деятель, особенно на посту президента РК, скатился к авторитаризму и диктатуре, обрушивая неоправданные репрессии против своего народа. И подобный дуализм свойственен в современной истории далеко не одной крупной исторической фигуре.

Только в ходе подавления апрельского народного восстания погибло 183 и было ранено 6259

человек. Эти невосполнимые потери человеческих жизней – суровое обличение правящим кругам Первой республики, избравших антинародный путь национальной модернизации. *Сама жизнь выдвинула на авансцену необходимость радикального поворота во внутренней и внешней политике Юга.* Однако прошло еще немало времени, прежде чем Республика Корея вступила на путь, отвечающий интересам ее народа и всей корейской нации.

Глава III

Две Кореи и внешний мир

§ 1. «Чучхейские принципы» внешнеполитической ориентации КНДР

Провал Женевской конференции по мирному урегулированию корейского вопроса окончательно определил два диаметрально противоположных направления во внешнеполитической ориентации КНДР и Республики Корея. Каждое из них вновь провозгласило свои приоритетные исключительные права на восстановление общегосударственной целостности разделенной нации.

Освещая эту проблему на пленуме ЦК правящей Трудовой партии 3 октября 1954 г., Ким Ир Сен заявил, что отныне в условиях мирного сосуществования потребуются длительный, трудный и напряженный период для превращения КНДР в опорную «базу революции» в масштабе всей Кореи, восстановления и модернизации ее народного хозяйства, наконец, создания сильной и влиятельной революционной партии на Юге. В апреле 1955 г. вышел в свет очередной труд северокорейского лидера «Тезисы о характере и задачах нашей революции», в которых в качестве первоочередных выдвигались следующие основные задачи: сокрушить «агрессивные силы американского империализма» и их южнокорейских союзников; освободить народ Юга от «империалистического и феодального гнета и эксплуатации»; добиться демократического объединения родины и полной национальной независимости. Борьба против империализма США и их лисынмановских приспешников трактовалась как стратегическая задача «антиимпериалистической революции в масштабе всей Кореи».

В декабре 1955 г. Ким Ир Сен, выступая на партийно-государственном активе с докладом, посвященным борьбе против догматизма и внедрения принципов «чучхе» в идеологической работе ТПК, высказался по поводу двух возможных вариантов воссоединения Кореи. Первый из них связывался с неуклонным ростом сил мира, демократии и социализма в международном масштабе, уходом США из Южной Кореи, что могло бы открыть мирный путь преодоления национального раскола. Второй вариант – «не мирный, а военный путь», или «война против империализма в мировом масштабе», в т. ч. и на Корейском полуострове. Хотя второй, «военный путь» нежелателен, отметил Ким Ир Сен, исключать его полностью не следует.

На состоявшемся в апреле 1956 г. III съезде ТПК была принята политическая декларация «За мирное объединение родины», которая содержала следующие основные положения: корейский вопрос должен быть урегулирован «в соответствии с волей самого корейского народа на демократических началах»; на основе всекорейских выборов следует сформировать «единое корейское правительство». Затем представители партий и организаций обеих частей Кореи созывают общеполитическое совещание с целью создания организации единого фронта, и временное перемирие превращается в прочный мир, ослабляется напряженность, налаживаются широкие обмены между Севером и Югом, создается «общекорейский постоянный комитет» из представителей парламентов, правительств, политических партий Севера и Юга, созывается новое международное совещание по корейскому вопросу. Соответственно ни КНДР, ни РК не заключают военного союза с другими государствами.

В июне 1956 г. партийно-государственная делегация КНДР совершила поездку в СССР и страны

Восточной Европы. На переговорах с советским лидером Н. С. Хрущевым Ким Ир Сен выразил формальное согласие с необходимостью преодоления культа личности в КНДР и развития внутрипартийной демократии. Вместе с тем он обратился к советскому руководству с настойчивыми просьбами: списать финансовую задолженность по поставкам военного времени; отсрочить погашение других кредитов; предоставить дополнительные кредиты для оплаты поставок в КНДР новых партий промышленного оборудования и потребительских товаров. Позиция советского руководства была однозначной: «оказать помощь в разрешении вопросов, поставленных правительственной делегацией КНДР, без каких-либо условий». К прежней безвозмездной помощи в 1 млрд руб. выделялась новая безвозмездная помощь в размере 300 млн руб. Треть этой суммы должна была пойти на приобретение машин и оборудования. Это означало, что советские лидеры исходили из того, что Северная Корея, будучи «восточным форпостом мирового социализма», станет и впредь сохранять верность внешнеполитической ориентации кремлевского руководства. Однако по возвращении на родину Ким Ир Сен дал совершенно иное толкование культу личности. Во-первых, критика культа Сталина истолковывалась Ким Ир Сеном как сугубо внутреннее дело КПСС. А во-вторых, проблема культа затрагивает, по его мнению, лишь прошлое ТПК и связана исключительно с именем уже приговоренного к смертной казни Пак Хон Ёна. Обо всем этом говорилось в закрытом письме ЦК ТПК, направленном во все низовые парторганизации. В письме также подвергалось жесткой критике «механическое подражание всему советскому», «раболепие перед всем иностранным». В сентябре 1956 г. в Пекин на VII съезд Компартии Китая прибыла делегация КПСС во главе с А. И. Микояном, который обсудил тревожную ситуацию в КНДР с Мао Цзэдуном. Суждение лидера КНР, сыгравшей решающую роль в сохранении КНДР как государства в Корейской войне 1950–1953 гг., было однозначным: Ким Ир Сен «войну дурацкую проиграл, вообще действует бездарно, его надо убирать!» Далее Мао предложил направить в Пхеньян на экстренный пленум ЦК ТПК совместную советско-китайскую делегацию с тем, чтобы разобраться, что там происходит, и, если потребуются, заменить Ким Ир Сена «на более приемлемую фигуру».

Однако, как отмечают российские историки, «миссия Микояна – Пэн Дэхуая фактически окончилась провалом. Положение Ким Ир Сена не было поколеблено. Напротив, он почувствовал свою неуязвимость. Вскоре в КНДР началась новая чистка, которая перешла в массовые репрессии, продолжавшиеся до середины 60-х годов... Был упущен реальный шанс на положительные перемены в КНДР и смягчение противостояния на Корейском полуострове».[\[41\]](#)

Умело отразив политико-дипломатический натиск Москвы и Пекина, Ким Ир Сен постепенно берет в свои руки инициативу в дальнейшем развитии отношений с СССР и КНР. Заручившись внушительной финансово-экономической и военно-технической помощью от СССР, северокорейское руководство стало добиваться заключения союзнического договора между двумя государствами. Первоначально советская дипломатия расценила концепцию подписания такого межгосударственного документа как нереалистическую и даже опасную в условиях раскола Кореи, отсутствия мирного договора и нарастающей конфронтации в регионе Северо-Восточной Азии. Эта позиция усиливалась тем, что в случае достижения компромисса по вопросу о воссоединении Кореи на основе Ялтинско-Потсдамских соглашений КНДР могла выпасть из числа народно-демократических государств. Подобного мнения придерживался в то время и Н. С. Хрущев, который считал, что союзнический, т. е. военно-блоковый договор с КНДР не нужен.

Тем не менее КНДР под влиянием внешних обстоятельств (форсированное развитие южнокорейско-американских военных отношений) удалось в 1958 г. убедить советское руководство приступить к выработке указанного документа. Первоначально дата его подписания была назначена на 1959 г. в Пхеньяне, затем перенесена на сентябрь 1960 г. В северокорейскую столицу должен был прибыть Н. С. Хрущев, и к его встрече на улицы Пхеньяна предполагалось вывести более 1 млн жителей столицы и пригородных селений. Однако советский лидер в Пхеньян к назначенной дате не приехал под предлогом

занятости к подготовке встречи с президентом США Д. Кеннеди, и подписание советско-северокорейского договора состоялось почти год спустя, в июле 1961 г. в Москве.

Заключение союзнического договора между КНДР и СССР 6 июля 1961 г. было, вне всякого сомнения, значительным достижением северокорейской дипломатии. Его предельно лаконичный текст из 6 статей за подписями Н. С. Хрущева и Ким Ир Сена был в целом составлен в духе подобных соглашений, которые подписывались Москвой с другими социалистическими государствами Восточной Европы и Азии, включая Китай. Но его первая, основная статья носила более категорический и универсальный характер. «В случае, если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется вооруженному нападению со стороны какого-либо государства и окажется таким образом в состоянии войны, то другая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет военную и иную помощь всеми имеющимися в его распоряжении средствами», – провозглашалось в документе.

Пхеньян и Москва договорились далее не участвовать в каких-либо коалициях, направленных против одной из сторон, постоянно консультироваться по всем узловым международным вопросам, соблюдать последовательно принципы мирного сосуществования государств, наконец, предпринимать максимальные усилия для воссоединения Кореи на мирной и демократической основе.

В ходе подготовки союзнического договора Н. С. Хрущев сделал немаловажные комментарии, из которых следовало, что подписание договора между СССР и КНДР уравнивало бы силы Юга и Севера. Если Юг станет угрожать ракетным оружием, то этому могут противостоять советские ракетные установки на Дальнем Востоке. Они могут быть нацелены как на американские базы в Японии, так и на их базы в Южной Корее. Если же СССР сможет договориться с США, то тогда вполне можно говорить об аннулировании военных договоров на Корейском полуострове.^[42] Все это означало, что советское руководство в случае продвижения объединительного процесса на полуострове не исключало в принципе распространения на Корею принципа международного нейтралитета.

Одновременно с заключением союзнического договора с СССР северокорейское руководство взяло курс на подписание аналогичного документа с Пекином, чтобы сбалансировать свои позиции между Москвой и Пекином. Важной предпосылкой для этого стала договоренность между двумя сторонами, достигнутая во время визита премьера КНР Чжоу Эньлая в Пхеньян в феврале 1958 г., когда было условлено, что до конца 1958 г. вся группировка «китайских народных добровольцев» (КНД) поэтапно будет выведена из КНДР независимо от того, будут выведены или нет другие иностранные контингенты из Южной Кореи. В специальном заявлении командования КНД от 20 февраля 1958 г. была сделана оговорка о том, что если империалисты и их приспешники осмелятся вновь развязать «агрессивную войну» в Корее, то «китайский народ без каких-либо колебаний и задержек пошлет своих лучших сынов и дочерей, которые еще раз пересекут реку Ялуцзян, чтобы совместно с Корейской народной армией бороться для разгрома агрессора».

Двусторонний союзнический Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между КНДР и КНР был подписан 11 июля 1961 г. По своему содержанию он был аналогичен советско-северокорейскому документу. Но Пхеньян и Пекин на основе этого договора провели серию закрытых переговоров (1963) по пограничному урегулированию. При этом стороны отказались от демаркации водной границы по гипотетической «средней линии» и согласились на разграничение по трем базовым принципам: совместное владение, совместное управление и совместное использование пограничных рек Ялуцзян и Туманган. На этих реках примерно 80 % островов переходили под юрисдикцию КНДР, включая самые крупные. Китайская сторона признала за северокорейцами право контроля за транспортными путями, т. е. входа и выхода в бассейн реки Ялуцзян при условии предоставления права свободного плавания по этому маршруту китайским судам.

В результате заключения трех союзнических договоров (СССР—Китай, КНДР—СССР, КНДР—Китай) в СевероВосточной Азии возникла крупная военно-политическая коалиция, которая обеспечивала весомые преимущества Пхеньяну. Опираясь на ракетный и ядерный потенциал СССР и КНР, Пхеньян мог позволить себе не только воинственную риторику, но и конкретные шаги, такие, например, как задержание иностранных военных судов вблизи его территориальных границ (инцидент с разведывательным кораблем ВМС США «Пуэбло» в январе 1968 г.). Одновременно Ким Ир Сен постепенно дистанцируется от Москвы и Пекина, перенося акценты на чуждейские принципы в проведении не только внутренней, но и внешней политики.

§ 2. Республика Корея в «оборонительной системе» США в СВА

Внешнеполитический курс Республики Корея после окончания корейской войны находился в состоянии многосторонней зависимости (политической, финансово-экономической, военно-стратегической) от США. Правительство РК не располагало широкими выходами на международную дипломатическую арену, хотя опиралось на официальную декларацию 16 государств – членов ООН, входивших в состав «Объединенного командования» (Австралия, Бельгия, Канада, Колумбия, Эфиопия, Франция, Греция, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Филиппины, Южная Африка, Таиланд, Турция, Великобритания и США). В совместном документе, подписанном этими государствами в день перемирия (27 июля 1953 г.), говорилось, что, в случае возобновления войны на Корейском полуострове, они будут вновь «участвовать в военных действиях» и не остановятся перед перенесением этих действий за пределы Кореи, т. е. на китайскую территорию. Эта позиция основательно подогревала милитаристский дух во внешней политике Ли Сын Мана.

1 октября 1953 г., т. е. спустя два месяца после прекращения огня, госсекретарь США Д. Ф. Даллес и глава внешнеполитического ведомства РК Бён Ен Тхэ подписали американо-южнокорейский Договор о совместной обороне, цель которого состояла в том, чтобы объединить стратегические потенциалы двух государств в целях эффективного «отражения общей опасности» и укрепления взаимосвязей для совместной борьбы «против угрозы коммунистической агрессии». Статья 3 предусматривала оказание максимально возможной помощи друг другу в случае агрессии против одной из договаривающихся сторон. Правда, оказание экстренной американской военной помощи не было бы автоматическим и предполагало обязательное соблюдение определенной конституционной процедуры, связанной с одобрением со стороны Конгресса США.

Следующая статья 4 Договора о совместной обороне предоставляла США право размещать на южнокорейской территории сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы не только на основе прежних резолюций ООН по Корее, но и на двусторонней основе. Причем какие-либо ограничительные рамки такого размещения не оговаривались, и стало быть, они носили по существу бессрочный характер. 17 ноября 1954 г. после ратификации Конгрессом США и Национальным собранием РК этот документ вступил в силу и на многие годы определил общую внешнеполитическую линию Сеула. Отныне все узловые проблемы воссоединения Кореи отодвигались де-факто на второй план, ибо Юг Кореи превращался в составное звено американского стратегического «четырёхугольника» в СВА в составе: США, Японии, Южной Кореи, Тайваня.

Южная Корея в этом «четырёхугольнике» представляла, по оценкам американских стратегов, особое звено как субрегион, непосредственно примыкающий к мировому периметру «коммунистической системы» на Востоке. Согласно ориентировочным расчетам, за период с 1945 по 1995 г. США предоставили помощь Южной Кореи на общую сумму более 3 млрд долл. Только в период корейской войны лисынмановский режим получал ежегодно 200–300 млн долл. помощи, а в послевоенном 1957 г. эта сумма возросла до 380 млн. Без американских поставок продовольствия (около 25 % помощи) и американского сырья и полуфабрикатов (42 % указанной помощи) народное хозяйство послевоенной Южной Кореи оказалось бы в состоянии тупика.

В августе 1954 г. состоялся официальный визит Ли Сын Мана в США. Ему была предоставлена возможность выступить на совместном заседании Палаты представителей и Сената США. Отражая позиции наиболее воинственных кругов Сеула, Ли Сын Ман утверждал, что все планы мирного воссоединения

Кореи потерпели неудачу и остается только один путь силового решения назревшей проблемы. Позднее (24 июня 1959 г.) в интервью корреспонденту «Юнайтед Пресс Интернейшнл» Ли Сын Ман назвал американскую линию невоенного воссоединения Кореи глубоко «ошибочной», поскольку добиться объединения можно только вооруженной силой. Поэтому США и другие члены ООН – участники корейского конфликта «должны предоставить правительству Южной Кореи возможность изгнать коммунистов из Северной Кореи и объединить страну... Самое лучшее время для объединения страны наступило именно теперь. Мы не можем больше ждать. Иначе коммунистические силы укрепятся еще больше», – доказывал правитель Южной Кореи.

Поездка Ли Сын Мана в США подготовила подписание 17 ноября 1954 г. еще одного базового документа – Протокола корейско-американских переговоров по военным и экономическим вопросам. По этому Протоколу вооруженные силы Южной Кореи оставались под контролем командования ООН до тех пор, пока эта организация будет нести ответственность за национальную оборону РК. Вашингтон взял на себя обязательство выделять своему южнокорейскому партнеру новую партию помощи. И вновь декларировалось, что США без промедления «используют свои вооруженные силы против агрессора в случае неспровоцированного нападения на Республику Корея». В документе лишь мимоходом говорилось о насущных проблемах воссоединения Кореи. Однако Ли Сын Мана не удовлетворяли подобного рода общеполитические декларации, и он продолжал критиковать излишнюю «мягкость» в корейской политике Вашингтона, побуждающую Сеул «определить свой собственный курс, независимый от помощи США».

Вторым после США направлением во внешней политике президента Ли Сын Мана была Япония. Несмотря на мощные антияпонские настроения, укоренившиеся за годы колониального бесправия и унижения, торгово-экономические связи между Южной Кореей и бывшей метрополией получили форсированное развитие еще в годы Корейской войны, когда японские острова были превращены в тыловую базу корейского фронта. Здесь на протяжении всей войны размещались на временный отдых большинство подразделений «войск ООН», действовавших на Корейском полуострове. Их содержание требовало продовольствия, снаряжения и других ресурсов. Япония становится важным поставщиком продовольствия, обмундирования и другого снаряжения для боевых частей, действовавших на корейском фронте. Только прямые военные заказы США в Японии за годы Корейской войны превысили 3 млрд долл. Япония, форсированно восстановившая после Второй мировой войны свое народное хозяйство, стала активно налаживать торгово-экономические связи с Южной Кореей.

Начиная с 1950 г., валовой национальный продукт (ВНП) Японии стал увеличиваться ежегодно на 10 % и более. Уровень промышленного производства на японских островах в годы Корейской войны возрос почти на 50 %, а объем внешней торговли (в т. ч. и с Южной Кореей) на 84 %. На вторую половину 50-х гг. приходится глубокие структурные изменения в японской экономике. Бурное развитие получают металлургия, машиностроение, химия, строительная индустрия и т. д. Все это потребовало от Токио наведения тесных деловых мостов с вчерашними колониями и зависимыми территориями, в числе которых была и Южная Корея.

Лисынмановский режим, учитывая сильнейшие антияпонские настроения в стране, не имел возможности пойти на открытое стимулирование японского экономического проникновения в Южную Корею. Запрет на импорт многих японских товаров, в т. ч. электроники, автомобилей, косметики, показ японских фильмов, издание японских книг и журналов, наконец, требования выплаты компенсации за многие годы колониального ограбления не мог игнорировать никто, хотя в Сеуле осознавали объективную необходимость развития широких деловых связей с бывшей метрополией.

В 1959 г. в Южной Корее без большой шумихи была принята делегация крупных японских фирм «Мицуи буссан» и «Мицуи сёдзи». Затем на Юге Кореи с целью ознакомления с рыночной конъюнктурой

побывали представители «Сумитомо сёдзи». В 1958 г. в Токио был открыт государственно-частный Институт экономики стран Азии, который стал обстоятельно изучать перспективы японской экономической экспансии в страны Азии, включая Корейский полуостров. Позднее за счет государственно-частного финансирования стал действовать уникальный японский Институт по исследованию промышленности и экономики Южной Кореи. Институт стал проводить специальные обследования, которые призваны были раскрыть новые по сравнению с колониальным периодом условия экономических взаимосвязей между Японией и Республикой Корея.

Отмеченные выше антияпонские настроения в Южной Корее вынуждали японские монополистические круги действовать в 50–60-х гг. XX в. под прикрытием различных международных институтов. Так, японская компания «Мицуи буссан» имела выгодные подряды по линии международного Фонда займов развития (Development Loan Fund) на поставки сельскохозяйственной продукции на Юг Кореи. Другие японские корпорации действовали по контрактам через Главное управление по снабжению американских войск в Японии (Army Procurement Agency of Japan), поставлявшей в РК цемент, транспортные средства, военное оборудование.

В начале 60-х гг. под эгидой Японского совета по изучению проблем экономики был издан уникальный энциклопедический труд «Состояние южнокорейской экономики», в котором был дан обстоятельный анализ реальных перспектив экспансии японского капитала в Южную Корею. Рекомендовалось максимально использовать не только острую нужду РК в иностранных инвестициях, промышленном оборудовании, сырье, но и знакомство корейцев в недалеком прошлом с основами японской цивилизации. Что же касается вспыхивающих постоянно в Корее митингов и демонстраций протеста против «нормализации» отношений с Токио, то авторы упомянутой выше книги открыто призывали корейцев «отбросить ненависть и подозрительность» и развивать в себе новый дух международного взаимодействия.

Важную роль в наведении мостов между Сеулом и Токио играли представители корейской диаспоры в Японии из числа представителей крупного капитала. Один из них Со Гин Хо (японское имя Э. Сакамото) основал компании «Сакамото босэки» (1948), «Осака босэки» (1954), «Хатара босэки» (1956), занимавшие важные позиции в прядильно-ткацком производстве. Со Гин Хо стал одним из главных лоббистов нормализации южнокорейско-японских отношений. Ему приписывают уникальную сделку по покупке участка земли и особняка в японской столице, где позднее с комфортом разместилось посольство РК. В 1960 г. Со Гин Хо основал в Сеуле и Пусане акционерную компанию «Пханбон муён» с капиталом 19,5 млн долл., которая совместно с коммерческим банком «Хангук саноп ынхен» занялась экспортно-импортными операциями с хлопком, пряжей, красителями, ткацкими станками и строительным оборудованием. На фабрике компании в Сеуле трудилось более 3,5 тыс. рабочих и служащих. Все это говорит о том, что еще до официальной нормализации отношений между Сеулом и Токио японский крупный капитал находил скрытые пути торгово-экономической экспансии в Южную Корею.

* * *

Итак, для исторического периода от окончания вооруженного конфликта на Корейском полуострове до конца 60-х гг. XX в. характерны следующие основные черты развития: а) форсированное восстановление народного хозяйства КНДР и консолидация авторитарной власти Ким Ир Сена; б) противоречия социально-экономической и политической эволюции на Юге, породившие кризис и крушение лисынмановской диктаторской власти. *В этот период два корейских государства предпринимали активные усилия для выхода на международную арену, но не сделали ни единого реалистического шага навстречу друг другу в поисках компромиссной модели общенационального воссоединения.* КНДР односторонне провозгласила

себя «опорной базой революции» общенационального масштаба, а форсированно милитаризующийся Юг, в свою очередь, стал также ориентироваться на силовой метод разрешения противостояния с Севером. *Остроконфронтационное противостояние двух Корей переросло в опасное противоречие регионального и международного масштаба.*

Часть пятая

Политическая и социально-экономическая эволюция КНДР и Республики Корея в 60–70-х годах XX века

Глава I

Северокорейский курс на построение «социализма с корейской спецификой»

К началу 1970-х гг. в КНДР были осуществлены крупные политические и идеологические преобразования, основное содержание которых составили установки Ким Ир Сена на строительство «чуждого социализма», или «социализма корейского образца». К этому времени «партизанская фракция» Ким Ир Сена добилась полной победы над своими противниками. Все «антипартийные группировки» в руководстве ТПК были разгромлены. В правящей партии и во всем северокорейском обществе, как объявил Ким Ир Сен, была установлена «единая идеологическая система идей чучхе».

Выступая на V съезде ТПК (ноябрь 1970 г.), Ким Ир Сен заявил, что все население страны руководствуется принципом «не признавать никаких других идей, кроме революционных идей чучхе».

На съезде также было объявлено, что КНДР превратилась в «социалистическое индустриальное государство», в стране созданы мощные вооруженные силы, «система всенародной государственной обороны».

Несмотря на неэффективную систему управления экономикой, растущие расходы на военные цели, волюнтаризм, в конце 1970 г. КНДР удалось добиться определенных успехов в развитии народного хозяйства. Эти успехи связаны в основном с экономической помощью КНДР со стороны Советского Союза. СССР предоставил Северной Корее крупные кредиты, позволившие улучшить экономическую ситуацию.

В 1975 г. в стране была проведена очередная реформа в промышленности. В ее основных отраслях было произведено укрупнение предприятий и созданы промышленные объединения. По всей стране действовало шесть таких объединений: два металлургических (им. Ким Чака и Хванхэ), сталелитейное (Кансон), два химических (виналоновое и хыннамское) и одно электроэнергетическое (Пукчхан). По оценкам северокорейских специалистов, создание промышленных объединений способствовало укреплению кооперационных связей между предприятиями, повышению производительности труда и росту объемов производства. Судя по всему, на первых этапах укрупнение производств имело определенный экономический эффект. Однако слабая техническая оснащенность большинства промышленных объектов, перманентная напряженность на железнодорожном транспорте практически сводили на нет попытки решить проблемы промышленного производства путем организационных реформ.

Новый план экономического развития на 1971–1976 гг., одобренный на V съезде ТПК, хотя и не был выполнен, однако по ряду показателей экономика КНДР продвинулась вперед по сравнению с 1970 г. По

оценкам экспертов,^[43] производство электроэнергии достигло 28 млрд кВт · ч (в 1970 г. – 16,5), угля – 50 млн т (27,5), стали – 3,8 млн т (2,2), цемента – 7,5 млн т (4,0).

Естественно, северокорейская пропаганда связала эти успехи не с советской технической помощью и кредитами, а с политическими установками Ким Ир Сена, выдвинутыми на V съезде ТПК. Главной политической доктриной, предложенной Ким Ир Сеном на партийном форуме, были объявлены «три революции» – идеологическая, техническая и культурная. Причем, «идеологическая революция» трактовалась как «освобождение людей от пережитков старого общества, неравенства и кабалы», что, как утверждала северокорейская пропаганда, позволило народным массам проявить свои творческие способности, утвердить самостоятельность. Иными словами, установить «чучхейский» взгляд на окружающий мир. Под технической революцией в КНДР, согласно установкам Ким Ир Сена, понималось стирание различий между тяжелым и легким трудом, между промышленностью и сельским хозяйством, между физическим и умственным трудом, а также освобождение женщин от «бремени домашних забот» путем расширения сети магазинов, прачечных, детских садов, яслей и т. п.

Культурная революция, как отмечалось в партийных документах, должна привести к повышению общего образовательного уровня в стране, идеологическую основу которого должны непременно составлять «идеи чучхе», формированию национальной интеллигенции, повышению качества образования, открытию новых высших учебных заведений. К середине 1970-х гг. количество вузов в КНДР выросло до 200.

Начало 1970-х гг. в КНДР связывается также еще с одним знаменательным событием – выдвижением сына Ким Ир Сена Ким Чен Ира в качестве официального преемника и продолжателя «великого революционного дела чучхе».

Таким образом, в начале 1970-х гг. в КНДР завершилось формирование политического режима во главе с Ким Ир Сеном, что нашло свое высшее юридическое отражение в новой социалистической Конституции, принятой в декабре 1972 г. Основным закон КНДР придал юридический статус всем главным политическим установкам, сформулированным Ким Ир Сеном в 1960–1970-е гг. В частности, в Конституции северокорейское государство характеризуется как «революционная власть, унаследовавшая блестящие традиции, созданные в славной революционной борьбе против империалистических агрессоров». Особо выделяется положение о том, что в своей деятельности КНДР руководствуется «идеями чучхе» Трудовой партии Кореи, которые на том этапе именовались как «творческое применение марксизма-ленинизма к северокорейским реалиям». Установкам Ким Ир Сена о «методе Чхонсанри», движении Чхонлима, тэанской системе работы и др. был также придан высший правовой статус.

В Конституции подчеркиваются ведущая роль государственной собственности, плановый характер экономики КНДР, основные принципы планирования – унификация и детализация планов и т. д.

Конституция декларирует основные права и свободы граждан, а также их обязанности. Особо выделяется обязанность «повышать революционную бдительность в отношении происков империалистов и враждебных элементов всех мастей, выступающих против социалистического строя».

Основным закон 1972 г. коренным образом изменил структуру высших и местных органов власти. Был введен пост Президента КНДР с очень широкими полномочиями. Президентом был избран Ким Ир Сен. Центральный народный комитет (ЦНК) стал «высшим руководящим органом государственной власти». Фактически ЦНК сочетал в себе функции главы государства, госсвета и правительства. Руководителем ЦНК, по Конституции, являлся Президент КНДР. Административный совет (АС) выполнял исполнительные функции. Работой АС руководит глава государства и ЦНК.

На местах органами власти являлись народные собрания, местные народные комитеты и местные

административные комитеты.

Реформирование высших и местных органов власти было направлено на ужесточение административного контроля за всеми сферами экономической, политической и общественной жизни КНДР, *дальнейшее укрепление тоталитарной системы власти. Все это в КНДР называлось строительством «социализма корейского образца», или «чучхейского социализма».*

Глава II

Становление военно-бюрократического режима Юге. «Демократия корейского типа»

§ 1. Военный переворот 16 мая 1961 г

В зарубежной историографии антилисынмановское народное восстание весной 1960 г. нередко именуется как «апрельская революция». Согласиться с подобными утверждениями очень трудно, поскольку политическая, экономическая и информационная власть осталась в руках той же крупнобуржуазной группировки и армейской верхушки проамериканской ориентации. Тем не менее США, как основной спонсор и протекте одиозной лисынмановской власти, вынуждены были пойти на трансформацию и модернизацию сильно забуксовавшей системы.

При этом Вашингтон крайне тревожила «президентская чехарда». После позорного бегства Ли Сын Мана на посту и.о. президента РК побывали Хо Чжон (03.03–15.06.1960), Квак Санг Хун (15–26.06.1960), снова Хо Чжон (26.06–13.08.1960). Ни один из них не в состоянии был взять в свои руки эффективное управление бурлящей страной.

В дни апрельского восстания 1960 г. американский посол в Сеуле открыто отмежевывался от репрессивной политики Ли Сын Мана. Это окончательно оттолкнуло от Голубого дворца (резиденция Президента РК) главную опору режима – армию, в которой преобладало новое офицерство, прошедшее подготовку и переподготовку в военных академиях США. Под прямым давлением Вашингтона Национальное собрание утвердило 15 июня 1960 г. ряд конституционных нововведений по децентрализации власти. В их число вошло создание конституционного суда, ответственного кабинета министров, двухпалатного парламента, выборность губернаторов провинций и мэров городов, усиление контроля над силовыми структурами.

На выборах в новый парламент, экстренно проведенных 29 июля 1960 г., большинство мест в обеих палатах получила Демократическая партия (Минчжудан), основным политическим лозунгом которой была борьба с ненавистной народу лисынмановской диктатурой. Премьером правительства стал Чан Мён, а президентом избран Юн Бо Сон (1897–1990), популярный участник антияпонского сопротивления, один из членов Временного правительства Кореи, которое США упорно не признавали после освобождения страны.

1 октября 1960 г. на основе обновленной Конституции было обнародовано основание Второй Республики. Тем самым всячески подчеркивался переход к новым ценностям во внутренней и внешней политике страны. Однако патриотические и демократические силы не намерены были довольствоваться преобразованиями верхушечного характера. Они настойчиво требовали радикальных перемен и реальных акций, направленных на воссоединение разделенной нации. По всей стране проводились массовые митинги и демонстрации, возникали новые национально-патриотические партии и организации: Корейская социальная партия (Хангук сахведан), Социалистическая народная партия (Сахве минчжудан), Центральный комитет по самостоятельному объединению нации (Минчжок чачжу тхониль чунан вивонхве), Всеобщая лига движения за объединение родины на основе нейтралитета (Чунинхва чогук тхониль ундон чхонъёнмен) и др.

Оппозиционные партии и движения резко критиковали правящие верхи за провалы во внутренней и внешней политике, требовали социально ориентированных реформ, внедрения плановых начал в экономике, реальных шагов по сближению с Севером. За неполные 10 месяцев после апрельского восстания 1960 г. в стране произошло более 2 тыс. народных митингов и демонстраций. Оппозиция требовала срочного принятия закона об ответственности и ограничении прав чиновников прежней лисынмановской администрации, допустившей грубые нарушения закона.

Стихийное народное движение все отчетливее направлялось против иностранной зависимости, хозяйственной разрухи, инфляции, за проведение реальных реформ и поиск путей сближения с Севером, где ускоренными темпами и на плановой основе развивались экономика, образование, жилищное строительство, другие социальные сферы. Чтобы парализовать «опасные» контакты с Севером, остановить проникновение оттуда «подрывных элементов», правительство Чан Мёна в марте 1961 г. принимает два драконовских закона – Временный чрезвычайный антикоммунистический закон и Закон о контроле над демонстрациями, предусматривавшие уголовную ответственность за участие, а тем более организацию акций патриотического протеста.

Повышенную политическую активность после падения лисынмановской диктатуры стало играть студенчество, в рядах которого преобладали непривилегированные выходцы из рядов новых средних слоев (интеллигенции, служащих, низшего чиновничества, крестьян-арендаторов и т. п.). Их стихийная активность привела к созданию в октябре 1960 г. Лиги объединения нации (Минчжок тхониль ёнмэн), приступившей к сбору 1 млн подписей южан за скорейшее воссоединение с Севером. Одновременно руководство Лиги, обвинив кабинет Чан Мёна в бездействии, объявило о подготовке массового патриотического марша к Пханмунчжому в районе демилитаризованной зоны, чтобы провести прямые переговоры с представителем КНДР по вопросу о воссоединении. Начало народного марша было запланировано на 20 мая 1961 г. С призывом сеульской Лиги объединения нации солидаризировались многие студенческие и молодежные организации и движения других городов Юга. Однако в самый разгар подготовки этой крупной общеполитической акции на политическую сцену вышла совершенно новая сила – южнокорейская армия, точнее офицерство нового поколения. Его боевое и политическое ядро – Военно-революционный комитет (Кунса хёнмён вивонхве) 16 мая 1961 г., т. е. за 4 дня до начала марша мира и воссоединения на Пханмунчжом, наводнив столицу войсками, объявил о взятии всей полноты власти в стране в свои руки. Двое суток спустя состоялось последнее официальное заседание кабинета, на котором премьер Чан Мён официально объявил о передаче власти в стране Военно-революционному комитету. (Отставка безвластного Юн Бо Сона с поста президента состоялась позднее – 22 марта 1962 г.) Так завершилась недолгая история Второй республики и «увяли» хрупкие ростки южнокорейской демократии, появившиеся на волне «апрельской революции» 1960 года.

* * *

Стремительный выход южнокорейского офицерства на политическую авансцену вопреки мнению, распространенному среди некоторой части ученых-корееведов, не был случайным явлением. В 50–70-е гг. XX в. во многих странах Востока (Египет, Алжир, Пакистан, Индонезия, Бирма и др.) именно армия и прежде всего его офицерство как наиболее организованная, сплоченная и профессионально образованная сила путем военных переворотов принимала на себя ключевые функции по деколонизации и модернизации своих стран. Ни одна другая политическая сила правого или левого толка не в состоянии была в те годы эффективно выполнять эту задачу. Захватив власть, военные, как правило, достаточно эффективно откликнулись на остро назревшие проблемы нации и длительное время находились у руля государственного правления, меняя затем военные мундиры на гражданские одежды. И эту важную, хотя и

необычную для армии, можно сказать, уникальную невоенную функцию нового поколения военных освободившихся стран своевременно подметили в Вашингтоне. Под фасадом обеспечения «интересов национальной безопасности» в США в послевоенные годы разрабатывается и реализуется внушительная программа обучения и переподготовки офицерских кадров стран третьего мира.

И Южная Корея одной из первых вошла в эту программу стратегического значения. Политическое ядро сформированного Военно-революционного комитета составили выпускники американских военно-академических учебных заведений, получившие к тому же боевое крещение в сражениях Корейской войны 1950–1953 гг. И выдвигая их к рулю государственной машины правящие круги США были убеждены, что они делают беспроигрышную ставку. Новое офицерство, как правило, происходило из непривилегированных семей среднего класса и было лишено высокомерия и чванства, свойственных традиционной военной аристократии (типа военных из числа янбанов в Корее). Оно не было заражено антиамериканизмом, а, напротив, являлось ревностным поклонником заокеанского образа жизни. И во многом типичной в этом плане выглядит политическая биография южнокорейского основателя военно-бюрократического режима генерала Пак Чжон Хи.

Ко времени глубокого кризиса Второй республики и полного банкротства политического курса Чан Мёна – Юн Бо Сона Вашингтон располагал в Сеуле достаточно надежным кадровым резервом в лице новой военной элиты, вокруг которой усиленно создавался ореол прочной «надклассовой силы», сохраняющей верность высоким принципам конфуцианской и офицерской этики и способной подавить протекционизм, клановость, коррупцию и анархию гражданской администрации.

Действия военных мятежников поражают своей четкостью и последовательностью. Тайная офицерская организация в ВС РК возникла в начале 1960 г., т. е. еще в последние месяцы лисынмановского правления. В организацию вошли: зам. начальника штаба 2-й армии, генерал-майор сухопутных войск Пак Чжон Хи, генерал-майор морской пехоты Ким Дон Ха, подполковник Ким Джон Пхиль и некоторые другие. Организацию поддерживала немалая часть офицерского корпуса, недовольная засильем командиров, сделавших карьеру при Ли Сын Мане. Оппозиционно настроенные офицеры были встревожены планом кабинета Чан Мёна провести новое сокращение вооруженных сил до 400 тыс. чел., тогда как еще в 1958 г. в ней насчитывалось около 700 тыс. солдат и офицеров. Военный переворот был назначен вначале на 19 мая 1961 г. – годовщину «апрельской революции» 1960 г., но затем срочно перенесен на 16 мая, чтобы предотвратить объявленный на 20 мая марш студенчества и молодежи на Пханмунджом. Согласно версии, утвердившейся в южнокорейской историографии, Военно-революционный комитет своевременно «информировал» командующего «войсками ООН» в РК генерала Макгрудера, который вначале для прикрытия «осудил» переворот, но уже 20 мая, следуя директиве из Вашингтона, официально признал новую военную власть, правда, с пожеланием как можно быстрее восстановить в стране гражданское правление.

Официальное благословение со стороны Вашингтона было поворотным моментом в осуществлении военного мятежа. Непосредственно в перевороте 16 мая 1961 г. участвовало лишь 3,5 тысячи солдат и около 250 офицеров. Мятеж подняла расположенная в районе Кимпхо бригада морской пехоты, к которой присоединились 30-я и 33-я пехотные дивизии и подразделения ВДВ. К 3 часам ночи путчисты подошли к центру Сеула и практически без боя овладели стратегическими объектами столицы – главпочтамтом и телеграфом, радиостанцией, издательствами и типографиями, правительственными зданиями. В 5 часов утра глава ВРК, начальник штаба сухопутных войск Чан До Ён и его заместитель генерал Пак Чжон Хи сделали первое заявление, из которого следовало, что армия отстраняет беспомощное и бездарное гражданское правительство Чан Мёна и берет в свои руки всю полноту власти. В качестве первоочередных задач военного режима провозглашались: возрождение национальной экономики, искоренение коммунизма, национальное воссоединение.

Получив информацию о военном перевороте, премьер Чан Мён укрылся в женском монастыре, откуда официально объявил о своей отставке в пользу военных. Затем и президент Юн Бо Сон издал свой последний декрет: не противодействовать акциям ВРК. Это была окончательная победа военного переворота, поддержанная в конечном итоге всеми вооруженными силами. Верховным органом власти был провозглашен созданный на базе ВРК Высший совет государственной реконструкции (ВСГР).

6 июля 1961 г. Высший совет государственной реконструкции издал Закон о временных чрезвычайных мерах по реконструкции государства, на основе которого основные министерские функции (в области экономики, финансов, образования и др.) передавались 7 специальным подкомиссиям, в состав которых вошли в основном представители военной элиты. Вслед за этим было создано Центральное разведывательное управление (по аналогии с американским ЦРУ), учреждены «революционные суды», перед которыми предстали должностные лица прежней администрации, обвиненные в злодейском расстреле участников Апрельской революции 1960 г. Военные существенно ограничили деятельность старых политических партий – Либеральной, Демократической, Новой демократической. В ходе этих реформ резко обостряется борьба за власть внутри самой военной хунты. 2 июля 1961 г. внезапно подали в отставку глава ВРК генерал Чан До Ён и группа его сторонников. Вслед за этим они были арестованы и преданы суду за попытку совершить покушение на Пак Чжон Хи. С этого времени председателем ВРК с практически неограниченными полномочиями становится сам Пак Чжон Хи. Сформулированная под его диктовку конституционная реформа предусматривала: а) введение сильной власти президента, избираемого прямым голосованием; б) формирование однопалатного парламента с ограниченными функциями; в) проведение всенародного референдума по вопросам конституционных поправок. 17 декабря 1962 г. новая версия Конституции РК прошла референдум, и перед Пак Чжон Хи открылась возможность сменить военный мундир на гражданское платье. С 1 января 1963 г. в стране возобновили деятельность политические партии.

Биографы Пак Чжон Хи почти единодушны в том, что он был далеко не ординарной личностью. Правда в его облике не было внешне ничего харизматического: ниже среднего роста, худощавый, редко смотрел открыто в глаза собеседнику, предпочитал носить затемненные очки, сдержанный в общении с другими людьми. Но эти слабости или минусы с лихвой перекрывались его сильным внутренним духом, природным пуританизмом и самоограничением. Среди корейцев ходили слухи о том, что их военный лидер в период острого продовольственного дефицита питался рисовой кашей, смешанной с просом, и такой же рацион предлагал ввести при раздаче школьных завтраков по всей стране. Пак Чжон Хи не скрывал своего презрения к роскоши и сверхбогатствам, запретив членам своей семьи и родственникам влезать в дела большого бизнеса, а женам олигархов и высоких сановников появляться на официальных приемах в дорогих украшениях. Так постепенно в общественном мнении Юга сложился образ весьма сурового, жесткого, но честного, правдивого и трудолюбивого правителя, которому удалось пережить не одну политическую бурю и оставаться на вершине власти целых 18 лет. И отнюдь не случайно, социологические опросы, проведенные в Сеуле много лет спустя – в марте 1995 г., – показали, что более 2 /3 респондентов считают Пак Чжон Хи «самым выдающимся государственным деятелем» со времени создания Республики Корея.

Речи, статьи, другие выступления Пак Чжон Хи, вошедшие в многотомные издания, пользуются в Южной Корее и сегодня большой популярностью, поскольку в них затрагиваются самые сокровенные чаяния неоиндустриального прорыва общества в будущее – необходимость максимальной мобилизации созидательных сил, разумного синтеза традиционализма и западного опыта, утверждения «корейизированной демократии» во главе с сильным и авторитетным общенациональным лидером.

§ 2. У истоков «южнокорейского экономического чуда»

Политическая перестройка оказалась самой сложной и напряженной сферой «военной революции»: янбанско-националистическая бюрократия, выросшая как на дрожжах в годы лисынмановского правления, всеми силами стремилась сохранить свои позиции и привилегии. Но Пак Чжон Хи отверг полумеры. В марте 1962 г. Высший совет государственной реконструкции принял специальный Закон об упорядочении политической деятельности, по которому многие бывшие сановники прежнего режима, обвиненные в казнокрадстве, коррупции, произволе, других преступлениях, были отстранены от политической деятельности. Эта акция была равносильна политическому перевороту, закрепившему переход власти в стране из рук янбанско-компрадорских кланов под контроль новой буржуазной военной элиты.

Железной рукой военная хунта стала наводить правопорядок. Активисты левых организаций были арестованы или вынуждены скрываться в подполье. Перестали издаваться около 1170 периодических изданий, не имевших своей типографской базы. Военные власти запретили деятельность политических партий и общественных организаций. С государственной службы было уволено около 40 тыс. чиновников, не выдержавших ревизорских проверок. Ощутимый удар был нанесен и по криминалу. Лидеры организованной преступности и уголовники (около 12 тыс. чел.), схваченные во время военно-полицейских облав, были арестованы, закованы в наручники и проведены, подобно военнопленным, по улицам Сеула. Были закрыты многочисленные бары, кафе и кинотеатры – «разносчики аморального поведения». «Революционные суды» проводили конфискации имущества наиболее злостных коррупционеров. Решением новой власти были заблокированы счета ряда частных банков, связанных с незаконными финансово-денежными операциями. Был нанесен удар и по чэболям, включая знаменитый «Самсунг», стремительно разбогатевший в годы лисынмановского правления. Но здесь не обошлось без компромисса: основатель и владелец этой корпорации Ли Бьонг Чуль, уплатив штраф в 3 млн долл. за неуплату налогов, с еще большим размахом развернул свой бизнес в стране и за рубежом. Народ одобрял акции военного режима, что имело очень важное значение в связи с подготовкой к президентским выборам.

В феврале 1963 г. под эгидой военной хунты создается Демократическая республиканская партия (Минчжу конхвадан), а в августе того же года Пак Чжон Хи, объявив формально об уходе с воинской службы, вступает в ее ряды и тут же становится лидером партии, а стало быть кандидатом от нее на пост президента. Основным соперником Демократической республиканской партии стала Партия демократического правления (Минджудан), состоящая в основном из бывших членов Демократической партии, во главе с бывшим президентом Юн Бо Соном. На президентских выборах, состоявшихся 15 октября 1963 г., Пак Чжон Хи получил 4,7 млн, его основной соперник Юн Бо Сон 4,5 млн голосов. Итоги президентских выборов показали, что военные не обладают абсолютным превосходством в общем балансе политических сил в стране. Программа Минджудан, выступившей под лозунгами отказа от военного правления, внедрения свободы, демократии, ускоренного социально-экономического развития, пользовалась немалой поддержкой в обществе.

17 декабря 1963 г. в Сеуле было объявлено о переходе на основе дополненной Конституции и новых выборов президента к Третьей республике. Обладая ореолом честного и последовательного реформатора, Пак Чжон Хи без особых усилий выиграл вторые президентские выборы в мае 1967 г. На этот раз за него было подано 51,4 % голосов, а за кандидата от оппозиции – Юн Бо Сона – 41 %, или на 1 млн голосов меньше. Согласно положению Конституции Пак Чжон Хи мог занимать президентское кресло лишь два раза подряд. Но за 2 года до очередных президентских выборов ему удалось провести через парламент

проект резолюции о проведении в стране референдума по конституционной поправке, отменяющей ограничение президентских полномочий двумя сроками. Как и следовало ожидать, на референдуме за новую редакцию Конституции высказалось 65,1 % голосовавших. В апреле 1971 г. состоялись третьи президентские выборы, на которых Пак Чжон Хи получил 53,2 % голосов. Вместе с тем его основной соперник – лидер демократической оппозиции Ким Дэ Чжун, впервые вышедший на политическую авансцену, набрал 45,3 % голосов, что стало вдохновляющим событием для антимилитаристских сил и предвестником грядущего обострения политической конфронтации в стране.

Победа Пак Чжон Хи на третьих президентских выборах (1971) отнюдь не означала, что он обеспечил стабильную и надежную социально-политическую базу для реформирования общества. Демократическая оппозиция уверенно набирала силу, и только фракционные распри в ее рядах мешали ей выступить более эффективно. Не без влияния экономических и социально-культурных достижений Севера в стране нарастало движение радикального студенчества и молодежи, хотя силовым структурам РК еще в 1968 г. удалось ликвидировать в Сеульском университете нелегальную организацию пропхеньянской ориентации. Недовольство политикой военных реформаторов проявляли многочисленные бывшие гражданские и военные чины, уволенные с государственной службы. Но и в рядах самой военной элиты не было необходимого взаимопонимания по вопросам национальной модернизации, что создавало реальную угрозу пробуксовки реформ. Среди военной элиты не было единства и по вопросам сближения с КНДР, нашедших отражение в Совместном заявлении Севера и Юга от 4 июля 1972 г. (см. подробнее гл. III).

В такой критической ситуации 17 октября 1972 г. Пак Чжон Хи неожиданно для политической элиты предпринял при опоре на армию упреждающий шаг, равноценный очередному дворцовому перевороту. Выступая по радио, он объявил своим декретом о роспуске Национального собрания, замораживании деятельности всех без исключения политических партий. Вся полнота государственной власти переходила в руки Чрезвычайного государственного собрания (Писан кунму хвей), которому поручалось выработать новые поправки к Конституции страны. Последующие политические события развивались еще более стремительными темпами. В соответствии с проектом конституционных поправок отменялась прямая и вводилась косвенная система выбора президента (некий аналог северокорейской модели) заново созданным институтом – Объединенным самостоятельным гражданским собранием (Тхониль чучхе кунмин хвей). В его формировании могли участвовать только отдельные граждане на индивидуальной основе. (Такого удара по партийной бюрократии не наносил ни один другой правитель государства.) При выборах в законодательный орган – Национальное собрание не менее 1 /3 кандидатов выдвигались президентской стороной. Наконец, президент РК избирался на 6 лет и неограниченное количество раз, т. е. становился по существу пожизненным правителем.

Выборы президента РК на основе новой Конституции состоялись в декабре 1972 г. Следуя наработанным традициям авторитарных режимов, Объединенное самостоятельное гражданское собрание выдвинуло на пост президента единственного кандидата – Пак Чжон Хи, за которого проголосовало почти 100 % депутатов собрания (2357 депутата «за», 2 – недействительны и «против» – 0). Новый Основной закон РК получил название Конституции «юсин», что в переводе с иероглифического письма означает Конституция реформ. Конституция «юсин» объявила о переходе Южной Кореи к Четвертой Республике и введении в стране т. н. «демократии корейского типа», которая сыграла весьма заметную, хотя и противоречивую роль в южнокорейской истории 70-х – 80-х гг. XX в.

§ 3. «Авторитарная модернизация» в действии

На всем протяжении становления военно-бюрократического режима Пак Чжон Хи прослеживается одна важная закономерность – радикальные политические реформы как бы упреждали экономические и социальные преобразования или же развертывались в определенной синхронизации. Четвертая Республика Пак Чжон Хи была наиболее жестким и суровым типом военно-авторитарного режима, который к этому времени установился в целом ряде освободившихся стран Востока. Военная хунта была убеждена в том, что оптимальная мобилизация национального потенциала возможна лишь при максимальном «завинчивании гаек». Отсюда – подавление оппозиции административными ресурсами, смертные приговоры в невоенное время, строгий запрет критики Конституции или правящего режима, закрытие университетов, запрещение любых собраний населения (кроме свадебных и похоронных церемоний), тотальный контроль над СМИ, создание специальных групп по поимке повсюду (даже за пределами страны в эмиграции) «национальных предателей», запрет стачек и крестьянских выступлений, жестокие приговоры военных судов в отношении студенческих, профсоюзных и даже религиозных организаций. В годы Четвертой республики в тюрьмы было брошено более 20 тыс. критиков режима. Многие деятели демократической оппозиции (как, например, Ким Дэ Чжун) вынуждены были скрываться в эмиграции.

Сочетание жесткого авторитаризма в политике и модернизации в постколониальном обществе рядом исследователей политической науки в России было охарактеризовано как своего рода «просвещенный авторитаризм», или «авторитаризм модернизации». Согласиться с такого рода оценками можно, но лишь с большой оговоркой, ибо возникает другой ключевой вопрос о социальной цене модернизации, которая не может достигаться любой ценой, за счет невероятных жертв и наступления на права человека.

Правда, в отличие от политической сферы, в области экономической стратегии военная хунта действовала более гибкими методами и средствами, максимально опираясь не на внеэкономическое принуждение, а на рыночные рычаги. Исследователи «южнокорейского экономического чуда» обычно выделяют в ней следующие наиболее важные особенности: во-первых, государственное регулирование экономики; во-вторых, неоиндустриальную перестройку народного хозяйства; в-третьих, всемерную ориентацию на выпуск экспортной продукции; в-четвертых, соединение индустриальной революции с «зеленой революцией» и, наконец, в-пятых, выработку национальной идеи на основе концепции «юсин».

Государственно-капиталистическое регулирование с опорой на элементы перспективного планирования и законы рынка составили фундаментальную основу экономической стратегии военных реформаторов. В 1962 г. в РК создается Управление экономического планирования (УЭП), в состав которого были приглашены специалисты самого высокого уровня. Разумеется, южнокорейское планирование существенно отличалось от систем планового директивного хозяйства в СССР или КНДР. УЭП разрабатывал и доводил до всех секторов экономики стратегические задания, выполнение которых стимулировалось путем финансовой поддержки и других льгот. УЭП как совещательный орган не вмешивался в конкретную хозяйственную деятельность предприятий, контролируя с помощью рыночных, налоговых, монетарных, ценовых и иных рычагов выполнение плановых заданий и качество продукции.

Ключевую роль в его структуре играли: Бюро генерального планирования; Бюро мобилизации материальных ресурсов (взаимодействующее с министерством строительства); Бюджетное бюро (взаимодействовало с минфином); Статистическое бюро (взаимодействовало с министерством иностранных дел и внешней торговли). Выполняя под контролем президента РК функции разработки, координации и регулирования всего народно-хозяйственного развития, УЭП взял под свой контроль движение новых инвестиций, в т. ч. иностранных, а также направление основных рыночных товарных

потоков. Глава УЭП действовал в ранге заместителя премьер-министра и нес главную ответственность перед президентом за экономику, финансы, перераспределение кредитов, лицензирование и другие ключевые сферы народного хозяйства.

Другим важным рычагом государственного регулирования народно-хозяйственного развития стал созданный еще при Ли Сын Мане Корейский банк. Пак Чжон Хи после прихода к власти провел своего рода финансовую реформу, в результате чего акционерный капитал частных коммерческих банков оказался под контролем правительства. Для более эффективного воздействия на экономическое развитие государства создается целая система специализированных вспомогательных банков, в т. ч. Национальная федерация сельхозкооперативов, Корейский валютный банк, Корейский жилищный банк, Национальная федерация рыболовецких кооперативов, Банк малого и среднего бизнеса, Национальный банк для граждан, Национальный банк животноводческих кооперативов и др. Именно через эту банковскую систему государственные кредиты поступали в поддержку программ ускоренного подъема различных отраслей народного хозяйства.

Наряду с государственными банковскими структурами поощрялось развитие частных небанковских кредитных учреждений, среди которых наиболее заметную роль играли Корейский банк долгосрочного кредитования, Экспортно-импортный банк и другие инвестиционно-финансовые компании, осуществлявшие мобилизацию частных ресурсов на цели развития.

Система госрегулирования широко поощряла деятельность государственных корпораций, создаваемых в решающих сферах народного хозяйства: Корейская электрическая компания (1961), Корейская компания шоссейных дорог (1969), Корейская газовая компания и др. Подобные структуры, к которым позднее были подключены предприятия военно-промышленного комплекса, составили довольно сильный государственно-капиталистический сектор, который еще более усиливал регулирующую роль государства во всем народнохозяйственном развитии.

В целях мобилизации ресурсов из-за рубежа Пак Чжон Хи провел через Национальное собрание ряд законов, существенно стимулирующих приток в страну иностранных инвестиций. Так, Закон о привлечении иностранного капитала, принятый 3 августа 1966 г., предоставлял внешним инвесторам полное освобождение от налогов в первые пять лет их предпринимательской деятельности. Государство объявило себя также гарантом иностранной собственности, включая задолженность компаний по международным кредитам.

Глава государства Пак Чжон Хи, как свидетельствуют его биографы, имея лишь профессиональное военное образование, обладал поразительным чувством рационализма и интуиции в подходе к социально-экономическим проблемам страны. Он постоянно контролировал и направлял работу Управления экономического планирования, чутко прислушивался к советам профессиональных специалистов и каждую неделю лично посещал ключевые объекты, где нередко на месте разрешал сложные, почти тупиковые проблемы. (Среди южнокорейцев ходит такая легенда: Пак Чжон Хи «заболел» идеей плановой экономики после 1961 г., когда Ким Ир Сен прислал ему в подарок красочный и выразительный фильм о плановой индустриально-аграрной экономике КНДР, которая заметно опережала тогда РК по всем народно-хозяйственным показателям. После просмотра фильма Пак Чжон Хи сказал: «Мы все это сделаем еще лучше!»)

Государственно-капиталистическое регулирование при опоре на рынок стало главным инструментом Пак Чжон Хи в развертывании неоиндустриальной революции или точнее в создании многоотраслевого народно-хозяйственного комплекса с завершенным циклом воспроизводства на основе движения от простого к сложному (легкая промышленность – тяжелая индустрия и далее к инновационной технологии).

Реалистически определить сценарии неоиндустриальной революции в начале 60-х гг., когда в стране

все еще сохранялись руины войны 1950–1953 гг., было не так просто. Но у военных реформаторов не было тогда иного выхода. С чего начать и как оживить производство в условиях, когда нет сырья и полуфабрикатов, нет емкого внутреннего рынка, но есть огромная и все нарастающая масса рабочей силы? Предлагались самые разные варианты, но Пак Чжон Хи выбрал один: осуществить форсированный подъем легкой промышленности, не требующей крупных капитальных вложений и коренного обновления промышленной базы, с тем чтобы оживить производство, создать новые рабочие места, прорваться на мировой рынок. И результаты этой экономической стратегии оказались поистине поразительными. Именно на базе подъема легкой индустрии рост валового национального продукта (ВНП) составил уже в первой пятилетке (1962–1966) 7,8 %, а в легкой промышленности еще выше – 15,1 %. Интенсивному подъему легкой промышленности сопутствовало улучшение продовольственного обеспечения, жилищных условий, системы образования и здравоохранения.

Успех первого пятилетнего плана, в реальность которого многие в Южной Корее мало верили, буквально окрылил новую власть. Уделяя по-прежнему приоритетное внимание легкой индустрии, обеспечивающей солидные накопления капитала, Управление экономического планирования переносит акцент на развитие в стране современной металлургической, машиностроительной и химической промышленности, электроэнергетики, создание надежных основ новой технологии, отвечающих требованиям научно-технической революции. Бесплодные дискуссии о том, нужна или нет Южной Корее тяжелая промышленность, Пак Чжон Хи пресек путем административного ресурса. Отвечая тем, кто опасался низкой рентабельности в отрасли первого подразделения, глава государства образно говорил, что тяжпром – это «сердце корейской промышленности» и имеет такое же значение для корейцев, как, например, сооружение знаменитой Асуанской гидроэлектростанции в Египте на реке Нил.

Как и в первом пятилетнем плане, солидное место во второй пятилетке занял «человеческий фактор» (повышение душевого дохода, стимулирование рождаемости, подготовка кадров). В итоге второй пятилетки (1967–1971) удельный вес тяжелой индустрии достиг 1 /3 от общего объема промышленного производства, а среднегодовой прирост ВНП составил 9,7 %, на 2,7 % превысив плановые установки. Вместе с тем задания по самообеспечению продовольствием не были выполнены, что повлекло за собой значительное возрастание импорта зерна и других видов продовольствия.

Скачкообразный подъем не мог не привести к серьезным диспропорциям и противоречиям. К концу третьей пятилетки (1972–1976) Южная Корея вышла в число ведущих мировых производителей морских судов. Причем южнокорейцы спускали на воду, например, гигантские нефтеналивные танкеры на полгода-год раньше, чем это делалось на верфях Германии и Голландии, оснащая построенные суда новейшим навигационным оборудованием со спутниковой связью. В то же время форсированная неоиндустриализация породила и ряд техногенных издержек. Экология небольшой страны оказалась перегруженной производственными отходами. В реках, из которых недавно брали питьевую воду, косяками плаваладохлая рыба. Возникла необходимость срочно изыскивать дополнительные ассигнования на природоохранные акции.

В целом же третий пятилетний план (1972–1976) стал периодом сложных и тяжелых испытаний и проблем для военных реформаторов. Эти проблемы были обусловлены, прежде всего, неблагоприятной мировой конъюнктурой в результате почти четырехкратного повышения цен на нефть в 1973–1974 гг. и резкого обострения товарного дефицита. Рост цен на импортируемое зерно вызвал новую перегрузку бюджетных расходов. Появились серьезные сбои в функционировании легкой промышленности, продукция которой наталкивалась на все более острую конкуренцию на мировом рынке. Рост цен, наплыв валютных переводов от рабочих и служащих фирм, действующих за рубежом, субсидии в аграрном секторе на закупку продовольствия и др. акции стремительно увеличивали денежную массу, создавая угрозу финансово-экономического дефолта.

Чтобы противодействовать опасному давлению стихийных рыночных процессов, правительство вновь вынуждено было корректировать свою экономическую политику. Государство постепенно отходит от тотального контроля и регулирования всей банковской системы, стремится перейти от зарубежных займов к привлечению иностранных инвестиций, добивается от чэболей разукрупнения и большей открытости, а в плановые установки вносятся новые задания по форсированному замещению импорта внутринациональным производством. Одновременно в структуру внешней торговли включаются показатели, которые стимулируют экспорт технологически сложной продукции (химической, машиностроительной, электронной и других отраслей) с более высокой добавленной стоимостью.

Для реализации этой обновленной экономической политики был взят курс на оптимальную мобилизацию не только корпоративного капитала, но и накоплений отдельных граждан. В 1973 г. для финансирования Плана развития тяжелой и химической промышленности учреждается Национальный инвестиционный фонд, в который кроме государственного капитала вошли средства, накопленные пенсионными фондами, а также личные сбережения граждан, хранившиеся до этого на обычных банковских счетах.

Немалую, можно сказать ведущую, роль в освоении новых капиталоемких и технологически сложных производств играли финансово-промышленные группы – чэболи. (Поэтому нередко южнокорейскую индустриализацию отождествляют с развернутой чэболизацией страны.) Именно на эти хорошо структурированные концерны Управление экономического планирования возлагает форсированное развитие металлургии, машиностроения, химии, электроэнергетики, капитального строительства не только на родине, но и в зарубежных филиалах. Как уже отмечалось в предыдущем разделе, чэболи впервые всерьез заявили о себе еще при правлении Ли Сын Мана. Но только неоиндустриальная стратегия открыла им «зеленую улицу». Причем наиболее крупным из них («Самсунг», «Хёндэ», «Лаки Голдстар», «Хан Чжин» и др.) пришлось на основе плановых установок УЭП на 180 градусов обновлять свою прежнюю специализацию. Так, корпорация «Ссанъён», один из монополистов текстильного производства 50-х гг., в годы президентства Пак Чжон Хи успешно осваивает производство цемента, нефтепереработку, морские перевозки и другие нетрадиционные для нее отрасли. Уже упоминавшаяся выше корпорация «Хёндэ» получает в годы правления Пак Чжон Хи крупные подряды по восстановлению мостов и капитальному строительству не только в стране, но и за рубежом – в Юго-Восточной Азии и Ближнем Востоке. (В последующие годы именно чэболи станут пионерами в освоении на мировом уровне таких производств, как электроника, приборостроение, автомобилестроение и др.) Не вмешиваясь в сферы внутрипроизводственной деятельности финансово-промышленных групп (ФПГ), государство осуществляло довольно жесткий финансовый и технологический контроль над ними, не допуская сверхмонополизации и расширяя постепенно сферу их акционирования. Невыполнение производственных установок УЭП, а тем более всевозможные махинации с кредитами, уклонение от налогов влекли за собой суровые государственные санкции. Так, в 1973 г. государство ликвидировало крупную корпорацию «Сампхо», занимавшую по размерам капитала и объему продаж вторую после «Самсунга» ступень в рейтинге южнокорейских чэболей.

Еще одна важная особенность неоиндустриальной экономической стратегии военных реформаторов – это концентрация усилий всех отраслей национального производства на выпуске конкурентоспособной продукции для экспорта и форсированное подключение таким путем к мировому воспроизводственному процессу.

Высокое качество товара, отвечающее мировым стандартам, – светлая мечта любого производителя. Но как ее решить в малоразвитой постколониальной стране, тем более что даже некоторые крупные государства десятилетиями в попытке расширить производство на экспорт топчутся на месте. Было очевидно, что только одни административные рычаги не принесут пользы. И здесь военные реформаторы

вновь обратились к потенциалу рыночного механизма. Прибыли от экспорта были освобождены от корпоративного и подоходного налога. Не уплачивался также налог с оборота от валовой внешнеторговой выручки. Крупные льготы (вплоть до полного освобождения от пошлин) предоставлялись импортерам нового оборудования. В интересах стимулирования экспорта поощрялся высококвалифицированный, качественный труд. Одобрялись закупки заграничных лицензий (особенно в Японии и США), наконец, принимались меры для непрерывного повышения производственной квалификации работников.

Общеизвестно, что конкурентоспособность любого товара на мировом рынке определяется довольно несложной формулой: «цена – качество». И здесь во всей полноте раскрывается обратная сторона «южнокорейского экономического чуда». Многие миллионы людей, пришедшие в индустриальные центры из бедствующих деревень, обладая в лучшем случае лишь начальным образованием и не располагая социальным опытом, становятся объектом сверхжесткой капиталистической эксплуатации. Их заработная плата годами находилась на предельно низком уровне (в 2–3 раза ниже, чем в соседней Японии), что, естественно, позволяло максимально снижать издержки производства и продавать товары на внешних рынках по демпинговым ценам. В годы неоиндустриального прорыва Южная Корея относилась к тем немногим странам, где была самая продолжительная трудовая неделя (52,3 часа). Профсоюзы не имели права выражать политические интересы рабочих и служащих. Участие в стачках и забастовках приравнивалось (по чрезвычайному декрету 1971 г.) к уголовно наказуемому преступлению. Такой большой социальной ценой народ оплачивал «экономическое чудо» и неоиндустриальный переворот.

Ориентация на форсированное развитие экспортного сектора дала результаты уже в первой пятилетке. Среднегодовой рост внешней торговли (в основном товаров легкой промышленности) составил 29,2 %. Столь высокие темпы роста южнокорейского экспорта сохранились в целом и во второй пятилетке – 28,7 %. К этому времени (1968) Южная Корея по темпам валового прироста промышленного производства обогнала бурно развивающуюся до этого КНДР. Становление экспортной модели южнокорейского неоиндустриального комплекса означало, что страна прочно и надежно завоевала свою нишу в структуре мирового капиталистического хозяйства.

§ 4. Движение за новую деревню («Сэмаиль ундон»)

Важная составная часть экономической стратегии военно-бюрократического режима – Движение за новую общину или деревню (Сэмаиль ундон). Датой ее начала считается день 22 апреля 1970 г., когда Пак Чжон Хи, выступая на совещании провинциальных чиновников, впервые изложил свою концепцию радикального обновления родного края. Призыв президента был обусловлен нарастающей пропастью между городом и деревней. Аграрная реформа лисынмановского режима, повлекшая за собой ликвидацию феодально-помещичьего землевладения в пользу частно-крестьянского, фермерского хозяйства, хотя и была заметным сдвигом в аграрных отношениях, не устранила вопиющей отсталости деревни, где проживало две трети населения РК. Неуклонно снижался удельный вес аграрного сектора в продовольственном обеспечении страны. Ускоренная индустриализация оттягивала в города крупные массы населения, оставляя сельские районы без необходимой рабочей силы. Крайне примитивными были социально-бытовые условия жизни крестьян, обитавших в глинобитных мазанках с соломенной крышей, подчас без водопроводной воды, электричества, средств коммуникации.

Но как в короткие сроки поднять деревню до современного уровня, если подобная проблема не решается десятилетиями даже в более крупных и состоятельных государствах? В поисках ответа на этот вопрос военные революционеры приходят к выводу о необходимости соединения в одном русле трех рычагов: рыночных механизмов, государственного кредитования и традиционных крестьянских ценностей – солидарности и взаимопомощи. Однако реализовать на практике данную программу оказалось не так просто. Подавляющая масса сельчан находилась в плену вековых традиций косности и неверия в лучшие времена. Это хорошо знал сам глава государства, пришедший к вершинам власти от деревянной сохи. Именно доскональное знание простых деревенских нужд позволило Пак Чжон Хи выстроить такую программу модернизации села, которую не мог оспорить или поставить под сомнение ни один оппозиционер.

На основе тщательных обследований власти списывают ростовщические долги, существенно повышают закупочные цены, поставляют на льготных условиях высокоурожайные семена и удобрения. Особое внимание уделяется проектам общинного значения, модернизации ирригационных сооружений, строительству общественных зданий, ремонту и прокладке дорог и других коммуникаций. Однако вскоре выяснилось, что подавляющее большинство сельских старост, как правило, из числа местных богачей, не могут или скорее не хотят проводить в жизнь программу Сэмаиль ундон. Несмотря на энергичные усилия властей и значительные финансовые затраты, только в 16 тыс. деревнях, т. е. примерно половине от общего числа в 33267 сельских селений, наметились некоторые сдвиги. И тогда военные власти принимают решение о проведении своеобразной «кадровой революции» на селе. За счет госбюджета в городе Сувоне создается Институт по подготовке лидеров движения, который известен также как Академия руководителей новой деревни. Тысячи слушателей, в основном из числа молодых крестьянских активистов, а также бывших военнослужащих, вышедших из сельской местности, в короткий срок осваивают программы сельского труда, кооперации, государственной экономической политики. После окончания учебы выпускники курсов назначаются на должности сельских администраторов. Курсы повышения аграрной квалификации пришлось пройти и многим государственным чиновникам вплоть до министров. Во всех структурах власти на уровне провинций, области, округа, уезда были созданы комитеты содействия движению за новую деревню (Сэмаиль ундон хебыйхве). Затем аналогичные структуры были созданы в министерстве внутренних дел, министерстве торговли и промышленности, министерстве

образования. Одновременно дочь Пак Чжон Хи – Пак Кын Хе развернула массовую правительственную программу Движение за новую деревню (Сэмаиль ундон), направленную на возрождение лучших традиционных ценностей нации.

Позитивные плоды Движения за новую деревню превзошли самые оптимистические ожидания. Разумеется, Сэмаиль ундон не могло ослабить, а тем более устранить острого крестьянского малоземелья, но реформа привнесла в аграрный сектор многие достижения «зеленой революции», механизацию труда, подняла на новый уровень различные традиционные формы крестьянской кооперации и взаимопомощи. Если в 1965 г. средний доход крестьянской семьи составлял всего 423 долл., то к 1971 г. он вырос до 1025 долл., а к 1977 г. достиг 2960 долл. Иными словами, только за 12 лет уровень крестьянского благосостояния увеличился примерно на 700 %.

Те, кому довелось побывать в южнокорейской деревне до и после проведения Сэмаиль ундон, не верили своим глазам. На месте жалких глинобитных хижин с камышовым покрытием были воздвигнуты добротные каменные дома с черепичной крышей, а там, где прежде, утопая в грязи, могла пройти крестьянская повозка, проложены современные асфальтированные дороги. В деревни повсеместно пришли электричество, газ, школы и больницы, другие социально-культурные объекты. Только по программе третьей пятилетки (1972–1976) государство инвестировало в подъем села 2 трлн вон, которые принесли не только прямой, но и косвенный экономический эффект. Быстрый рост покупательной способности села на строительные материалы, сельхозмашины, удобрения, бытовую технику стал сильным дополнительным стимулом бурного промышленного роста, превращения Южной Кореи в одну из высокоразвитых индустриально-аграрных государств мира.

§ 5. Система «юсин» в политической культуре Юга Кореи

Еще одна важная особенность «военной революции» Пак Чжон Хи тесно связана с выработкой упомянутой ранее доктриной «юсин», в которой органически синтезированы национальные традиции корейского этноса и интегристские и мобилизационные элементы иностранной, прежде всего, японской и американской, политической культуры. После второго военного переворота в октябре 1972 г. Пак Чжон Хи не случайно стал именовать обновленный текст Основного закона – Конституцией «юсин». Как отметил российский исследователь С. О. Курбанов, это понятие заимствовано из японской лексики и является синонимом слова «исин» (революция, реставрация, реформы). «Юсин» в написании передается теми же двумя иероглифами, как и «исин», и, возрождая его на новой основе, Пак Чжон Хи стремился провести некое тождество между великими реформами Мэйдзи, положившими начало буржуазному перевороту в Японии и «военной революцией» в Корее.

Завуалированное обращение лидеров «военной революции» к мировому опыту Японии, о чем не очень любят говорить в Южной Корее, логически вытекало из политической биографии самого Пак Чжон Хи. В отличие от сверстников своего поколения он, как отмечалось выше, не только не стал активным участником антияпонского патриотического сопротивления, но добровольно пошел служить в армию метрополии, которая была жестоким орудием порабощения его нации. В период своего профессионального военного формирования Пак Чжон Хи не перестал поклоняться культу авторитарной власти, солидаризму и сплоченности японцев, их высокому уровню национальной самоидентификации, т. е. всему тому, чего явно недоставало в те годы самим корейцам. Отсюда его определение системы «юсин» как оригинального и творческого учения, которое направлено на полное устранение зависимости и неравноправия в международных отношениях, возвращение корейцам подлинной инициативы и ответственности. «"Юсин", – отмечал Пак Чжон Хи, – это творческое проявление национальной воли для создания стабильности, процветания и новой истории, объединения на основе нашего великого самосознания, которое мы вновь обретем». Надо сказать, что риторика Пак Чжон Хи в значительной степени напоминала то, что говорилось об идеях «чучхе» на Севере Кореи, только, естественно, без коммунистической окраски.

Настойчиво призывая граждан страны обратить свои взоры к уникальным национальным истокам, Пак Чжон Хи (подобно лидерам КНДР) не мог не пойти на идеализацию и романтизацию исторического прошлого страны. В его устах мифический основатель древнекорейской государственности Тангун всегда изображался как реальная историческая личность, правление которого достойно высокого подражания. Из этих же мотивов военные руководители исходили при сооружении многочисленных мемориальных храмов и памятников историческим деятелям прошлого. Особое почтение оказывалось адмиралу Ли Сун Сину, который представлялся высшим эталоном великого флотоводца и государственного мужа, с которого надо брать пример всем корейцам нынешнего поколения.

Система «юсин» настойчиво требовала от государственных чиновников возврата к лучшим конфуцианским ценностям, непрерывной выработки в себе трудолюбия, дисциплины, честности и преданности государству и семейно-родовому клану. В своих трудах «Путь нашей нации» (1962) и «Государство, революция и Я» (1963) и других публикациях Пак Чжон Хи связывал трагические слабости государственной власти Кореи в прошлом, прежде всего, с отходом от этих высоких принципов. Отсюда всяческое подчеркивание им роли государственной мощи и политической централизации для процветания нации на базе «демократии корейского типа». Разумеется, ссылка на либеральные ценности была не более

чем внешним фасадом авторитарных устремлений, но обойтись без этого было невозможно в условиях нарастания демократических ценностей в глобальном масштабе. Пак Чжон Хи был глубоко убежден, чем выше концентрация и персонификация центральной политической власти, тем меньше пространство для анархии и беспорядка, тем сильнее национальное государство: «Основа, на которой возводится здание демократии по-корейски, и есть национальная мощь. Для того чтобы распустились цветы демократии, необходимо развивать силы государства... Истинная демократия должна существовать на базе здорового национализма». Из дальнейших рассуждений идеологов «военной революции» следовало, что «демократия корейского типа» – это синтез традиционного наследия с достижениями западной демократии, открывающий уникальные возможности достижения экономического самообеспечения, а стало быть социально-культурной самостоятельности и процветания нации (своего рода южнокорейская модель чучхеизма).

Эффективными проводниками в жизнь «демократии корейского типа» рассматривались в первую очередь административные кадры нового молодого поколения, несущие в себе дух самобытности и проникнутые идеями модернизации. Отсюда исключительное внимание военного режима к обучению и воспитанию подрастающего поколения, подготовке и переподготовке кадров.

Закон об обязательном бесплатном обучении детей в возрасте 6–11 лет был принят в РК еще в 1948 г., но его реальная практическая реализация началась при правлении Пак Чжон Хи. Стремление дать образование детям – самая сокровенная мечта каждой корейской семьи, однако еще на рубеже 60–70-х гг. XX в. в стране был огромный дефицит школьных зданий и учителей. (К этому времени было немало школ, в каждую из которых поступало более 10 тыс. детей, а численность учащихся в одном классе нередко достигала 90 человек.) Крупные государственные ассигнования с мобилизацией частных ресурсов, форсированное строительство новых школ и расширенная подготовка учительских кадров позволили приблизить не только начальную, но и среднюю школы повышенной ступени, а также общеобразовательные и профессиональные школы к более или менее нормальным условиям работы.

В декрете о национальном образовании (1968) – типовом уставе учреждений народного образования четко были прописаны основные задачи средних и средних профессиональных школ: а) дать обучающимся знания и опыт, необходимые для того, чтобы «стать ответственными членами демократического общества»; б) дать основы знаний для выбора будущих профессий в соответствии с индивидуальными способностями; в) развивать способности к «критическому мышлению» и «принятию ответственных решений»; г) всемерно укреплять физическое здоровье молодого поколения. На основе закона об образовании страна покрылась густой сетью общеобразовательных и профессиональных школ, колледжей, дополнительных форм обучения, курсов повышения квалификации и высших учебных заведений – университетов. Если ко времени освобождения на Юге Кореи насчитывалось лишь 19 высших учебных заведений, то к концу 80-х – началу 90-х гг. XX в. действовало 626 таких заведений (включая 494 частных заведения) с 1,9 млн студентов. Десятки тысяч молодых людей стали ежегодно уезжать на учебу в другие страны и, хотя возвращались обратно немногие, формирование кадрового „золотого фонда“ стало исторической реальностью.

Глава государства уделял особое внимание сфере образования и подготовки кадров. Он постоянно посещал учебные заведения, встречался со студентами и преподавателями, разъясняя цели «военной революции» и содержание доктрины «юсин». Он настойчиво призывал молодое поколение прилежно учиться, соблюдать традиционные принципы сыновней почтительности («хё»), не позволять втягивать себя в опасные сети политики. Почти каждое его выступление было преисполнено верой в формирование некоего «идеального корейца», следующего по стопам великих предков и обладающего к тому же высокой профессиональной подготовкой.

Доктрина «юсин» сыграла огромную мобилизующую роль в претворении в жизнь основных идеалов «военной революции». Высокие и благородные цели модернизации, возрождения и прогресса во второй половине XX в. были провозглашены и другими военно-бюрократическими режимами (Бирма, Египет, Индонезия, Пакистан и др.). Но только в Южной Корее (и, возможно, частично в Чили) военно-бюрократический режим добился столь впечатляющих экономических и социальных достижений мирового класса. И объяснить успехи «военной революции» на Юге Кореи можно только тем, что ее лидерам удалось на базе самобытной идеологии сцементировать в едином русле все ключевые задачи «экономического чуда».

Прорыв военных реформаторов на экономическом и социальном направлениях настоятельно требовал перехода к более активной внешнеполитической линии. Необходимо было преодолеть международную полуизоляцию лисынмановского периода, отвоевать позиции на рынках других государств, проложить пути диалога с Севером, наконец, активизировать «борьбу против коммунизма».

В июне 1964 г. в сотрудничестве с ЦРУ США Пак Чжон Хи создает в Сеуле Антикоммунистическую лигу народов Азии с участием Южного Вьетнама, Тайваня, Таиланда и Филиппин. В задачу лиги входило совместное отражение советской, китайской и северокорейской «подрывной деятельности».

Несмотря на отдельные проявления националистической риторики, Пак Чжон Хи считал южнокорейско-американские отношения абсолютно приоритетными. Он совершил три официальных визита в США (1961, 1965 и 1969), которые сопровождались предоставлением дополнительной экономической помощи. Под давлением Вашингтона Сеул направил во Вьетнам в поддержку американских войск свои пехотные подразделения численностью в 55 тыс. солдат и офицеров. В ответ южнокорейская армия стала получать новейшие виды вооружения, в т. ч. сверхзвуковые самолеты и тактические ракеты. Не довольствуясь размещением «войск ООН» в РК и наличием «воздушного зонтика» США, Южная Корея развернула во второй половине 70-х гг. форсированные работы по разработке ядерного оружия. (Существует версия, что первые испытания этого оружия были запланированы на 1 октября 1981 г. – День вооруженных сил РК.) Однако США, встревоженные угрозой появления новых ядерных минигосударств в СВА, энергично заблокировали ядерные амбиции Пак Чжон Хи, пообещав разместить в Южной Корее свое тактическое ядерное оружие. (Сеулу же удалось уйти от полной денуклеаризации и отстоять программу создания развернутой сети АЭС.)

Особую активность внешняя политика военных реформаторов приобрела на японском направлении. Первые попытки «наведения мостов» с Токио были предприняты еще при Ли Сын Мане, который в 1953 г. посетил Японию. В свою очередь, в мае 1958 г. официальный визит в РК нанес К. Ясуги, помощник тогдашнего японского премьера Н. Киси. Посланец Токио публично извинился за несправедливые действия, причиненные корейскому народу за годы имперского протектората, но реальных сдвигов в отношениях между двумя странами тогда не произошло.

Военные реформаторы возобновили дипломатический диалог с Токио почти сразу же после прихода к власти. После упорных переговоров был улажен вопрос о выплате Южной Корее японских репараций. Токио согласилось предоставить РК: 300 млн долл. безвозмездных репараций, 200 млн долл. в качестве государственных займов и примерно 100 млн долл. частных коммерческих инвестиций. (Необходимо отметить, что КНДР считает эти выплаты крайне заниженными и отказывается признать их правовую силу.) 22 июня 1965 г. состоялось подписание Договора об основных отношениях между Республикой Корея и Японией. Указанный договор денонсировал кабальный Договор о соединении Кореи и Японии от 22 августа 1910 г. и объявил об установлении официальных дипломатических отношений между двумя странами. (При этом единственно законным государством на Корейском полуострове, вопреки реальности и логике, в договоре была объявлена Республика Корея.)

В дополнительных соглашениях были зафиксированы принципы урегулирования вопросов торгово-экономического сотрудничества, а также правового статуса этнических корейцев, обитающих на японских островах. Нормализация с Токио стала серьезным стимулирующим фактором развития южнокорейско-японских деловых отношений. Во второй половине 60-х гг. XX в. Япония выходит на первое место среди иностранных инвесторов в РК, опередив США и другие западные государства. К концу 70-х гг. за счет японских капиталовложений РК производила примерно 80 % железнодорожных локомотивов, 70 % электронной аппаратуры, 60 % стального листа, 50 % цемента, 40 % минеральных удобрений и т. д. Японо-южнокорейская производственно-технологическая кооперация стала одним из важных звеньев интеграции РК в мировое капиталистическое хозяйство, одной из основ ее неоиндустриального скачка.

Третьим после США и Японии активным (во многом сенсационным) направлением внешней политики военных реформаторов стало «наведение мостов» с Пхеньяном (об этом подробнее говорится в следующей главе).

Итак, «военная революция» под эгидой Пак Чжон Хи в итоге успешного выполнения трех пятилеток принесла впечатляющие экономические и социальные перемены. На 1977–1981 гг. был разработан четвертый пятилетний план с амбициозными задачами дальнейшего экономического роста и научно-технической модернизации всего народного хозяйства. Но именно в этой пятилетке РК впервые всерьез ощутила предвестники грядущих кризисов и угроз. Мировой нефтяной кризис 1978–1979 гг. сильно ударил по экспортно-ориентированной экономике страны, темпы экономического роста начали замедляться, стали обостряться межотраслевые противоречия, резко усилилась инфляция, рыночная нестабильность и, наконец, в политике стала быстро набирать силу активность демократической оппозиции.

Военные реформаторы не испытывали вначале особой тревоги по поводу этих проблем. Как и прежде, они делали ставку на дальнейшее «закручивание гаек», т. е. ужесточение репрессивной политики, жесткое подавление оппозиции. И в этом таился их роковой стратегический просчет. Проявив удивительную прозорливость в момент прихода к власти в начале 60-х гг., они, как это ни парадоксально, обрели непростительную близорукость к концу 70-х гг. Южнокорейское «неоиндустриальное чудо» принесло феноменальные экономические достижения, а вместе с ними и нарождение массового нового среднего класса, который все решительнее отвергал военно-авторитарные порядки и все настойчивее требовал демократии и признания гражданских прав. Пак Чжон Хи, стоявший около 18 лет у руля «экономического чуда», не сумел уловить жизненную необходимость опоры на новый средний класс, оказался практически в полной изоляции и полностью проиграл. Вечером 26 октября 1979 г. во время ужина в одном из элитных ресторанов столицы он после небольшой перепалки был в упор расстрелян главой южнокорейского ЦРУ генералом Ким Чжэ Гю, с которым был связан многими годами совместной учебы и государственной службы.

Страна погрузилась в шок. После быстрого расследования было объявлено, что покушение на президента было совершено главой ЦРУ в состоянии аффекта – крайнего нервного возбуждения, хотя, однако, никто этому не поверил. И действительно, вскоре стали выясняться нити тайного заговора против Пак Чжон Хи, в который помимо самого Ким Чжэ Гю были вовлечены начальник генштаба ВС РК генерал Чон Сун Хва, глава секретариата Голубого дворца Ким Кэ Вон, другие сотрудники из президентского окружения. После смертельных выстрелов в Пак Чжон Хи глава ЦРУ немедленно доложил Чон Сун Хва о случившемся, полагая, что второе лицо в армии немедленно возьмет ситуацию под свой контроль. Однако политическую инициативу, вопреки расчетам заговорщиков, захватил Чон Ду Хван, начальник службы безопасности армии. Он сумел упредить действия заговорщиков и сместить их со своих постов в армии. Новым начальником сеульского гарнизона стал близкий друг Чон Ду Хвана – генерал Ро Дэ У.

24 мая 1980 г. военный суд приговорил Ким Чжэ Гю и четырех его сообщников к смертной казни через

повешение. На суде обвиняемый говорил что-то невнятное о том, что на преступление он пошел ради того, чтобы «восстановить демократию» в стране. В насильственной смерти Пак Чжон Хи, как отмечал ряд исследователей, нельзя не заметить и определенного американского следа. Вашингтон сильно тревожило стремление южнокорейского лидера дистанцироваться от США и выйти на самостоятельный уровень отношений с КНДР. Вместе с тем безжалостное подавление демократической оппозиции так или иначе дискредитировало дипломатию США на корейском направлении. Отсюда – стремление выдвинуть на арену другой эшелон военной хунты, хотя практический сценарий такой упреждающей замены оказался излишне прямолинейным.

* * *

В 60–70-е гг. XX в. две Кореи в условиях меняющейся в сторону разрядки международной ситуации вступают в негласное соревнование по вопросам социально-экономической и политической трансформации. КНДР на основе командно-административной мобилизации приступает к строительству «социализма с корейской спецификой», основанной на доктрине «чучхе». В то же самое время на Юге после свержения Ли Сын Мана устанавливается военно-бюрократический режим во главе с Пак Чжон Хи. Новая военная элита проводит в жизнь программу радикальной модернизации, получившей наименование «южнокорейского экономического чуда». В итоге баланс сил на Корейском полуострове постепенно перемещается в пользу РК, сумевшей более эффективно опереться на преимущества международного разделения труда. Межкорейский диалог 1972 г. отразил реальную возможность мирного урегулирования конфликта и преодоления раскола Кореи.

Глава III

Внешнеполитические траектории РК и КНДР

Внешняя политика двух корейских государств на протяжении всего периода с момента их образования в 1948 г. была подчинена тому, чтобы добиться политического превосходства над конкурентом на международной арене, обеспечить поддержку своих программ объединения Кореи. В дипломатической борьбе за это превосходство КНДР и РК опирались, соответственно, на СССР и США.

После окончания Корейской войны Южная Корея и США заключили Договор о взаимной обороне (сентябрь 1953 г.), в соответствии с которым Соединенные Штаты разместили на Юге крупный контингент своих вооруженных сил. В июне 1961 г. КНДР подписала с Советским Союзом и Китайской Народной Республикой Договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, включавшие военную статью и предусматривавшие оказание военной помощи в случае агрессии против одной из договаривающихся сторон.

Южнокорейское правительство в своей внешней политике проводило курс на расширение дипломатических связей с различными странами мира, ограничение дипломатической активности КНДР. Сеулу удалось занять прочные внешнеполитические позиции, подкреплявшиеся экономическим и инвестиционным сотрудничеством со странами Западной Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. На конец 1970-х гг. Сеул имел дипломатические отношения более чем со 100 государствами, Пхеньян – с почти 70 странами. Обе Кореи входили в ряд международных организаций, имели статус постоянного наблюдателя при ООН. В 1965 г. РК нормализовала дипломатические связи с Японией.

КНДР до середины 1960-х гг. ориентировалась во внешней политике на страны социалистического лагеря, главным образом на СССР и КНР. Однако советско-китайское размежевание поставило Пхеньян перед дилеммой – кого поддерживать – СССР или Китай. В начале советско-китайского спора Северная Корея занимала нейтральную позицию, а затем склонялась то на сторону Китая, то на советскую сторону.

На V съезде ТПК в 1970 г. Ким Ир Сен провозглашает курс на полную самостоятельность и независимость во внешней политике. КНДР делает ставку на укрепление связей со странами так называемого «третьего мира», движением неприсоединения (ДН). Объявляется борьба в защиту самостоятельности, против «доминационизма». По определению Ким Ир Сена, «доминационизм» – это «попрание самостоятельности других стран». К государствам, проводившим политику «доминационизма», в КНДР относили, прежде всего, США. Выдвигается требование о пересмотре старого международного порядка и создании нового международного порядка. В 1975 г. КНДР становится членом Движения неприсоединения. Попытки Сеула вступить в ДН успеха не имели.

В 1970-е годы Северная Корея, следуя тезису о «превращении всего мира в самостоятельный», развивает активные политические связи со странами «третьего мира», особенно с государствами Африки. С некоторыми из них подписываются договоры о дружбе и сотрудничестве (Мозамбик, Мадагаскар, Центрально-Африканская империя, Гвинея и др.). КНДР пытается использовать скромную по объему экономическую помощь этим странам для укрепления своих позиций в Африке. В ряде африканских стран строятся небольшие промышленные объекты, стадионы, штаб-квартиры правящих партий, ирригационные сооружения. Общий объем экономического содействия Африке составил около 300 млн долларов (1970).

КНДР оказывала политическую и материальную поддержку афро-азиатским национально-освободительным движениям СВАПО, ООП, развивала военное сотрудничество с Алжиром, Ливией,

Мадагаскаром, Сирией и другими странами.

Политические, экономические и военные связи Пхеньяна с развивающимися государствами активно использовались для пропаганды «корейского социализма», идеологии «чучхе-кимирсенизма». На средства Пхеньяна в этих странах создавались «кружки» по изучению идей «кимирсенизма». В конце 1970-х гг. в государствах «третьего мира», главным образом в африканских, действовало более 300 таких кружков, на финансирование которых ежегодно КНДР выделяла до 200 млн долл.

Внешнеполитические цели Южной Кореи в 1970-х гг. были сконцентрированы на обеспечении надежной безопасности, быстрого экономического прогресса и достижении дипломатического превосходства над Северной Кореей. Военное правительство президента Пак Чжон Хи приоритетом своей внешней политики объявило углубление союзнических отношений с Соединенными Штатами на основе Договора о взаимной обороне.

После нормализации дипломатических связей с Японией Сеул заявил, что основными принципами, которыми он намерен руководствоваться в отношении Токио, будут следующие: взаимопонимание и взаимная выгода, равенство и добрососедство, взаимозависимость в поддержании стабильности и процветании.

Южнокорейское правительство провозгласило также курс на активизацию экономической дипломатии с тем, чтобы расширять экспорт своей продукции, увеличить импорт передовых технологий. В этих целях было принято решение активизировать заключение торгово-экономических соглашений с различными государствами, расширять сеть торговых представительств за рубежом.

С тем, чтобы укрепить связи со странами Движения неприсоединения, южнокорейская сторона интенсифицировала контакты с государствами ДН. Только в 1974 г. делегации РК различного уровня посетили около 50 стран Африки, Ближнего и Среднего Востока, подписав с некоторыми из них торговые соглашения.

Среди внешнеполитических интересов администрации Пак Чжон Хи в 1970-е гг. стали вырисовываться попытки установления контактов с «невраждебными» социалистическими странами (к числу «враждебных» социалистических стран Сеул относил КНДР, Кубу, Вьетнам). Правительство РК стремилось к установлению связей с СССР и другими социалистическими государствами через международные организации, участвуя в форумах, проводимых в соцстранах, и приглашая на аналогичные мероприятия, организуемые в Южной Корее, представителей социалистических государств.

В 1970-е гг. КНДР и РК вели жесткую дипломатическую борьбу на международной арене, стремились добиться поддержки своих программ объединения Кореи, дипломатического превосходства друг над другом. В этой борьбе все большее преимущество завоевывала Республика Корея благодаря укреплению экономического потенциала. Южнокорейское «экономическое чудо» укрепляло позиции РК в мире, демонстрировало превосходство рыночной экономики над административно-командной системой хозяйственного управления, утвердившейся в КНДР.

Противоборство Северной и Южной Кореи, усилившееся после образования в 1948 г. на Корейском полуострове двух самостоятельных государств, как известно, в конечном итоге переросло в трехлетнюю кровопролитную войну (1950–1953). После корейского конфликта Пхеньян и Сеул неоднократно выступали с предложениями и целыми программами объединения Кореи. Особенно усердствовала в этом Северная Корея. С 1945 по 1964 г. ею было выдвинуто более 200 разного рода инициатив по решению корейского вопроса. Предложения Севера и Юга, прямо скажем, были далеки от межкорейских реалий и в основном имели пропагандистскую направленность. Власти обеих Корей заботились не о каких-то реальных шагах по налаживанию межкорейского диалога, а о том, чтобы поддержать в обоих обществах «настрой» на

объединение, подчеркнуть «заботу о чаяниях нации» и одновременно раскритиковать позицию другой стороны, обвинив ее в нежелании прислушаться к требованию корейского народа жить в единой стране. Особенно мощный пропагандистский заряд содержался в северокорейских предложениях, которые, как обычно, назывались на Юге очередной попыткой Севера «коммунизировать» Южную Корею и, естественно, отвергались Сеулом. Весьма меткую и достаточно откровенную характеристику таким предложениям Севера и Юга дал Ким Чен Ир, ставший руководителем КНДР после смерти Ким Ир Сена в 1994 г.: «В своих подходах к воссоединению, – подчеркивал он, – обе Кореи допускали ошибки, и прошлые правительства обеих стран несут ответственность за задержку воссоединения. Они использовали идею воссоединения для поддержания своих систем правления».

Первые неофициальные межкорейские контакты состоялись в 1961 г., когда по южнокорейской инициативе офицеры разведки Севера и Юга провели несколько закрытых встреч на территории КНДР. Представители Сеула предложили обсудить достаточно серьезный круг вопросов: учреждение в Сеуле и Пхеньяне военных и гражданских представительств сторон, налаживание торговых связей, обеспечение свободного передвижения людей через 38-ю параллель, почтовый обмен между Югом и Севером. Северокорейская сторона не согласилась обсуждать столь серьезные вопросы на уровне офицеров разведки и предложила начать переговоры на правительственном уровне. Это предложение было отклонено южнокорейцами. Контакты затем вообще прекратились, не дав практических результатов.

Следующей, уже открытой встречей, стали переговоры в 1963 г. в Гонконге и Лозанне представителей Олимпийских комитетов РК и КНДР по вопросу формирования единой корейской команды для участия в Токийской олимпиаде. Эти переговоры также не имели успеха.

Первые межкорейские контакты показали, что политические элиты сторон не готовы, да и не желают идти даже на символические договоренности. Фактически это были встречи, в ходе которых Пхеньян и Сеул пытались прозондировать намерения друг друга. А Север вообще в этот период провозгласил курс на насильственное устранение южнокорейского режима, на осуществление т. н. революции в РК. В январе 1968 г. была предпринята попытка убийства президента Пак Чжон Хи, когда специально подготовленные северокорейские командос пересекли 38-ю параллель и намеревались штурмовать президентский дворец в Сеуле, но были уничтожены южнокорейскими подразделениями.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. в международных отношениях начинают вырисовываться позитивные элементы, мир вступает в полосу разрядки. Меняется и политика США в Азии. Правительство президента Р. Никсона провозглашает курс на сокращение американского военного присутствия, в т. ч. и в Южной Корее. В 1971 г. Пентагон выводит с Юга 20 тыс. военнослужащих.

В обеих Кореях не могли не отреагировать на эти процессы. Начинаются новые контакты Севера и Юга, на первых порах конфиденциальные. Причем контакты осуществляются по двум направлениям – гуманитарному и политическому. Делегации обществ Красного Креста КНДР и РК в течение года интенсивно проводят встречи (всего состоялось почти 40 заседаний) и согласовывают повестку дня переговоров по вопросам розыска разлученных членов семей и родственников, организации их встреч, переписки и т. п. Политические контакты вылились в подписание межправительственного Совместного заявления Севера и Юга 4 июля 1972 г. Важность этого документа состоит в том, что обеим корейским сторонам удалось впервые после раскола согласовать принципы объединения Кореи, которое предполагалось достигнуть самостоятельно, без вмешательства извне, мирным путем и на основе «великой национальной консолидации». Вполне понятно, документ фиксировал только намерения Пхеньяна и Сеула и имел значительный отпечаток компромисса.

Созданные затем на основе двусторонней договоренности Координационный комитет Севера и Юга и другие совместные органы не стали, да и не могли стать той инфраструктурой, которая продвинула бы

межкорейские отношения, обеспечила бы переход от конфронтации к конструктивному диалогу. И все же следует еще раз подчеркнуть значимость Совместного заявления как первой попытки правящих элит КНДР и РК в условиях международной разрядки осуществить шаги к разрядке напряженности на полуострове, к установлению диалоговых структур. Естественно, и Пхеньян, и Сеул, идя на диалог, преследовали собственные политические цели. Северокорейский режим нуждался в передышке в острой конфронтации с РК, а южнокорейский военный режим стремился, используя диалог с Севером, стабилизировать внутреннюю ситуацию в стране, сбить накал антиправительственных выступлений, расправиться с набиравшей силу оппозицией. Следует признать, что правительству Пак Чжон Хи удалось на какое-то время усмирить недовольных и сделано это было антидемократическими методами (распущен парламент, введена новая Конституция, еще больше усилившая президентские полномочия, расширено применение репрессивных мер против противников режима). Все это было названо «октябрьским возрождением 1972 г.».

После подписания Совместного заявления Севера и Юга от 4 июля 1972 г. президент РК Пак Чжон Хи в середине 1973 г. выступил с рядом инициатив, которые, по его мнению, способствовали бы военно-политической разрядке на Корейском полуострове. Он, в частности, предложил заключить пакт о ненападении между Югом и Севером, одновременное вступление в ООН двух корейских государств, установление прямых торгово-экономических связей между РК и КНДР. В Пхеньяне не откликнулись на эти южнокорейские инициативы и со своей стороны (в июне 1973 г.) выдвинули программу объединения Кореи, предусматривавшую устранение конфронтации между КНДР и РК, налаживание сотрудничества и обменов, созыв общекорейского национального собрания, введение конфедерации Севера и Юга и вступление ее в ООН. Эту программу оставили в Сеуле без внимания, посчитав, что она имела явно пропагандистское предназначение.

В октябре 1977 г. Пак Чжон Хи выдвинул новую инициативу по объединению Кореи, которая включала три пункта:

1. Установление мира на Корейском полуострове на основе заключения Договора о ненападении между Югом и Севером.
2. Установление торгово-экономических связей между двумя корейскими сторонами.
3. Проведение выборов на Юге и Севере.

Эти идеи, в свою очередь, не нашли поддержки в Пхеньяне. Северная Корея продолжала настаивать на реализации принципов объединения, зафиксированных в совместном документе от 4 июля 1972 г.

Администрация Пак Чжон Хи добивалась решения корейского вопроса по примеру урегулирования отношений между двумя германскими государствами ГДР и ФРГ, т. е. на основе признания существования на полуострове двух независимых корейских государств.

Северокорейская сторона выступала категорически против такой формулы. «Корейский вопрос, – говорил Ким Ир Сен, – по своему характеру в корне отличается от германского как с точки зрения истории, так и в свете нынешнего положения. В прошлом Германия была метрополией, а Корея – колониальной страной. Германия совершила агрессию против других стран и разделена в результате поражения в войне, а наша страна расколота вследствие империалистической оккупации половины территории».

В январе 1979 г. последовала новая северокорейская инициатива в области корейского объединения. На совместном заседании партий и общественных организаций КНДР, входящих в Единый демократический отечественный фронт, было принято заявление, адресованное южнокорейским властям и общественности и предлагавшее осуществить ряд мероприятий в направлении корейского единства.

Во-первых, Север и Юг должны официально подтвердить свою приверженность принципам

Совместного заявления от 4 июля 1972 г. Во-вторых, обе корейские стороны должны прекратить пропагандистские выпады друг против друга. В-третьих, Пхеньян и Сеул свертывают военную деятельность, угрожающую обеим сторонам. В-четвертых, созывается общекорейская конференция с участием представителей общественно-политических сил Севера и Юга, а также властей обеих Корей для обсуждения вопросов межкорейского сотрудничества и обменов.

Эта инициатива Пхеньяна не встретила понимания и поддержки правительства Пак Чжон Хи, которое в тот период испытывало внутривнутриполитические трудности. Давление оппозиции на режим усиливалось, народ требовал демократического обновления Южной Кореи.

Межкорейский диалог 1970-х годов не привел к достижению реальной разрядки на полуострове. Глубокое недоверие, многолетняя конфронтация Юга и Севера были в числе главных причин отсутствия прогресса в ходе диалога. Но сам факт начала контактов между Югом и Севером Кореи, декларирование общих принципов объединения страны следует расценить как явление позитивное в отношениях двух корейских режимов. Наступил, как выражались политики и эксперты того времени, период «диалога в условиях конфронтации».

Межкорейские отношения в середине 70-х – начале 80-х гг. XX в. отмечены рядом крупных инцидентов, которые не раз ставили обстановку на полуострове на грань войны. Интенсифицировались вооруженные столкновения в районе демилитаризованной зоны. В 1974 г. в Сеуле была совершена попытка покушения на президента Пак Чжон Хи. Погибла жена Пака. Южнокорейские власти обвинили пхеньянский режим в этой акции. В 1976 г. серьезный инцидент произошел в зоне совместной охраны в демилитаризованной зоне, когда северокорейские военные убили двух американцев. Соединенные Штаты были готовы осуществить «акцию возмездия» и только личные извинения Ким Ир Сена привели к разрешению конфликта.

К концу 1970-х гг. диалог между корейскими сторонами прекратился. В Южной Корее внутривнутриполитическая ситуация резко обострилась после убийства в 1979 г. президента Пак Чжон Хи. В РК наступил период неопределенности, хаоса, завершившийся новым военным переворотом и приходом к власти генерала Чон Ду Хвана. В КНДР внимательно наблюдали за событиями на Юге, осуждая репрессивные действия военных властей против населения и оппозиционных сил.

Часть шестая

Два пути национальной модернизации (80-е—начало 90-х годов XX века)

Глава I

Кризис командно-административной системы и социально-экономическое развитие на Севере Кореи

В 1980-е годы КНДР выступила с планами интенсификации экономического строительства, дальнейшего углубления теории и практики «чучхе» во всех сферах общественно-политической жизни. Эти планы были одобрены на VI съезде Трудовой партии Кореи, состоявшемся в октябре 1980 г. К началу 1980-х годов стало совершенно ясно, что КНДР проиграла экономическое соревнование Южной Корее, которой удалось после военного переворота 1980 г. стабилизировать экономику и внутреннюю жизнь, сделать значительный рывок в своем хозяйственном развитии.

Ответом КНДР на южнокорейские экономические успехи стало провозглашение на VI партийном съезде амбициозной программы экономического строительства, так называемых «десяти экономических высот». Эта программа предусматривала резкое (в три-четыре раза) увеличение производства основных видов промышленной продукции. В частности, планировалось увеличить производство электроэнергии с 35 млрд кВт · ч в конце 1970-х гг. до 100 млрд кВт · ч в 1990 г., угля, соответственно, с 47 млн т до 120 млн т, стали – с 4 млн т до 15 млн т, цемента – с 5,3 млн т до 20 млн т, химических удобрений – с 3,6 млн т до 7 млн т.

Значительного прироста предполагалось добиться в сельском хозяйстве, производстве товаров широкого потребления, добыче и переработке морепродуктов. Сбор зерновых должен за десятилетие увеличиться с 6,8 млн т до 15 млн т, в т. ч. риса – с 3 до 7 млн т. Достижение этих, прямо скажем, фантастических для Северной Кореи показателей мыслилось за счет увеличения пахотных площадей, освоения 500 тыс. чонбо солончаков. Кроме того, предусматривалось добиться резкого увеличения вылова рыбы и других морепродуктов с 1,7 до 11 млн т, производства тканей – с 475 млн м до 1,5 млрд м.

Выполнить столь грандиозные планы Северной Кореи не удалось. Собственных ресурсов не хватало. Тем не менее, по ряду показателей экономического развития КНДР в 1980-е гг. заметно продвинулась вперед. Этому способствовала экономическая помощь, оказанная ей со стороны Советского Союза.[\[44\]](#) Советская техническая мощь, естественно, не могла решить все экономические проблемы КНДР. Северная Корея продолжала испытывать немалые трудности в развитии народного хозяйства. По-прежнему значительные ресурсы отвлекались на военные цели, на строительство помпезных культовых сооружений типа монумента «идей чучхе», триумфальной арки, дворцов, разного рода стел, прославляющих северокорейских вождей, и т. п.

Амбициозную экономическую программу, предложенную Ким Ир Сеном на VI съезде ТПК, в КНДР планировалось осуществить не только с помощью Советского Союза, но и путем нового витка индоктринации северокорейского общества. Руководство партии и государства поставило задачу «ускорения полной победы социализма, революционизирование всего общества и преобразование его по образцу рабочего класса». Эту двуединую задачу предусматривалось реализовать путем «преобразования сознания людей», т. е. утверждение в обществе «единственно верной идеологии „чучхе“, и повышения их революционного энтузиазма. Механизмом осуществления поставленных задач были объявлены решительная борьба за претворение в жизнь курса „трех революций – идеологической, технической и культурной“, мобилизация населения на осуществление генеральной линии партии – углубление и расширение движения Чхонлима.

Разъясняя смысл и значение постулата о «преобразовании всего общества на основе идей чучхе», Ким Ир Сен признавал, что сделать это нелегко, т. к. предстоит ликвидировать «всякие различия» между классами и социальными группами. Причем даже такой, по мнению северокорейских теоретиков, класс, как рабочие, нуждается в «постоянной революционизации» с тем, чтобы он мог выполнять задачу «авангарда революции».

Особой «реконструкции» требовало идейное сознание крестьянства, которому, как подчеркивал Ким Ир Сен, необходимо повышать культурный и технический уровень до уровня рабочего класса. А добиться этого, как считала северокорейская пропаганда, можно путем форсирования технической революции, превращения кооперативной собственности в общенародную.

Среди интеллигенции, которой, по словам Ким Ир Сена, присущ индивидуализм, необходимо вести интенсивную идеологическую работу с тем, чтобы превратить людей умственного труда в «настоящих пролетарских интеллигентов».

Самое пристальное внимание обращалось на воспитание молодого поколения. Ким Ир Сен требовал «сделать из молодых людей достойных революционеров чучхейского склада». Добиваться этой цели, считал руководитель ТПК и КНДР, необходимо путем «усиленного классового воспитания, чтобы молодежь не забывала горького прошлого своей страны, всеми фибрами души ненавидела империализм и эксплуататорский режим».

Наряду с «революционизированием» северокорейского общества велась кампания по его «интеллигентизированию», что означало повышение культурного и образовательного уровня населения до уровня выпускников вузов. На этом фронте, по словам Ким Ир Сена, КНДР добилась крупных успехов. В середине 1990-х гг. в стране действовало около 300 высших учебных заведений, подготовлено более 1 млн инженерно-технических работников и специалистов (это – «интеллигенты чучхейского склада»).

Многолетняя интенсивная индоктринация общества, по заявлениям северокорейских руководителей, привела к установлению в КНДР господства идеологии «чучхе», критического отношения ко всему чужому, иностранному. Но ни жесткая идеологическая обработка населения, ни крупная советская экономическая помощь, ни активизировавшиеся в 1980-е гг. торгово-экономические связи КНДР с некоторыми западноевропейскими странами и Японией не позволили выполнить амбициозные задания второго 1978–1984 гг. и третьего 1987–1993 гг. семилетних планов экономического развития. Однако надо признать, что именно в этот период Северная Корея добилась наиболее серьезных успехов в экономике за весь период своего существования. Прекращение экономического содействия со стороны СССР, а затем и России, других социалистических стран и последовавшие сильнейшие природные катаклизмы в значительной степени подорвали экономику КНДР. Административно-командная система управления северокорейским хозяйством также была не способна противостоять экономическому кризису. Более того, эта система усугубляла экономический тупик, в котором оказалась страна в 1990-е гг.

В начале 1990-х гг. гражданская экономика КНДР практически бездействовала. Не работало около 80 % промышленных предприятий. Валовый внутренний продукт (ВВП) резко сокращался: 1990 г. – на 4 %, 1991 г. – на 5,2 %, 1992 г. – почти на 8 %, 1993 г. – на 4,2 %, 1993 г. – на 4,2 %. По оценкам экспертов, ВВП сократился более чем в два раза – с 22 млрд долл. в 1989 г. до 9 млрд долл. в 1998 г.

Стихийные бедствия, отсутствие химических удобрений и топлива сильно подорвали сельское хозяйство. Постоянные неурожая привели к острому дефициту продовольствия. Особенно трудный период выпал на 1995–1997 гг., когда население КНДР постиг жестокий голод. Ежедневная норма выдачи продуктов питания на человека составляла 100–200 г. По данным международных гуманитарных организаций, в этот период в стране от голода умерло от 1 до 2 млн человек. Гуманитарные поставки продовольствия из-за рубежа ежегодно составляли от 500 тыс. до 1 млн т.

Глубокий экономический кризис, поразивший страну в начале 1990-х годов, усилившееся внешнее давление на КНДР, поставившие под угрозу саму государственность, заставили северокорейскую политическую элиту сделать ставку на еще более жесткое закручивание гаек, усиление милитаризации всех сфер общественной жизни. В апреле 1992 г. в Основной закон КНДР вносятся важные изменения, призванные укрепить политическую систему, не допустить дальнейшего ослабления государства перед лицом нарастающих опасных тенденций для северокорейского государства. В частности, в Конституцию вносится специальная глава «Оборона страны», в которой нашли высшее юридическое закрепление основные постулаты северокорейской военной доктрины – «вооружение всего народа, превращение всей страны в крепость, превращение всей армии в кадровую и ее модернизация».

Конституционный статус получил Комитет обороны КНДР. Ранее этот орган являлся структурой Центрального народного комитета. Однако в 1992 г. он стал одним из важнейших, если не самым важным, органом управления страной не только в военное, но и в мирное время. В разделе 3 главы VI Конституции КНДР изложены основные функции Комитета обороны как «высшего военного руководящего органа государственной власти». Ранее эту функцию выполнял президент страны.

Серьезный психологический урон северокорейскому обществу нанесла смерть в июле 1994 г. на 83-м году жизни бессменного руководителя КНДР Ким Ир Сена, находившегося у власти почти 50 лет.

Все эти факторы заметно подорвали устои северокорейской государственности, но не повлекли за собой смену политического режима. *Новому руководству КНДР во главе с Ким Чен Иром удалось сохранить политическую систему, созданную его отцом, осуществить ряд жестких военно-политических мероприятий, направленных на выживание режима, его адаптацию к новым реалиям, складывавшимся вокруг Северной Кореи, в целом на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии.*

Глава II

Эволюция военно-бюрократического режима в Южной Корее

§ 1. Приход к власти генерала Чон Ду Хвана и народное восстание в г. Кванчжу

Убийство Пак Чжон Хи в концентрированной форме отразило нарастающий антагонизм внутри военно-бюрократической элиты в борьбе за власть и перераспределение государственной собственности. Часть военной верхушки, отражая позиции новых слоев национальной буржуазии, выросшей на волне неоиндустриального подъема, полагала, что принудительные и силовые методы модернизации, если не сегодня, то завтра наверняка приведут к серьезному сбою и вызовут катастрофические для Юга последствия.

Уход Пак Чжон Хи не открыл дороги к демократическому обновлению. Вопреки настойчивым требованиям оппозиции, власть по-прежнему оставалась в руках генеральской верхушки, хотя формально действовал гражданский премьер. Заговорщикам, как было отмечено ранее, не удалось, пользуясь паникой и замешательством, прорваться с хода в первый эшелон управленческой иерархии государства. 27 октября 1979 г. временный президент РК Чхве Дю Ха, выполняя волю военных, ввел чрезвычайное положение. Это была победа Чон Ду Хвана, занимавшего в те дни пост начальника службы безопасности армии РК, а с апреля 1980 г. занявшего пост начальника южнокорейского ЦРУ. Чон Ду Хван провел большую чистку в силовых структурах, уволив офицеров, заподозренных в связях с заговорщиками. Только из армии и госслужбы было изгнано 232 старших и 4760 других офицеров и чиновников.

Первоначально южнокорейское общество довольно сдержанно и настороженно реагировало на программные заявления очередного военного лидера, хотя его биография во многом перекликалась с политическим портретом убитого Пак Чжон Хи.

По свидетельству его биографов, не обладал такой харизмой и популярностью, какие были присущи Пак Чжон Хи. Держался почти всегда надменно и высокомерно. Мало появлялся на людях, особенно после покушения, организованного против него северокорейскими спецслужбами в Рангуне. Несмотря на последовавшие после его ухода обвинения во взяточничестве, отличался подчеркнутым аскетизмом. В 1996 г. был приговорен к смертной казни за организацию «антигосударственного заговора» и расстрелы студенческих выступлений. Высшая мера была заменена длительным тюремным заключением. Уголовный суд обязал Чон Ду Хвана к штрафу в сумме 150 тыс. долл. Чтобы погасить его, был устроен шумный аукцион по продаже личных вещей генерала (рояля, телевизора, серебряных ваз, картин, мебели и др.), что позволило набрать необходимую сумму. В 1988 г. Чон Ду Хван принес публичные покаяния «за злоупотребление властью» в период его президентства и затем направился замаливать свои грехи перед народом в буддистский монастырь Мендон.

Каковы предпосылки столь драматического финала второго военного лидера РК, который, как и его предшественник, считал, что только авторитарная власть в состоянии придать импульс «экономическому чуду»?

К началу 80-х гг. XX в. в социальной структуре Юга Кореи всё более значительную социально-политическую роль начинают играть новые средние слои, рожденные на волне неоиндустриального прорыва. Современные, или «новые средние слои», – это многослойный конгломерат, занимающий промежуточное положение между наемным пролетариатом и предпринимательской средней и крупной буржуазией. К сожалению, добротная статистика по этому сюжету крайне ограничена, поэтому исследователи оперируют обычно отрывочными сведениями. Уже к середине 60-х гг. примерно 7,7 % городского населения относились к категории «специалистов», 10,7 % – к административно-управленческому персоналу, 3,3 % – к конторским работникам, 47,1 % – к мелким торговцам, 21,2 % – к прочим. В экономических обзорах по Сеулу за 1969 г. к «среднему классу» было отнесено 37,9 %.

К концу 70-х – началу 80-х гг. население больших городов страны, включая студенчество и учащихся, оказалось «осередняченным» почти наполовину, хотя количественный подсчет административно-управленческого персонала, среднего чиновничества, различных групп специалистов весьма затруднен. Об удельном весе новых средних слоев можно косвенно судить на основе сводных данных об образовательном уровне населения. В 1980 г.

в общей массе южнокорейского населения в возрасте от 25 лет и старше среднее и среднеспециальное образование имели 5,9 млн чел. (или 36 %), около 1,4 млн чел. (9 %) имели высшее образование в объеме колледжа или университета. В 1981 г. около 260 тыс. чел. имели лицензии на врачебную деятельность, около 100 тыс. чел. были лицами свободных профессий и т. д.

В отличие от прежних поколений мелкой буржуазии «новые средние слои» не были пассивными и безропотными свидетелями произвола и несправедливости. Постепенное улучшение их жизненных условий не шло ни в какое сравнение со сказочным обогащением крупных дельцов и торгово-экономическим бумом. «Середняку» чрезвычайно трудно было продвинуться в управленческие структуры чэболь, где годами заправляли лишь близкие родственники по семейно-родовому клану или доверенные лица олигархов. Национальной интеллигенции, впрочем как и другим представителям новых средних слоев, был ненавистен произвол авторитарной власти военных. Отсюда – их всё более настойчивые требования перехода к гражданскому правлению, проведения реальных демократических преобразований. И эта нарастающая волна социально-политического протеста нашла свое выражение в стихийном народном восстании в г. Кванчжу на Юге страны в мае 1980 г., т. е. примерно через полгода после прихода к власти Чон Ду Хвана.

Прологом бурных событий в Кванчжу стали массовые студенческие митинги и демонстрации в столице страны в марте 1980 г. Первоначальные призывы учащейся молодежи носили сугубо академический характер – устранить административный произвол в университетах, демократизировать учебно-образовательный процесс. Но вскоре они переросли в политические требования вплоть до отставки антидемократического правительства. Студенческий протест поддерживали рабочие, низшие служащие, городская беднота, требовавшие остановить инфляцию и дороговизну, повысить реальную заработную плату, улучшить условия труда и социальные гарантии. Общее число участников антиправительственных выступлений в стране за апрель—май 1980 г. превысило 200 тыс. человек.

В начале мая на улицах Сеула митинговало около 10 тыс. студентов. 13 мая представители 27 столичных университетов создали Координационный комитет, который потребовал от Чон Ду Хвана остановить военно-политический произвол в стране, заблокировать антинародные поправки к Конституции страны, вернуть народу гражданские права. 14 мая на улицы Сеула вышло более 50 тыс. студентов всех ведущих университетов столицы. На другой день, 15 мая, на площади сеульского железнодорожного вокзала митинговало около 100 тыс. студентов и более 50 тыс. других горожан. Оппозиция требовала

демократических реформ, перехода к гражданскому правлению, расширения прав профсоюзов и т. п. Военные власти реагировали эскалацией репрессий против населения и произвели массовые аресты деятелей оппозиции, среди которых были Ким Дэ Чжун, Ким Ен Сам и др. В целом же массовые народные выступления в Сеуле были остановлены без крупного кровопролития.

Однако широкое антиправительственное демократическое движение перекинулось стихийно в ряд других городов Юга Кореи. Особенно массовыми стали выступления студентов и горожан в крупнейшем центре юго-запада РК – г. Кванчжу. 18–20 мая 1980 г. в этом городе против мирных демонстрантов были брошены 18 тыс. полицейских и 3 тыс. солдат и офицеров до зубов вооруженных подразделений парашютно-десантных войск. Повстанцы, в рядах которых были не только студенты, но рабочие, мелкое чиновничество, городская беднота, начали повсеместно возводить баррикады. На вооружении восставших были только камни, ножи, палки, куски водопроводных труб. Среди участников народного сопротивления распространялись печатные листовки, призывавшие к стойкости и недопущению анархии и произвола, поддержанию общественного порядка.

В ночь с 20 на 21 мая, когда каратели открыли в районе железнодорожного вокзала и Площади демократии массированный огонь из автоматов на поражение, разъяренные толпы штурмом взяли здание управления информации, 16 полицейских участков и другие правительственные учреждения и ведомства. Весть о народном восстании молнией облетела пригородные селения, жители которых поддерживали горожан. Число участников народного протеста достигло 200 тыс. человек. В ответ на военно-полицейский террор восставшие захватили около 350 единиц автотранспорта, в т. ч. три боевых транспортера, оружие. Колонна грузовых автомашин с боевыми группами доставляла из соседних сел продукты питания. Повстанческие группы добывали оружие, динамит и другие взрывчатые вещества. В прилегающих к г. Кванчжу селениях восставшими были захвачены склады с оружием и боеприпасами.

Как и в Первомайском восстании 1919 г., в движении народного протеста в Кванчжу большую идейную роль играли религиозные и в особенности католические миссионеры. Стихийно организовавшаяся в дни народного протеста группа католических священников, в которую помимо местных деятелей церкви вошли прибывшие из столицы миссионеры, создала нелегальную информационную службу, которая изобличала карателей, призывала население к дисциплине, а власти к благоразумию и недопущению кровопролития. В те дни правдивые телетайпные сообщения религиозной группы были приняты не только в различных городах Корейского полуострова, но и в других странах – Японии, Китае, США, вызывая солидарные отклики демократической общественности. Восставшие требовали немедленной отмены чрезвычайного положения, отставки генерала Чон Ду Хвана, строгого наказания виновных в расправе над студентами и рабочими. Власти, согласившись вначале на переговоры, не пошли на какие-либо реальные уступки. Всем иностранцам было предложено немедленно покинуть город, что стало сигналом подготовки властями силовой акции. В ночь с 26 на 27 мая усиленные армейские части под прикрытием бронетехники предприняли настоящую штурмовую операцию и вслед за этим установили свой контроль над основными стратегическими объектами города. 31 мая Чон Ду Хван создал Комитет по чрезвычайным мерам государства, который взял в свои руки всю полноту государственной власти. Было распущено Национальное собрание, запрещена всякая политическая деятельность. Власти высоко оценили «подвиги» карателей. 77 солдат и офицеров за «выдающиеся боевые заслуги» во время народных волнений в Кванчжу были награждены государственными орденами и медалями. В их числе оказался и генерал Чхве Сечан, командующий 3-й бригадой воздушно-десантных войск, занявший позднее пост главы Объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил РК.

В самом начале майских событий 1980 г. был арестован Ким Дэ Чжун – один из популярных лидеров демократической оппозиции. В ночь с 17 на 18 мая 1980 г. усиленный отряд силовиков численностью 60 солдат ворвался в его сеульскую резиденцию. Нещадно избивая всех, кто был на их пути, каратели

схватили Ким Дэ Чжуна и бесцеремонно бросили его в военную машину, чтобы отвезти в тюрьму в качестве опасного «государственного преступника».

Вначале Ким Дэ Чжун оказался в тюрьме ЦРУ Южной Кореи, затем его держали в военной тюрьме (хотя арестованный был сугубо гражданским лицом) и, наконец, перевели в печально известный политический каземат Чжончжу. Лидера демократической оппозиции голословно обвинили в «подстрекательстве» к восстанию в Кванчжу, называли «главарем антигосударственного заговора», держали в невыносимых условиях, противоречащих элементарным правам человека, поместив в одиночную камеру и приставив 5 надзирателей для круглосуточной слежки.

31 июля 1980 г. Ким Дэ Чжун предстал перед судом чрезвычайного военного трибунала. В пространном обвинительном акте популярному борцу за демократию и воссоединение инкриминировались преступные связи с «прокоммунистическими группами» 40-х годов, тайная связь с Северной Кореей во время президентских выборов 1971 г., организация массовых студенческих выступлений в Сеуле и «подстрекательство» к вооруженному бунту в г. Кванчжу в мае 1980 г. Подготовка судебного заседания стала позорным политическим фарсом. Около 20 адвокатов, выступавших в защиту узников военного режима, были сами арестованы, а четыре адвоката были вообще лишены прав на исполнение своих профессиональных обязанностей.

В такой обстановке произвола и бесправия Ким Дэ Чжуну было предоставлено последнее слово. Решительно отвергая домыслы о его причастности к восстанию в Кванчжу, лидер демократической оппозиции привел неопровержимые факты в свою защиту. В дни, непосредственно предшествовавшие молодежным выступлениям 17 мая в Сеуле, Ким Дэ Чжун неоднократно выступал с публичными заявлениями к митингующей молодежи и горожанам, призывая их к сдержанности, организованности и дисциплине в своих действиях. Нелепость утверждений о причастности Ким Дэ Чжуна к нелегальным «прокоммунистическим группам» была доказана тем, что во время Корейской войны 1950–1953 гг. он, оказавшись в руках северокорейских спецслужб, был обвинен в антинациональной деятельности и лишь чудом избежал расстрела.

Отвергая обвинения в «заговоре» и «подстрекательстве» к мятежу, Ким Дэ Чжун заявил: «Я твердый сторонник ненасилия и непротивления... Касательно обвинения в подстрекательстве к мятежу должен сказать, что я никогда не пытался подорвать легитимность Республики Корея. Напротив, я всегда и полностью поддерживал Республику Корея, препятствовал любым планам по формированию эмигрантского правительства... Я никогда не подстрекал кого-либо к мятежу и никогда не вступал в сговор с кем-либо с целью свергнуть правительство...». И далее: «Даже если я буду казнен в соответствии с данными обвинениями, та политическая месть, жертвой которой я являюсь, не должна по вториться. Пожалуйста, рассматривайте эти слова как мою последнюю волю». Военный трибунал не услышал этих слов, и на исходе того же дня, 13 сентября 1980 г., Ким Дэ Чжун был приговорен к смертной казни. Все апелляции были отклонены. 23 января 1981 г. приговор военного трибунала был утвержден Верховным судом Республики Корея. Но поднялась настоящая буря протеста в самой Южной Корее и за рубежом. И президент Чон Ду Хван вынужден был заменить смертную казнь вначале на пожизненное тюремное заключение, а затем, 2 марта 1982 г., – 20-летним сроком пребывания в политической тюрьме.

Отступая шаг за шагом, военная хунта явно тревожилась за свою грядущую судьбу, тем более что массовые выступления демократической оппозиции стали приобретать антиамериканский характер. Участникам народного протеста было известно, что карательные действия объединенных корейско-американских сил в Кванчжу фактически координировал американский генерал Джон Викхем, под контролем которого и был разработан оперативный план усмирения восставшего города. 16 декабря 1982 г. Ким Дэ Чжун был переведен под конвоем в больницу Сеульского университета, а затем

принудительно выслан в США.

Один из самых болезненных и не до конца расследованных вопросов трагедии в г. Кванчжу – реальное число жертв вооруженного подавления оппозиции. В опубликованных сведениях, основанных на официальных заявлениях военных властей РК, приводятся следующие данные: число убитых 191 чел., в т.ч. гражданских – 164, военных и полицейских – 27 чел. Но никто из объективно мыслящих южнокорейских деятелей не верит этим сведениям. В Национальном собрании (парламенте) РК целый ряд депутатов не раз требовали специального расследования «резни в Кванчжу», поскольку по неофициальным данным общее число жертв во много раз превышает официальные сведения. Сенсационные факты были обнаружены в «Ежегодных статистических отчетах г. Кванчжу». Выяснилось, что ежегодное среднее число умерших между 1976 и 1979 гг. составило 2129 чел., а в трагическом 1980 г. внезапно подскочило до 5529 чел., т.е. больше на 2569 чел., чем в предыдущие годы. В последующем уровень смертности вновь стабилизируется на уровне годов, предшествовавших майской трагедии 1980 г. Чтобы замаять грандиозный скандал, власти объявили, что чиновники, подготовившие эти сведения, допустили якобы ошибки и в ходе статистических расчетов.

После расправы над повстанцами Кванчжу Чон Ду Хван продолжал железной рукой наводить «порядок» в стране. От имени Комитета по чрезвычайным мерам охраны государства была проведена крупномасштабная чистка во всех подведомственных властям учреждениях и предприятиях. Различным гонениям и преследованиям подверглись около 3 тыс. человек, в основном управленцы среднего звена, различные представители новых интеллектуальных средних слоев. Военной хунте показалось, что она устранила преграды для консолидации военно-бюрократического режима. Но это было явное заблуждение. Растущая демократическая оппозиция не проявляла признаков капитуляции и готовилась к новым политическим баталиям. Вместе с тем курс на тотальное силовое подавление оппозиции вызвал немалую тревогу и в США, которые стали настаивать на скорейшем восстановлении конституционного порядка в РК путем «наведения мостов» с гражданскими силами.

Армейская верхушка не имела возможности игнорировать «советы» и «рекомендации» Вашингтона, и в Сеуле началась подготовка к проведению «законных выборов» главы государства, которые были проведены 3 сентября 1980 г. Победивший на антидемократических выборах Чон Ду Хван немедленно приступил к разработке новых конституционных поправок, которые были одобрены в итоге референдума, проведенного в октябре 1980 г.

В соответствии с этими поправками в РК вводилась косвенная (через Национальное собрание) система выборов президента страны сроком на 7 лет. Глава государства наделялся правом роспуска парламента, введения чрезвычайного положения и т.п. В стране официально разрешалась партийно-политическая деятельность. Стало очевидно, что военно-бюрократический режим не в состоянии успешно управлять страной без гражданских инструментов политической системы.

С конца 1980 г. в стране начался интенсивный процесс возрождения и легализации старых и оформления новых политических партий. В феврале 1981 г. было провозглашено создание проправительственной Партии демократии и справедливости (Минчжу чжонныйдан), лидером которой стал Чон Ду Хван. Но еще в январе 1980 г. сформировалась Демократическая корейская партия (Минчжу хангуктан) во главе с Ю Чхи Соном, Корейская гражданская партия (Хангук кунминдан), возглавляемая Ким Чжон Чхолом. В феврале 1981 г. Чон Ду Хван, объявив формально о своей отставке с военной службы, без особых проблем одержал победу на косвенных президентских выборах и 3 марта официально занял пост главы государства. Так началась необычайно сложная и противоречивая история Пятой Республики, причудливо дрейфовавшей между авторитаризмом и демократией.

§ 2. Особенности экономической и социальной политики Пятой республики

Еще в 1977 г., т. е. за два года до прихода к власти Чон Ду Хвана, Южная Корея приступила к реализации четвертого пятилетнего плана (1977–1982), призванного закрепить достижения предыдущих трех пятилеток, продвинуть вперед уровень технологической модернизации и конкурентоспособность продукции на мировом рынке. Однако неблагоприятная конъюнктура мирового рынка (новое повышение цен на энергоносители), диспропорции форсированного промышленного развития, неурожай 1980 г., а также политическая нестабильность после убийства Пак Чжон Хи в октябре 1979 г. повлекли за собой резкий спад в экономическом развитии страны. Впервые с начала неоиндустриализации упали инвестиции и потребительские расходы. В 1980 г. валовой объем производства снизился на 5,2 %, оптовые цены подскочили на 38 %, а дефицит платежного баланса оказался наивысшим за всю историю РК – 3,5 млрд долл.

Перед администрацией Чон Ду Хвана встала непростая задача: удержать стратегическое содержание неоиндустриальной модернизации и в то же время найти другие по сравнению с административными рычаги стабилизации и стимулирования хозяйственного роста. Не ослабляя жесткости в политической сфере, государство предпринимает далеко идущие маневры рыночного характера. Военные реформаторы второго поколения вынуждены были признать, что распределение и перераспределение всех национальных ресурсов под строжайшим оком государственной бюрократии парализует действие законов рынка, что частному капиталу надо предоставить большую свободу предпринимательской деятельности. Вместе с тем в интересах повышения экспорта необходима была дальнейшая либерализация внешнеэкономических отношений, затрагивающая не только торговый оборот, но и инвестиции.

В последний год правления Пак Чжон Хи, т. е. в 1979 г., без специальной правительственной лицензии в Южную Корею было ввезено 68 % всех импортируемых товаров. Десять лет спустя, к 1989 г. этот показатель был повышен до 94,8 %. Другими словами, власти по существу доверили рынку регулирование потока ввоза иностранных товаров. В 1980 г. таможенные пошлины на промышленные товары составляли 31,8 %, а к 1989 г. снизились до 12,1 %, что оказало позитивное влияние на стабилизацию оптовых и розничных цен.

В период правления Чон Ду Хвана все более расширялась потенциальная сфера приложения иностранного капитала. Число промышленных отраслей, в которые не допускались иностранные инвестиции, неуклонно сокращалось, и, например, в обрабатывающей промышленности около 90 % предприятий были открыты для капиталовложений из-за рубежа. С 1980 г. во многих ситуациях иностранные инвесторы могли приобретать 100 % акций предприятий, нуждающихся в реконструкции и модернизации. В результате валовой объем прямых иностранных инвестиций к 1989 г. достиг 1,09 млрд долл. В 1990 г. в РК был принят Закон о регулировании монополии и добросовестной конкуренции, который запретил неэкономические методы использования конкуренции (например, недобросовестную рекламу, недостоверную информацию и пр.). Одновременно государство стало проводить линию на расширение поддержки экономическими методами мелкого и среднего бизнеса, содействуя их технологической модернизации, облегчая доступ к кредитам, открывая дополнительные каналы сбыта и получения сырья и полуфабрикатов, помогая в подготовке кадров и т. п. Все это несколько уравнивало конкурентные позиции чэболей и среднего и мелкого бизнеса, хотя преимущества олигархов оставались в целом неуязвимыми.

Сочетание регулирующей роли государства с расширением простора для рыночных механизмов

позволило Южной Корее не только стабилизировать экономическую ситуацию, но и добиться новых структурных сдвигов в народном хозяйстве. К 1988 г. удельный вес добывающей и обрабатывающей отрасли поднялся до 34,4 % по сравнению с 16,3 % в 1963 г. В рассматриваемый период было создано 2,8 млн новых рабочих мест. Несмотря на инфляционные процессы, произошел рост реальной заработной платы рабочих и служащих. К концу 1985 г. внешняя задолженность РК составила 46,8 млрд долл. (четвертое место в мире). Тем не менее с 1989 г. Южная Корея становится одним из крупных международных финансовых кредиторов.

Все годы пребывания у власти Чон Ду Хвана продолжала обновляться и структура внешнеторгового оборота РК. К 1988 г. первое место в южнокорейском экспорте (в США, Японию, Гонконг, Германию, Великобританию и др. страны) по-прежнему занимала продукция текстильной промышленности, но за ней плотно шли электроника, оборудование, автомобили, черные металлы. Продолжая линию «архитектора» южнокорейского экономического чуда Пак Чжон Хи, Чон Ду Хван ставит на службу неоиндустриальным преобразованиям многие прежде не задействованные механизмы рыночного хозяйства, и именно это, а не авторитарные методы управления, в решающей степени содействовало дальнейшему наращиванию экономического потенциала страны.

В период правления Чон Ду Хвана в РК завершается формирование военно-промышленного сектора, призванного ослабить сильную зависимость страны от закупок оружия на мировом внешнем рынке и прежде всего в США. Еще в 1973 г. в РК был принят Закон о военных поставках, направленный на ускоренное развитие отечественной военной технологии. Был создан специальный фонд поддержки оборонной промышленности, предусмотрены льготы по налогообложению, протекционистские и иные меры стимулирования, увеличены военные расходы в бюджете. В результате уже к концу 70-х – началу 80-х гг. XX в. был налажен по лицензиям выпуск таких технологически сложных видов боевой техники, как танки «М-48А5», идентичные американским танкам «М-60А1», ракет ближнего радиуса действия, ракет с разделяющимися боеголовками. В 80-е гг. военно-промышленный сектор РК производил (в основном также по лицензиям) зенитные орудия, гранатометы, минометы, безоткатные орудия, бронетехнику. С 1977 г. РК приступила к производству вертолетов «500-МД». В марте 1980 г. был спущен на воду ультрасовременный эсминец «Ульсанхам», а затем начато производство новейших истребителей бомбардировщиков «А5А». В 1982 г. Чон Ду Хван ввел в действие Вторую программу модернизации вооруженных сил. Ее реализация позволила Южной Корее по качеству боевой оснащённости опередить КНДР, на вооружении которой находилась в основном устаревшая техника советского образца. Таким образом, ускоренный технологический прорыв, основанный на преимуществах рыночного механизма, и интеграция в мировое хозяйство дали возможность Югу добиться реальных преимуществ в соперничестве с Севером за ведущую и ключевую роль в диалоге по вопросам общенационального воссоединения.

Весьма противоречиво и неоднозначно складывались отношения администрации Чон Ду Хвана с крупным финансово-промышленным капиталом. Под влиянием роста оппозиционных, демократических настроений в обществе власти пытались вначале хотя бы частично ограничить могущество и влияние чэболей, поскольку их клановая замкнутость, абсолютно непререкаемая власть главы концерна, сосредоточение всех ключевых позиций по вертикали и горизонтали в руках узкого семейного круга, наконец, растущее недовольство со стороны международной финансовой олигархии, включая Всемирный банк, стали вызывать беспокойство и тревогу властей. Но в конечном итоге Чон Ду Хван пришел к выводу, что не следует отказываться от «курицы, несущей золотые яйца». Поэтому все основные привилегии, введенные прежним режимом (особенно льготные госкредиты, государственные гарантии, налоговые послабления, содействие в выходе на внешние рынки и пр.), были сохранены, а в некоторых случаях и расширены. И все это диктовалось интересами оптимизации условий деловой активности. В южнокорейских условиях того времени с преобладанием конфуцианских патерналистских традиций чэболь

представляла оптимальную форму мобилизации и концентрации капиталов, трудовых ресурсов, технологических новинок. К 1975 г. суммарные продажи пяти крупнейших чэболей составили 13 % южнокорейского ВВП. Еще в 1973 г. «Хёндэ» заложила в Пусане первый океанский сухогруз, а к 1984 г., т. е. спустя девять лет, Южная Корея становится второй после Японии судостроительной державой мира. В 1983 г. «Хёндэ» основала дочернюю компанию «Хёндэ электроникс» по производству электронной продукции, уверенно прорвавшейся в дальнейшем на мировой рынок. К 1974 г. «Самсунг» стал выпускать электронную продукцию, а с 1977 г. – электронику и полупроводники, не уступающие по качеству крупнейшим производителям этой продукции в Японии, США и Западной Европе. Подобные достижения в сфере новейших технологий вряд ли стали бы возможны без массивной финансовой и организационной поддержки государства.

В осуществлении экономических и торговых прорывов ключевое значение имело также привлечение иностранного монополистического капитала. Иностранный капитал составил 59,6 % суммарного объема капиталовложений в 1961–1965 гг., 38,8 % – в период 1966–1970 гг., 30,2 % в 1971–1975 гг., 14,2 % в 1976–1980 гг. и 15,2 % в 1981–1984 гг. Эти данные говорят о том, что без привлечения крупных внешних инвестиций не могло быть и речи о глубокой модернизации и технологическом обновлении всей южнокорейской экономики.

Вместе с тем сами конгломераты оставались основной опорой реализации неоиндустриальной стратегии. В конце 70-х – начале 80-х гг. чэболи поглощали около 75 % всех банковских кредитов. В начале 80-х гг. на долю 10 крупнейших финансово-промышленных групп приходилось 20 % выпуска продукции обрабатывающей промышленности (по добавленной стоимости), а в конце 80-х гг. – 23 %. В начале 80-х гг. 50 чэболей давали 25 %, а 100 чэболей – 47 % ВВП страны. Позиции и роль конгломератов буквально заволаживали государственно-управленческие верхи. Поэтому государство сознательно не замечало неуклонного созревания в недрах чэболизации глубинных катастрофических угроз народному хозяйству, обусловленных нездоровой (семейно-олигархической) концентрацией и централизацией капитала, сильной зависимостью от внешних источников финансирования, сужением пространства свободного, немонополистического рынка, нерыночными принципами функционирования многих непрофильных подразделений, опасным отрывом кредитно-денежных потоков от реального производства.

Среди мер государственной поддержки конгломератов важное место занимала импортно-экспортная, таможенная политика. Запретительные пошлины фактически закрыли доступ в страну автомашин иностранного производства. Была резко ограничена или закрыта также закупка за рубежом тех комплектующих, которые можно было изготовить в стране. В итоге в корейских автомобилях примерно 90 % – это детали местного производства. В дополнение к этому корейцам удалось добиться того, чтобы все должностные лица государственных и частных ведомств пользовались исключительно автомобилями отечественного производства. (На Юге Кореи невозможно представить себе, чтобы кто-либо из сотрудников «Хёндэ» или «Дэу» ездил на «Мерседесе», «Тойоте» или другой иномарке.)

В 80-е гг. РК сделала важные шаги на пути укрепления своей научно-технологической базы. Тяжелая зависимость в этой сфере была одной из узловых проблем неоиндустриального развития. В 70-х гг. отчисления «Самсунг электроникс» японским фирмам за предоставленную технологию и дизайн нередко достигали 50 % валовой экспортной выручки. Но шаг за шагом конгломераты освобождались от этого тяжелого груза. Развертывая свою научно-исследовательскую базу, чэболи на контрактных условиях стали привлекать лучших иностранных инженеров и техников. К концу 70-х гг. «Самсунг» становится одним из крупнейших мировых экспортеров электроники и бытовой техники.

В период четвертой пятилетки не только не понизилась, а, напротив, возросла роль государственного казначейства в финансировании народного хозяйства. В 60-е гг. XX в. государство финансировало 20 %

валовых капиталовложений в экономику, в 1972–1975 гг. – 14,5 %, в 1976–1980 гг. – 20 %, а в 1981–1984 гг. – 24,4 %. Государственные кредиты играли решающую роль в технологическом обновлении производства и расширении выпуска продукции на экспорт.

В 1987 г. министерство науки и технологии РК приступило к реализации 15-летнего плана научно-технического развития РК, в котором основной акцент экономического планирования государства был сделан на внедрение новых разработок в сфере электроники и химии, информатики и автоматизации, аэронавигации и космологии. Выведенный в 1993 г. на орбиту первый исследовательский спутник был создан на базе национальной технологии. Доля затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) в РК в 1993 г. достигла 2,7 % ВВП, что соответствовало тогдашнему уровню высокоразвитых стран Запада.

В последние два года четвертой пятилетки среднегодовые темпы экономического роста достигли 12 % по сравнению с 8 % в предыдущие годы. «Экономическое чудо» продолжало набирать темпы, и основным его источником были трудовые ресурсы. В 60-е – 80-е гг. удельный вес трудовых ресурсов в общем приросте ВВП составлял 30,8 %. К началу 80-х гг. несколько выросла средняя зарплата рабочих и служащих индустриального сектора, сократился разрыв между доходами беднейших семей и среднего класса, еще более уменьшилась рабочая неделя, увеличилось число профсоюзов. Тем не менее, труд южнокорейских рабочих в начале 80-х гг. был одним из самых низкооплачиваемых во всей группе неоиндустриальных стран Азии (примерно 250 долл. в месяц).

Одним из важных признаков «авторитаризма модернизации» было дальнейшее сращивание военно-бюрократической элиты с финансово-промышленными группами. Юридическим прикрытием этого процесса стал Закон о политических фондах, принятый в декабре 1980 г. По этому закону помимо ассигнований из госбюджета партия могла создавать «группу финансовой поддержки», в которую входили коллективные и индивидуальные члены. Формально ФПГ было рекомендовано воздерживаться от выражения своих материальных пристрастий определенной партии, но это правило легко обходилось с помощью замаскированных организаций и подставных лиц. И наиболее рельефно это проявилось в деятельности таинственного «Фонда Ильхе», возникшего в октябре 1988 г. для сбора пожертвований на гуманитарные цели. Формально фонд создавался как неправительственный центр проведения независимых международных, экономических, политических и социальных разработок. Однако за этим внешне вполне благопристойным академическим прикрытием действовала крупная финансовая структура, которой без какого-либо контроля, единолично распоряжался Чон Ду Хван. В числе основных спонсоров фонда оказались такие могущественные корпорации, как «Хёндэ», «Самсунг», «Дэу», «Лакки Голдстар» и др.

Расследования, проведенные в годы Шестой республики по требованию оппозиции, выявили неприглядную картину коррупции, казнокрадства и спекуляции, в которых было замешано самое близкое окружение Чон Ду Хвана, и в частности его супруга Ли Сун Джа. В июне 1981 г. под ее эгидой была создана «Ассоциация воспитания нового поколения», которая получала крупные правительственные дотации и одновременно солидные частные пожертвования. Собранные таким путем средства лишь в минимальных размерах шли на благотворительные нужды и бесконтрольно расхищались. «Первая леди» не смогла объяснить, куда исчезли бесследно 42 млн вон из бюджета гуманитарных организаций.

Другие представители семейно-родового клана Чон Ду Хвана без стеснения использовали политическое влияние в целях личного обогащения. Так, младший брат супруги президента – Ли Чан Сок, занимавший пост президента частной корпорации, многие годы обладал монопольным правом высокоприбыльных поставок сырья Пхоханскому металлургическому комбинату. А старший брат президента Чон Ду Хвана – Чон Ги Хван, крупный полицейский чин, за обеспечение «крыши» ежемесячно

получал наличными с компании по реализации рыбопродуктов в Сеуле 10 млн вон. (За это уголовное преступление он был позднее в годы демократической власти осужден на 4 года тюрьмы.)

Чон Ду Хван, покинувший пост президента под напором демократической оппозиции, был вынужден публично извиниться перед народом за беззакония и произвол, процветавшие в его бытность на посту главы государства. При этом он заявил о добровольной передаче государству всего своего имущества – семейной резиденции, личных активов на сумму 3 млн долл. и 20 млн долл. наличными из сейфа Консультативного совета старейшин – бывших государственных чиновников. Но эти запоздалые акции не спасли в дальнейшем генерала от ареста и суда.

Достижения администрации Чон Ду Хвана в экономической, технологической и внешнеторговой сфере не сопровождалась, однако, позитивными сдвигами во внешней политике РК. После принятия в 1981 г. решения МОК о проведении XXIV Олимпиады в Сеуле ожидалось существенное ослабление напряженности на Корейском полуострове и активизация межкорейского диалога. Эти надежды, к сожалению, не оправдались. В ответ на форсированные военные приготовления в РК КНДР отказалась от участия в играх, а затем организовала ряд опасных провокаций, которые возвращали две Кореи в состояние холодной войны.

7 октября 1983 г. группа северокорейских диверсантов, находящаяся в Рангуне (Бирма), на территории пагоды Шведагон взорвала мавзолей, на котором в это время должен был находиться Чон Ду Хван, совершавший визит по странам Азии. Глава военной хунты не пострадал, по скольку опоздал на мероприятие. Но взрыв был такой силы, что уничтожил 21 и ранил 26 человек, в числе которых были ключевые министры обоих государств. Террористов, пытавшихся уйти в джунгли и далее к тайландскому побережью, где их должна была подобрать подводная лодка северян, схватили, и они признались, что заброшены из Северной Кореи на сухогрузе «Тонгон». Все они были приговорены к смертной казни. Одновременно был выслан весь состав посольства КНДР, что повлекло за собой разрыв бирмано-северокорейских дипломатических отношений.

Провал тайной операции, а главное – невероятный шум, поднявшийся в мировых СМИ, не обескуражил северян. Вслед за отказом от участия в Сеульской олимпиаде северокорейские спецслужбы решили взорвать один из самолетов южнокорейской компании "KAL". Акция была проведена 29 октября 1987 г., т. е. примерно за год до Олимпиады, когда «Боинг 707», выполнявший рейс 858 между Багдадом и Сеулом, внезапно исчез над Андаманским морем, не успев даже подать сигнала «SOS».

Все пассажиры и экипаж – 115 человек погибли. Проследившая в тот же день маршрут полета лайнера, полиция Абу Даби обратила внимание на двух подозрительных лиц – пожилого мужчину и молодую женщину, которые сошли со злополучного рейса. По паспортам это были отец и дочь – граждане Японии, однако электронный запрос показал, что документы фальшивые. Пару арестовали, но они тут же попытались принять сильнодействующий яд. Мужчина скончался на месте, а его «дочь» была спасена и дала сенсационные показания: оба «туриста» были профессиональными северокорейскими разведчиками и, выполняя задание, оставили на борту лайнера взрывное устройство, спрятанное в транзисторном приемнике. Разразился крупный дипломатический скандал, но северяне заявили, что это «провокация самих южнокорейских реакционеров» с целью скомпрометировать КНДР.

Разумеется, после таких обменов «любезностями» не могло быть и речи о климате доверия между двумя корейскими государствами, которые вновь шаг за шагом стали приближаться к силовому сценарию разрешения конфликтного противоречия.

§ 3. Борьба за Конституцию Шестой республики

Между тем подготовка к Сеульской олимпиаде 1988 г. требовала от южнокорейской стороны осуществления серьезных акций, направленных на ослабление рычагов авторитарного правления, продвижения к нормальному гражданскому обществу, стабилизации основ конституционного строя, либерализации политической жизни. Именно такие цели преследовали выборы в Национальное собрание РК, в которых в 1985 г. впервые после многих лет строжайших запретов и ограничений приняли участие оппозиционные властям демократические партии и движения. Итоги выборов стали показателем новой радикальной перегруппировки основных политических сил в стране.

Проправительственной Партии демократии и справедливости (ПДС) удалось завоевать 148 мест (из 299) и получить 32 % голосов избирателей. Вместе с тем Новая корейская демократическая партия (НКДП) получила 67 мандатов и 24,4 % голосов, Демократическая корейская партия (ДКП) завоевала 35 мест и 19,9 % голосов, Корейская гражданская партия (КГП) – 20 мест и 8,9 % голосов. Проправительственная ПДС сумела сохранить парламентское большинство, но ей противостояла теперь значительно окрепшая оппозиция. ПДС оказалась в проигрыше в пяти крупнейших городах страны – Сеуле, Инчхоне, Тэгу, Пусане и Тэджоне. Военная элита стала осознавать, что реальная власть начинает ускользать от нее и, чтобы сохранить свои позиции, нужны новые хитроумные комбинации.

Одной из них стало неожиданное предложение Чон Ду Хвана провести предстоящие президентские выборы в феврале 1988 г. на основе старой конституции, т. е. через коллегию выборщиков, а не прямым голосованием, а к новым конституционным поправкам вернуться лишь после проведения Олимпиады. Маневр действующего главы государства вызвал возмущение в рядах демократической оппозиции, но выработать согласованную позицию ей сразу не удалось. Так руководство ДКП усмотрело в предложении Чон Ду Хвана некоторые «позитивные моменты» и заявило о готовности партии вступить в переговоры, если власти немедленно освободят из тюрем всех политзаключенных, восстановят в политических правах Ким Дэ Чжун и его соратников, гарантируют свободу слова, внедрят демократические процедуры в Национальном собрании и т. п. Однако Ким Ен Сам и Ким Дэ Чжун категорически отвергли политические маневры военного руководства и в дальнейшем (май 1987 г.) они объединили своих сторонников в рядах новой Демократической партии за воссоединение (ДПВ) (Тхонъиль минчжудан), сыгравшей выдающуюся роль в переходе страны от авторитарного правления к демократии. ДПВ твердо стояла на позициях нелегитимности чондухвановского режима, узурпировавшего власть путем переворота в 1980 г.

7 мая 1987 г. оппозиционные демократические силы при ведущей роли ДПВ создали Штаб гражданского движения за демократическую Конституцию во главе с Ким Ен Самом, которому удалось развернуть небывалое по своему размаху массовое движение оппозиции. 10 июня 1987 г. многолюдные антиправительственные митинги состоялись в 18 крупных городах страны. Несмотря на призыв штаба Гражданского движения действовать сугубо мирными средствами, без силовых столкновений и анархии не обошлось. Радикально настроенные боевики из рядов левацкой Общенациональной ассоциации студенческих представителей (Чондэхёп) совершали нападения на полицейские участки и другие административные учреждения. В ожесточенных столкновениях пострадали сотни демонстрантов и сотрудников правопорядка.

Новый раунд антиправительственных выступлений во всех крупных административных центрах страны начался 18 июня. Демонстранты требовали пересмотра Конституции, ликвидации авторитарной власти, права прямым всеобщим голосованием избирать президента, запретить использование против мирных демонстрантов гранат со слезоточивым газом.

В осенне-летние выступления 1987 г. впервые за всю историю военно-бюрократического режима самостоятельно включаются рабочие и служащие крупных промышленных центров. Хотя требования рабочих и служащих носили в основном экономический характер (повышение заработной платы, улучшение условий труда и т. п.), они объективно смыкались с политическими выступлениями городских средних слоев. Только в июле—августе 1987 г. в стране произошло свыше 2 тыс. забастовок, которые распространились на крупнейшие промышленные предприятия страны. В 1987 г. от забастовок пострадали примерно 3,3 тыс. компаний, понесших ущерб примерно в 12 млрд долл. Немалые потери понесли в этот период и чэболи, которые стали убеждаться в том, что режим Чон Ду Хвана не в состоянии гарантировать им оптимальные условия воспроизводства капитала. Над «южнокорейским экономическим чудом» нависла реальная угроза повторения трагических событий весны 1980 г. в Кванчжу. И это всего за один год до начала Сеульской олимпиады!

И здесь на южнокорейской политической арене без какого-либо дипломатического камуфляжа вновь появились США, которые стали усиленно дистанцироваться от военно-бюрократического режима Чон Ду Хвана. Так, помощник госсекретаря США Г. Сигур в своем заявлении от 6 февраля 1987 г. высказался за введение на Юге Кореи «более открытой и правовой политической системы». Это означало, что США выступают за серьезную перестановку основных шахматных фигур в РК и не намерены впредь безоговорочно поддерживать армейскую элиту, хотя последняя действовала не в генеральских мундирах, а в гражданских одеждах.

Отрезвляющее действие на элиту оказала принятая в мае 1987 г. специальная резолюция Сената США с осуждением попыток дальнейшей консервации политического строя в РК и призывом отменить решение Чон Ду Хвана от 13 апреля 1987 г. о переносе сроков введения конституционных поправок на время после проведения Сеульской олимпиады. Это означало, что Вашингтон де-факто делает политическую ставку не на армейскую верхушку, а демократическую оппозицию. 19 июня 1987 г. посол США в Республике Корея Джеймс Лилли вручил Чон Ду Хвану специальное послание президента США Р. Рейгана, в котором содержался настоятельный призыв (читай – директива) проявить сдержанность в отношении мирных демонстрантов, освободить всех политзаключенных, отменить ограничения на партийно-политическую деятельность, возобновить диалог с демократической оппозицией.

Правящая военная хунта оказалась в итоге как бы «между молотом и наковальней»: не только новые средние слои и широкие слои индустриальных рабочих и служащих, но и немалая часть чэболей требовали возвращения к нормальному гражданскому правлению. Вместе с тем немалая часть офицерского корпуса и государственной бюрократии противились переменам, опасаясь стихийной утраты своих привилегий.

В такой ситуации 25 июня 1987 г. в Сеул с особо важными полномочиями Госдепартамента США прибыл упомянутый выше Г. Сигур. Он провел переговоры с Чон Ду Хваном, главой внешнеполитического ведомства Чхве Гван Су, председателем Партии демократии и справедливости (ПДС) Ро Дэ У, другими видными политическими деятелями. Требования вашингтонского эмиссара пойти на соглашение с демократической оппозицией звучали как своего рода ультиматум своему «младшему партнеру». И Чон Ду Хвану пришлось пойти на капитуляцию. Выдержав несколько дней (29 июня 1987 г.), генерал Ро Дэ У от имени правительственной ПДС обнародовал знаменитую «Декларацию из восьми пунктов», в которой говорилось, что в Республике Корея будет создана новая политическая система. На основе новой (девятой) Конституции страна возвращается к системе выборов президента прямым всеобщим голосованием. Освобождаются все политические заключенные и не будут допущены новые репрессии против оппозиции. Восстанавливаются все базовые демократические завоевания – свобода слова, свобода партийной деятельности, гражданские права, получит развитие система местного самоуправления, автономия учебных заведений и т. п. Государство восстановит конституционный контроль над армией, т. е. вооруженные силы возвращаются в свои казармы. Выборы нового президента и формирование нового

правительства должны состояться до февраля 1988 г., т. е. до проведения Сеульской олимпиады.

«Декларация из восьми пунктов» ознаменовала выдающееся достижение демократических национально-патриотических сил Юга. Это была в сущности первая в южнокорейской истории победа мирной, ненасильственной революции демократической направленности. Неоиндустриальный прорыв коренным образом модернизировал прежний экономический базис и социальную структуру общества, в то время как политическая надстройка общества оказалась законсервированной на целых два десятилетия. Последующие события в стране мелькали как в калейдоскопе. 27 октября 1987 г. был проведен всенародный референдум по новой Конституции. За нее проголосовало 93 % избирателей. 25 февраля 1988 г. новая Конституция вступила в силу. Эта дата считается Днем провозглашения Шестой республики.

Отражая компромисс между основными социально-политическими силами (буржуазные политические партии, армейская элита, финансово-промышленные группы, новые средние городские слои, профсоюзы и т. д.), Конституция Шестой республики стала зеркальным отражением новой ступени зрелости южнокорейского общества на пути синтеза традиционализма и вестернизма, продвижения к реальной демократии.

Какие же наиболее значимые общедемократические ценности зафиксировала Конституция Шестой республики, состоящая из преамбулы, 30 статей и шести дополнительных положений?

Конституция Шестой республики определила государственный строй страны как «демократический», при котором народ наделен неотъемлемыми суверенными правами. РК подтвердила свое уважение международных обязательств и свою приверженность общепризнанным нормам международного права.

Гарантируя основные демократические права и свободы народа, Конституция подчеркивала, что базовые права граждан могут быть ограничены только законодательным путем, если это вызвано возникновением угрозы национальной безопасности. Политические права граждан страны включают: равенство всех перед законом; защиту от необоснованного ареста; свободный выбор места жительства; право участия в выборах и занятия государственных постов; право на адвокатскую защиту; право обжалования законности ареста или задержания в судебном порядке.

Государство обеспечивает также и другие демократические гарантии: тайну переписки, свободу вероисповедания, свободу совести, слова, печати и собраний, право на экологически чистую среду обитания, право на защиту частной жизни, счастье и благополучие.

К базовым экономическим и социокультурным правам отнесены: право собственности, право на труд, право на свободу выбора профессии и коллективный договор, право занятий наукой и искусством. Конституция провозгласила также обязанность граждан добросовестно трудиться, исправно платить налоги, защищать конституционный строй. Эти основополагающие гражданские права большей частью декларировались и ранее, но не обладали гарантиями и грубо попирались авторитарной властью.

Для обеспечения надежной защиты прав граждан и соблюдения Основного закона впервые в истории РК формировался Конституционный суд (КС), состоящий из 9 судей, избранных Национальным собранием (3 места), Верховным судьей (3 места) и президентом (3 места). В прерогативы КС вошли: определение конституционности того или иного закона, включая решения об импичменте главы государства, роспуск политической партии, урегулирование юридических споров между государственными организациями и ведомствами, а также рассмотрение обращений по вопросам, имеющим отношение к Основному закону.

Председатель КС назначается по согласованию с Национальным собранием президентом РК сроком на шесть лет. Члены КС не имеют права состоять в каких-либо политических партиях и организациях, заниматься политической деятельностью. Члены КС могут быть смещены или отозваны со своих постов только на основе парламентской процедуры импичмента или приговора суда. В начале 1988 г. КС был

сформирован и сразу же стал важным звеном в системе демократической власти РК.

Конституция Шестой республики сохранила институт президента как главы государства и главы исполнительной власти, избираемого всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием сроком на 5 лет и только на один срок. Под интенсивным давлением оппозиции были введены и другие принципиальные новшества, ограничивающие полномочия главы государства, которые он имел прежде. Президент обязан отчитываться о своей деятельности перед Национальным собранием, которое получило право импичмента главы государства.

Обладая верховной исполнительной властью, президент является главным дипломатом страны и осуществляет разработку внешней политики и ее практическое руководство. Уникальная обязанность президента добиваться мирного воссоединения нации, поэтому в составе правительства помимо МИДа действует Управление (министерство) национального объединения. Как глава администрации президент вводит в действие законы, принятые Национальным собранием, издает соответствующие законы, возглавляет законотворческий процесс, назначает должностных лиц, включая премьер-министра и глав исполнительных органов власти. Президент является лидером ведущей политической партии, главнокомандующим вооруженными силами, руководителем Государственного совета.

Как главное должностное лицо, отвечающее за обеспечение национальной безопасности, он наделен необходимыми полномочиями в принятии ответственных решений в случае возникновения критических ситуаций, включая угрозу извне и стихийные народные волнения. Новые его решения в этой области требуют одобрения Национального собрания, и если такого одобрения нет, то меры главы государства отменяются, т. е. считаются недействительными. Под руководством президента работает Агентство по планированию государственной безопасности (АПГБ), которое было создано еще в 1961 г. под названием Центральное разведывательное управление. Позднее АПГБ было переименовано в Агентство государственной информации (АГИ).

Руководимый президентом Государственный совет (ГС) несет ответственность за практическую реализацию внутренней и внешней политики. В состав ГС входят: председатель (президент), премьер-министр (зам. председателя), министр Управления экономического планирования (в ранге зам. премьера), министры отраслевых министерств. Госсовет прорабатывает узловые вопросы внешней и внутренней политики, включая объявление войны и заключение мирных договоров, проекты поправок к Конституции, проект бюджета, указы президента чрезвычайного характера. Госсовет рассматривает также вопросы о роспуске той или иной политической партии, назначает генерального прокурора, ректоров госуниверситетов, главнокомандующих родами войск, директоров крупных государственных корпораций и предприятий. Проработка на заседаниях Госсовета всех ключевых вопросов внутренней и внешней политики считается гарантией того, что глава государства не допустит принятия односторонних и поспешных решений.

В группу ведущих министерств входит Управление экономического планирования и Управление национального объединения, которое возглавляет заместитель премьер-министра страны. Управление с функциями министерства разрабатывает стратегические и практические вопросы объединения Кореи и имеет в своей структуре: Отдел планирования и управления политикой объединения, Бюро по вопросам межкорейского обмена и сотрудничества, Бюро просвещения населения и общественной информации. Управление направляет деятельность Института политического просвещения по вопросам национального воссоединения, курирует Отдел диалога «Юг – Север», издает ряд периодических изданий, сборники документов, монографии корейских и зарубежных авторов, обеспечивает сотрудничество с консультативными структурами зарубежных корейских диаспор по вопросам воссоединения Кореи.

Ключевые позиции в системе государственной власти Шестой республики отведено Национальному

собранию, состоящему из 299 депутатов, избираемых сроком на 4 года. Основные функции парламента – законотворчество, утверждение государственного бюджета, ратификация международных договоров, контроль деятельности правительства, санкционирование решения главы государства об объявлении войны и отправке своих вооруженных сил в другие государства. Исключительное право Национального собрания – это возбуждение дела об импичменте любого должностного лица вплоть до президента, премьер-министра и министров. Для принятия решения об импичменте необходимо, чтобы за него проголосовало большинство депутатов.

Таким образом, в феврале 1988 г. в Республике Корея был введен самый демократический Основной закон за всю историю существования государства с 1948 г. Конституция, опираясь на мировой опыт правовой государственности, четко зафиксировала разделение властей (законодательной, исполнительной, судебной), определила конституционные нормы равноправной многопартийности в политическом процессе, выработала гарантии обеспечения гражданских прав и свобод.

Крупным завоеванием демократических сил стало положение Конституции о национальной обороне, которое поставило барьер между армией и государственным управлением и запретило армии участвовать в политической деятельности. В пользу демократической оппозиции был решен вопрос и об ограничении президентских полномочий только одним пятилетним сроком. (Последующие события показали, что это была дальновидная акция, направленная на профилактику излишней централизации исполнительной власти, искоренения коррупционных и других деструктивных явлений.) В итоге Конституция Шестой республики, существенно повышая имидж РК на международной арене, заметно усилила ее позиции не только в межкорейском диалоге, но и в проведении Сеульской олимпиады в сентябре того же года.

§ 4. Трудные шаги на пути к демократии

Выборы нового президента РК были запланированы на 16 декабря 1987 г. Политический климат и расстановка сил в стране не оставляла сомнений в том, что единый кандидат демократических сил (Ким Ен Сам или Ким Дэ Чжун) станет наверняка новым главой государства. Однако оппозиция не смогла достичь согласия по вопросу о едином кандидате на президентский пост. В условиях резко обострившихся внутренних противоречий сторонники Ким Дэ Чжуна вышли из рядов Демократической партии за воссоединение и (12 ноября 1987 г.) образовали новую Партию мира и демократии (ПМД) (Пхёнхва минчжудан). Самостоятельно решила действовать и Новая демократическая республиканская партия (НДРП) (Син минчжу конхвадан) во главе с Ким Чжон Пхилем. На выборах, состоявшихся в намеченный срок, Ким Ен Сам получил лишь 28 %, Ким Дэ Чжун – 27 %, а Ким Чжон Пхиль – 8,1 % голосов избирателей. Победу же в президентской гонке выиграл кандидат правительственной ПДС Ро Дэ У, получивший 36,6 % голосов и ставший таким образом очередным главой государства. 25 февраля 1987 г. Ро Дэ У официально вступил в должность президента, что означало начало истории Шестой республики.

Политическая биография Ро Дэ У во многом была типичной для представителя армейской элиты, стремительно внедрившейся в большую политику в бурные 60–80-е гг. Родился 4 декабря 1932 г. в г. Тэгю. Учился в Военной академии ВС РК вместе с Чон Ду Хваном. Проходил стажировку в США. Командовал десантно-парашютным подразделением во время событий в г. Кванчжу 1980 г. Входил в состав администрации президента РК в годы Пятой республики. Летом 1987 г. в качестве лидера правящей партии ДПС посетил США, которые усиленно настаивали на замене военно-политического режима той или иной формой прозападной демократии. Назначение на пост лидера правительственной партии Минчжудан означало, что он рассматривается как политический наследник Чон Ду Хвана. Активный сторонник «северной политики» РК. В 1993 г., находясь в отставке, был привлечен к суду за получение взяток и кровавую расправу в Кванчжу и приговорен к 22,5 годам тюремного заключения. Помилован указом президента РК Ким Дэ Чжуна.

Первым серьезным практическим испытанием для администрации Ро Дэ У стали парламентские выборы 26 апреля 1988 г. Правящая коалиция, опираясь на огромные взносы финансово-промышленной олигархии, поддержку из-за океана, наконец, административный ресурс, рассчитывала сохранить свои монопольные позиции в Национальном собрании, роль которого отныне обрела принципиально новые качества. Особая ставка при этом была сделана на авторитет Ро Дэ У, только что избранного президентом республики. Сторонники ДПС доказывали, что только их партия может гарантировать стране сохранение высоких темпов экономического развития, рост благосостояния рядового работника, построение «процветающего общества» без хаоса, анархии и социальных потрясений.

Итоги апрельских выборов, которые в целом, несмотря на отдельные нарушения и злоупотребления, носили свободный и независимый характер, принесли сенсационные результаты. Президентская Партия демократии и справедливости смогла взять верх только в 87 одномандатных избирательных округах из 224 и в 38 общенациональных округах из 75. В итоге из 299 депутатских мест в Национальном собрании ПДС получила лишь 125 мандатов. Никогда в истории южнокорейского парламентаризма основная проправительственная партия не находилась в столь уязвимом положении. Неподвластный президенту законодательный орган привел де-факто к возникновению политического двоевластия, в условиях которого правящий блок вынужден был пойти на дальнейшие уступки оппозиционным демократическим силам.

Апрельские выборы 1988 г. вызвали серьезную тревогу в рядах президентской команды. Оставляя в тени истинные причины неудач и провалов, глава государства обвинил высших руководителей партии и

государства в безответственности и бездеятельности, и многие из них были смещены с занимаемых должностей и отправлены в отставку. Позднее, 5 декабря 1988 г., Ро Дэ У провел радикальное обновление правительственного аппарата, заменив 20 высших должностных лиц из 24. Из состава правительства были выведены все без исключения чиновники высшего ранга, занимавшие различные ключевые посты в министерствах и центральных ведомствах при Чон Ду Хване. Глава государства понимал, что без основательного обновления управленческой иерархии невозможно внедрение в жизнь новых норм Конституции Шестой республики.

Одной из главных проблем Ро Дэ У стало усиление любой ценой проправительственной коалиции в Национальном собрании. Успешно управлять страной в условиях, когда возглавляемая главой государства ПДС не имела большинства в парламенте, было крайне затруднительно. Начались усиленные закулисные межпартийные консультации и переговоры, в результате которых был выработан сенсационный сценарий нового межпартийного блока, ошеломивший массовый демократически настроенный электорат. В декабре 1989 г. правительственная Партия демократии и справедливости (ПДС) сделала заявление о предстоящем слиянии с ранее оппозиционными Демократической партией за воссоединение (ДПВ) и Новой республиканской демократической партией (НРДП), с которыми прежде правящая партия находилась в острой политической конфронтации. Многие сторонники ДПВ и НРДП не поверили вначале в возможность такого необычного политического симбиоза. Но вскоре Ким Ен Сам и Ким Чжон Пхиль подтвердили заявление руководства ПДС, что вызвало бурю возмущения в рядах демократической оппозиции. Лидер ДПВ был обвинен в «измене идеалам демократии». Отвечая критикам, Ким Ен Сам объяснял сговор с консерваторами необходимостью организационной перегруппировки политических сил накануне выборов в местное самоуправление и интересами повышения эффективности в законотворческом процессе.

В действительности за этой политической сделкой крылось нечто большее. Отныне правительственная ПДС обрела большинство в Национальном собрании и могла, опираясь на структуру ДПВ, с успехом проводить свою линию внутри страны и на международной арене. В свою очередь, Ким Ен Сам, ориентируясь на президентское кресло, пришел к выводу, что эта цель больше всего достижима, если он достигнет компромисса с правительственной партией. Несмотря на значительные разногласия, переговоры об организационном слиянии ПДС во главе с Ро Дэ У, ДПВ во главе с Ким Ен Самом и НРДП во главе с Ким Джон Пхилем были завершены в рекордные сроки – к 9 февраля 1990 г. В этот день было объявлено о рождении Либерально-демократической партии (ЛДП) (Минчжу чаюдан). Председателем новой партии, как было условлено на предварительных переговорах, стал Ким Ен Сам. В итоге правительственная ЛДП стала контролировать 2 /3 мандатов в Национальном собрании страны.

Перегруппировка партийных сил в парламенте привела к новому балансу политических сил в масштабе всей республики, что позволило Ро Дэ У активизировать свою внутреннюю и международную политику на таких направлениях, как проведение Сеульской олимпиады, создание системы местного самоуправления и углубление межкорейского диалога.

Решение о проведении XIV Олимпиады в Сеуле было принято МОК в 1981 г., и все последующие семь лет Южная Корея представляла собой грандиозную стройку спортивных сооружений. Вдоль русла реки Ханган, разделяющей столицу на две части, был возведен уникальный спортивный комплекс площадью в 545 тыс. кв. метров. Центральный объект комплекса – олимпийский стадион на 100 тыс. зрителей был открыт в 1984 г. В юго-восточной части Сеула было завершено строительство олимпийского парка площадью в 2 млн 175 тыс. кв. метров. В Пусане, на юге страны, была проведена подготовка к проведению соревнований по парусному спорту. Наконец, олимпийская деревня площадью в 72 га в живописной лесной местности в восточной части Сеула стала идеальным местом для отдыха и общефизических тренировок спортсменов всех специализаций.

Основные объекты Сеульской олимпиады были выполнены по заказам государства крупнейшими финансово-промышленными группами. Сеульская олимпиада 1988 г. была признана МОК лучшей за всю послевоенную историю международного олимпийского движения. В ней приняло участие 13304 спортсмена и судей из 160 стран мира. Олимпиада подняла на новый уровень международный имидж Республики Корея, содействовала созданию климата доверия между Востоком и Западом, установлению в дальнейшем официальных отношений Южной Кореи с СССР, КНР, государствами Восточной Европы.

После проведения Сеульской олимпиады, а точнее на рубеже 90-х гг. XX в., Южная Корея вступает в качественно новую фазу своей исторической эволюции, этап постиндустриальной модернизации. Ее основные черты проявились в следующих процессах:

- во-первых, в качественной трансформации экономической системы, форсированном развитии государственно регулируемого и в то же время открытого рыночного хозяйства, успешно интегрируемого с мировыми капиталистическими структурами;
- во-вторых, в радикальной структурной и технологической модернизации всего многоотраслевого национального хозяйства с значительным повышением его мировой конкурентоспособности в условиях вызовов глобализации;
- в-третьих, в формировании нового среднего класса, или, точнее, массовых средних слоев, своего рода «социальных ферментов» информационного общества и новой движущей силы социально-экономического и политического прогресса.

Поэтому администрации Ро Дэ У выпала нелегкая миссия пройти чрезвычайно напряженный путь мирного, ненасильственного перехода от авторитаризма к демократии. Правда оценка роли Ро Дэ У на посту первого президента Шестой Республики продолжает оставаться дискуссионной в современной историографии. И все же большинство исследователей склоняются к тому, что он выполнил в целом успешно свою конструктивную миссию на переломном этапе развития страны. Заняв пост лидера правящей ПДС еще в 1987 г., он чутко уловил невозможность реанимации военно-полицейских методов управления страной и своим уверенным курсом на управляемую сверху либерализацию сдерживал объективно амбициозные политические устремления немалой части офицерского корпуса. Ро Дэ У безоговорочно поддержал конституционную концепцию возвращения армии в казармы, т. е. ее ухода из политики. Он также активно содействовал возрождению, а точнее созданию в стране системы местного самоуправления.

Впервые попытки сформировать органы власти и управления на местах были предприняты еще в 1949–1952 гг., когда в шести провинциях Юга возникли представительные местные советы. В 1956 г. местные органы власти были избраны в Сеуле и провинциях Кенгидо и Канвондо. После установления военного режима Пак Чжон Хи деятельность всех органов власти, избранных местным населением, была заморожена на неопределенное время и главы местных администраций назначались президентским указом. Власти опасались, что местные советы могут стать очагами сопротивления военно-бюрократической касте. Между тем лозунги восстановления местного самоуправления были в числе основных в программах демократической оппозиции. Администрация Ро Дэ У в марте 1988 г. внесла в парламент проект нового закона о местном самоуправлении, который 6 апреля был введен в действие. Статья 117 действующей Конституции РК гласит, что местные органы административного управления ведают: вопросами социального обеспечения населения, управляют собственностью, находящейся в распоряжении местных администраций, собирают налоги и пошлины, рассматривают бюджет, обслуживают торговлю, решают другие вопросы местного самоуправления, делегированные центром. Иерархия местного самоуправления включает: муниципальные органы (си), уездные (кун), городские (ып) и волостные (мен).

В марте 1991 г. в РК практически впервые за три десятилетия прошли выборы в местные советы

низшего уровня (небольшие города и поселки, уезды, административные районы больших городов), а в июне 1991 г. в крупных городских центрах и провинциях. На этих выборах правящая Либерально-демократическая партия (ЛДП) завоевала 70 % мест в 260 советах самоуправления низового уровня и 65 % мандатов в 15 местных советах крупных территориально-административных единиц (Сеул, Пусан, провинции и провинциальные центры). Поскольку местные советы были наделены конституционным правом инспектировать деятельность местных администраций, их роль в политической жизни страны заметно усилилась. Так, городское собрание г. Пусан, имея в своей структуре шесть комиссий (по оргвопросам, финансам и планированию, образованию и культуре, здравоохранению и окружающей среде, строительству и транспорту и др.), получила возможность автономно в пределах полномочий делегированных центром сосредоточиваться на решении наиболее острых вопросов административной территории. Воссоздание и по существу формирование заново системы местного самоуправления при Ро Дэ У показало, что глава государства полностью отмежевался от прошлой политики военно-бюрократических режимов в этом вопросе. И этот поворот не мог не повысить рейтинг Ро Дэ У в общественном мнении страны.

Результаты местных выборов отразили закрепление политической власти в руках тройственной межпартийной коалиции и заметное ослабление позиций оппозиционных группировок. Рядовые избиратели отдали свои голоса тем, кто реально обладал властью и собственностью, игнорируя оппозиционеров, которые пускались в не всегда понятные для них популистские рассуждения о равенстве и демократии.

Вступление Южной Кореи в постиндустриальную фазу развития и радикальная модернизация ее экономической структуры повлекли за собой появление в мировом хозяйстве нового амбициозного экспортера капитала. В период неоиндустриального подъема, т.е. в 60–70-е гг. XX в., вывоз южнокорейского капитала носил эпизодический характер, и общая сумма заграничных инвестиций РК составила лишь 209 млн долл. Однако в дальнейшем (1984–1989 гг.) они достигли 1,7 млрд долл. Основная часть этих инвестиций была сделана в этот период в экономику стран Юго-Восточной Азии. Тем самым Южная Корея переносила в другие страны наиболее трудоемкие отрасли производства, интенсивно использовала более дешевую, чем у себя в стране, местную рабочую силу, обходила внешнеторговые барьеры, поскольку три четверти зарубежных предприятий работали в основном на экспорт.

Наряду с вывозом капитала широкое развитие получил экспорт рабочей силы на крупные строительные объекты других стран Ближнего и Среднего Востока, в первую очередь Саудовскую Аравию, Кувейт, ОАЭ. К началу 80-х гг. Южная Корея вышла на второе после США место по стоимости международных строительных проектов – 6,1 % мировых контрактов.

Каким образом южнокорейским фирмам удавалось выдерживать напряженную конкуренцию в гонке за тендерами с европейскими и иными гигантами строительного бизнеса? Весьма своеобразный ответ дал на этот вопрос один из саудовских экономистов: «Мы предпочитаем Южную Корею, потому что это страна растущего Ислама!» И в этих словах – немалая доля правды. Хотя первые корейцы-мусульмане переселялись на Корейский полуостров из Китая в 20-х гг. XX в., исламский бум на Юге начался в период корейской войны 1950–1953 гг., когда вместе с турецкими войсками в страну прибыли имамы. Они занимались благотворительной миссией среди местного населения, популяризировали свою веру, организовывали совместные моления. После войны (1955) было учреждено первое Корейское исламское общество, избран первый корейский имам, открыта мечеть. В годы пребывания у власти Пак Чжон Хи ислам как одна из религий страны был зарегистрирован министерством культуры РК. Ныне великолепные по своей архитектуре мечети действуют в Сеуле, Пусане, Кванчжу и других крупных административных центрах страны. Таким образом, ислам, который исповедуют несколько десятков тысяч южнокорейцев, стал одним из немаловажных каналов не только культурного, но и делового сближения

постиндустриальной Республики Кореи с обширным мусульманским миром.

§ 5. «Северная политика» Республики Корея на рубеже 80-х – 90-х гг. XX века

Годы правления Ро Дэ У стали периодом форсированного выхода Южной Кореи на международную арену. И этому способствовала не только Сеульская олимпиада, но и успех «северной дипломатии» динамичного президента РК. Эпизодические попытки «наведения мостов» с СССР и другими социалистическими странами РК предпринимала еще в 70–80-е гг. XX в., когда Сеул отменил ограничения на торговлю с «коммунистическими государствами». В 1974 г. Библиотека Национального собрания РК договорилась об обмене печатными изданиями с Государственной библиотекой им. Ленина. В сентябре 1978 г. министр здравоохранения РК Син Хен Хван участвовал в конференции Всемирной ассоциации здравоохранения (ВОЗ) в г. Алма-Ата и впервые встретился здесь с видными представителями корейской диаспоры.

Переломным в отношениях РК и СССР должен был стать 1983 г., когда в Сеуле проводилась очередная конференция Межпарламентского союза. Во время этой конференции южане планировали провести специальную встречу с советскими парламентариями на предмет основательного зондажа вопроса о наведении деловых и политических мостов между Сеулом и Москвой. Однако трагический инцидент с южнокорейским пассажирским самолетом, оказавшимся в зоне стратегической обороны СССР и сбитый советскими средствами ПВО, сорвал эту важную встречу.

В дальнейшем отношения Сеула с Москвой оживились лишь в связи с подготовкой к Сеульской олимпиаде 1988 г. В Сеуле неоднократно принимали представителей Национального олимпийского комитета СССР, а также видных российских ученых-международников (директора ИДВ АН СССР членкора АН СССР М. Л. Титаренко, директора ИМЭМО АН СССР членкора АН СССР В. А. Мартынова, первого заместителя директора Института востоковедения членкора АН СССР Г.Ф.Кима и др.). Они были приняты на самом высоком уровне. Г. Ф. Ким выступил с лекцией о советско-корейских отношениях перед большой аудиторией южнокорейских политологов и был принят в Голубом дворце президентом Ро Дэ У. Южнокорейская сторона настойчиво доказывала взаимовыгодность налаживания отношений между двумя странами.

Однако на пути установления межгосударственных отношений между РК и СССР существовала серьезная преграда – союзный советско-северокорейский договор 1961 г. И, судя по всему, в Сеуле это хорошо понимали и в принципе соглашались на постепенное, многоэтапное продвижение к поставленной цели с акцентом на деловое сотрудничество. Именно в этом ключе принимаются согласованные решения об открытии в Москве представительства Корейской корпорации содействия торговле (КОТРА) и в Сеуле представительства Торгово-промышленной палаты СССР. В дальнейшем при торговых представительствах двух стран были открыты консульские службы. Все это позволило придать дополнительный импульс торгово-экономическим отношениям между РК и СССР (правда, в основном через третьи страны). Если в 1958 г. общий товарооборот южнокорейско-советской торговли составлял 58,4 млн долл., то к 1988 г. он поднялся до 204,4 млн долл., а в 1989 г. – до 599,4 млн долл.

Реализация «северной политики» потребовала серьезных дипломатических усилий. Администрация Ро Дэ У интенсивно подключает к ней лидеров оппозиционных демократических партий Ким Ен Сама и Ким Дэ Чжуна. Ким Ен Сам посетил СССР впервые в июне 1989 г. по приглашению дирекции ИМЭМО АН СССР. В совместном заявлении дирекции Института мировой экономики и международных отношений АН СССР и руководства Демократической партии воссоединения было отмечено, что обе стороны искренне поддерживают миротворческие процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, включая «нормализацию

ситуации на Корейском полуострове, дальнейшее развитие диалога между Севером и Югом Кореи с целью осуществления сокровенной мечты корейского народа о мирном объединении».

В марте 1990 г. Ким Ен Сам теперь уже в качестве лидера Либерально-демократической партии вновь посетил Москву, где имел краткую аудиенцию у М. Горбачева, а также беседовал с другими представителями партийно-государственного руководства СССР (Е. М. Примаковым, А. Н. Яковлевым, А. С. Дзасоховым и др.). Во время этих бесед обсуждался вопрос о перспективах установления дипломатических отношений между двумя странами. В свою очередь, Ким Ен Сам выразил пожелание, чтобы в недалеком будущем состоялся саммит президентов Ро Дэ У и М. С. Горбачева.

Неофициальную дипломатическую линию по «наведению мостов» между Сеулом и Москвой продолжил лидер Партии мира и демократии Ким Дэ Чжун, прибывший в Москву в июне 1990 г. по приглашению Института США и Канады АН СССР и ректората МГУ им. Ломоносова. Лидера демократической оппозиции принял в Кремле Председатель комитета по международным делам Верховного Совета СССР, член Политбюро ЦК КПСС А. С. Дзасохов. Во время обстоятельной беседы Ким Дэ Чжун говорил о больших переменах на Корейском полуострове, о горячем стремлении корейцев к воссоединению на мирной основе, необходимости скорейшего установления нормальных дипломатических отношений между двумя странами. Высокий гость преподнес в дар А. С. Дзасоху свою уникальную книгу «Драмы и надежды южнокорейской демократии», которая вскоре была переиздана в Москве на русском языке.

К середине 1990 г. РК и СССР провели основательную подготовку для установления официальных дипломатических отношений. 4 июня 1990 г. президенты Ро Дэ У и М. С. Горбачев обменялись мнениями по этому вопросу в Сан-Франциско, договорились о постепенной и поэтапной нормализации отношений. Главы внешнеполитических ведомств РК и СССР решили установить такие отношения с 1 января 1991 г., но затем эту дату решено было перенести на 30 сентября 1990 г. В конце октября первый южнокорейский посол Кон Ро Мен прибыл в Москву и с ходу приступил к подготовке официального визита президента Ро Дэ У в СССР.

Первый в истории РК визит главы государства в СССР в декабре 1990 г. завершился провозглашением Декларации об общих принципах отношений между двумя странами, подписанной М. С. Горбачевым и Ро Дэ У. В этом лаконичном документе впервые были зафиксированы совместные позиции двух государств, находившихся многие годы в состоянии острых противоречий. РК и СССР высказались за преодоление конфронтационного наследия холодной войны, приверженность строительству «нового, более справедливого, гуманного, мирного и демократического международного порядка», а также за признание за всеми народами «свободы выбора собственного пути политического и социально-экономического развития». Главы двух государств, открывая новую страницу в двусторонних отношениях, заявили о необходимости всемерной консолидации усилий мирового сообщества для первоочередного урегулирования глобальных проблем, ослабления гонки вооружений, особенно ядерных, преодоления бедности, голода, неграмотности, драматического разрыва в уровне развития различных стран и народов, строительства справедливого и безопасного мира.

Декларация об общих принципах отношений заметно ускорила дальнейшее реальное сближение между Сеулом и Москвой и стала основой подписания Договора об основах отношений Российской Федерации и Республики Корея 19 ноября 1992 г. (т. е. после распада СССР), когда в Сеул с официальным визитом прибыл Президент РФ Б. Н. Ельцин. В соответствии с этим договором, заключенным сроком на 10 лет с последующей автоматической пролонгацией, РК и РФ достигли соглашения о создании регулярного механизма политических консультаций между главами государств, министрами иностранных дел, другими должностными лицами двух правительств. Статьи 4 и 5 Договора предусматривают установление широких

контактов между гражданами и общественными организациями, парламентами и региональными органами власти двух стран. Договаривающиеся стороны признали необходимость развертывания широкого взаимодействия не только в различных народнохозяйственных сферах, но и в области охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов, развертывания совместных исследований, а также в области культуры. Б. Н. Ельцин и Ро Дэ У договорились о том, что выходцам из России в Корее и, наоборот, выходцам из Кореи в России будет предоставлено широкое право «пользоваться достижениями своей культуры, исповедовать свою религию и отправлять свои религиозные обряды, а также пользоваться родным языком». В Договоре особо оговаривалось, что он не направлен против какой-либо «третьей стороны», под которой в данном случае имелась в виду КНДР, выступившая чрезвычайно резко (вплоть до угрозы разрыва дипломатических отношений с Москвой) против официальной нормализации южнокорейско-российских отношений.

Сближение с РФ, а в дальнейшем и с КНР (август 1992 г.) было лишь составной частью дипломатического прорыва Ро Дэ У на евразийском направлении. Пересматривая наиболее одиозные аспекты прежней антикоммунистической риторики, Южная Корея установила в 1989–1990 гг. официальные отношения с большинством государств Восточной Европы: Венгрией – февраль 1989 г., Польшей и Югославией – ноябрь 1989 г., Чехословакией, Болгарией и Румынией – март 1990 г.

Подводя общие знаменатели под «северной политикой» Ро Дэ У, есть все основания выделить следующие основные моменты.

Во-первых, *переход от авторитарной модели власти к демократической при всех ее ограничениях и оговорках высвободил огромные управленческие ресурсы, выдвинув на авансцену политического и экономического развития недавно народившееся поколение, в первую очередь новые средние слои города и деревни.* В условиях отсутствия или острого дефицита природных ресурсов именно мобилизация интеллектуального фактора становится ключевым рычагом экономического и социального прогресса. Путем установления деловых отношений с Россией, Китаем, странами Восточной Европы Южная Корея, вступившая на путь постиндустриального развития, открыла новые обширные по своей емкости внешние рынки для реализации не только традиционной промышленной, но и технологически сложной продукции в обмен на минерально-сырьевые ресурсы.

Во-вторых, Сеулу удалось окончательно преодолеть состояние внешней полуизоляции, в которой она находилась многие годы после окончания войны на Корейском полуострове. *Без нормализации отношений с двумя постоянными членами Совета Безопасности ООН (РФ и КНР), а также государствами Восточной Европы Республика Корея и КНДР не смогли бы получить своего места в ООН. Положительное решение по этому вопросу было принято 17 сентября 1991 г.*

Глава III

Проблемы межкорейского диалога (80-е—начало 90-х гг. XX века)

На VI съезде ТПК (октябрь 1980 г.) Ким Ир Сен представил программу строительства единой Кореи – Демократической Конфедеративной Республики Корё (ДКРК). По замыслу Ким Ир Сена, основные направления деятельности конфедеративного государства должны быть следующими.

1. ДКРК как неприсоединившееся государство проводит независимую, самостоятельную политику, не участвует в военно-политических союзах.
2. ДКРК гарантирует демократическое развитие общества, политические свободы.
3. ДКРК обеспечивает экономическое сотрудничество и обмены между Севером и Югом на основе существования различных экономических систем, сохранения различных форм собственности.
4. ДКРК налаживает обмен в области науки, культуры, образования.
5. ДКРК восстанавливает транспортные артерии, средства связи.
6. ДКРК обеспечивает нормальную жизнь населения, стремится к улучшению благосостояния народа.
7. ДКРК ликвидирует военную конфронтацию между Севером и Югом, сокращает численность вооруженных сил сторон до 100–150 тыс. человек, демонтирует военные сооружения в районе военно-демаркационной линии. Распускает гражданские военизированные формирования, создает объединенную армию.
8. ДКРК защищает национальные права корейцев, проживающих за рубежом.
9. ДКРК координирует деятельность Севера и Юга на международной арене, аннулирует военные и иные договоры, которые противоречат национальному единству.
10. ДКРК проводит миролюбивую внешнюю политику, представляет корейскую нацию в ООН и других международных организациях. ДКРК не допускает размещения на своей территории иностранных войск и военных баз, не производит, не ввозит и не применяет ядерное оружие. Корейский полуостров превращается в мирную безъядерную зону.

Провозгласив программу создания ДКРК, Северная Корея сосредоточила усилия на пропаганде этой концепции, стремилась обеспечить ей широкую международную поддержку, особенно в рамках движения неприсоединившихся стран, а также среди социалистических государств. В Южной Корее к новой объединительной концепции КНДР отнеслись негативно.

После смены власти в Южной Корее в результате военного переворота, совершенного генералом Чон Ду Хваном в 1980 г., межкорейские отношения находились в тупиковом состоянии. Новый военный режим РК во главе с Чон Ду Хваном усмотрел в Конфедерации Корё попытку Севера добиться единства Кореи под собственной эгидой.

Администрация Чон Ду Хвана, со своей стороны, в 1982 г. выступила с идеей национального примирения, разработки конституции единой Кореи, организации встречи высших руководителей РК и КНДР, учреждения миссий связи в Пхеньяне и Сеуле. РК настаивала также на вступлении в ООН. Северокорейская сторона, в свою очередь, отвергла южнокорейские предложения, продолжала настаивать

на реализации программы создания конфедерации Севера и Юга.

В 1983 г. межкорейские отношения вновь резко обострились. Причиной, как уже отмечалось, послужило покушение на президента Чон Ду Хвана во время его официального визита в Бирму.

В ноябре 1984 г. межкорейский диалог возобновился. В сентябре 1984 г. КНДР оказала материальную помощь РК, пострадавшей от сильного наводнения. Эта акция стала прелюдией к переговорам по экономическим вопросам. Пхеньян выступил с предложением начать совместное освоение природных ресурсов, сотрудничество в сельском хозяйстве и рыболовстве, открыть порты для внутрикорейской торговли, возобновить движение по железной дороге, связывающей Север и Юг. Во время переговоров был согласован ряд организационных вопросов, в т. ч. создание Совместного комитета экономического сотрудничества и пяти подкомитетов по конкретным направлениям сотрудничества. Однако реализация согласованных мероприятий не состоялась.

Были продолжены также контакты в гуманитарной области. Результативный итог этих контактов пришелся на сентябрь 1985 г., когда в Сеуле и Пхеньяне была осуществлена первая с момента раскола Кореи встреча разлученных семей и родственников. Раздел Кореи на два государства, война 1950–1953 гг. разорвала семейные связи более 10 млн человек. Состоявшуюся встречу родных и близких, проживающих в разных частях Кореи, можно по праву назвать исторической.

В 1987 г. вновь обострились межкорейские отношения. Причина тому – катастрофа южнокорейского гражданского самолета в районе тайландско-бирманской границы, которую, как утверждают в Сеуле, осуществили северокорейские спецслужбы. Против КНДР были введены санкции со стороны США, Японии и других западных государств. Диалог КНДР – РК был снова прерван.

Конструктивную роль в межкорейских отношениях в конце 1980-х гг. сыграла южнокорейская администрация президента Ро Дэ У. 7 июля 1988 г. он выступил со специальной декларацией, в которой предложил КНДР начать межкорейский обмен по различным направлениям, прекратить противоборство на международной арене, признать место друг друга в международном сообществе, «развивать сотрудничество в интересах всего корейского народа».

Ро Дэ У обнародовал шесть новых подходов РК к Северной Корее:

1. Сеул будет активно способствовать обмену визитами между гражданами РК и КНДР, включая политических деятелей, бизнесменов, журналистов, деятелей культуры, науки, религии, студентов, и примет меры для обеспечения свободных поездок корейцев, проживающих за рубежом, в обе части Кореи.

2. Не дожидаясь завершения переговоров Юга и Севера по линии Красного Креста, Сеул окажет помощь членам разделенных семей в поисках родственников и будет способствовать обмену корреспонденцией между ними, а также взаимным поездкам.

3. РК «откроет двери» для торговли между Севером и Югом и будет считать ее «внутринациональной торговлей».

4. В целях достижения «сбалансированного развития национальной экономики» и повышения жизненного уровня на Юге и Севере РК не будет возражать против развития торговых отношений с КНДР и ее союзниками.

5. РК предпримет меры к тому, чтобы прекратить «контрпродуктивную дипломатию», соперничество и противоборство между Югом и Севером, наладить контакты и сотрудничество с КНДР на международных форумах в интересах всей корейской нации.

6. РК проявит готовность к сотрудничеству с КНДР в улучшении ее отношений с союзниками Южной

Кореи, включая США и Японию. Одновременно РК будет стремиться к улучшению отношений с СССР, Китаем и другими социалистическими странами.

Декларация южнокорейского президента стала конструктивным шагом в развитии межкорейских отношений.

Следующей важной акцией со стороны Сеула стала идея создания «корейского сообщества» в качестве промежуточного этапа на пути объединения Кореи. Южнокорейский президент Ро Дэ У предложил создать Совет глав двух корейских государств, Совет министров с участием премьеров Юга и Севера и 10 министров с каждой стороны, который должен заняться решением проблемы разделенных семей. Кроме того, предусматривалось создание Совета представителей из 100 членов парламента (поровну от Юга и Севера) для разработки конституции объединенной Кореи. Глава южнокорейского государства предложил также создать в демилитаризованной зоне «зону мира». Новая южнокорейская инициатива, безусловно, содержала позитивные моменты и способствовала спаду напряжения в отношениях между двумя корейскими государствами.

Конец 1980-х – начало 1990-х гг. отмечены кардинальными геополитическими изменениями вокруг Корейского полуострова. Нормализация отношений между СССР, другими социалистическими странами и Республикой Корея, дезинтеграция Советского Союза оказали существенное влияние на оба корейских государства. В лице СССР КНДР лишилась важнейшего политического союзника и экономического донора. Позиции КНДР в регионе заметно ослабли.

Пхеньян и Сеул возобновляют диалог на высоком уровне – на уровне премьер-министров. Итогом встреч глав правительств стало подписание в 1991 г. двух важных документов – Соглашения о примирении, ненападении, сотрудничестве и обменах и Декларации о безъядерном статусе Корейского полуострова. Соглашение юридически признает КНДР и РК в качестве двух самостоятельных корейских государств. Пхеньян и Сеул обязались уважать существующие на Севере и Юге социально-экономические и политические системы, не вмешиваться во внутренние дела друг друга и не предпринимать враждебных действий в отношении друг друга. Эти положения устранили юридическую неопределенность между КНДР и РК, их претензии на представительство всей Кореи (каждая корейская сторона считала себя единственно законным государством на Корейском полуострове, соответствующие положения содержатся в конституциях КНДР и РК).

Важный пункт Соглашения о примирении – отказ от применения силы. Обязательство сторон воздерживаться от силовых акций создавало правовую основу для укрепления стабильности и нормализации ситуации на полуострове.

Декларация о денуклеаризации Корейского полуострова зафиксировала общие подходы Севера и Юга к решению ядерной проблемы. В 1992 г. стороны сформировали Совместный комитет ядерного контроля. Однако как сама Декларация, так и Совместный комитет, к сожалению, оказались нежизнеспособными и не смогли внести вклад в разрешение ядерного кризиса на Корейском полуострове. В апреле 1993 г. президент КНДР Ким Ир Сен выдвинул Программу консолидации Севера и Юга, которая отразила более гибкий подход Пхеньяна к строительству отношений с Южной Кореей. Содержание программы сводится к следующему:

1. Создание единого конфедеративного государства при сохранении на Севере и Юге существующих систем и правительств. Единое государство – неприсоединившееся и нейтральное.
2. Обеспечение сплоченности народа на основе самостоятельности.
3. Взаимное признание и уважение идей, идеалов и систем друг друга, сосуществование, сопроцветание, общий прогресс независимо от региональных и классовых интересов.

4. Прекращение политического противоборства и взаимной клеветы.

5. Ликвидация угрозы нападения, поглощения или навязывания системы другой стороны, достижение взаимного доверия.

6. Обеспечение демократичности процесса объединения, отказ от преследования инакомыслящих, реабилитация политических узников.

7. Защита государственной, кооперативной и частной собственности, сохранение социального положения и заслуг человека в обществе.

8. Устранение препятствий для передвижения и контактов между людьми, политическими партиями и группировками, развитие диалога на всех уровнях.

9. Консолидация усилий корейцев на Севере, Юге и за рубежом в интересах объединения страны.

10. Должная оценка людей, внесших вклад в объединение родины, великодушие к тем, кто предал интересы нации, но раскаялся в содеянном.[\[45\]](#)

Программа консолидации отразила новую геополитическую обстановку, сложившуюся вокруг КНДР в начале 1990-х гг. и предложила такую схему сближения двух корейских государств, которая не позволяла бы Южной Корее поглотить КНДР.

В ответ на северокорейскую инициативу президент РК Ким Ен Сам в мае 1993 г. сформулировал свой вариант объединения Кореи. Руководитель РК выдвинул трехфазовую концепцию объединения Юга и Севера. Первая фаза – примирение, сотрудничество, преодоление враждебности, обеспечение мер доверия. Вторая фаза – создание корейского сообщества. Третья фаза – создание единого корейского государства, разработка конституции единой Кореи, проведение выборов, формирование единого парламента и единого правительства.

Ким Ен Сам выдвинул также «три руководящих принципа объединения» – приоритет демократического национального консенсуса над другими способами принятия решений, сосуществование и процветание по мере ослабления конфронтации между Югом и Севером, обеспечение всем корейцам равного жизненного уровня и гарантий социального благосостояния.

Если сопоставить объединительные концепции Ким Ир Сена и Ким Ен Самы, то заметна определенная степень совпадений подходов корейских сторон к поиску средств и способов объединения страны.

Между Пхеньяном и Сеулом была достигнута договоренность, что руководители КНДР и РК Ким Ир Сен и Ким Ен Сам в 1994 г. проведут личную встречу и обсудят проблему корейского единства. Однако встреча не состоялась. 8 июля 1994 г. скончался президент КНДР Ким Ир Сен. Между Севером и Югом вновь усилилось напряжение, разразилась пропагандистская война. Официальный Сеул не выразил соболезнования по поводу кончины Ким Ир Сена, привел в состояние повышенной готовности свои вооруженные силы. Такие действия вызвали резкое раздражение в Пхеньяне. Межкорейский диалог оказался сорванным.

В 1990-е годы КНДР и РК заметно продвинулись в улучшении межкорейских отношений. Внутренний (экономический) кризис и внешние обстоятельства (сильное военно-политическое давление со стороны США, Японии, РК и других стран Запада, потеря союзников в лице СССР и социалистических стран) подталкивали КНДР к расширению связей с Южной Кореей, поиску такой модели сотрудничества с РК, которая ограждала бы социально-политическую систему КНДР от южнокорейского влияния, не допускала бы эрозии северокорейского общества и одновременно подпитывала бы КНДР в экономическом отношении. Северокорейской элите на этом этапе удалось реализовать эту стратегическую цель, сохранить основы своего политического курса, направленного на укрепление «чучхейского социализма», используя

мирный диалог с Южной Кореей.

При этом в обеих Кореех хорошо осознавали реальные масштабы отставания Севера от Юга. В 1993 г. ВВП Севера (при населении 22,6 млн чел.) составлял 20,5 млрд долл., а Юга (при населении 44 млн чел.) – 328,7 млрд долл., т. е. был больше в 12 раз. ВВП на душу населения на Севере (1992 г.) составлял 904 долл., а на Юге – 7466 долл., т. е. был больше в 8,3 раза. Внешнеторговый оборот КНДР был равен 2,6 млрд долл., а РК – 166 млрд долл., т. е. больше в 64 раза. Госбюджет Севера исчислялся в 18,7 млрд долл., а Юга – 47,4 млрд долл., т. е. превосходил в 2,5 раза. Выработка электроэнергии на Севере составляла 21,1 млрд кВт · ч, а на Севере – 144,4 млрд кВт · ч, т. е. выше в 6,5 раза. Производство риса на Севере составило 1,3 млн т, а на Юге – 4,7 млн т, т. е. больше в 2,6 раза. По производству тканей Юг (6040 млн м) опережал Север в 31,8 раза, по производству морских судов Юг (3,38 млн бр./т) опережал Север в 66,3 раза, а по производству автомобилей Юг (2 млн ед.) опережал Север в 205 раз. Единственная отрасль, где Север шел впереди Юга, была добыча угля: 27,1 млн т на Севере по сравнению с 9,4 млн т на Юге, который практически не располагает запасами угля и других минерально-сырьевых ресурсов.

Естественно, межкорейский диалог, подписанные документы между двумя корейскими государствами в начале 1990-х гг. способствовали разрядке напряженности на полуострове, открывали возможности для постепенного продвижения процесса примирения между Севером и Югом Кореи.

* * *

Исторический период (с начала 80-х и до начала 90-х гг. XX в.) стал *переломным в эволюции двух государств Корейского полуострова* – КНДР и Республики Корея. На Севере Кореи, несмотря на энергичные акции его руководства и упорный труд народа, все более глубокие (во многом системные) черты обретает *кризис командно-административной системы* управления народным хозяйством и обществом. Методы принудительной мобилизации масс, игнорировавшие законы рынка и воспроизводства, а также форсированные военные приготовления *лишили Север возможности развернуть процесс интеграции в мировое хозяйство*. В то же самое время Юг *переходит постепенно от неоиндустриальной модернизации к постиндустриальной*, вступает в группу наиболее промышленно и технологически продвинутых стран мира. Новый баланс сил между Севером и Югом предопределил *поиски принципиально новых форм общенационального воссоединения*.

Часть седьмая

Республика Корея и КНДР в условиях кризиса и распада биполярного мирового порядка в конце XX– начале XXI века

Глава I

Эволюция Южной Кореи в условиях гражданской администрации Ким Ен Сама

§ 1. Доктрина «Новой Кореи» Ким Ен Сама

Администрации Ким Ен Сама пришлось принять на себя с коррективами эстафету выполнения седьмой пятилетки (1993–1998), разработанной Управлением экономического планирования еще в годы правления Ро Дэ У. Цели новой пятилетней программы сводились к тому, чтобы добиться общей стабилизации в народном хозяйстве, ослабить межотраслевые диспропорции, повысить конкурентоспособность, увеличить среднегодовой прирост ВВП на 7 %.

В соответствии со своей платформой Ким Ен Сам проводит в жизнь ряд декретов, направленных на ограничение всевластия чэболей, упрощение процедуры приватизации государственных предприятий нестратегического профиля, финансовую и организационную поддержку среднего и мелкого предпринимательства, создание более открытой и либерализованной народнохозяйственной структуры, названной им лаконичным, но емким термином «новая экономика». Опора на новые средние слои, сотрудничество с профсоюзами и в целом благоприятная (до 1997 г.) конъюнктура на мировых рынках позволили Южной Корее неуклонно продвигаться по пути модернизации и технологического обновления национального производства. Темпы роста ВВП по отношению к предыдущему году составили в 1992 г. 5,4 %, 1993 – 5,5 %, 1994 – 8,3 %, 1995 – 8,9 %, а в предкризисном 1996 г. – 6,8 %. В период седьмой пятилетки продолжалось с некоторыми колебаниями дальнейшее увеличение ВВП на душу населения: 1992 г. – 7180 долл., 1993 г. – 7810 долл., 1994 г. – 8990 долл., 1995 – 10800 долл. и в 1996 г. – 11400 долл. Высокие темпы наращивания национального производства в Южной Корее выводят ее в первые ряды неоиндустриальных стран Востока.

Одной из основных предпосылок продолжающегося прорыва РК в «новую экономику» был человеческий фактор. В годы неоиндустриального подъема в стране бурно развивалась и совершенствовалась система образования и подготовки и переподготовки кадров. Огромная масса прежде малообразованной деревенской молодежи, вливаясь в различные отрасли промышленности, осваивала более квалифицированные виды труда, отвечающие требованиям модернизации и технологической перестройки производства. Все более значительные слои рабочих и служащих, обретая более широкое общественное самосознание, вливались в ряды профсоюзов, роль которых в условиях перехода от

авторитаризма к демократии поднималась на уровень полноправного партнера в трудовых конфликтах. И администрация Ким Ен Сама более успешно, чем прежде, гасила путем переговорного процесса трудовые споры между работодателями и наемной рабочей силой. Материальные издержки от стихийно возникавших трудовых конфликтов были сведены к крайнему минимуму. Новые тенденции во внутренней и внешней политике проходили во многом под политическим влиянием видного деятеля демократических и патриотических сил страны Ким Ен Сама.

В декабре 1954 г. в знак протеста против продления полномочий президента Ли Сын Мана на третий срок он вышел из рядов правящей Либеральной партии и становится одним из лидеров демократической оппозиции.

С этого времени начинается его тяжелый путь стойкого и мужественного борца за демократию. С помощью заговоров и махинаций власти не раз перекрывали ему дорогу в большую политику. 24 мая 1960 г. просеверокорейские террористы-бандиты, орудовавшие на острове Кочже, зверски убили его мать Пак Пу Рён. В период военного правления в 1969 г. наемная банда, следы которой так и не удалось установить, предприняла попытку покушения на Ким Ен Сама, но он чудом остался жив. Почти два года полулегальный лидер демократической оппозиции находился под домашним арестом, когда его дом круглосуточно охранялся усиленными нарядами силовых структур. Несмотря на полицейский произвол, Ким Ен Сам в качестве лидера Демократической партии за воссоединение (ДПВ) и руководителя Штаба гражданского движения за демократическую конституцию сыграл важную роль в переходе страны от авторитаризма к демократии. Большой резонанс получила его встреча с лидерами и активистами молодежных диссидентских организаций, состоявшаяся накануне президентских выборов 1992 года. Именно во время этой встречи он сформулировал один из базовых принципов демократической власти «уважать мнение меньшинства и стремиться создать политический климат, основанный на диалоге и духе компромисса!» Бурный рост новых демократически ориентированных социальных сил оказался сильнее правонационалистических и авторитарных сил. 23 февраля 1993 г. Ким Ен Сам принял на пять лет пост президента Республики Корея, который стал новым труднейшим испытанием для его политического потенциала и жизненных сил.

§ 2. Реформирование политической системы

В октябре 1992 г. примерно за два месяца до очередных президентских выборов Ким Ен Сам, занимая пост лидера Либерально-демократической партии, сложил с себя полномочия депутата парламента, с тем чтобы полностью сосредоточиться на предвыборной гонке. Именно в этот период будущий глава государства окончательно сформулировал свою знаменитую реформаторскую доктрину «Новой Кореи», которая легла впоследствии в основу его практической деятельности по модернизации государства.

«Новая Корея» довольно четко подразделялась на политические, экономические и социально-культурные перемены. Ключевым направлением политической реформы было объявлено неотложное лечение тяжелой болезни («корейского недуга»), которым, несмотря на стремительные темпы развития в прошлом, поражено все общество. «... Исчезают прославленные на весь мир корейское трудолюбие и инициативность. Ширится волна региональных, классовых, возрастных конфликтов, экономика в застое, народ охвачен фрустрацией и пораженчеством. Люди испытывают глубокое недоверие к политике, разрастается коррупция и безнравственность».[\[46\]](#)

Основные средства эффективного преодоления «корейской болезни» – это «очищение верхов общества», решительное вытеснение плутократии, постоянно препятствующей народному волеизъявлению, наконец, политическая нейтрализация огромной массы чиновничества, формирование «нейтрального правительства», независимого от воли различных клановых группировок. Неотложная практическая задача – коренное обновление и изменение избирательной процедуры, с тем чтобы гарантировать честные выборы, упорядочение правил финансирования предвыборных кампаний, невозможность покупки власти «денежными мешками». Только на этой основе в стране после длительного неоправданного насилия и бесправия может возникнуть «сильное руководство», «демократический лидер, обладающий одновременно легитимностью и нравственностью», лидер, способный встать во главе великой «Новой Кореи». Массовый электорат, как показали последующие события, с энтузиазмом воспринял столь широкообъемную программу политических преобразований, хотя в них был обойден ключевой вопрос о реальном перераспределении власти в пользу демократических сил страны.

Более развернуто и определенно была сформулирована экономическая стратегия, которая исходила из того, что авторитарный потенциал государственного регулирования экономикой исчерпал себя, и в условиях нарастающей конкуренции в мире необходимы поиски новых, неординарных подходов и рычагов. «В прошлом, при авторитарной системе, экономическое развитие шло согласно планам правительства и под его контролем. Но поскольку масштабы нашей экономики увеличивались, постольку экономика диверсифицировалась, правительственный контроль и планирование постепенно теряли эффективность». И далее: «При демократии за основу экономического развития должно принимать не правительственное планирование и контроль, а участие и инициативу граждан. Я хотел бы назвать это новой экономикой».[\[47\]](#) Считая ничем не оправданное государственно-бюрократическое администрирование тяжелой преградой на пути развития частного предпринимательства, Ким Ен Сам приводил такой факт: чтобы получить разрешение на открытие нового завода или фабрики, надо собрать 312 документов и пройти примерно 60 этапов регистрации. К этому добавлялись другие пороки хозяйственной системы – недостаточное стимулирование научно-технического прогресса, несовершенство налоговой системы, недостаточное снабжение бизнеса деловой информацией, что в конечном итоге лишало южнокорейскую экономику мировой конкурентоспособности.

Раскрывая свою «новую аграрную политику», Ким Ен Сам акцентировал внимание на резко обострившихся социально-экономических проблемах деревни, к которой во времена Третьей республики, т. е. при правлении Пак Чжон Хи, был проявлен глубокий интерес. Ослабление внимания к аграрному

сектору в годы Пятой республики привело к тому, что в Южной Корее стала чрезвычайно высока себестоимость продукции, на низком уровне находятся доходы крестьянских семей, дети которых уходят массами в города, оставляя необработанными и без того дефицитные плодородные земли. Критической проблемой стала невероятно возросшая финансовая задолженность деревни, превышавшая все бюджетные ассигнования на поддержку аграрного сектора в 1993 г. В качестве узловых акций в поддержку деревни доктрина «Новой Кореи» предлагала повысить «потолок» фермерских землевладений, чтобы задержать дробление хозяйства, ввести путем землеустроительных мероприятий в оборот до 1 млн чонбо орошаемых и 100 тыс. чонбо богарных земель, облегчить условия кредитования фермеров, организовать массовое повышение производственной квалификации молодым крестьянам (до 10 тыс. чел. ежегодно), расширить сеть оптовых рынков в городах, расширить в 3 раза агротехнические исследования, создать новые предприятия по переработке сельхозпродукции, завершить обновление деревенского жилья, сохранить госдотации рисоводам и не допустить импорта зерна, расширить экспорт фруктов, лекарственных растений, цветов, шелкопряда и др. культур, создавать условия для продовольственного самообеспечения страны и повысить таким образом совокупный крестьянский доход с 1991 г. по 1998 г. в 2,5 раза. Чтобы успешно претворить в жизнь стратегию «Новой Кореи», необходимо предпринять самые энергичные усилия, направленные на формирование принципиально нового национального сознания всех слоев общества – предпринимателей, рабочих, фермеров, чиновников. А для этого, в свою очередь, нужна коренная реформа системы образования и воспитания молодого поколения. «Нынешняя система образования как таковая, разжигая индивидуальный эгоизм и жажду легких путей в жизни, разрушает общественный порядок. Делая упор на чрезмерное соперничество в знаниях, наша система знания дегуманизирует человека».[48]

Доктрина «Новая Корея», рожденная в сложных переходных условиях Юга и воплотившая своеобразный синтез традиционализма и вестернизма в политической культуре демократически ориентированных интеллектуальных кругов страны, представляла во многом своего рода образец политического идеализма, одно из течений в мировой общественной мысли второй половины XX в.

Отсюда призыв Ким Ен Сама «выжить» в условиях глобализации и информатизации, технологических вызовов и торговых войн и приступить к созданию гражданского общества, великого, справедливого, процветающего государства благосостояния. Для достижения этой цели необходимо было завершить вытеснение армейской элиты из сферы большой политики, обновить избирательную процедуру, объявить бескомпромиссную войну коррупции и другим антисоциальным явлениям.

Президентские выборы в январе 1992 г. были первой за три десятилетия избирательной кампанией, в которой на пост главы государства открыто или завуалировано не претендовала армейская верхушка. Демонстрацией перехода генералитета во «второй эшелон» власти был выход из рядов правящей ЛДП Ро Дэ У. Ко времени предпрезидентской гонки 1992 г. военные сумели перейти организованно в сферу большого бизнеса, занимая многие привилегированные посты в управленческих структурах ФПГ. Уже к концу 80-х годов в высшей иерархии управляющих крупнейших ФПГ бывшие военные занимали: 2 высших поста из 4 в «Самсунге», 3 высших поста из 7 в «Хёндэ», 2 высших поста из 10 в «LG», 6 высших постов из 21 в «Дэу» и 2 высших поста из 7 в «Ссанъёне» и т. п. В руках армейской верхушки оказались солидные пакеты акций финансово-промышленных групп, что было отражением тесной унии и даже сращивания военно-бюрократической элиты с крупным капиталом. Располагая серьезными экономическими тылами, армейская верхушка в целом вынуждена была признать Закон о запрещении участия в политической деятельности военным, проведенный администрацией Ким Ен Сама.

Вместе с тем первая гражданская избирательная кампания выявила необычный политический феномен: о своих притязаниях на пост президента заявил в январе 1992 г. основатель и почетный президент «Хёндэ» – одного из самых крупных чэболей – Чон Чжу Ен. Трудно сказать, на какую

перспективу рассчитывал олигарх в условиях, когда настроения электората в отношении крупного капитала, так же как и военных, были если не негативными, то по меньшей мере прохладными. Опираясь на свое финансовое могущество, магнат в короткий срок создал разветвленную и хорошо проплачиваемую Народную партию объединения (НПО) (Тхонъиль куньминдан), предвыборная платформа которой содержала идею процветания Кореи на основе форсированного воссоединения двух частей разделенной нации и эффективной помощи государства национальным предпринимательским кругам. Однако власти без особых усилий нейтрализовали политическое наступление крупного капитала. Была проведена обстоятельная финансовая ревизия, в ходе которой амбициозный «кандидат в президенты» был обвинен в незаконной растрате 1 млрд долл. на свои избирательные нужды и других злоупотреблениях бюджетной дисциплины. Против Чон Чжу Ена было начато прокурорское расследование и ему было запрещено выезжать за рубеж. Магнат избежал тюремного заключения, но ему пришлось отступить. Чувствительный удар по нему имел важное значение для последующего ограничения политических амбиций других представителей ФПГ, дальнейшего реформирования государственной системы, которое осуществлялось на основе доктрины «Новой Кореи» «синхангук», означавшей построение «новой экономики», «новой политики», а также «новой культуры», призванных содействовать выработке национальной гордости, патриотического сознания, ощущения «активного гражданина».

В рамках борьбы за оздоровление национального самосознания в августе 1995 г. в 40-ю годовщину освобождения Кореи в центре Сеула был проведен демонтаж каменного здания бывшего японского генерал-губернаторства, символа более чем тридцатилетнего господства на корейской земле. Были по достоинству оценены подвиги всех видных борцов за независимость Кореи. Останки членов Временного корейского правительства в эмиграции были перенесены из Китая и торжественно перезахоронены на Мемориальном комплексе в Сеуле. Уникальное в составе правительства министерство по делам патриотов занялось совместно с Институтом национальной истории выявлением неоправданно преданных забвению имен участников антияпонского сопротивления. Большинство из них посмертно удостоены высших государственных наград, а потомкам установлены пенсии и льготы при поступлении на учебу в школы, колледжи и университеты. В числе героев антияпонского сопротивления была выявлена большая группа этнических корейцев России и других стран СНГ.

Политическое направление было наиболее важным во всей реформаторской деятельности администрации Ким Ен Сама. Его администрация продолжила и расширила начатую еще при Ро Дэ У деволюцию государственной административной системы. Были отправлены в отставку многие высшие чиновники старшего поколения из числа военных, сделавшие карьеру еще в годы военно-бюрократического режима. Специальные административные комиссии осуществили «проверку» служебной деятельности более 1 тыс. высших государственных чиновников. Удержаться на службе удалось лишь единицам из них. На вакантные посты в новую команду президента выдвигалось более молодое поколение гражданских чиновников и офицеров, в первую очередь из родной провинции Ким Ен Сама – Южный Кёнсан.

Курс на устранение политических ограничений авторитарной эпохи проводился на основе разработки и принятия парламентом целой серии законодательных актов. В декабре 1993 г. был принят Закон о деятельности политических партий, значительно упростивший процедуру регистрации партий и их правовые prerogatives. Принятый в марте 1994 г. Закон об альтернативной избирательной системе предусматривал формирование гражданской администрации только на конкурсной основе. За нарушение этой правовой нормы вводилась уголовная ответственность. В июне 1994 г. были внесены дополнения в Закон о Национальном собрании, на основе которых оппозиционные фракции и течения меньшинства наделялись такими же юридическими правами, как и правящая фракция большинства. В апреле 1994 г. в РК под давлением демократических сил была отменена одна из самых архаичных статей Уголовного

кодекса, предусматривавшая лишение свободы до 2 лет за супружескую неверность, не отягощенную какими-либо иными уголовными действиями.

Уникальным политическим событием в деятельности первой гражданской администрации стало возбуждение на основе санкции Национального собрания, одобренной в декабре 1995 г., судебного процесса над двумя экс-президентами РК – Чон Ду Хваном и Ро Дэ У. Ро Дэ У оказался в тюремной камере 16 ноября 1995 г., а Чон Ду Хван – 3 декабря 1995 г. Первоначально их обвинили в «незаконном получении доходов» от крупных чэболей в размере 1 млрд долл. Но затем на отставных президентов была возложена уголовная ответственность за организацию государственного переворота в декабре 1979 г. и кровавое подавление народных выступлений в Кванчжу в мае 1980 г. 26 августа 1996 г. Сеульский суд приговорил Чон Ду Хвана к смертной казни, а Ро Дэ У – к 22,5 годам тюремного заключения. Среди осужденных к различным срокам тюремного заключения оказались еще 13 высокопоставленных чиновников и олигархов из близкого окружения Чон Ду Хвана и Ро Дэ У, в т. ч. экс-министр обороны Ли Чжон Ку, управляющие ряда крупных конгломератов: Ким У Чжун («Дэу»), Чхве Вон Сок («Тонга»), Чон Дэ Су («Ханбо»). Однако в дальнейшем эти суровые приговоры были смягчены, а после вступления на пост президента Ким Дэ Чжуна два экс-президента РК были помилованы и выпущены на свободу. В общественно-политических кругах страны такой исход судебного дела против двух отставных генералов был воспринят весьма неоднозначно. Одни полагали, что государственные преступники ушли от справедливого возмездия. Другие же, напротив, считали, что судебный процесс в достаточной мере привлек внимание к равной ответственности всех перед законом и бывших лидеров государства не следует дольше держать в тюремной камере.

11 апреля 1996 г., т. е. примерно через 3 года после прихода Ким Ен Сама в Голубой дворец в РК состоялись очередные парламентские выборы, отразившие далеко не однозначное отношение электората к курсу Ким Ен Сама по строительству «Новой Кореи». Правящая Партия Новой Кореи (ПНК) (Синхангукдан), возникшая 6 декабря 1995 г. на базе реорганизации Либерально-демократической партии, получила лишь 34,4 % голосов и 139 мандатов из 299 в Национальном собрании. На втором месте оказался Национальный конгресс за новую политику (НКНП) во главе с Ким Дэ Чжуном (25,3 % голосов и 79 мандатов). Третье место заняла Объединенная либерально-демократическая партия (ОЛДП) во главе с Ким Джон Пхилем (16,2 % голосов и 50 мандатов). Демократической партии удалось завоевать 15 мандатов, а независимым депутатам – 16 депутатских мест. Таким образом, правящая ПНК, не обладая большинством в парламенте, оказалась перед угрозой блокады оппозицией ее законодательных инициатив. Понадобились сложные закулисные комбинации, чтобы перетянуть парламентское «болото» на сторону правительственной коалиции.

Важное место в борьбе за реализацию программы «Новой Кореи» заняли вопросы искоренения коррупции. Глава государства многократно подчеркивал, что без искоренения этой тяжелой болезни невозможно создать общество «всеобщего благоденствия», своего рода «социальный рай», о котором мечтают миллионы корейцев. В своей инаугурационной речи в Национальном собрании 27 февраля 1993 г. Ким Ен Сам с нескрываемой горечью сетовал, что годы авторитарного насилия укоренили в корейском обществе такие аморальные тенденции, как «социальное неравенство», «несправедливость», «коррупция», «социальный пессимизм» и другие деструктивные явления. В целях построения зрелого и высокоразвитого демократического общества президент сформулировал ряд неотложных политических проблем, среди которых на первое место поставил задачу выявления и пресечения всех проявлений коррупции и связанных с ней преступлений в государственных и хозяйственных структурах. Соответственно свои ключевые задачи Ким Ен Сам усматривал в формировании «чистой», честной, демократической власти, «прозрачной экономики» и мирном объединении нации.

Глава государства потребовал от всех высокопоставленных госчиновников добровольно декларировать все свое имущество и доходы, как это имеет место в других демократических государствах.

Подавая личный пример, Ким Ен Сам представил декларацию, из которой следовало, что финансовое состояние его семьи составляет 1,9 млрд вон. Примеру президента вынуждены были последовать другие высокие чины, но не всем им удалось пройти антикоррупционную проверку. Только в первые месяцы новой администрации с госслужбы были уволены 1363 должностных лица, замешанных в коррупционных действиях. Кроме того, 242 чиновника вынуждены были покинуть свои посты в связи с незаконным присвоением казенного имущества и другими нарушениями закона. Несколько сотен должностных лиц были арестованы за явный или скрытый саботаж антикоррупционных мероприятий властей.

Кампания искоренения коррупции, возведенная Ким Ен Самом на уровень общегосударственной политики, не принесла, однако, ожидаемых результатов, поскольку корни этого явления уходили в структурные глубины общества. Еще на пути к президентской власти Ким Ен Сам подчеркнул предупреждал: «Коррупция – ловушка, в которую власть может угодить легче всего. Но власть, погрязшая в коррупции, обязательно гибнет. Поэтому тот первый враг, которого власть должна остерегаться прежде всего, – не политические противники, а собственная нечистоплотность. Коль вода чиста у истоков, она чиста и внизу». И далее: «Критерий, по которому ставится диагноз здоровья общества, – это степень его коррумпированности». И эти тревожные слова оказались пророческими.

Кампания по «раскрытию кошельков» государственных сановников вызвала ошеломляющие последствия. Должностные лица с довольно скромными в южнокорейских условиях окладами (даже ежемесячная зарплата президента составляла около 3 тыс. долл.) оказались владельцами огромных состояний, нажитых нечестным путем. Слова Ким Ен Сама, обращенные к чиновникам, «Если кто-то хочет делать деньги, пусть становится бизнесменом, а не политиком или государственным служащим!» прозвучали как прямая директива. В отставку пришлось уйти, казалось, несокрушимо мэру Сеула, спикеру Национального собрания, шести депутатам от правящей партии, пятерым заместителям министров, немалому числу других должностных лиц. Правда, не обошлось без трагических исходов. Один из чиновников провинции Северная Чолла Ким Дон Хве был обвинен в том, что самовольно разрешил сооружение жилых домов на плодородных землях сельскохозяйственной зоны, что строго запрещено законом. Не выдержав судебного разбирательства, чиновник лишился разума, убил жену, троих детей и покончил жизнь самоубийством.

Устраняя самыми решительными методами тяжелое коррупционное наследие прошлого, глава государства оказался бессильным против всевластия денег и неформальной власти в своем «собственном доме». Последние два года пребывания у власти Ким Ен Сама страну поразили десятки крупных коррупционных скандалов, в которых оказались замешанными такие высокопоставленные чины, как помощник президента Чан Хак Но, председатель Госсовета по контролю над ценными бумагами Пэк Вон Гу, директор одного из ключевых департаментов министерства финансов и экономики Хан Дэк Су и другие. Все они были изобличены в получении крупных незаконных вознаграждений от частных коммерческих структур и злоупотреблениях служебным положением.

Не менее скандальными оказались закулисные стороны деятельности одной из крупнейших ФПГ страны «Ханбо». В ходе следствия о таинственном и загадочном банкротстве этой группы высветилась неприглядная картина причастности к взяточничеству и казнокрадству одного из сыновей президента Ким Ен Сама – Ким Хён Чхоля. Вступив в сделку с главным управляющим и владельцем «Ханбо», сын президента в противоречие с законом лоббировал для конгломерата получение крупных льготных кредитов, выгодных экспортных лицензий, а также выделение уникальных по своей ценности земельных участков для возведения дорогостоящего элитного жилья в природоохранной, заповедной пригородной зоне Сеула. Разумеется, олигарх не оставался в долгу и, по сообщениям южнокорейских СМИ, щедро вознаграждал наличными или чеками не только самого лоббиста, но и действующих за его спиной министра финансов, руководителя президентской администрации, председателя парламентского комитета

по финансам и экономике, ряд других высокопоставленных чиновников. Нескончаемая цепь подобных скандалов, выявленная прежде всего скрупулезными и настойчивыми усилиями политической оппозиции, нанесла непоправимый удар по рейтингу первого гражданского президента, и ему пришлось приносить публичные извинения в связи с недостойным поведением не только его приближенных, но и членов семейно-родового клана. 8 января 1997 г. в преддверии очередных президентских выборов Ким Ен Сам вынужден был заявить о выходе из состава правящей Партии новой Кореи, чтобы не создавать ей каких-либо препон в борьбе за дальнейшее сохранение верховной власти. Падающий рейтинг главы государства, завоевавшего Голубой дворец под популистскими лозунгами «Новой Кореи», становился сомнительным подспорьем для правительственного блока. Руководство ПНК сразу же после ухода Ким Ен Сама инициировало реорганизацию партии, переименовав ее в Партию Великой страны (ПВС) (Ханнарадан), в ряды которой влилась также Демократическая партия (Минчжудан). Лидером ПВС стал Ли Хве Чан, один из основных участников новой президентской гонки. Администрации Ким Ен Сама пришлось приложить немалые усилия для ограничения деятельности и реорганизации спецслужб. Закон о запрещении вмешательства в политику Агентства планирования безопасности государства существенно ограничивал и регламентировал деятельность органов безопасности и их постоянное вмешательство в политику и нарушение гражданских прав населения. В соответствии со своими предвыборными декларациями глава государства сразу же после прихода в Голубой дворец объявил широкую амнистию политзаключенным. Тысячи участников оппозиционных выступлений были выпущены на свободу. Были восстановлены в правах, а нередко на службе преподаватели учебных заведений, обвиненные в прошлом в инакомыслии. Многие студенты, ранее изгнанные из университетов, получили возможность продолжить учебу. И все же новый глава государства не решился пересмотреть драконовский Закон о национальной безопасности, на основе которого силовые структуры имели широкие полномочия для полицейского преследования сторонников радикальной политической оппозиции и тех граждан, которые могли позволить себе несанкционированные контакты с КНДР. 24 ноября 1996 г. правящая Партия новой Кореи (ПНК) провела через парламент поправку к Закону о Бюро планирования национальной безопасности, которая изымала из ведения прокурорских и полицейских органов и передавала в компетенцию секретных спецслужб любые дела, связанные с деятельностью граждан, которые могли быть квалифицированы как «пропхеньянские».

Администрация Ким Ен Сама не смогла освободиться от панического отношения к радикальным студенческим выступлениям, которые к середине 90-х гг. стали вновь приобретать все более массовый характер. Именно этот страх помешал главе государства реабилитировать прославленную «дочь Кореи» Ли Су Гён. (В июле 1989 г. студентка университета «Ихва» вопреки строжайшему запрету властей РК выехала в КНДР для участия в XIII Всемирном фестивале молодежи и студентов, где ей был устроен восторженный прием. После фестиваля студентке под сильным давлением мировой общественности разрешили вернуться на родину через Пханмунджом, расположенный на демилитаризованной зоне. Здесь она была схвачена южнокорейской охранкой и приговорена чрезвычайным судом к 15 годам тюремного заключения за нарушение Закона о национальной безопасности. Под неослабевающим давлением студентов и молодежи в 1993 г. ее передали на «попечение родителей», что означало домашний арест и изоляцию от общественно-политической деятельности. Ли Су Гён была амнистирована (но не реабилитирована) лишь после прихода к власти Ким Дэ Чжуна в 1998 г. Ей была дана возможность завершить учебу в университете и получить работу по специальности.)

Итогом политических реформ первой гражданской администрации стало усиление демократизации в сфере административного управления, оттеснение от рычагов власти представителей армейской элиты, упрочение позиций новых средних слоев, устранение ряда перекосов в избирательном законе и процедурах. Вместе с тем популярному президенту, несмотря на самые радикальные меры и

концентрацию административного ресурса, не удалось побороть самый опасный симптом «корейской болезни» – коррупцию. И это не могло не оказать своего негативного влияния на процессы создания «новой экономики».

§ 3. Курс на формирование «новой экономики»

Шестая пятилетка, когда страной управляла военно-гражданская администрация Ро Дэ У, наряду с инерцией развития, выявила первые признаки экономической стагфляции, т. е. глубинных явлений колебательного замедления народнохозяйственного роста, постепенного наращивания деструктивных тенденций. Валовой прирост ВВП, составивший в 1990 г. 9,3 % (по сравнению с предыдущим годом), снизился в 1991 г. до 8,4 %, а в 1992 г. упал до 4,7 %.

Еще более признаки стагфляции проявились в сфере капиталовложений в промышленное оборудование и строительство. Прирост инвестиций в промышленное оборудование составил в 1991 г. 12,8 % (по сравнению с предыдущим годом), а в 1992 г. упал до 0,8 %. Это был самый низкий уровень промышленного инвестирования за все годы «экономического чуда».

Стагфляционные тенденции появились и во внешнеторговой сфере, от которой в решающей степени зависит состояние платежного баланса страны. Резко колеблющееся и неустойчивое увеличение экспорта составило: в 1991 г. 10,5 %, а в 1992 г. – лишь 6,6 %. (Одной из причин этого явления стало обострение конкурентной борьбы на мировом рынке, понижение конкурентоспособности южнокорейских товаров, ставшее, в свою очередь, во многом следствием вынужденного под давлением профсоюзов повышения зарплаты рабочим и служащим.)

Тревожные стагфляционные тенденции стали прослеживаться в состоянии платежного баланса страны. В 1990 г. в платежном балансе появилось отрицательное сальдо в 2,8 млрд долл., которое увеличилось до 8,7 млрд долл. в 1991 г., и 4,5 млрд долл. в 1992 г. Дальнейшее нарастание финансово-экономической стагфляции несло в себе угрозу кризиса и тотального отката страны к раннеиндустриальной стадии развития. Стало очевидно, что все прежние рычаги форсированного хозяйственного роста (недорогой иностранный капитал, демпинговая экспансия на мировых рынках, наличие огромной резервной армии труда, наконец, активное госрегулирование) не в состоянии дать необходимого эффекта на этапе постиндустриальной модернизации. Отсюда экстренные поиски администрацией Ким Ен Сама таких институциональных преобразований, которые ранее эффективно не использовались в процессах модернизации и трансформации. Необходимо было устранить или ослабить действие тех институтов (в особенности прямого госрегулирования), которые не работают успешно в новых условиях резкого обострения конкуренции на мировом рынке.

В такой ситуации правительством был разработан и принят чрезвычайный План новой экономики на 100 дней (март – июль 1993 г.), на основе которого была скорректирована седьмая пятилетка (на 1994–1998 гг.), стратегическая задача которой состояла в том, чтобы попытаться осуществить планомерную стабилизацию всего народного хозяйства, вывести его на основе научно-технической модернизации на новые позиции в мировом хозяйстве.

В преамбуле доработанного седьмого пятилетнего плана говорилось, что стратегическая цель «новой экономики» страны – «улучшение качества жизни» путем повышения реальных доходов населения, стабилизации цен, непрерывного роста производительности труда, наращивания инвестиций. Такого рода общенациональную задачу администрация Ким Ен Сама настраивалась решить отнюдь не путем вторжения в отношения собственности, как того добивались некоторые радикально настроенные круги в его окружении, а исключительно институциональными методами, реформированием старых структур, созданием новых необходимых институтов.

Основные принципы институциональных преобразований концентрировались на следующих основных направлениях:

1. Создание подлинно справедливой, равноправной, демократической системы налогообложения, исключающей разного рода экономически не обоснованные льготы, уклонение от уплаты налогов, заниженные ставки по налогообложению, ослабляющие стимулы к труду и т. д. В связи с возрастающими государственными расходами, в т. ч. и на социальные нужды, ставки налогообложения на душу населения было запланировано увеличить с 19,4 % в 1992 г. до 22–23 % в 1998 г.

2. Радикальное реформирование общей структуры государственных расходов в сводном бюджете страны. В первую очередь это касалось статей на содержание госаппарата, субсидии местным органам самоуправления и на национальную оборону, составлявших в совокупности свыше двух третей государственных расходов бюджета. Сэкономленные таким путем средства предполагалось переключить на дополнительное развитие социальной инфраструктуры, в первую очередь на строительство недорогого жилья и охрану окружающей среды. Для улучшения координации в проведении новой бюджетной политики вместо годовых бюджетных директив вводились полугодовые с полной отчетностью перед контролирующими инстанциями.

3. Реформирование финансового сектора путем демократизации действующих в нем инструкций и предписаний, упрощение процедуры избрания директоров коммерческих банков, прекращение выдачи ссуд коммерческим банкам под страховой взнос, усиление контроля над финансово-денежной политикой, совершенствование оценок кредитоспособности, упрочение специализации финансовых институтов, ликвидация коррупционной системы подставных банковских счетов, ведение финансовых операций на подлинное имя.

4. Пересмотр и ослабление административных правил, препятствующих «свободной и новаторской экономической деятельности», созданию новых предприятий или выпуску некоторых новейших видов промышленной продукции и технологий. Устранение путем выработки нового сознания чрезмерного акцента на достижение индивидуально-групповых устремлений в ущерб общественным. «В основе реформы экономического сознания лежит признание того, что личные интересы могут быть реализованы лишь с учетом интересов всего общества, без чего невозможно новое экономическое развитие».

5. Дальнейшее наращивание потенциала экономического роста за счет непрерывного повышения мировой конкурентоспособности обрабатывающей промышленности. Переориентация промышленной структуры на приоритетное развитие технологически и информационно емких производств. Обеспечение стабильного подъема энергетики с поисками и освоением альтернативных источников энергообеспечения. Государственное содействие индустрии экспорта путем совершенствования систем трастовых гарантий и страхования экспортеров, упрощения экспортных операций.

6. Содействие ускоренному развитию промышленной технологии, особенно новейшим технологическим изобретениям, существенное увеличение инвестиций в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (с 2,1 % в 1992 г. до 3–4 % в 1998 г.), расширение финансовой поддержки развитию технологии, стимулирование сотрудничества промышленных предприятий с университетами и научно-исследовательскими центрами и разработке ресурсосберегающих, экономически чистых производств.

7. Развитие информационной индустрии с тем, чтобы вывести эту отрасль на уровень высокоразвитых стран, расширение производства информационного оборудования, разработка программного обеспечения всех отраслей народного хозяйства, государственные закупки компьютерной технологии и программ национального производства, принятие закона об информационной деятельности, включая государственные инвестиции, стандартизацию смешанных отраслей, защиту интеллектуальной собственности.

8. Совершенствование системы профессионального обучения путем увеличения числа

профессионально-технических учебных заведений, открытия частных центров производственного обучения при крупных компаниях, создания государственного учебного центра обучения женщин, лиц пожилого возраста и профессиональной переориентации, разработка государственной системы обеспечения квалифицированных педагогических кадров и переподготовка учителей.

9. Улучшение системы землепользования путем пересмотра устаревших правил пользования землей, упрощение порядка предоставления земельных участков для сооружения промышленных объектов и жилых домов, освоение удаленных, но пригодных для обработки земель и не представляющих ценности лесных массивов, увеличение бюджетных инвестиций в механизацию и автоматизацию земледелия, внедрение новых высокопродуктивных технологий, создание предприятий по переработке сельхозпродукции. Ключевая роль в новой сельскохозяйственной политике отводилась фермерам и их объединениям.

10. Интеграция в мировую экономику путем открытия внутреннего рынка, расширения иностранных инвестиций, отмены мер по сокращению импорта, противодействия протекционизму и регионализму. Всемерное наращивание деловых связей с США, странами Евросоюза и Японией. Укрепление экономических связей с Северной Кореей в рамках политики объединения и достижения национального согласия путем увеличения товарооборота и инвестиционного сотрудничества, включая науку, технику, медицину и окружающую среду.

11. Решение при действенном участии государства узловых социальных проблем путем форсированного строительства жилья (в среднем по 500–600 тыс. квартир в период 1992–1998 гг.), предоставления за счет государства жилья беднейшим слоям населения. Пересмотр трудового законодательства, создание комиссий из представителей работодателей и трудящихся для урегулирования вопросов взаимоотношений между ними, создание благотворительных фондов для малообеспеченных категорий рабочих и служащих, введение системы социального страхования трудящихся, разработка и внедрение в рамках седьмой пятилетки пенсионной системы для рыбаков и фермеров.

Новая администрация взяла энергичный старт по линии предоставления более широкого простора для предпринимательской деятельности, что затронуло, прежде всего, интересы среднего бизнеса. Были полностью отменены или существенно ослаблены 757 ограничений из 1079 действовавших к тому времени в сфере бизнеса. Учреждались специальные правительственные комитеты, в задачу которых входило устранение всех барьеров, сдерживающих или тормозящих деловую активность. Эта акция вызвала особенно большое воодушевление среди мелких и средних предпринимателей, изнывавших под тяжестью непомерно раздутого государственно-бюрократического контроля.

В целях наращивания инвестиций и стабилизации финансовой системы правительство стимулировало снижение процентной ставки по кредитам, продлило сроки погашения векселей, используемых при производстве экспортной продукции, расширило кредиты на закупку нового технологического оборудования, усилило контроль за ценами на товары первой необходимости, развернуло борьбу со спекуляцией и, что чрезвычайно важно, ввело более высокие налоги на частную собственность для лиц, владеющих крупным жилищным фондом.

В интересах среднего и малого предпринимательства был учрежден специальный фонд в размере 1,75 млрд долл. для оказания непосредственной поддержки немонополистическому сектору в ускорении технологического и структурного обновления, повышении качества продукции, налаживании межотраслевой кооперации. Одновременно были отменены бюрократические ограничения на учет коммерческих бумаг средних и мелких предприятий, упрощены условия получения банковских кредитов вплоть до признания юридически оформленного залога на собственность, принадлежащую другим, доверенным лицам.

Администрация Ким Ен Сама рассматривала научно-технический прогресс как неотъемлемую составную часть «новой экономики», что побудило ее учредить ряд новых правительственных структур, призванных стимулировать внедрение современной технологии для содействия повышению производительности труда и качества экспортной продукции. Иностранным инвесторам, действующим в русле научно-технического прогресса, были предоставлены новые льготы в налогообложении, расширены их права на приобретение земельной собственности, что было исключительным явлением в экономической истории страны.

Седьмая пятилетка РК достаточно четко высветила социально-политическую ориентацию первой гражданской администрации на поддержку новых средних слоев, которые составляли важнейшую часть электората Ким Ен Сама. На усиление взаимодействия правящей партии с этой новой социальной группой, рожденной неоиндустриальной модернизацией, был направлен ряд других правительственных декретов.

Был, в частности, осуществлен пересмотр ряда дискриминационных трудовых законов, принятых еще в годы авторитарных режимов. Согласно этим законам и правилам профсоюзы были официально лишены права заниматься политической деятельностью, а госслужащие, в число которых были включены школьные учителя, не имели права создавать профорганизации, запрещалось также создание более одного профсоюза на одном предприятии и т. д. Южнокорейские власти долго и упорно не признавали независимую Корейскую конфедерацию профсоюзов (ККП), насчитывавшую в своих рядах более 500 тыс. высококвалифицированных рабочих. Более того, предпринимались попытки сравнить независимую ККП с проправительственной Федерацией корейских профсоюзов (ФКП), в рядах которой состояла крупная масса рабочих и служащих – около 1,7 млн человек.

Отжившие нормы отношений между трудом и капиталом вызывали всё нарастающий протест изнутри и на международной арене. Открытое недовольство трудовым законодательством в РК выразили Международная организация труда (МОТ) и Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), что вынудило правительство РК в сентябре 1996 г. отменить дискриминационный закон о запрете профсоюзам заниматься политической деятельностью. Для урегулирования трудовых споров создавались согласительные комиссии, в состав которых включались профактивисты и рабочие от станка.

Хотя амбициозные наметки седьмой пятилетки в области социальных отношений (особенно в сфере жилищного строительства) не были выполнены, в стране удалось в целом сохранить позитивные сдвиги в постепенном повышении жизненного уровня населения. В начале 90-х гг. Южная Корея занимала 33 место по Индексу человеческого развития (ИЧР), разработанного специальной программой развития ООН. В первой половине 90-х гг., так же как и в предыдущем пятилетии, продолжалось опережающее по сравнению с ростом производительности труда увеличение средней зарплаты рабочих и служащих. Следствием этого было повышение покупательной способности населения. В 1990 по 1996 гг. произошли заметные сдвиги в уровне благосостояния населения. Если в 1990 г. 1 автомобиль приходился на 22,5 чел., то в 1996 г. – на 6,2 чел., если в 1990 г. в руках покупателей было 1,3 млн кредитных карточек, то в 1996 г. – 40,2 млн, если в 1990 г. лишь 0,08 млн имели мобильные телефоны, то в 1996 г. – 3,15 млн, если в 1990 г. среднемесячные расходы городского жителя составляли 0,65 млн вон, то в 1996 г. – 1,4 млн вон. Потребление электроэнергии в быту в 1990 г. на 1 человека составляло 2202 кВт · ч, а в 1996 г. – 4006 кВт · ч. За эти годы выросло число семей, располагающих цветными телевизорами, холодильниками, кондиционерами. Повышение качества жизни нашло отражение в заметном возрастании средней продолжительности жизни: с 68 лет до 72,9 лет с 1985 по 1995 гг., в т. ч. мужчин – с 64,9 до 69,3 и женщин – с 71,3 до 76,6 лет.

Однако необходимы были еще многие годы огромной концентрации национальных усилий, чтобы «экономическое чудо» РК поднять до уровня высокоразвитых стран мира.

Путем расширения диалога с профсоюзами, дальнейшего ослабления драконовских регламентаций авторитарного периода и расширением финансирования социальных программ администрации Ким Ен Сама удалось сбить частично волну трудовых конфликтов и снизить потери рабочего времени вследствие забастовочных выступлений трудящихся. Однако ухудшение социально-экономической конъюнктуры в середине 90-х гг. вызвало новое обострение ситуации на трудовом фронте. В 1996 г. только в Сеуле в забастовках и других акциях социального протеста приняло участие более 5 млн человек.

Отношение крупного финансово-промышленного капитала к социально ориентированной стратегии «новой экономики» носило неоднозначный характер. В 1996 г.

Федерация промышленников Кореи (ФПК) выразила свое открытое несогласие с «излишне жесткой», по ее оценке, системой госрегулирования в экономике. С другой стороны, чэболи настаивали на том, чтобы государство ни в коей мере не снимало с себя бремени по оптимизации хозяйственного роста путем выделения госинвестиций в капиталоемкие и технологически сложные проекты. Отсюда крайне осторожный подход реформаторов к структурной модернизации отношений с ФПК.

Вопреки теоретическим установкам стратегии «новой экономики» не удалось довести до завершения объявленную в 1993 г. программу приватизации и повышения рентабельности четырех крупных государственных компаний: «Кориа телеком», «Кориа Газ корпорейшн», «Кога Тобако энд Джинсенг корпорейшн» и «Кори Хэви индастриз энд констракшн», поскольку возникла угроза монопольной скупки государственных акций узким кругом крупных ФПГ. Власти разработали дополнительную программу разукрупнения и децентрализации предприятий, намеченных к приватизации, и постепенной передачи госакций в частные руки. Однако практическая реализация этого плана оказалась заблокирована финансовым кризисом 1998 г.

Частичный демонтаж системы госрегулирования, разумеется, не означал, что государство уходит в экономическую и финансовую тень, покидает народно-хозяйственную арену. Под строгим контролем правительства продолжали оставаться все государственные и частные инвестиции не только внутри страны, но и за рубежом, экспортно-импортные операции, источники получения кредитов и субсидий, вопросы ценообразования и другие ключевые аспекты предпринимательской деятельности.

Однако система госрегулирования даже в такой гипертрофированной форме оказалась бессильной перед законами рыночной стихии. Основные ежегодные показатели развития южнокорейской экономики за седьмую пятилетку стали грозным предостережением того, что колебательная стагфляция неуклонно катится к разрушительному кризису. В 1994 г. объем прироста ВВП составил 8,6 %, в 1995 г. поднялся до 9 %, затем в 1996 г. снизился до 7,1 % и в 1997 г. резко упал до 5,5 %. Такого же рода стагфляционная тенденция прослеживалась в темпах роста ВВП на душу населения: 1994 г. – 7,6 %, 1995 г. – 7,9 %, 1996 г. – 6,2 % и в предкризисном 1997 г. – 3,9 %.

В марте 1997 г. Ким Ен Сам предпринял отчаянную попытку остановить стагфляцию путем смены правительства и введения ряда непопулярных мер. Под нажимом властей был снижен импорт ряда дорогостоящих импортных товаров, произведено сокращение аппарата госслужащих на 10 тыс. чиновников, сокращена программа государственных расходов на 2,2 млрд долл., создан чрезвычайный фонд предотвращения банкротств банковских структур и т. п. Однако эти запоздалые меры принесли лишь видимое оздоровление ситуации, поскольку никак не затрагивали олигархической структуры крупного финансово-промышленного капитала.

Обострение противоречий между государством и крупным частным бизнесом стало в дальнейшем одной из основных причин структурной деформации в обществе – кризиса всего воспроизводственного процесса. На неоиндустриальной стадии развития в условиях общей слабости среднего национального предпринимательства чэболи, бесспорно, играли позитивную роль как «локомотивы» ускоренной

модернизации. Однако с превращением чэболей в гигантские финансово-промышленные конгломераты, охватывающие десятки отраслей и сотни предприятий, оптимальное управление, исходящее от одной персоны (основная корпорация) становится невозможным. Управленческая структура южнокорейских ФПГ построена на холдинговой основе бесчисленного числа компаний, которые возглавляются членами одного семейного клана или выходцами из одной местности, или выпускниками одного и того же учебного заведения. Ни один самый одаренный менеджер, не входящий в состав такой квазисемьи, не в состоянии пробиться к реальному руководству, которое передается по наследству от отца к одному из сыновей и т. д. При каждой чэболь действует формально президентский совет в составе двух десятков управляющих. Советы собираются обычно 1–2 раза в неделю для проработки тех или иных вопросов, но окончательное решение принимает один человек – глава чэболя (хведжан). И надо сказать, что такого рода решения далеко не всегда носили оптимальный и взвешенный характер.

Концентрация администрации Ким Ен Сама на проблемах стабилизации экономического роста позволила, хотя и с резкими колебаниями, сохранить в докризисные годы седьмой пятилетки положительные показатели прироста инвестиций. В 1993 г. они составили лишь 3,6 %, хотя в 1995 г. подскочили до 33,1 %, а в 1996 г. – до 32,6 %. При этом именно чэболи продолжали играть ключевую роль в воспроизводственном процессе и внешней торговле страны. К середине 90-х гг. совокупный объем продаж 10 самых крупных ФПГ составил 175 млрд долл., что соответствовало 50 % ВВП страны. Чэболи монопольно контролировали около 35 % валового объема промышленного производства, около одной четверти всех экспортно-импортных операций. Именно чэболи продолжали форсировать политику экспортной экспансии, хотя 20 крупнейших ФПГ в 1996 г. в условиях усиления стагфляции довольствовались минимально низкой прибылью в 1,7–3,1 % при процентной ставке на капитал в 12 %.[\[49\]](#)

В седьмую пятилетку в соответствии с внесенными коррективами прирост ВВП должен был составить 7 %, а среднедушевой доход увеличиться с 8186 долл. в 1994 г. до 14076 долл. в 1998 г. Экспорт страны планировалось увеличить с 82,3 млрд долл. в первый год пятилетки до 136,3 млрд долл. в последнем году пятилетки. Но выполнение этих амбициозных заданий натолкнулось на неуклонно надвигающийся на страну азиатский финансовый кризис 1987–1998 годов. С осени 1997 г. началось катастрофическое падение обменного курса вон. Если еще в сентябре 1997 г. 1 доллар США обменивался на 930 вон, то в середине декабря – 2000 вон. Такого обвала не было за всю историю национальной валюты. Финансовый кризис, охвативший многие страны Азии, обрушился всей своей тяжестью и на Юг Кореи. Между тем в стране полным ходом шла предвыборная гонка за пост президента РК.

* * *

На завершающем этапе своей многолетней политической деятельности Ким Ен Сам воплотил в жизнь свою юношескую фантазию – стал демократически избранным Президентом Республики Корея, главой государства. Ему довелось возглавить трудный и сложный процесс перехода раздираемой противоречиями республики от авторитарного правления к демократии, заметно поднять имидж государства в мировой дипломатии и на международной арене. Вместе с тем *Ким Ен Саму не удалось воплотить в жизнь амбициозную стратегию создания «Новой Кореи», преодолеть противодействие олигархического капитала, остановить разгул коррупции, нарушение законности.* Свертывая частично регулирующие функции государства в предпринимательской сфере, Ким Ен Сам пытался усилить государственный контроль в финансовой сфере. *Подобно своим предшественникам, он сохранил запретительные барьеры для участия профсоюзов в политической деятельности (они были отменены лишь в 1996 г.). Не осуществились также его надежды на воссоединение двух Корей в единое государство к концу XX в.*

Глава II

Республика Корея на путях стабилизации основ гражданского общества

§ 1. Политическая борьба в РК после прихода к власти Ким Дэ Чжуна

18 декабря 1997 г. в Южной Корее состоялись выборы пятнадцатого президента страны, на которых с минимальным перевесом победил известный лидер демократического движения Ким Дэ Чжун. Так впервые в истории РК к власти пришел не официальный преемник, назначенный правящей партийно-политической группировкой, своего рода «престолонаследник», а кандидат оппозиции, стойкий и популярный противник авторитарного режима, мужественный борец за гражданские права, находившийся не один раз на грани смертельной опасности.

Президентские выборы 18 декабря 1997 г. отличались предельным напряжением внутриполитического противостояния. Правящая Партия Великой страны (ПВС) – Ханнарадан выдвинула на пост президента Ли Хве Чхана, пользовавшегося серьезной поддержкой консервативных кругов и влиятельных финансово-промышленных групп. Не без их закулисной поддержки Ли Хве Чхан занял руководящие позиции в Ханнарадан, добившись ухода из ее рядов скомпрометированного коррупционными скандалами Ким Ен Сама. Но изгнание Ким Ен Сама не сопровождалось консолидацией рядов Ханнарадан. В разгар предвыборной гонки от нее откололась группировка Ли Ин Чже, экс-губернатора провинции Кёнги, провозгласившая создание Новой гражданской партии (НГП) – Кунмин синдан. Вскоре Ли Ин Чже выдвигается независимым кандидатом на президентский пост. Несмотря на раскол, Ли Хве Чхан был уверен в своей победе в борьбе за пост президента, о чем он открыто заявлял во время большого заграничного турне в США, Китай, Западную Европу и Россию.

Оппозиционным силам не удалось вначале выступить единым фронтом против сильного кандидата правительственной коалиции. Помимо Ким Дэ Чжуна, кандидата Национального конгресса за новую политику (Кунминхвеи), на президентский пост претендовал упоминавшийся ранее Ким Джон Пхиль, лидер Объединенной либерально-демократической партии, или Чаминрён, располагавший в Национальном собрании РК (по итогам выборов 1996 г.) 50 депутатскими мандатами. Стало очевидно, что соперничество НКНП и ОЛДП снова открывает «зеленую улицу» правительственному кандидату и ни один из сторонников оппозиции не в состоянии самостоятельно бросить вызов Ли Хве Чхану.

В такой ситуации Ким Дэ Чжун, преодолевая предрассудки, предпринял далеко идущий политический маневр, направленный на привлечение в свой политический лагерь партии Чаминрён и его лидера Ким Джон Пхилия. В итоге серии закулисных переговоров ОЛДП в качестве компенсации за блокирование с НКНП Ким Джон Пхилу были обещаны портфели премьер-министра, министра финансов, сельского хозяйства, транспорта и другие посты в экономическом блоке правительства. Еще более важная уступка со стороны НКНП касалась конституционного строя РК: в пределах двухлетнего периода после замещения поста президента Ким Дэ Чжун обязался ввести в стране систему парламентской республики взамен излишне централизованной и гипертрофированной системы единоличной президентской власти. В

соответствии с такой договоренностью лидер Чаминрёна снял накануне выборов свою кандидатуру, призвав электорат отдать свои голоса за Ким Дэ Чжуна. Именно итогом такого во многом неестественного блокирования НКНП и Чаминрён стала победа Ким Дэ Чжуна, получившего на выборах 40,3 % голосов избирателей, в то время как его сопернику Ли Хве Чхану досталось 38,7 % голосов. В то же время на исход выборов оказало влияние не только блокирование НКНП и ОЛДП, но также и раскол Партии Великой страны, из которой вышла группировка Ли Ин Чже. Участвуя в предпрезидентской гонке в качестве «независимого кандидата», он получил 19,2 % голосов.

В итоге кампании по выборам главы государства в РК произошла причудливая перегруппировка политических сил, когда в одном блоке с левоцентристским течением Ким Дэ Чжуна оказались правоконсервативные силы во главе с Ким Джон Пхилем. Это означало, что в правящую коалицию, которую сама Кунминхвеи именovala не иначе как «первым народным правительством» в истории Кореи, наряду с искренними демократами и либералами входили правые консерваторы – силы, непосредственно причастные к государственному перевороту 16 мая 1961 г. и ответственные за насилие и беззакония периода авторитарных режимов. Неустойчивый баланс сил в правящей коалиции неизбежно предвещал резкое обострение противоречий в верхнем эшелоне власти РК. И первым симптомом распада «брака по расчету» между НКНП и Чаминрён стала отставка с поста премьер-министра Ким Джон Пхилия в декабре 1999 г. под предлогом необходимости сосредоточиться на подготовке его партии к предстоящим парламентским выборам. Спустя два месяца, в феврале 2000 г. руководство Чаминрён официально заявило о выходе из правительственной коалиции и переходе в оппозицию к НКНП, хотя ряд консервативных министров продолжал еще некоторое время оставаться в составе кабинета. Основные обвинения сторонников Ким Джон Пхилия в адрес правящей Кунминхвеи касались двух узловых проблем: НКНП блокирует переход от президентской системы к парламентской и ведет вопреки действующим законам «тайные переговоры» с КНДР. Критика со стороны бывшего союзника по существу шла в одном русле с нарастающим политическим натиском со стороны Ханнарадан, обвинявшей Ким Дэ Чжуна в антиконституционной политике, проявляющейся в игнорировании социально-экономических проблем страны, неэффективности работы административного аппарата.

Обострение противоречий в правящих кругах страны создало серьезную угрозу политической изоляции НКНП, утраты ее реального политического влияния и власти еще до истечения срока полномочий президента. В поисках выхода из острокризисной ситуации Национальный конгресс за новую политику провел 20 января 2000 г. чрезвычайный съезд, на котором было принято решение о переименовании НКНП в Демократическую партию нового тысячелетия (ДПНТ) – Миллениум минчжудан. Обновленная ДПНТ провозгласила курс на построение «передового государства», идущего в авангарде мирового прогресса. Соответственно демократия, рыночная экономика и народное благосостояние были объявлены «тремя китами» партийной платформы демократов.

Принимая на свое идейное вооружение символическое обращение к проблемам нового, третьего тысячелетия, южнокорейские левоцентристы преследовали далеко идущие цели: они стремились зафиксировать свое прогностическое видение новой роли страны в глобализирующемся мировом сообществе наступившего века, привлечь внимание массового электората к тому, что именно Миллениум минчжудан лучше других политических сил в состоянии управлять народным хозяйством мировой величины, содействовать национальной консолидации, а также мирному диалогу с северянами в целях общенационального воссоединения. Предполагалось, что широкая общедемо кратическая платформа ДПНТ откроет пути для привлечения на ее сторону других промежуточных политических сил, не разделяющих, в частности, платформу Ханнарадан, Чаминрён и др. партий и групп, с которыми левоцентристы находились в острой политической конфронтации. Особые надежды при этом возлагались на Демократическую национальную партию (ДНП) – Минчжу кунминдан, оформившуюся организационно

в марте 2000 г. из оппозиционных осколков Ханнарадан во главе в экс-премьером Ли Су Соном. В программных установках новой партии содержался призыв преодолеть соперничество и распри между различными политическими течениями, добиться общенациональной консолидации, без которой немыслима успешная интеграция страны в динамично развивающийся глобальный мир. Сам по себе подобный призыв создавал платформу для сближения ДПНТ и ДНП, но, как показали последующие события, весомых политических результатов это сотрудничество не принесло.

Обновление политического фасада ДПНТ, долгосрочное стратегическое видение, обращение к общекорейским ценностям в немалой степени содействовало пополнению рядов электората партии. Буквально за сутки до начала парламентских выборов демократам удалось взорвать настоящую «информационную бомбу». Население страны было информировано о том, что в самое ближайшее время состоятся прямые переговоры между президентом РК Ким Дэ Чжуном и лидером Северной Кореи Ким Чен Иром. Это означало поворот на 180 градусов от недальновидной позиции прежнего главы государства Ким Ен Сама, не направившего в июле 1994 г. соболезнования в Пхеньян в связи с кончиной Ким Ир Сена и допустившего, по мнению многих южнокорейцев, непростительный дипломатический просчет в межкорейских отношениях. Секретные переговоры, которые с осени 1999 г. вел с северянами специальный представитель президента РК, подвели к многообещающим перспективам. Массы южнокорейцев, и в первую очередь те, кто оказался в рядах т. н. разделенных семей, начали убеждаться в том, что политика «солнечного тепла» в отношении КНДР не риторика, а реалистическая дипломатия, направленная на практическое сближение Юга и Севера, установление между ними гуманитарных, торгово-экономических и других взаимосвязей. Новая стратегия и политика Ким Дэ Чжуна в отношении КНДР звучала весьма авторитетно и убедительно еще и потому, что РК к весне 2000 г. добилась внушительных успехов на пути преодоления деструктивных последствий азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг.

Парламентские выборы 13 апреля 2000 г. показали, что ДПНТ во главе с Ким Дэ Чжуном пользуется всё возрастающей поддержкой электората: если на выборах 11 апреля 1996 г. за Национальный конгресс за новую политику (НКНП) было подано 25,3 % голосов, принесших 79 депутатских мандатов, то на выборах в апреле 2000 г. Демократическая партия нового тысячелетия (ДПНТ) получила 34,8 % голосов и 115 мандатов. Таким образом, ДПНТ значительно расширила по сравнению с прежними выборами поддержку электората, что принесло ей 36 новых депутатских мандатов. Никогда прежде сторонники Ким Дэ Чжуна не занимали столь солидных позиций в законодательном органе страны. И тем не менее это была всего лишь относительная, а не абсолютная победа. Основным противник левых центристов – Партия Великой страны (Ханнарадан), несмотря на потерю 6 мандатов, сумела завоевать 133 депутатских места, сохранив тем самым позиции доминирующей силы в Национальном собрании. После шумного раскола с объединенными либеральными демократами, завоевавшими 17 мандатов, говорить о восстановлении прежней коалиции было весьма затруднительно. Расчеты на возможное блокирование с Демократической национальной партией (ДНП) оказались низкоэффективными, поскольку ей удалось завоевать лишь 2 мандата.

В такой ситуации между ДПНТ и Ханнарадан (ПВС) развернулась ожесточенная закулисная борьба за привлечение в свой лагерь «третьих сил», на положении которых оказались не только Чаминрён, но и Минджу кунминдан (ДНП), Новая национальная партия (Хангук синдан) и ряд независимых депутатов. В ходе этой внутрипарламентской конфронтации обе коалиции проявили предельную политическую изобретательность. Полным ходом развернулась персональная обработка не только независимых депутатов, но и тех, кто примыкал к различным партиям в парламенте. Но основной маневр главы государства вновь оказался направленным в сторону Чаминрён, которая сама нуждалась в дополнительных трех депутатских мандатах для оформления парламентской фракции, дающей право на получение солидных государственных субсидий. Объединенным либерал-демократам был обещан ряд

министерских постов и условный переход в их парламентские ряды трех недостающих партии депутатов. Столь хитроумная комбинация получила практическое воплощение, что позволило Ким Дэ Чжуну на некоторое время сформировать в Национальном собрании объединенную фракцию большинства в составе 136 депутатских мандатов. Этот успех на внутривластном фронте, несмотря на его временный характер, дал возможность Ким Дэ Чжуну более активно действовать в борьбе против последствий азиатского финансового кризиса, за структурную модернизацию национальной экономики и качественную интенсификацию межкорейского диалога. На базе новой политической сделки с Чаминрён и привлечения независимых депутатов, а также вербовки нескольких членов Ханнарадан ДПНТ удалось в мае 2000 г. провести на пост спикера парламента Ли Ман Сопа и добиться позитивного голосования по кандидатуре премьер-министра Ли Хан Дона, представлявшего Чаминрён. Воссоздание коалиции левых центристов и правых консерваторов позволило Ким Дэ Чжуну парализовать попытку Ханнарадан провести в свою пользу ряд конституционных поправок, и в частности предложение о сокращении срока полномочий президента четырьмя годами с правом вторичного избрания. В случае принятия этой поправки президентские полномочия Ким Дэ Чжуна истекали бы уже в конце 2001 г.

Добившись необходимой для правящей ДПНТ расстановки сил в законодательном органе, ее лидер провел ряд крупных преобразований в составе правительства (август 2000 г., март 2001 г.), уверенно выдвигая на ключевые посты новых министров из числа опытных управленцев более молодого поколения, независимо от их провинциального происхождения и партийной ориентации. Так, на ключевой пост министра иностранных дел в августе 2001 г. был назначен Хан Сын Су, представитель Демо кратической национальной партии (Минджу кунминдан).

В ходе напряженной и непрекращающейся борьбы за обеспечение парламентского большинства и создание эффективной правительственной администрации Ким Дэ Чжуну удается реально либерализовать старый механизм преследований и гонений оппозиции и диссидентов. Прежде всего был смягчен драконовский Закон о национальной безопасности, сфера которого распространялась теперь лишь на реальные провинности, а отнюдь не на любые проявления симпатий в отношении Севера. Соответственно в 2000 г. к различным срокам тюремного заключения были приговорены лишь 4 человека, обвиненных судом в «подрывной деятельности» в пользу Севера. Указом президента были амнистированы «дочь Кореи» – Ли Су Гён, лидер южнокорейского диссидентского движения Сон Ту Ёль, обвинявшийся в пропхеньянской пропаганде, и другие диссиденты.

Власти РК пошли на отмену многих нелепых информационных ограничений во взаимодействии с КНДР (право знакомиться с книгами, газетами и журналами, изданными в КНДР, пользоваться сайтами северокорейских СМИ в интернете и т.п.). И все эти акции носили довольно дальновидный дипломатический характер. 13–15 июня 2000 г. мир узнал ошеломляющую новость: президент Республики Корея Ким Дэ Чжун прибыл в Пхеньян, где после переговоров с лидером КНДР Ким Чен Иром подписал историческую Совместную декларацию Юга и Севера Кореи, открывшую принципиально новую веху во взаимоотношениях двух Корей. О содержании декларации более обстоятельно говорится в следующей главе, а здесь отметим лишь одну уникальную черту события: Ким Дэ Чжун действовал вопреки стойкой конфуцианской традиции, при которой первым на поклон должен прибыть младший по возрасту при равном должностном положении. Как было установлено более поздними расследованиями, глава государства сознательно пошел на нарушение действующих парламентских ограничений, предоставив властям КНДР финансовую помощь в размере 500 млн долл. Наконец, Ким Дэ Чжун принял довольно жесткое условие северокорейской стороны о прибытии в КНДР не по сухопутной дороге через демилитаризованную зону, а воздушным путем. Однако все эти дипломатические и иные уступки, сделанные во имя миротворческой миссии, окупались с лихвой. Международное общественное мнение было буквально шокировано дипломатическим искусством южнокорейского лидера. И это, по всей

вероятности, была «последняя капля», повернувшая «чашу весов» в пользу Ким Дэ Чжуна, которому 10 ноября 2000 г., после тринадцати неудачных выдвижений в прошлом, была наконец присуждена Нобелевская премия мира.

Триумф Ким Дэ Чжуна на ниве межкорейского миротворчества, его достижения в форсированной ликвидации разрушительной стихии азиатского финансового кризиса, упрочении основ гражданского общества оставляли мало сомнений в том, что на южнокорейской политической арене действует «самый великий» за всю историю страны глава государства. Однако на скользкой дороге политики нередко возникают самые неожиданные осложнения. С большим успехом решая крупные внешнеполитические и финансово-стабилизационные проблемы, глава государства, подобно его предшественнику Ким Ен Саму, оказался безоружным в борьбе против всемогущей коррупционной болезни. Стойкий приверженец демократических ценностей, узник военно-авторитарного произвола, сумевший стойко преодолеть смертельные угрозы и опасности, не смог преодолеть магическую силу бюрократической власти и денежного могущества. Судя по всему, Ким Дэ Чжун искренне верил, что ему удастся, если не уничтожить, то, по крайней мере, нанести смертельный удар по самым первоосновам коррупционной системы, превратившейся в серьезный тормоз демократического обновления страны. В планы главы государства входила разработка эффективного антикоррупционного законодательства, создание совместной президентско-парламентской комиссии для выявления наиболее громких антикоррупционных дел, организация показательных процессов против взяточников и казнокрадов, технократизация структур административно-управленческого аппарата. Помимо официальных антикоррупционных структур в стране действовали независимые комитеты борьбы с коррупцией с участием представителей оппозиционных партий.

Наиболее громкие коррупционные разоблачения, особенно с участием СМИ, приводили к отставкам чиновников разного уровня, к шумным судебным разбирательствам. Только за период 1998–2001 гг. в судах было рассмотрено 737 дел о коррупции, тогда как, например, в 1993–1996 гг. – лишь 497 дел аналогичного характера. Все эти меры частично ограничивали разгул коррупционной эпидемии, но не в состоянии были поставить эффективный барьер на пути ее распространения. И самое драматическое состояло в том, что в сети взяточничества и казнокрадства в особо крупных размерах оказалось втянутым ближайшее окружение и даже семья главы государства.

Из 150 лиц, обвиненных властями в различных формах взяточничества и привлеченных к уголовной ответственности, 79 оказались должностными лицами из самого близкого окружения президента. По обвинениям в коррупции, противозаконном лоббировании частных структур, покровительстве злостным коррупционерам были лишены своих постов пресс-секретарь президента Пак Чжу Нен, генеральный прокурор Син Сын Нам, ряд первых или вторых лиц в администрациях провинций. Не случайно в 2002 г. среди 20 ведущих торгово-промышленных государств мира Южная Корея по критерию коррупционности (дача и получение взятки) занимала «лидирующее» четвертое место.

В мае–июне 2002 г., в самый разгар антикоррупционной кампании, южнокорейские СМИ обнародовали скандальные сведения о причастности к коррупции двух сыновей главы государства.

Проживавший в США младший сын президента Ким Хон Голь был изобличен в получении взятки наличными в сумме 1,85 млн долл. за оказание противозаконных лоббистских услуг компании «Тайгер Пулз Кореа», монополизировавшей в стране исключительно высокоприбыльный шоу-бизнес и целевые лотереи. Вскоре сеульская прокуратура предъявила Ким Хон Голю обвинение в получении взяток в сумме 3 млн долл., неуплате налогов, других финансовых махинациях. Сеульский суд приговорил именитого взяточника к длительному сроку тюремного заключения.

Не успел утихнуть шум по поводу младшего отпрыска главы государства как южнокорейские СМИ

запестрели новыми скандальными публикациями о получении крупных взяток в сумме 1,9 млн долл. от ряда корпораций средним сыном президента Ким Хон Опом. 1 ноября 2002 г. сеульский суд приговорил Ким Хон Опа к трем с половиной годам тюремного заключения и штрафа в 870 тыс. долл.

Ошеломляющие истории с двумя сыновьями Ким Дэ Чжун вызвали весьма неоднозначные отклики среди южнокорейской общественности. С одной стороны, немалая часть обывателей выражала явное сочувствие главе государства, который отнюдь не в силу каких-либо собственных ошибочных действий оказался в столь деликатном положении, унижающем его высокое должностное достоинство. В некоторых публикациях СМИ содержались даже намеки на то, что это была тонко задуманная «провокация» политической оппозиции и противников президента. Однако наряду с этим южане высказывали другую мысль – уголовные преступления ближайшего окружения президента, в т. ч. членов его семьи, могли быть раскрыты и переданы в суд только в условиях правового гражданского общества, что совершенно немыслимо в условиях тоталитарной и авторитарной власти. И повод для таких суждений дал сам Ким Дэ Чжун. В телевизионном обращении к гражданам он прежде всего принес глубокие извинения и попросил прощения за противоправные дела своих непутевых отпрысков. «Я виноват в том, что произошло с моими сыновьями, и мне стыдно за то, что я причинил душевную боль людям, поддерживавшим меня», – со слезами на глазах сказал Ким Дэ Чжун в этом прямом телеобращении к своему народу 21 июня 2002 г. Эти горестные слова позволили патриарху южнокорейской демократии сохранить в определенной мере свое достоинство и честь. Одновременно глава государства полностью исключил какое-либо возможное вмешательство с его стороны в деятельность следственных органов, подчеркнув, что он покорно примет любое решение, которое сеульский суд примет по поводу судьбы его детей.

В дни коррупционного скандала с сыновьями Ким Дэ Чжун вынужден был также заявить о выходе из рядов правящей Демократической партии нового тысячелетия (ДПНТ), сделав осторожный намек на то, что после завершения президентского срока он навсегда отойдет от политики и будет заниматься исключительно общественными и научными делами. Это был достойный выход из политической игры, но на плечи очередного президента РК легла еще одна задача невероятной сложности – преодоление разрушительных последствий азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг.

§ 2. Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. и его воздействие на неоиндустриальное развитие Южной Кореи

Истоки этого тяжелого экономического и социального бедствия носили многоплановый характер, но в первую очередь обусловлены были стихийными законами мирового капиталистического хозяйства, хотя одни ученые-востоковеды полагают, что кризис был спровоцирован в большей степени внутренними факторами, а другие исследователи исходят из того, что основную роль в его возникновении сыграли закулисные маневры международного спекулятивного капитала. Видимо, истина, как это нередко бывает в подобных ситуациях, находится где-то по середине. Именно критическое наложение и переплетение двух факторов – внутриазиатских и международных – поставили ряд финансово уязвимых государств Восточной Азии, включая РК, на грань серьезной экономической катастрофы.

В южнокорейской экономике отдаленные и глухие симптомы финансового кризиса стали проявляться, как было уже отмечено выше, еще в период пребывания у власти администрации Ким Ен Сама. Погоня за максимальным ростом производства, всемерным форсированием экспортной экспансии обеспечивалась нередко без учета растущих издержек производства, которые резко ограничивали конкурентный потенциал страны. Чтобы удержаться на плаву, крупные корпорации прибегали к все новым кредитам и займам, новым инвестиционным вливаниям, отвлекающим функционирующий капитал от реальных проблем реструктуризации и повышения производительности труда. Итогом этой недальновидной стратегии, превратившейся в бедствие национального масштаба, стало возникновение искусственно вздутого, фиктивно корпоративного капитала, своего рода «мыльных пузырей», оторванного от реального производства. К концу 1997 г. общая финансовая задолженность 30 наиболее крупных южнокорейских чэболей в 5 раз превышала реальные размеры их предпринимательского капитала.

Зеркальным отражением такого рода финансовой зависимости стали катастрофические для РК внешние долги, составившие к концу 1997 г. астрономическую сумму в 154,4 млрд долл., что, между прочим, превышало внешний долг всей группы стран Юго-Восточной Азии в рассматриваемый период. Внешние долги РК примерно на 55 % состояли из краткосрочных кредитов, подлежащих погашению в течение одного года, и, когда стали обнаруживаться изъяны в платежеспособности корпораций, финансовую систему страны охватила паника. Началось стихийное бегство капитала и обусловленное им стремительное падение обменного курса национальной валюты – воны, нанесшее в считанные дни ущерб южнокорейской казне в 18 млрд долл. На стабилизацию воны правительство РК израсходовало около 30 млрд долл., но это принесло лишь незначительный эффект. Стало очевидно, насколько шатким и нестабильным является финансовый базис южнокорейского «экономического чуда».

У правительства Южной Кореи оставался единственный выход – встать на колени и просить Международный валютный фонд предоставить во избежание полного финансового банкротства чрезвычайную помощь. Реакция МВФ была стремительной: 3 декабря 1997 г. было подписано соглашение, согласно которому РК выделялся громадный заем в 58 млрд долл., включая 21,5 млрд непо средственно от МВФ, 10 млрд от Всемирного банка, 4 млрд от Азиатского банка развития. Из членов МВФ наиболее значительные суммы выделили Япония (10 млрд долл.) и США (5 млрд долл.). Коммерческие условия займа оказались необычайно обременительными. Впервые при оказании помощи развивающемуся государству была установлена надбавка в 5 % к базовой ставке займа. Условия займа Всемирного банка предусматривали межбанковскую ставку (6 %) плюс надбавку в 1 %, тогда как ранее с дебиторов взималось

обычно 0,25 %.

МВФ потребовал от правительства РК внести принципиальные коррективы в свою экономическую стратегию: понизить директивными методами рост производства до 2–2,5 %; закрыть все убыточные неполноценные коммерческие банковские структуры; повысить долю иностранных инвестиций в южнокорейских компаниях с 26 % до 55 %, т.е. вплоть до обладания контрольным пакетом акций; установить ставку процента по банковским кредитам до 20 %, с тем чтобы они были доступны только стабильным компаниям; наконец, внести радикальные изменения в финансовую отчетность чэболей, сделав их максимально «прозрачными» для властей и делового мира.

У Сеула, оказавшегося лицом к лицу с финансовым крахом, не оставалось иного выхода, кроме как безоговорочно принять ультиматум МВФ. Его внедрение обрушило на плечи населения страны тяжелые материальные лишения и социальные бедствия. Закрытие низкоэффективных предприятий и фирм привело к резкому падению производства и сферы услуг (на 5,5 % в 1998 г.). Валовой объем ВВП снизился с 484,6 млрд до 312,1 млрд долл., а среднегодовой доход на душу населения – с 10 тыс. до 6,6 тыс. долл. На 50–60 % подскочили цены на нефтепродукты, газ, сахар, масло, муку и некоторые другие товары повседневного потребительского спроса. Резкий спад охватил все отрасли народного хозяйства, произошло падение реальной заработной платы рабочих и служащих, уровень безработицы возрос с 6 % до критических масштабов – 8 %. (Но все эти разрушительные процессы оказались на руку международной спекулятивной олигархии, которая лихорадочно скупала за бесценно обвалившиеся акции корейских предприятий.) Финансовый кризис нанес тяжелый удар по социальной сфере: начались задержки с выплатой зарплаты, прекратили работу десятки больниц, а около 300 тыс. учащихся средней и полной средней школы подали заявления о том, что их семьи не в состоянии вносить плату за учебу.

В такой острокритической ситуации огромную, возможно ключевую роль, сыграл большой общественно-политический авторитет и солидный экономический профессионализм Ким Дэ Чжуна и его команды. Правительство форсированными темпами стало осуществлять реструктуризацию чэболей (закрытие непрофильных производств, открытая отчетность, демократизация в замещении управленческих должностей и т.д.), создало фонд чрезвычайной помощи коммерческим банкам, способным встать на ноги, сняло практически все прежние ограничения на приток иностранного капитала, включая право приобретения в собственность национальных предприятий. По призыву властей в стране развернулась уникальная патриотическая кампания по экономии средств и ресурсов и добровольных пожертвований в национальную казну. Профсоюзы и трудовые коллективы взяли обязательства заморозить борьбу за повышение заработной платы. Тысячи молодых людей отложили в целях экономии валютных расходов поездки за границу на учебу. Депутаты Национального собрания добровольно отказались от предусмотренной законом индексации должностных окладов и т.п. Массовый характер приобрел добровольный сбор семейных ювелирных изделий. К марту 1998 г. были получены сенсационные результаты необычной кампании – собрано 220 т золотых изделий общей стоимостью в 2,12 млрд долл.

Уже к концу 1998 г. стало очевидно, что самая опасная, граничащая с финансовой катастрофой, точка кризиса пройдена. Началась постепенная, но верная стабилизация народного хозяйства. В следующем, 1999 г., вновь произошел небольшой прирост национального производства, обеспечено положительное сальдо платежного баланса, возросли запасы инвалюты. В 2000 г. страна вышла в целом на уровень предкризисного 1996 г. К 2001 г. Южная Корея досрочно погасила обременительный кредит МВФ (около 20 млрд долл.) и добилась экономического прироста в 3,0 %. Золотовалютный резерв страны достиг 97,7 млрд долл., увеличившись в 11 раз по сравнению с кризисным 1997 годом.

Масштабы и темпы преодоления азиатского финансового кризиса, реально угрожавшего отбросить Южную Корею на обочину мировой экономики, не оставили равнодушным ни одного международного

эксперта. И большинство из них сходятся в том, что это выдающееся достижение стало возможно в результате уникального соединения в одном русле вековых традиций этнической солидарности граждан страны, гибкого управленческого опыта и, конечно, весомой международной поддержки. Биографы Ким Дэ Чжуна иногда сравнивают его решительную дирижерскую роль в годы азиатского кризиса с миссией Ф. Рузвельта в США в начале 30-х гг. XX века. Речь, конечно, идет о разных масштабах, но реальные основания для подобного сопоставления налицо. Сохраняя в руках государства ключевые рычаги регулирования экономикой, администрация Ким Дэ Чжуна в то же самое время осуществила максимальную расчистку пространства для действия рыночных законов и резкого повышения активности среднего и мелкого капитала. В этом плане Южная Корея продемонстрировала опыт экономической и социальной модернизации и реструктуризации, имеющей неоценимое международное значение.

§ 3. Углубление демократического процесса в РК в период администрации Но Му Хёна

19 декабря 2002 г. в Южной Корее состоялись выборы очередного президента страны. (Отсчет в РК нередко ведется с первого президента Временного правительства Кореи, созданного в Шанхае в 1919 г.) Правоконсервативная Партия Великой страны – Ханнарадан, выступившая на этот раз необычайно сплоченными рядами, опираясь на мощную поддержку крупных конгломератов и могущественную бюрократическую касту, довольно уверенно шла к верховной власти. И действительно, по итогам голосования, кандидат Ханнарадана получил рекордную сумму голосов – 46,6 %. Причем на протяжении почти всего выборного дня с мест поступали сообщения, что правые консерваторы опережают другие партийные группировки. Однако при вскрытии урн и подсчете голосов был получен сенсационный результат: кандидат от Минчжудан – Демократической партии нового тысячелетия (ДПНТ) Но Му Хён, получив 48,9 % голосов, вышел на первое место и, стало быть, завоевал пост президента страны на очередной пятилетний период. В итоге за Ли Хве Чана было подано 11 млн, а за Но Му Хёна – 11,5 млн голосов избирателей, т. е. с перевесом в 500 тыс. голосов.

Напряженная и во многом непредсказуемая президентская гонка в декабре 2002 г. отразила неуклонное сужение политических позиций правоконсервативных сил, с одной стороны, и нарастание демократических и либеральных тенденций в обществе, активизацию динамичного молодого поколения – с другой. Отражением этого процесса стало и серьезное поражение консервативной Объединенной либерально-демократической партии во главе с Ким Джон Пхилем, и неожиданный успех кандидата левой Демократической рабочей партии (ДРП) Квон Ен Гиля, впервые подключившегося к президентской гонке и получившего 3,9 % голосов. ДРП выдвинула обширную программу радикальных демократических и социалистических преобразований, включая введение системы бесплатного образования, социальных гарантий, действующих в высокоразвитых государствах Запада, внедрение прогрессивной системы налогообложения и т. п. Поэтому за ДРП голосовали наиболее ревностные сторонники «социальной справедливости».

Какие же аспекты платформы ДПНТ привлекли наиболее пристальное внимание электората?

Действуя в качестве идейного наследника Ким Дэ Чжуна, Но Му Хён апеллировал к острой необходимости синтеза восточной (во многом конфуцианской) и западной цивилизаций во имя торжества истинного народовластия. Вызовы глобализации породили в южнокорейском обществе повышенную тягу к опыту демократического, либерального прогресса в западном мире. Отвечая на запросы самого общества, Но Му Хён проводил предельно четкий водораздел между авторитаризмом и демократией.

«Сегодня в Корее многие тоже заговорили о том, что стране требуется сильное руководство. И сразу вспоминаются годы правления президента Пак Чжон Хи. Есть даже люди, считающие, что необходимо руководство на манер жесткого режима Чон Ду Хвана. Но теперь времена совсем другие. Сегодня таким образом управляющую власть моментально сместят в сторону. Сильное руководство не обязательно значит жесткая власть. Объединенное руководство – пустившее корни в демократический порядок и доверие масс». И далее: «Руководство горизонтальное, открытое и свободное – это и есть настоящее сильное руководство. Только при такой власти мы преодолеем раскол страны и сможем излечить хроническую болезнь нашего общества, где свирепствуют региональные раздоры и противоречия общественных слоев». Эти слова Но Му Хёна были услышаны не только в городах, но и отдаленных селениях страны, испытывавших на себе произвол, насилие и беззаконие военно-диктаторской власти.

Чрезвычайно выигрышной оказалась позиция ДПНТ по вопросам общенационального воссоединения. В отличие от кандидата Ханнарадан Ли Хве Чана, Но Му Хён без колебаний выступил за продолжение с некоторыми поправками и уточнениями политики «солнечного тепла» в отношении КНДР. (Одновременно он выразил также недовольство экстерриториальным статусом 37-тысячного контингента американских войск в РК, подчеркнув необходимость пересмотра соглашений с Вашингтоном по этому вопросу.) В поисках путей межкорейского урегулирования Но Му Хён обращается к политической традиции А. Линкольна, который в период Гражданской войны между Севером и Югом тщательно избегал употребления таких понятий, как «победа» и «поражение», и не разделял две части одной страны на тех, кто прав, а кто виноват. «Он говорил о любви и примирении. Помня о распрях между соотечественниками, он стремился к любви, а не к ненависти, и великодушию, а не к отталкиванию. Это был Линкольн, бесстрастно принимающий ситуацию с глубоким самоанализом образа жизни и существования человека». Перебрасывая далее мысленную проекцию между историческими судьбами народов Запада и Востока, Но Му Хён приводил одну из священных заповедей Библии: «Если царство разделено само в себе, не может устоять царство то. И если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот». Именно под этим углом, а точнее с позиции христианского гуманизма и солидаризма Но Му Хён обосновывал необходимость скорейшего урегулирования на базе компромисса северокорейской ядерной проблемы, значительного расширения торгово-экономического, инвестиционного, технологического и гуманитарного сотрудничества с КНДР.

Весьма выигрышной предвыборной акцией ДПНТ стала идея частичной передислокации столицы РК из Сеула в другой город страны. Мегалополис Сеул с его 12-миллионным населением, гигантской концентрацией правительственных учреждений и деловых контор буквально задыхается от тесноты, транспортных пробок и дефицита нормальных средств жизнеобеспечения. Попытки решить как-то эту проблему в прошлом, в годы правления Пак Чжон Хи, оказались безуспешными в силу дефицита средств и активного противодействия государственной бюрократии. С учетом негативного опыта прошлого Но Му Хён разработал программу, которую поддержала даже часть политической оппозиции. Территорию новой столицы, «лучшего города в мире», на основе открытого международного конкурса предлагалось заложить примерно в 160 км к югу от Сеула в провинции Чхунчхон-Намдо. В рекордные сроки (до 2012 г.) предлагалось за счет государственных и частных ассигнований (около 45 млрд долл.) осуществить грандиозные строительные работы, которые позволили бы дислоцировать 12 министерств из 18, сотни других учреждений и коммерческих и иных структур с общим населением 500 тыс. человек. (В 2005 г., т. е. уже после вступления Но Му Хёна на пост президента, Конституционный суд РК поддержал план правительства с рядом существенных поправок: в Сеуле до особого решения КС останутся администрация президента, парламент, ряд ключевых министерств, иностранные миссии, мегалополис пока сохраняет за собой столичные функции.) Идея создания нового столичного центра даже с такими оговорками нашла широкую поддержку не только столичного, но и провинциального электората, поскольку она сулит открытие десятков тысяч новых рабочих мест, оживление деловой активности на периферии, рассредоточение столичной сети народно-хозяйственных объектов, улучшение экономической среды.

Значительную роль в исходе президентских выборов в декабре 2002 г. сыграла нейтрализация регионально-сепаратистского фактора, при котором электорат различных городов и провинций отдает голоса «своему земляку». На протяжении многих лет верной опорой Ханнарадан на юге были провинции Кёнсан-Пукто, Кёнсан-Намдо, города Пусан, Тэгу, Еннам и другие. В то же время электоральным бастионом ДПНТ были провинции Чолла-Пукто, Чолла-Намдо, города Кванчжу, Чончжу, Хонам и другие. В стремлении нейтрализовать регионально-эгоистические тенденции ДПНТ решительно вторглась в святую святых Ханнарадан, его электоральную вотчину. Но выполнить столь сложную миссию мог только выходец из этого же юго-восточного региона Кореи, каким и оказался кандидат от ДПНТ Но Му Хён. Никогда в

прошлом ни одному сопернику не удавалось отобрать у консерваторов такого внушительного числа голосов, какое отошло в пользу ДПНТ на этот раз. Но Му Хён, уроженец Еннама, сумел завоевать 29,9 % голосов в г. Пусане, 18,7 % в г. Тэгу, 35,3 % в г. Ульсане, 21,7 % в провинции Кёнсан-Пукто, 27,1 % в Кёнсан-Намдо. Естественно, еще более убедительными были итоги выборов в опорных для демократов районах страны. Число голосов, поданных за Но Му Хёна в г. Тэджоне, составило 55,1 %, в Чхунчхон-Пукто – 50,4 %, в Чхунчхон-Намдо – 52,2 % и т. д. Голосуя за кандидата ДПНТ, электорат южных провинций сохранил в целом свое предпочтение регионализму, но на этот раз он стал сокрушительным ударом по ультраконсервативной коалиции.

Наконец, нельзя не отметить чрезвычайно большую роль, которую сыграл на президентских выборах молодежный фактор. Но Му Хён действовал в предвыборной гонке как яркий представитель молодого поколения, действовавшего в рядах ДПНТ. В отличие от Ханнарадан, в которой абсолютно преобладали политики старшего поколения, начинавшие свою карьеру еще в рядах правящей партии авторитарного режима, новые лидеры ДПНТ зарекомендовали себя как стойкие поборники демократии и социальной справедливости. Социологические опросы показали, что молодое поколение в подавляющей массе голосовало за Но Му Хёна, тогда как основной электорат правых консерваторов составили избиратели старшего поколения. Несомненным достижением ДПНТ стал своеобразный альянс с Народным союзом XXI века, лидером которого был Чон Мон Чжун, младший сын основателя могущественного конгломерата «Хёндэ». Помимо владения крупной компанией «Хёндэ хэви индастри» Чон Мон Чжун занимал пост президента Корейской федерации футбола, который приобрел в стране необычайную популярность после успешного выступления южнокорейской команды на Кубке мира по футболу. Чон Мон Чжун не только финансировал, но и вел активную предвыборную кампанию в пользу ДПНТ, и, хотя альянс Народного союза XXI века с демократами формально распался незадолго до выборов, немалая часть молодежного электората действовала в духе первоначальных призывов Чон Мон Чжуна, что сыграло свою роль при незначительном перевесе голосов в пользу Но Му Хёна. Причиной выхода молодого олигарха из предвыборного блока с ДПНТ стал отказ Но Му Хёна поддержать лозунг: «Чон Мон Чжун – наш следующий президент!», хотя формальным поводом для разрыва стало несогласие молодежного лидера с заявлением Но Му Хёна о том, что, если между Вашингтоном и Пхеньяном начнется война, «Южной Корее придется сделать все, чтобы остановить воюющие стороны».

25 февраля 2003 г. на обширной площади перед зданием Национального собрания состоялась церемония инаугурации Но Му Хёна на пост президента страны. В церемонии участвовало 200 иностранных гостей и около 45 тыс. граждан РК, половина из которых были представителями населения из различных провинций страны. Главным девизом торжества был девиз: «Новую Республику Корея создает сплоченный народ!» Раскрывая стратегические цели своей новой политики, президент подчеркнул, что основное внимание будет уделено оживлению национальной экономики, существенному улучшению социального обеспечения народа, упрочению дружественного сотрудничества с соседними государствами, углублению взаимодействия с Пхеньяном. Одобрив конструктивный дух кимдэчжуновской «политики солнечного тепла», Но Му Хён заявил, что в дальнейшем она будет именоваться «политикой мира и процветания» и должна привести к заключению мирного договора между Югом и Севером и созданию единого общекорейского экономического пространства.

Приход Но Му Хёна в Голубой дворец, породив синдром появления «народного президента», произвел подлинный переворот в общественном сознании страны. Впервые на посту главы государства оказался выходец из непривилегированной бедной семьи, не обладающий к тому же дипломом какого-либо университета и пробившийся наверх не на основе протекционизма, коррупционных, клановых, земляческих или иных связей, а исключительно на основе своего таланта, невероятного трудолюбия и упорства, честного служения интересам простых людей. Не случайно книга Но Му Хёна под выразительным

названием «Корея выживет, даже если исчезнет Сеульский университет!» завоевала огромную популярность в стране. О «социальной справедливости» говорили все кандидаты в президенты РК, но в устах Но Му Хёна слова звучали более реалистично и убедительно, чем у представителей других партий.

С первых же дней пребывания на посту президента Но Му Хён в соответствии с озвученной ранее предвыборной платформой горячо взялся за реструктуризацию государственно-административного аппарата, чтобы потеснить коррупцию, неэффективность, приблизить его к народу, вовлекая в управление новое молодое поколение. Первоочередной задачей после президентских выборов 19 декабря 2002 г. стало формирование смешанной комиссии по передаче власти, которую возглавил депутат Национального собрания Ли Се Джон. После консультаций с политическими партиями, представленными в парламенте, включая оппозиционную Ханнарадан, на пост премьер-министра был рекомендован Ко Гон – мэр г. Сеула, уже занимавший ранее пост премьера. Пост главы секретариата в администрации президента занял Син Ге Рен, а на должность пресс-секретаря был назначен Ли На Гён. Руководителем администрации главы государства стал депутат Национального собрания Мун Хи Сан, а должность старшего секретаря президента по политическим вопросам занял Лю Индэ. Все они принадлежали к близкому окружению президента и представляли новое, более молодое разнородное поколение политиков-управленцев.

По инициативе Но Му Хёна в административных структурах стала внедряться открытая, конкурсная система замещения ключевых должностей. Специальные комиссии экспертов проверяли уровень профессиональной подготовки кадров. Информация о кадровых вакансиях и их претендентах публиковалась на сайтах интернета. В итоге в управленческую систему стали вовлекаться активисты профсоюзных и общественных организаций, демократически и либерально настроенные ученые, представители интеллигенции и других категорий новых средних слоев. Такой основательной перетряски государственно-управленческая система РК вряд ли когда-либо знала в прошлом за все годы перехода к созданию гражданского общества. При этом на первом месте в качестве общенациональной задачи Но Му Хён ставил задачу морально-этического самовоспитания каждого государственного служащего. В своем выступлении перед администраторами местных органов самоуправления глава государства говорил: «Давайте построим общество, в котором преобладают принципы. Принципы и доверие – вот ключи, которые определяют, сможем ли мы построить передовое общество. Это самый главный фактор. Финансовое благосостояние это не главный фактор в создании передового общества. Мы должны уметь верить другим людям». В другом выступлении президента говорилось о том, что есть демократии и демократии. И реальная демократия существует лишь там, где в управлении страной, политическом процессе принимают участие рядовые граждане, народ.

Победа ДПНТ стала чувствительным ударом по правоконсервативной коалиции Ханнарадан. Тем не менее Ли Хве Чхан после объявления итогов голосования, действуя в традициях западной политической культуры, официально поздравил Но Му Хёна с победой, пожелав ему «стать великим президентом», отдающим все свои силы служению народу и государству. Почти одновременно было обнародовано лаконичное сообщение о том, что Ли Хве Чхан навсегда и окончательно выходит из большой политики.

Однако правоконсервативные силы не намеревались сдавать свои позиции без боя. Оспаривая официальные итоги выборов, не дожидаясь официальной инаугурации нового главы государства, они подняли перед Верховным судом РК вопрос о ручном пересчете голосов в ряде участковых избирательных комиссий. Если бы такая процедура обнаружила какие-либо существенные нарушения, итоги выборов были бы признаны недействительными. Но скрупулезный, трудоемкий ручной пересчет показал, что погрешности в ходе подведения итогов выборов были крайне незначительными, и руководству Партии Великой страны пришлось принести извинения и официально и окончательно признать итоги выборов главы государства.

Не успела утихнуть политическая шумиха по итогам президентских выборов, как ПВС в коалиции с Чаминрён подняла вопрос о «противозаконной передаче» Ким Дэ Чжуном 500 тыс. долл. северокорейскому режиму за его согласие принять участие в межкорейском саммите. Оппозиция потребовала от Но Му Хёна и Ким Дэ Чжуна полномасштабного расследования и объяснения по данному поводу. Первоначально Ким Дэ Чжун, не отрицая факта передачи Пхеньяну крупных средств, пытался доказать, что она была сделана на основе «частной деловой договоренности» между корпорацией «Хёндэ» и властями КНДР. Но такое объяснение лишь подлило масла в огонь. И тогда Ким Дэ Чжуну пришлось принять на себя весь огонь оппозиционной критики. В прямом телеобращении к народу 14 февраля 2003 г. он прежде всего принес глубокие извинения за то, что указанная акция была проведена без соблюдения всех действующих правил, и попросил соотечественников понять, что все это «делалось искренне и в интересах мира и нации». Судебным и парламентским инстанциям пришлось согласиться с подобной версией и отказаться от требований применения санкций в отношении лидеров ДПНТ.

Третья политическая контратака правоконсервативной коалиции началась 12 марта 2004 г., т. е. спустя год и две недели после инаугурационной церемонии. В этот день Национальное собрание одобрило сенсационный проект резолюции оппозиции об импичменте Но Му Хёна с поста главы государства.

Формальным поводом для отрешения Но Му Хёна от власти стало его заявление перед телекамерой 24 февраля 2003 г., в котором было сказано, что он сделает все возможное, чтобы на предстоящих парламентских выборах 15 апреля победу одержала проправительственная Открытая национальная партия (ОНП) – Еллин уридан. Консервативная оппозиция ухватилась за эту оплошность главы государства, обвинив его в антиконституционном деянии. Одновременно была поднята невероятная шумиха по поводу коррупции в окружении президента, его «слабого руководства экономикой», незаконного покровительства властей в предпринимательской деятельности родственникам, неоправданные уступки в диалоге с Севером и т. д.

После краткой, но ожесточенной перепалки проект резолюции правых был поставлен на голосование, и за его одобрение высказались 193 законодателя из 273. Это были голоса депутатов от Ханнарадана и объединенных либеральных демократов. Яростные усилия парламентариев от ДПНТ заблокировать голосование окончились неудачей. Их силой вывели из зала заседания. До вынесения окончательного вердикта Конституционным судом РК за Но Му Хёном сохранялась охрана, служебный транспорт, президентский иммунитет и т. п., но временные обязанности главы государства были возложены на премьер-министра Ко Гона, который сделал заявление о неизменности курса в области внутренней политики и обеспечения национальной безопасности.

Широкое общественное мнение РК крайне негативно реагировало на очередной антипрезидентский демарш Национального собрания. Независимые опросы общественности показали, что около 70 % граждан осуждают правых консерваторов, пытающихся через «черный ход» завладеть президентским креслом. Акции южнокорейских компаний на международных биржах покатились стремительно вниз, и фондовый индекс страны потерял около 4 %. Межкорейские переговоры были приостановлены, причем северокорейские СМИ утверждали, что за событиями в Сеуле стоит Вашингтон, явно раздраженный приходом к власти в РК неугодного для него лидера. У здания Национального собрания проходили непрерывные митинги сторонников Но Му Хёна. Во время одного из них в знак осуждения антипрезидентских действий был предпринят демонстративный акт самосожжения, который удалось остановить лишь с помощью огнетушителей.

В такой накаленной атмосфере 15 апреля 2004 г. в стране состоялись очередные парламентские выборы, которые, как и ожидалось, принесли убедительную победу пропрезидентской левоцентристской Еллин уридан, завоевавшей 152 мандата из 299. Подлинной сенсацией стал невиданный в прошлом успех

левой Демократической рабочей партии еврокоммунистического толка, завоевавшей 10 депутатских мест. Тем самым возник самый леводемократический за всю историю РК парламент. Поражение правых консерваторов могло стать более сокрушительным, если бы на политической арене на стороне Ханнарадана не появилась новая политическая звезда – Пак Кын Хе, дочь экс-президента Пак Чжон Хи, обладающая, по всеобщему признанию, немалой семейно-клановой харизмой и популистским шармом.

14 мая 2004 г., т.е. спустя месяц после парламентских выборов, Конституционный суд принял постановление, в котором говорилось, что глава государства своим неосторожным заявлением в пользу Еллин уридан нарушил принцип политической беспристрастности, но этот просчет не является достаточным для отрешения главы государства от власти и проведения внеочередных президентских выборов. Количество и персональный состав судей, проголосовавших за данное решение, осталось в тайне. (По Конституции РК из 9 членов коллегии КС за вердикт высшей судебной инстанции должны проголосовать не менее 6 судей.) Заключительное заседание КС транслировалось в прямом телеэфире, и к чтению 40-минутного вердикта было приковано внимание всей страны.

Так завершилась многомесячная политическая драма вокруг поста главы государства в РК, инспирированная правоконсервативными силами, сторонниками авторитарно-бюрократической системы прошлого. После успешных парламентских выборов и вердикта КС Но Му Хён вернулся к власти с более усиленными полномочиями, опирающимися на парламентское большинство и весомую поддержку демократически настроенного электората.

Несмотря на серьезное торможение процесса поступательного развития, вызванное обострением внутривнутриполитической борьбы, администрация Но Му Хёна предприняла новые активные акции, направленные на углубление демократизации и упрочение основ гражданского общества, повышение роли парламента в формировании правительства, практической реализации «политики мира и процветания» в отношении КНДР (с особым приоритетом на экономическую дипломатию) и поиски наиболее эффективных ответов на дерзкие вызовы глобализации. Именно в этом миротворческом контексте шла подготовка ко второму саммиту лидеров Юга и Севера.

Успешная ликвидация последствий азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. еще в период пребывания у власти прежней администрации позволила новому главе государства вплотную подойти к оценке не только среднесрочных, но и долгосрочных стратегических перспектив развития страны. Согласно прогностическим расчетам весьма авторитетного Корейского института развития (КИР), ВВП страны (при условии нормальных процессов во всемирном хозяйстве) возрастет с 321,3 млрд долл. до 1,1 трлн долл. в 2010 г. Валовой объем внешнеторгового оборота страны возрастет с 300 млрд долл. в 2000 г. до 580 млрд долл. в 2010 г. ВВП на душу населения может достичь к 2020 г. 21,8 тыс. долл. Согласно более отдаленным стратегическим прогнозам (к 2050 г.), ВВП на душу населения достигнет астрономической цифры – около 110 тыс. долл., что будет означать реальную ликвидацию многовековой бедности и превращение страны в процветающее общество среднего класса.

Каков практический инструментарий продвижения к этой амбициозной стратегической цели? Ответы на подобные вопросы содержит одна из основополагающих работ Но Му Хёна «Корея как восьмая торговая держава мира», а также обстоятельное выступление главы государства на праздновании Дня торговли в декабре 2004 г. Глава государства, которого правая оппозиция не раз пыталась упрекнуть в недооценке проблем финансово-экономического развития, заострил внимание на кардинальных вопросах дальнейшей реструктуризации организационно-управленческого реформирования и технологического обновления народного хозяйства страны.

Превращение РК в органичное, причем весьма ответственное, звено всемирного хозяйства невозможно без устранения крупных диспропорций в развитии производств на внутренний и внешней

рынки. Качество экспортной продукции в широких масштабах обеспечивается за счет дорогостоящего импорта узлов и компонентов, что негативно сказывается на рентабельности производства. С другой стороны, внутреннее производство (в основном малый и средний бизнес) испытывает острый дефицит инвестиций, отстает в технологическом обновлении. Без устранения этого серьезного противоречия, т. е. комплексной модернизации всей экономической структуры РК вряд ли будет в состоянии выдержать все нарастающую конкуренцию не только с западными, но и японскими и китайскими товарами.

Новый раунд острых дискуссий в деловых и политических кругах страны развернулся и по вопросам взаимодействия государства и частного бизнеса. Было признано, что частичное свертывание регулирующей роли государства в предпринимательской деятельности, направленной на создание новой открытой экономики, несовместимо с излишним государственным протекционизмом, лишь ослабляющим позиции национального бизнеса на мировом рынке. Южной Корее предстоит пройти еще немалый путь, чтобы открыть внутренний рынок сельхозпродукции, окончательно либерализовать приток иностранного предпринимательского капитала, движение рабочей силы, вступить на путь универсального снижения тарифных барьеров, упростить систему внешнеэкономической инфраструктуры и т. п.

В декабре 2007 г. в Южной Корее состоялись очередные президентские выборы. Президентскую гонку с большим отрывом от соперников одержал кандидат Партии Великой страны Ли Мён Бак. Выходец из бедной семьи корейских эмигрантов, родился в японском городе Осака, прошел трудный путь к получению образования в Сеульском университете. После университета работал в различных должностях, а затем перешел на службу в управленческую систему корпорации «Хёндэ», где продвинулся до поста топ-менеджера. Вступая на пост президента Ли Мён Бак объявил, что поведет активную борьбу против инфляции, коррупции, дороговизны жилья. В РК, согласно его программе, среднедушевой национальных доход должен достичь в ближайшей перспективе 40 тыс. долл. Новый президент выступил за активизацию отношений с США и Россией, склоняется к более твердой позиции в межкорейском диалоге.

В научно-экономических и политических кругах страны активно дебатировался вопрос о том, что *первостепенное значение для постиндустриальной экономики в условиях глобализации приобретает не столько количественный фактор (масштабы экспорта или размер ВВП), сколько качественные параметры, инновации, наукоемкость, расширенное воспроизводства современных знаний, массовая подготовка и широкое внедрение в сферу управления профессиональных кадров, нового, постиндустриального поколения.* Только с учетом этих и других вызовов глобализации мыслится реальный успех экономической экспансии в отношении Севера и завоевание достойного положения в мировом сообществе XXI в.

Глава III

КНДР в условиях глобализации. Поиск путей выхода из кризиса командно-административной системы

В условиях глобальных перемен КНДР испытывает огромные трудности. Адаптация к изменившейся обстановке в мире происходит достаточно болезненно и противоречиво. Страна находится в глубоком экономическом кризисе, политические институты действуют с перебоями. Новый лидер Северной Кореи Ким Чен Ир в соответствии с конфуцианскими традициями в 1994 г. «взял» трехлетний траур по умершему отцу и ушел в политические кулисы. В 1995 г. была провозглашена новая политическая линия «сонгун» – приоритетное развитие военного дела. В КНДР, которая всегда отличалась высоким уровнем военизации, начался еще более интенсивный процесс милитаризации общества. Политика «сонгун», как подчеркивает северокаорейская пропаганда, вытекала из самой сущности идеологии «чучхе» и составляла единое целое с чучхейской идеологической доктриной в условиях, когда страна столкнулась с новыми вызовами, усилением «империалистического давления и угроз». КНДР направляла значительные средства на военные цели, разработку ракетно-ядерного оружия. Военная статья бюджета, по оценкам экспертов, составляла до 50 % (более 2 млрд долл.). Численность вооруженных сил превысили 1 млн человек.

Северокорейская армия по этому показателю стала одной из крупных армий в Азиатско-Тихоокеанском регионе (занимает третье после Китая и Индии место в мире).

Северокорейский режим развернул широкую идеологическую кампанию в поддержку Ким Чен Ира. Перед населением страны была поставлена задача – «ценой собственной жизни защищать идеи, политику и авторитет великого полководца товарища Ким Чен Ира». К 1998 г. Ким Чен Ир занял важнейшие военные и партийные посты – Верховного главнокомандующего Корейской народной армией, Председателя Государственного комитета обороны (ГКО) и Генерального секретаря Трудовой партии Кореи. В Конституцию КНДР в 1998 г. были внесены новые существенные изменения, направленные на укрепление вооруженных сил, усиление роли ГКО в политической системе КНДР. Этот орган практически стал высшей структурой управления страной. Покойный Ким Ир Сен получил конституционный статус «вечного президента КНДР».

С тем, чтобы поддерживать в обществе постоянную мобилизационную готовность, политическую стабильность и улучшить экономическую ситуацию, политическая элита, как и в период правления Ким Ир Сена, стала активно использовать разного рода идеологические кампании. «Как ведется идеологическая работа, насколько подготовлены люди в идеологическом плане, – подчеркивал Ким Чен Ир, – от этого зависит развитие и укрепление социализма, его судьба».

Памятуя о событиях в СССР и странах Восточной Европы в начале 1990-х гг., идеологи ТПК постоянно указывали, что там, где «ренегаты социализма забросили дело вооружения народных масс социалистическими идеями и одновременно под лозунгами “гласности и плюрализма” ввергли народ в идеологический хаос, открыли настежь дверь проникновению в сознание людей реакционной буржуазной идеологии и культуры, произошла утрата социализма».

Известно, что еще покойный Ким Ир Сен выдвинул тезис «идеология решает все». Он постоянно подчеркивал необходимость «ставить во главу угла политическую работу с людьми, постоянно вести революционное идеологическое воспитание населения». Ким Чен Ир, партийный аппарат строго следуют

этим кимирсеновским установкам.

С конца 1990-х гг. в КНДР заметно активизировались политические кампании и движения. По инициативе Ким Чен Ира в 1998 г. выдвигается доктрина строительства «могучей процветающей державы» («кансон тэгук»), тремя составляющими которой названы военное дело, идеология и экономика. Северокорейская пропаганда утверждает, что в военном и идеологическом отношении КНДР уже превратилась в «могучую державу». Идеи «чучхе» полностью «овладели» умами людей, которые не знают и не хотят знать никаких других идеологических постулатов. Корейская народная армия превратилась в мощные вооруженные силы. Лишь третья составляющая доктрины – экономика – требует дополнительных усилий для «мощного рывка».

Тезис о «могучей процветающей державе» – не новое изобретение современных северокорейских идеологов. На территории нынешней КНДР существовали древние корейские государства – Когурё (I в. до н. э. – VII в. н. э.) и Пархэ (VIII—X вв.), которые северокорейская историография относит к «могучим корейским державам» древности. Их историческое значение для КНДР состоит в том, что они успешно противостояли иностранному вторжению, имели хорошо организованные и обученные войска, оснащенные мощным по тому времени оружием. Проводя параллель с тем периодом, северокорейская пропаганда утверждает, что только мощная во всех отношениях КНДР может успешно противостоять посягательствам со стороны внешних врагов.

Строительство «могучей процветающей державы» фактически объявлено «национальной идеей» Северной Кореи, для реализации которой используются как прежние, так и новые массовые движения. В частности, реанимировано движение Чхонлима, явно «забытое» в начале 1990 гг. В марте 1998 г. Ким Чен Ир посетил сталелитейный завод в Сонджине, после чего было объявлено о начале «второго великого похода Чхонлима». В 1956 г. Ким Ир Сен инициировал это движение с тем, чтобы по примеру Китая резко увеличить промышленное производство. Однако задача второго похода Чхонлима выходила за пределы решения чисто экономических проблем. На съезде передовиков этого движения, состоявшемся в ноябре 1999 г., был сделан акцент на политико-идеологический фактор – «ценой жизни» защищать революционное руководство страны во главе с Ким Чен Иром, «безоговорочно претворять в жизнь политику партии». Северокорейская пропаганда подчеркивает необходимость уделять повышенное внимание задачам укрепления единства общества вокруг лидера страны, воспитанию населения в духе преданности руководителю КНДР.

В 1999 г. было возобновлено еще одно ранее проводившееся «движение незаметных (скромных) героев» («сумын еундыль ундон»). В 1979 г. Ким Ир Сен стал инициатором этой политической кампании, когда встретился с ботаником Пэк Соль Хи и высоко оценил ее заслуги перед народом и партией. Главное, что отличает таких людей, как Пэк Соль Хи, отмечала пропаганда КНДР, – «это многолетняя работа во имя партии и вождя, родины и народа». При этом такие работники не требуют взамен ни денег, ни наград.

К числу «скромных героев» была причислена чемпионка мира по марафонскому бегу Чон Сан Ок. Пропагандистский аппарат КНДР сильно «раскрутил» эту спортсменку. Северокорейские СМИ «величали» ее не иначе, как «дочерью Кореи», которую выпестовал лично великий полководец. В пропагандистский оборот были вброшены такие лозунги: «Учиться у Чон Сан Ок», «Станем все такими, как Чон Сан Ок!».

Партийная пропаганда КНДР утверждала, что Чон Сан Ок смогла добиться чемпионского звания потому, что постоянно «проявляла чувство верности великому полководцу и родине» и «постоянно думала, как преодолеть трудности, чтобы поднять все отрасли страны на мировой уровень». И это позволило ей выиграть чемпионат мира по марафонскому бегу.

Не только в области спорта, но и в других сферах были «найжены» «скромные герои» – рабочий, крестьянин, интеллигент. Как подчеркивалось в печати КНДР, «скромных героев» объединяет

«беспредельная преданность полководцу», стремление к безусловному выполнению партийных установок. Они не боятся никаких трудностей, с «улыбкой на устах» преодолевают их. А главное, они «живут и трудятся не ради сегодняшнего дня, а во имя будущего». В целях поддержания в обществе настроя «жить во имя будущего» в стране регулярно проводятся слеты «скромных героев».

Следующей идеологической кампанией стал «дух Канге» (центр провинции Чаган) или «дух преодоления трудностей». «Нет ничего невозможного» – главный лозунг этой политической кампании. В качестве примера преодоления разного рода препятствий северокорейская печать приводит факты о том, как население провинции Чаган «питалось корнями и корой деревьев», но не обращалось за помощью к центральным властям. Именно такие люди, как утверждала партийная пропаганда, были готовы умереть, но выполнить порученное дело.

В КНДР стали публично признавать, что среди определенной части населения и партийных работников наблюдаются пораженческие настроения. «Есть люди, – писала северокорейская печать, – которые представляют себя революционерами и патриотами, когда социализм одерживает победы. Если же обстановка меняется и становится неблагоприятной, они начинают нападать на партию и отказываются от социализма». «Дух Канге» был призван положить конец этому явлению в стране, пресечь попытки тех, кто «заразился» пораженческим настроением. «Корейский народ – это сильный народ, и он непременно победит как внутренних, так и внешних врагов социализма», – с пафосом утверждала партийная пропаганда.

Среди других идеологических кампаний, периодически то затухавших, то вновь набиравших активность, выделялось так называемое «классовое воспитание» населения, которое, по выражению Ким Чен Ира, является «главным» во всей идеологической работе. Активизация «классового воспитания» связывалась с необходимостью «идеологической закалки» молодежи, не знающей, что такое эксплуататорский строй. Кроме того, необходимо было усилить «чувство социалистического патриотизма», которое после краха мирового социализма заметно ослабло и в условиях «социализма корейского образца». Распад СССР, как подчеркивалось в северокорейской печати, произошел не по причине экономической и военной отсталости, а из-за «экспансии буржуазной идеологии», что «оказалось страшнее атомной бомбы».

В начале XXI в. вся идеологическая и политическая пропаганда в КНДР была сконцентрирована на прославлении политики «сонгун» (политика «приоритета армии»). В условиях современного мирового развития, утверждает северокорейская правящая партия, – только политика «сонгун» способна отстоять независимость и суверенитет КНДР. В политику «сонгун» инкорпорированы все основные постулаты прежних и нынешних идеологических кампаний («дух борьбы до последней капли крови», «строительство мощной процветающей державы», «дух опоры на собственные силы», «дух социалистического патриотизма», «дух борьбы с идейным и культурным проникновением империализма» и др.). Идеологической основой политики «сонгун» объявлены идеи «чучхе».

«Политика приоритета армии» предполагает решение вопросов не только чисто идеологического и военного характера, но и экономического. Хотя экономическая ситуация в стране северокорейской пропагандой не характеризуется как катастрофическая, однако в Пхеньяне вынуждены были отмежеваться от наиболее одиозных элементов административно-командной системы управления народным хозяйством и объявили в 2002 г. о начале реализации так называемых «государственных мероприятий». В пропаганде эти нововведения тесно увязываются с политикой «сонгун» (перестройка народного хозяйства, сельскохозяйственная революция, внедрение новых технологий и т. д.), которая, как указывается в партийных директивах, направлена на «строительство мощной процветающей державы».

Суть «госмероприятий» сводится к внедрению в экономику ограниченных рыночных механизмов,

открытию частных лавок, магазинчиков, ресторанов. В стране разрешена рыночная торговля, действует более 400 рынков, выпущены облигации госзаймов, введен рыночный курс вон (официально 1 долл.= 150 вон, на черном рынке 1 долл.=2000 вон). Предприятиям и сельхозкооперативам предоставлено право самостоятельно распоряжаться продукцией, произведенной сверх государственного плана.

Несмотря на введенный еще в 1974 г. закон об отмене всех налогов с населения, возросли тарифы на услуги, увеличилась стоимость проезда на городском транспорте с 10 чон до 2 вон. Повышена квартплата, плата за электроэнергию и телефон. Цены на основные продукты питания и товары массового спроса выросли в 30–40 раз, заработная плата – в 15–20 раз. Средняя зарплата по стране составляет 3 тыс. вон, т. е. 20 долларов, однако реально она значительно ниже этого уровня.

В области сельского хозяйства осуществлен ряд мер, направленных на его оздоровление. В частности, увеличены закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, повышена самостоятельность кооперативов в производстве и сбыте продукции, расширены площади личных хозяйств, введена плата за пользование землей (до 20 % урожая).

Используя некоторые рыночные механизмы, государство оставило в своих руках т. н. «командные высоты». Вся тяжелая промышленность, машиностроение, электроэнергетическая и химическая промышленность, а также «оборонка» находятся под полным государственным контролем.

В КНДР в конце 1990-х гг. созданы торгово-экономические зоны, в которых присутствует иностранный, в основном южнокорейский, капитал. Осуществляется Кымгансанский туристический проект, действует торговая зона Раджин-Сонбон (китайский капитал) и Кэсонский индустриальный комплекс.

Результаты проводимых с 2002 г. преобразований показывают, что их эффективность очень слабая. Страна по-прежнему находится в жестком экономическом кризисе, ощущается острая нехватка электроэнергии (потребности удовлетворяются только на 40–45 %). В плачевном состоянии находится сельское хозяйство, продовольственная ситуация продолжает оставаться очень напряженной. Нормы выдачи продовольствия периодически снижаются до 200–300 г в день.

Ядерный кризис, сильное международное давление на КНДР, введение против нее санкций в 2006 г. практически свели на нет первые робкие шаги по внедрению экономических нововведений. Тем не менее, в стране успела вырасти небольшая прослойка богатых людей (главным образом, из числа корейцев из Японии, а также партийных функционеров), которые заняли прочные позиции в обществе. Эти нувориши, тесно связанные с властью, становятся той прослойкой, которая в перспективе может привести к смене нынешней экономической и политической модели развития северокорейского государства.

Однако партийная пропаганда КНДР продолжает утверждать, что происходящие в стране экономические перемены призваны способствовать «более полному выявлению преимуществ чучхейского социализма». «Экономическая политика нашей партии, – утверждают северокорейские эксперты, – не основана на модных теориях и не отражает опыт какой-либо страны. Это – самобытная народная политика, отражающая исключительно требования и чаяния нашего народа. Мы ни с кем не советуемся, никого не слушаем. Мы действуем сами, живем своим умом. Мы будем жить и умирать по-нашему».

С тем, чтобы идейно «подкрепить» проводящиеся экономические мероприятия, в стране в 2005 г. была начата интенсивная пропаганда новой идеологической доктрины, изобретение которой приписывают руководителю страны Ким Чен Иру. Северокорейские СМИ называют эту доктрину «философией белого снега», или «белоснежной философией самопожертвования». Суть ее, согласно толкованию Ким Чен Ира, сводится к следующему: «Беззвучно падая, снег тихо тает и дает живительную влагу для всего живого. Так и человек должен жить, совершать чистые, бескорыстные поступки и делать это не ради славы или личной выгоды». При этом пропаганда КНДР особо подчеркивает, что данная философская концепция является

«самобытным взглядом на человеческую жизнь», которую впервые в истории человечества открыл Ким Чен Ир, и «факелом, ярко осветившим путь к процветанию независимого человека».

Многочисленные политико-идеологические кампании, следующие одна за одной, как очевидно, не дают желаемых результатов. Ни призывы «жить во имя завтра», ни пример «скромных героев», ни другие пропагандистские призывы уже не способны поднимать людей на выполнение партийных решений и указаний. Пожалуй, единственным средством, которое еще позволяет сохранять контроль за ситуацией в стране, поддерживать политическую стабильность, остается силовой фактор. Его воплощением стала политика приоритета армии – политика «сонгун».

Современный этап в развитии КНДР объявлен «эпохой сонгун», «сонгунской революцией», главная цель и задача которой – защитить суверенитет северокорейского государства, поднять экономику, сделать решительный шаг в превращении КНДР в «могучую процветающую державу», улучшить жизнь народа. Реализацию этих задач предполагается обеспечить с помощью «духа вонмин» («помощь народу») и «духа вонгун» («помощь армии»). Иными словами, армия должна помогать населению, а население должно «любить и заботиться» о военнослужащих, относиться к ним как к родственникам. В «эпоху сонгун» возрастают требования к руководящим работникам. Конечно, остаются в силе прежние методы руководства – чхонсанри, тэанская система. Главное же требование к руководителю состоит в следующем: «Истинный работник революционной эпохи и слуга народа – это тот работник, который без сна и привилегий жертвует собой и прилагает все усилия на благо народа».

В условиях жесткого внешнеполитического и военного давления северокорейская пропаганда стала утверждать, что недалек тот день, когда народ почувствует облегчение, его жизнь улучшится («загорается утренняя заря процветания»). Для приближения этой «зари», как подчеркивается в пропагандистских установках, сделано уже немало благодаря «выдающейся стратегии и тактике товарища Ким Чен Ира, его железной воле и энергичному руководству». Но предстоит решить еще множество проблем, задач, преодолеть серьезные преграды. Чтобы добиться всего этого, партийная пропагандистская машина КНДР предлагает уже не одно десятилетие испробованные методы и средства, а именно:

укреплять политико-идеологическую мощь с тем, чтобы «максимально проявить духовную силу армии и народа во имя защиты вождя ценою своей жизни»;

укреплять военную мощь страны, вооруженные силы, «превратить армию в образец служения обществу», строго следовать лозунгу «Один против ста»;

наращивать усилия на строительство «мощной экономической державы»;

добиться «реального перелома» в деле повышения уровня жизни людей, решения самой актуальной задачи – продовольственного обеспечения населения;

усилить внимание к развитию науки и техники, подготовке квалифицированных кадров;

«повышать боевые функции и роль партийных организаций» во всех сферах жизни общества;

воспитывать молодое поколение «пулями и бомбами», ценою жизни готовым к «защите руководства революции»;

развернуть мощное народное движение за объединение Кореи, реализацию Декларации во имя развития отношений между Севером и Югом, мира и процветания.

В ближайшей перспективе политика «сонгун» останется основной наряду с «чучхе» идеологической доктриной северокорейского общества. В условиях глобализации «политика и идеология винтовки» является важнейшим для политической элиты КНДР средством выживания существующего режима.

* * *

Итак, Республика Корея в период пребывания у власти администрации 16-го президента, продолжая политический курс Ким Ен Сама и Ким Де Чжуна, предприняла новые важные шаги на пути утверждения правового гражданского общества. Впервые пост главы государства в стране занимал реальный выходец и представитель молодого поколения новых средних слоев, появившихся на волне неоиндустриальной модернизации. Серьезные достижения на пути межкорейского урегулирования и обеспечения безъядерного статуса Корейского полуострова были достигнуты на основе «политики мира и процветания». Повысился рейтинг РК в системе мировой конкурентоспособности. РК, оставившая яркую память о Всемирных летних Олимпийских играх 1988 г., была в 2007 г. финалистом конкурса на проведение зимних Олимпийских игр 2014 г. Своего рода показателем высокого имиджа страны на международной арене стало избрание представителя РК Пан Ги Мун на пост Генерального секретаря ООН. Пути непрерывной модернизации и демократизации, избранные народом Республики Корея, позволяют оптимистически оценивать ее ведущую и, вероятно, ключевую роль в грядущем воссоединении Кореи.

В то же время Корейская Народно-Демократическая Республика, испытывая огромные экономические трудности из-за неэффективности системы экономического управления, мощного внешнего воздействия, пытается выйти из кризисного состояния путем усиления индоктринации общества, проведения ограниченных экономических преобразований – так называемых «государственных мероприятий». Однако успехов по выправлению экономической ситуации добиться не удастся. В 2007 г. на КНДР обрушился мощный тайфун, принесший большие людские и материальные потери. Страна вновь оказалась в тяжелейшем продовольственном кризисе. Правительство КНДР обратилось к мировому сообществу с просьбой оказать срочную помощь продовольствием, медикаментами, товарами массового потребления.

В КНДР продолжались, периодически усиливаясь, широкие идеологические кампании, основу которых составляла политика «сонгун» («приоритет армии») во всех сферах жизни. Армия по-прежнему оставалась главной опорой правящего режима.

Часть восьмая

Внешнеполитические приоритеты КНДР и Республики Корея (на рубеже XX—XXI веков)

Глава I

Северная Корея в новых внешнеполитических условиях

§ 1. Особенности внешнеполитической стратегии КНДР

Внешняя политика КНДР испытывает на себе влияние процессов глобализации и строится исключительно через призму решения корейского вопроса на базе собственных политических установок. Будучи глубоко идеологизированной, внешняя политика Пхеньяна, тем не менее, отличается определенным прагматизмом и учитывает происходящие в мире и вокруг Корейского полуострова изменения.

Исключив из своего арсенала такие понятия, как марксизм-ленинизм, пролетарский интернационализм, социалистические страны, и, провозгласив идеи «чучхе», идеи «сонгун» идеологической основой внутренней политики, руководство КНДР пересмотрело и базовые принципы внешней политики. В Конституции КНДР следующим образом характеризуется внешнеполитическая стратегия страны: «Самостоятельность, мир и дружба – основные идеалы внешней политики КНДР и принципы ее внешнеполитической деятельности». Основными правовыми принципами международных отношений объявлены полное равенство, самостоятельность, взаимное уважение, невмешательство во внутренние дела, взаимная выгода. КНДР декларирует солидарность с народами, выступающими за самостоятельность, поддерживает борьбу за суверенитет, национальное и классовое освобождение. На практике же в основе внешнеполитической стратегии КНДР лежит национализм северокорейского руководства, проблема объединения Кореи. Все другие международные проблемы рассматриваются с позиции их выгоды или невыгоды для корейского урегулирования.

В последние годы XX в. и в начале XXI в. во внешней политике КНДР стало все больше появляться элементов прагматизма и даже реализма. Слом старой биполярной системы международных отношений, дезинтеграция СССР, распад социалистического лагеря, изменение ситуации в Северо-Восточной Азии и вокруг Корейского полуострова подвигли КНДР на необходимость приспособления к новым реалиям, поиску таких форм отношений с окружающим миром, которые позволили бы сохранить политический режим в условиях нарастающего давления со стороны США, Японии, Южной Кореи, других государств, настойчиво требующих от КНДР отказаться от обладания оружием массового уничтожения и средств его доставки. Кроме того, внутренние трудности режима, острый экономический кризис, терзающий Северную

Корею более 20 лет, побуждают руководство страны к определенной модернизации внешнеполитического курса, нормализации отношений с Западом с тем, чтобы попытаться ослабить военно-политическое давление США и их союзников.

В конце 1990-х – начале 2000 г. КНДР заметно активизировала свою дипломатическую деятельность. Пхеньян установил отношения практически со всеми западноевропейскими государствами (кроме Франции). В 2007 г. КНДР поддерживала дипломатические связи более чем со 160 странами мира.

В КНДР пришли к заключению о полезности для нее поддержки усилий по формированию многополярной модели современного мироустройства. В этой модели Пхеньян видит возможность ослабить американский прессинг, подорвать попытки США установить полную гегемонию в международных делах, отстоять свое право на безопасное существование.

КНДР выступает за укрепление ООН, роли СБ ООН в поддержании мира и стабильности. Одновременно Северная Корея находится в лагере тех, кто поддерживает идею расширения полномочий Генассамблеи ООН, предоставления ей права контроля над СБ ООН.

Северная Корея поддерживает курс международного сообщества на решительную борьбу против международного терроризма. КНДР присоединилась к Конвенции по борьбе с терроризмом и предотвращению инцидентов, связанных с похищением заложников. Северокорейская сторона поддерживает принятие мер по противодействию ядерному терроризму. КНДР приняла решение запретить дальнейшее пребывание на своей территории членов японской экстремистской организации «Красная армия», которым было предоставлено политическое убежище в конце 1960-х гг.

В Северной Корее подвергают резкому осуждению военные акции США в Ираке, Афганистане, высказываются против двойных стандартов при определении субъектов международного терроризма.

Северная Корея по-прежнему рассматривает Движение неприсоединившихся государств в качестве важного фактора международных отношений, выступает против его деполитизации, за укрепление его роли в мировых делах, расширение сотрудничества на основе коллективной опоры на собственные силы, за установление нового международного экономического порядка, за списание долгов с бедных стран.

КНДР по-прежнему рассчитывает на поддержку Движением неприсоединения ее усилий по объединению Кореи.

По разоруженческой тематике Северная Корея занимает двойственную позицию. С одной стороны, она декларирует приверженность идее всеобщего и полного разоружения, а с другой – произвела ядерное испытание и объявила себя ядерной державой. КНДР вышла из Договора о нераспространении ядерного оружия, отрицательно относится к Договору о всеобщем запрещении ядерных испытаний, расторгла Соглашения о гарантиях с МАГАТЭ.

По проблематике Азиатско-Тихоокеанского региона Северная Корея занимает довольно осторожные позиции, участвуя в деятельности АРФ (Региональный форум АСЕАН), АТСБ (Азиатско-Тихоокеанский форум по вопросам безопасности), но не проявляет особой активности в деятельности этих структур.

КНДР активно противодействует Западу по правозащитной проблематике, не приемлет принцип универсальности прав человека, не признает ряд международных договоров на этот счет. В 1997 г. Северная Корея вышла из международной Конвенции о гражданских и политических правах.

При всех особенностях внешней политики КНДР следует отметить, что она в основном ориентирована на решение главной для КНДР задачи – сохранение северокорейской государственности, укрепление позиций страны в противоборстве с США и их союзниками, приемлемое для себя урегулирование ядерной проблемы, нормализация отношений с Соединенными Штатами Америки и Японией, поддержание тесных

отношений с Китаем и стабильных связей с Россией. Эти проблемы будут оставаться в фокусе внимания внешней политики КНДР и на ближайшую перспективу.

§ 2. Дипломатическая борьба вокруг ядерной и ракетной проблем КНДР

Глобальные изменения, произошедшие на мировой арене в начале 1990-х гг., оказали самое непосредственное влияние на Корейский полуостров, КНДР и РК. Эти изменения заметно ослабили внешнеполитические позиции Северной Кореи. Дезинтеграция СССР, нормализация отношений Россия – РК, КНР – РК, глубокий экономический кризис со всей остротой поставили перед северокорейской политической элитой вопрос о выживаемости режима. Ответом на этот вопрос со стороны КНДР стала активизация ракетно-ядерных программ, создание «оружия ядерного сдерживания».

История ядерных разработок в Северной Корее насчитывает более полувека. В начале 1950-х гг. в КНДР создается несколько научно-исследовательских институтов атомной энергии. Кадры в области ядерной физики готовились в советских вузах, научных центрах, в том числе, в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне. Всего в СССР было подготовлено более 250 северокорейских специалистов-ядерщиков. Здесь нужно сразу оговориться, что подготовка осуществлялась в рамках научно-технического сотрудничества между СССР и КНДР и исключительно в целях мирного использования атомной энергии. Известно также, что некоторые ученые КНДР получили специальное образование в США, Японии, ГДР и ФРГ и проходили стажировку в ядерных центрах КНР.

Научно-экспериментальная инфраструктура в ядерной области создавалась в КНДР также при советском техническом содействии. Целью такого содействия было строительство в перспективе объектов ядерной энергетики. Первый ядерный реактор был сооружен в начале 1960-х гг. в Нёнбёне (в 80 км северо-западнее Пхеньяна), который был поставлен под контроль МАГАТЭ.

В конце 1960-х гг. руководство КНДР принимает решение об ускоренном развитии науки ядерных технологий. В стране создаются новые научно-исследовательские институты, лаборатории, кафедры. Все это выглядело вполне обоснованным шагом, т. к. КНДР испытывала острую нехватку электроэнергии, отсутствовали необходимые сырьевые энергоресурсы. V (1970 г.) и VI (1980 г.) съезды правящей Трудовой партии Кореи в своих решениях указывали на острую потребность в развитии атомной энергетики.

Для реализации планов строительства атомных электростанций в КНДР имеется соответствующая сырьевая база. Разведанные запасы природного урана оцениваются в 26 млн т.

Наряду с развитием ядерной энергетики в мирных целях в КНДР, как об этом стало известно позднее, существовала секретная ядерная программа – программа создания собственного ядерного оружия.

Естественно, финансовых ресурсов для реализации мирной и военной ядерных программ у Северной Кореи не было. Руководство КНДР стремилось добиться от СССР предоставления кредита на сооружение атомной станции. Во время визита в Москву в мае 1984 г. Ким Ир Сену в ходе переговоров удалось добиться принципиального согласия советской стороны оказать КНДР содействие в сооружении АЭС и предоставить на эти цели долгосрочный кредит. Условием такой договоренности стало присоединение Пхеньяна в 1985 г. к Договору о нераспространении ядерного оружия. В том же году СССР и КНДР подписали соглашение о сооружении в Северной Корее атомной электростанции при советском техническом содействии.

Одновременно Пхеньян предпринимает ряд дипломатических шагов в целях создания безъядерной зоны на Корейском полуострове. В июне 1986 г. северокорейская сторона сформулировала принципы создания такой зоны: «не производить, не испытывать, не складировать, не ввозить ядерное оружие и не разрешать перевозку иностранного ядерного оружия через свою территорию, воздушное пространство и

территориальные воды». КНДР обратилась к США с требованием вывезти из Южной Кореи все ядерные боеприпасы.

Через год, в июле 1987 г. МИД КНДР вновь обратился к Вашингтону с призывом удалить с юга полуострова ядерное оружие, подчеркнув при этом, что Северная Корея не намерена создавать собственное ядерное оружие или размещать на своей территории такое оружие, ввезенное из других стран. Северокорейская сторона выразила надежду на то, что все страны, обладающие ядерным оружием, предпримут соответствующие меры по обеспечению безъядерного статуса Корейского полуострова.

В ноябре 1989 г. Пхеньян в очередной раз проявил инициативу и предложил провести трехсторонние переговоры в составе КНДР, США, РК по вопросу о выводе с Юга американского ядерного оружия и заключения соответствующего соглашения в формате КНДР – США. Кроме того, Северная Корея предложила Сеулу после заключения соглашения с США подписать декларацию о превращении Корейского полуострова в безъядерную зону. Эти северокорейские инициативы не встретили понимания у США и РК. Попросту они были проигнорированы Вашингтоном и Сеулом, которые, в свою очередь, настаивали на том, чтобы КНДР поставила под контроль МАГАТЭ вновь построенные в районе атомного центра в Нёнбёне ядерные объекты. Эти объекты были обнаружены американскими спутниками. Северокорейская сторона под различными предложениями уклонялась от подписания контрольного соглашения с международным агентством по атомной энергии.

Параллельно с официальными дипломатическими шагами Пхеньян искал возможности для установления конфиденциальных контактов с Вашингтоном. В этом ему оказывал содействие Китай. В результате северокорейско-американских переговоров в Пекине и Нью-Йорке, а также межкорейских встреч на уровне премьер-министров в 1990–1991 гг. были достигнуты компромиссы в рамках КНДР – РК и КНДР – США. Пхеньян и Сеул в конце 1991 г. подписали два важных политических документа – Соглашение о примирении, ненападении, сотрудничестве и обменах и Декларацию о безъядерном статусе Корейского полуострова. КНДР и США также удалось найти компромисс. Пхеньян согласился заключить Соглашение о гарантиях с МАГАТЭ и принять международные инспекции своих ядерных объектов. Со своей стороны Сеул и Вашингтон обязались не проводить военные маневры «Тим спирит-92».

Таким образом, к началу 1992 г. КНДР и США удалось выйти на достаточно конструктивные договоренности. США и РК отменили маневры «Тим спирит-92». Пхеньян согласился поставить под контроль МАГАТЭ свои ядерные объекты. Определенная разрядка наметилась и в межкорейских отношениях. Подписанные Соглашение о примирении, ненападении, сотрудничестве и обменах, а также Декларация о безъядерном статусе Корейского полуострова создавали неплохую атмосферу для дальнейшего продвижения как межкорейского процесса, так и политического урегулирования северокорейской ядерной проблемы.

Проведенные в 1992–1993 гг. инспекторами МАГАТЭ проверки северокорейских ядерных объектов выявили большие расхождения между данными, предоставленными КНДР, и результатами, полученными инспекторами Агентства. Оказалось, что заявленный КНДР плутоний не соответствует тем отходам, которые были получены при производстве этого материала. По данным инспекторов МАГАТЭ, было переработано значительно большее количество облученного урана и скрыто значительное количество выделенного плутония. Кроме того, северные корейцы отказались показать международным инспекторам два сооружения, находившиеся недалеко от контролировавшихся Агентством ядерных объектов. При этом северокорейцы ссылались на то, что эти сооружения являются военными и не подлежат контролю со стороны МАГАТЭ. Выявленные несоответствия наложили отпечаток на дальнейшие переговоры по ядерной проблеме КНДР как на межкорейском уровне, так и в рамках КНДР—МАГАТЭ. Между Пхеньяном и Сеулом возникли серьезные разночтения в подходе к реализации Декларации о денуклеаризации Корейского

полуострова. Северная Корея настаивала на проведении инспекций американских военных баз, считая недостаточными официальные заявления США об отсутствии американского ядерного оружия в Южной Корее. КНДР требовала также проверки американских баз силами своих инспекторов. Кроме того, северные корейцы настаивали на том, чтобы инспекции американских объектов были проведены раньше, чем межкорейские проверки.

Южная Корея представила свои соображения по межкорейским инспекциям, предложив каждой стороне определить по 16 объектов для проверки. По мнению южан, инспекции следует проводить 4 раза в год по 4 объекта за одну инспекцию. Кроме того, Сеул предложил определить по 40 объектов, в отношении которых могут быть сомнения в их возможной вовлеченности в ядерные программы, причем 20 объектов военных и 20 – гражданских. При этом южные корейцы выдвинули условия – все 40 объектов с каждой стороны должны инспектироваться «по уведомлению», т. е. за 72 часа после запроса на инспекцию и без права отказа на ее осуществление. КНДР не согласилась на южнокорейские предложения как, впрочем, и Соединенные Штаты на северокорейские. Вопрос о межкорейских инспекциях, которые предусматривались Декларацией о денуклеаризации, так и не был поставлен в плоскость практической реализации.

Противоречия между КНДР и МАГАТЭ по вопросу об инспекциях двух северокорейских объектов в начале 1993 г. достигли своего апогея. Совет Управляющих МАГАТЭ принял резолюцию, которая требовала доступа международных инспекторов в места хранения радиоактивных отходов и проведения специальных инспекций двух объектов. Принятая резолюция и развернувшиеся на юге Корейского полуострова «Тим-спирит-93» были восприняты в КНДР с большой озабоченностью и тревогой. Северокорейское руководство расценило эти акции как «угрозу суверенитету нации и безопасности государства». 12 марта 1993 г. правительство КНДР выступило со специальным заявлением, в котором сообщалось, что КНДР выходит из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Эта мера называлась «вынужденной» и была направлена, как подчеркивалось в заявлении, на «защиту высших интересов страны». Выход из ДНЯО, говорилось далее, – «естественная самооборонная мера, принятая в ответ на ядерные поджигательские происки США и несправедливые акции определенных кругов секретариата МАГАТЭ в отношении нашей Республики».

Далее события развивались весьма динамично. КНДР объявила о прекращении связей с МАГАТЭ. Совет Безопасности ООН приступил к рассмотрению северокорейского ядерного вопроса. Ядерный кризис на полуострове принимал опасный характер. Благодаря усилиям Китая возобновляются северокорейско-американские переговоры, которые становятся основным механизмом поиска компромиссов. В июне 1994 г. после очередного витка ядерного кризиса в Пхеньяне встречаются Ким Ир Сен и бывший президент США Джимми Картер. На этой встрече удастся выработать основные контуры будущих договоренностей.

В октябре 1994 г. КНДР и США подписывают в Женеве Рамочное соглашение по урегулированию ядерного кризиса на Корейском полуострове, которое включает следующие пункты:

США обязуются в период 2003–2008 гг. построить в КНДР два легководных реактора (ЛВР); для этих целей создается международный консорциум;

до ввода в действие первого ЛВР США осуществляют поставки энергоносителей (500 тыс. т мазута ежегодно);

КНДР замораживает свои графитовые реакторы, демонтирует их по завершении строительства ЛВР;

КНДР и США продвигаются к нормализации политических и экономических отношений;

США предоставляют КНДР официальные гарантии неприменения силы или угрозы применения ядерного оружия;

КНДР предпринимает шаги по реализации Декларации Севера и Юга о денуклеаризации Корейского полуострова;

КНДР берет на себя обязательство оставаться участницей ДНЯО и выполнять соглашение о гарантиях МАГАТЭ;

после завершения поставок в КНДР легководных реакторов возобновляются рутинные и специальные инспекции северокорейских объектов, не подлежащих замораживанию.

Обязательства американской стороны по Рамочному соглашению были подтверждены в личном послании президента США Б. Клинтона руководителю КНДР Ким Чен Иру. В послании, в частности, говорилось, что «США будут способствовать достижению договоренностей по финансированию и сооружению легководных реакторов в КНДР». Для реализации проекта сооружения в Северной Корее атомных станций в 1995 г. был создан международный концерн – Корейская организация по развитию энергетики (КЕДО), в которую вошли США, Япония, Южная Корея, Евросоюз. Основными донорами КЕДО стали РК и Япония.

Подписание Рамочного соглашения, создание КЕДО объективно открывали возможность для урегулирования северокорейской ядерной проблемы, устранению опасного очага напряженности на Корейском полуострове.

Ситуация, однако, стала развиваться не по сценарию, заложенному в Рамочном соглашении. Приход в Белый дом в 2001 г. новой республиканской администрации США во главе с Дж. Бушем (младшим) прервал процесс реализации женевских договоренностей, хотя нужно признать, что осуществление проекта КЕДО и без того шло трудно и было понятно, что к 2003 г. первая АЭС построена не будет. Президент Дж. Буш начал агрессивную риторику в отношении КНДР, причислил ее к «оси зла». В ответ со стороны Пхеньяна также последовали весьма воинственные заявления о том, что «ради защиты суверенитета КНДР будет вынуждена обрести атомное и даже еще более мощное оружие». Тем не менее, северокорейцы предлагали все же возобновить диалог с США, но выдвигали при этом три условия: 1) США должны признать суверенитет КНДР;

2) США должны заключить с КНДР пакт о ненападении;

3) США должны устранить препятствия, тормозящие экономическое развитие КНДР.

В ответ Вашингтон объявляет «политику жесткого сдерживания КНДР», которая включает оказание политического и финансового давления на Северную Корею, ограничение экономических связей с ней и вынесение северокорейской ядерной проблемы на рассмотрение Совета Безопасности ООН. США требуют от КНДР прекращения реализации всех ядерных и ракетных программ и разоружения. Вашингтон заявляет, что КНДР осуществляет секретную ядерную программу. США прекращают выполнение своих обязательств по Рамочному соглашению (поставка энергоносителей). Ответная реакция КНДР была весьма жесткая – выход из Договора о нераспространении ядерного оружия, высылка из Северной Кореи инспекторов МАГАТЭ, возобновление ядерной деятельности (запуск графитового реактора в Нёнбёне). Между КНДР и США развернулась острая пропагандистская война. На Корейском полуострове разразился новый ядерный кризис. Обстановка приобретала все более напряженный характер. Попытки северокорейской стороны наладить диалог с США отвергались последними под предлогом того, что переговоры с Пхеньяном «поощряют его плохое поведение». Одновременно США оказывали сильное давление на своих союзников – Японию и Южную Корею с тем, чтобы они не шли на контакты с КНДР и проявляли солидарность с американской политикой в отношении Северной Кореи.

Эскалация ядерного кризиса нарастала. В феврале 2005 г. КНДР объявила, что она является обладателем ядерного оружия. Начавшиеся в августе 2003 г. шестисторонние переговоры с участием РФ,

КНР, США, Японии, РК и КНДР пробуксовывали, неоднократно прерывались и не раз находились на грани полного срыва. Главные противоречия были между КНДР и США. Пхеньян категорически выступал против американского требования, чтобы КНДР прекратила все виды ядерной деятельности, включая мирную ядерную программу. В результате упорной и настойчивой работы всех участников «шестерки» к сентябрю 2005 г. удалось добиться рамочных договоренностей, которые были зафиксированы в Совместном заявлении участников шестисторонних переговоров. 19 сентября 2005 г. «шестерка» сделала важный шаг, официально заявив, что процесс денуклеаризации Корейского полуострова будет осуществляться мирным путем, без применения силы. А это означает, что те в американской администрации, кто ратовал за силовое разрешение кризиса, вынуждены были отступить, и на тот момент (сентябрь 2005 г.), «голуби» одержали тактическую победу над «ястребами».

Главным компромиссным пунктом Совместного заявления стали отказ КНДР от ядерного оружия, ее согласие свернуть все ядерные программы, возвратиться в Договор о нераспространении ядерного оружия, который она покинула в январе 2003 г., и нормализовать свои отношения с МАГАТЭ, что означает заключение с Международным агентством контрольного соглашения на предмет проведения инспекцией северокорейских ядерных объектов.

Со своей стороны, Соединенные Штаты подтвердили отсутствие американского ядерного оружия на Корейском полуострове и заявили о том, что не имеют намерений нападать на КНДР с использованием ядерных или обычных вооружений. Аналогичная формулировка содержится и в женевских договоренностях 1994 г.

Заявление США было дополнено обязательством Южной Кореи строго следовать общекорейской Декларации о денуклеаризации Корейского полуострова, принятой Пхеньяном и Сеулом в декабре 1991 г. Республика Корея официально заверила, что не намерена приобретать и размещать на своей территории ядерное оружие, и заявила, что на ее территории нет атомного оружия. Подобное заявление с южнокорейской стороны было особенно необходимо с учетом того, что в 2004 г. были обнародованы факты секретных ядерных разработок в РК, что, естественно, затрудняло поиск компромиссных развязок в ходе шестисторонних переговоров.

В целом же поиск разрешения ядерной проблемы на межкорейском уровне являлся весьма существенным дополнительным инструментом урегулирования ядерного кризиса на полуострове. Согласно Декларации 1991 г., Север и Юг должны были создать Комитет ядерного контроля. К сожалению, этот орган оказался недееспособным.

Значимый пункт шестисторонних договоренностей – закрепление в официальном порядке права КНДР на мирное использование атомной энергии. Этот вопрос был одним из самых острых в ходе переговоров между КНДР и США. Вашингтон настойчиво добивался того, чтобы Северная Корея не имела права развивать мирную ядерную программу. Как известно, и в Рамочном соглашении 1994 г. зафиксировано обязательство США построить в КНДР две атомные станции на легкой воде в обмен на отказ Пхеньяна от военной ядерной программы и возвращение в ДНЯО. Однако США так и не построили к 2003 г. первую АЭС. Под различными предложениями американцы затягивали сооружение станции. Единственное, что удалось построить, так это фундамент под АЭС. При этом было израсходовано почти 2 млрд долл.

Надо сказать, что положение Совместного заявления «шестерки» от 19 сентября 2005 г. о праве КНДР на мирную атомную деятельность очень расплывчатое, туманное и неопределенное. Стороны, говорится в документе, «выразили свое признание данного права и согласились обсудить вопрос о предоставлении КНДР реакторов на легкой воде в подходящее время». Трудно понять, как Северная Корея могла согласиться на такую формулировку, учитывая, что в Рамочном соглашении речь шла о конкретных АЭС и

конкретных сроках их сооружения.

Пять участников шестисторонних переговоров выразили готовность предоставить КНДР энергетическую помощь. Южная Корея подтвердила ранее сделанное предложение о поставках в КНДР электроэнергии в объеме 2 млн кВт · ч в случае отказа Пхеньяна от военной ядерной программы.

Серьезным тормозом шестистороннего мирного процесса был и остается вопрос о похищенных в свое время спецслужбами КНДР гражданах Японии. В результате северокорейско-японских переговоров на высшем уровне в Пхеньяне в 2002 г. и в 2004 г. некоторые проблемы были сняты, однако японское общественное мнение продолжает требовать полного расследования инцидентов. В Совместном заявлении «шестерки» от 19 сентября 2005 г. говорится, что северокорейская и японская стороны договорились «предпринять шаги, направленные на нормализацию отношений в соответствии с Пхеньянской декларацией 2002 г. на основе урегулирования неприятных проблем прошлого и вызывающих обеспокоенность актуальных вопросов». Думается, указанные проблемы решаемы в контексте общего урегулирования корейского ядерного вопроса.

Интересной и своевременной идеей «шестерки» является согласованное положение о созыве специального форума с участием «непосредственно заинтересованных сторон» с целью создания постоянного механизма по обеспечению мира на Корейском полуострове». Действительно, создание такого механизма в Корею давно назрело. Ведь, кроме Соглашения о перемирии, заключенного в далеком 1953 г., на полуострове нет структуры, которая обеспечивала бы безопасность в условиях крупных геополитических изменений, произошедших в Северо-Восточной Азии в конце XX в.

Участники переговоров выработали и согласовали общий принцип реализации достигнутых договоренностей – «обязательство в ответ на обязательство, действие в ответ на действие». Но осуществление на практике этого принципа оказалось весьма сложным делом. Стороны долго не могли договориться, кто первым должен начать выполнение своих обязательств.

Заявление участников шестисторонних переговоров от 19 сентября 2005 г. стало позитивным моментом в подходе к решению ядерного кризиса на Корейском полуострове. Пекинские договоренности открывали возможность для продвижения по пути денуклеаризации полуострова, создавали неплохую основу для дальнейших совместных шагов в этом направлении. Международное сообщество положительно отреагировало на пекинские договоренности, отметив вклад всех участников переговоров в достижение позитивных результатов. При этом особо подчеркивалась конструктивная роль Китая. Министр иностранных дел России С. В. Лавров назвал итоги переговоров «большим успехом всей „шестерки“». „Главное, чтобы эти договоренности были реализованы“, – подчеркнул он.

Результаты пекинских переговоров вызвали волну эйфории в Южной Корею. Они были охарактеризованы там как «эпохальные», как «победа южнокорейской дипломатии».

В США же, напротив, сдержанно оценили итоги переговоров, сделав акцент на «проверяемость» заключенного соглашения.

Через сутки после подписания пекинского документа, т. е. 20 сентября 2005 г., представитель МИД КНДР выступил с неожиданно жестким заявлением, в котором в категорической форме напомнил о законном праве Пхеньяна на обладание мирной ядерной программой и потребовал от США выполнить свои обязательства и построить в КНДР АЭС на легкой воде. Северокорейская сторона заявила, что КНДР возвратится в ДНЯО и разрешит инспекции своих ядерных объектов только после получения легководного реактора. «Сперва реактор – потом разоружение», – таково было требование Северной Кореи.

В ноябре 2005 г. в Пекине начался пятый раунд шестисторонних переговоров. Делегация КНДР представила свои соображения относительно дальнейших действий в разрешении ядерного кризиса. Эти

соображения сводились к следующим моментам:

КНДР прекращает ядерную деятельность;

КНДР берет на себя обязательство не передавать другим странам ядерные технологии и материалы;

КНДР не будет производить ядерное оружие;

КНДР приостанавливает, а затем прекращает свои ядерные программы;

КНДР присоединяется к ДНЯО и режиму МАГАТЭ.

Эти предложения Пхеньяна стали фактически приглашением США изложить их подходы к реализации Совместного заявления «шестерки». Американский ответ был выдержан в прежних требованиях к КНДР: отказ от ядерных программ, возвращение в режим ДНЯО и МАГАТЭ.

Первый тур пятого раунда шестисторонних переговоров завершился безрезультатно, затем вновь последовали взаимные риторические выпады. Вашингтон объявил о введении санкций против восьми северокорейских компаний, обвинив их в отмывании денег, торговле наркотиками и других преступных акциях. Согласно заявлениям официальных американских лиц, средства, полученные от деятельности этих компаний, использовались для финансирования ядерных программ КНДР.

В Пхеньяне с большой озабоченностью отнеслись к американским акциям, расценив их как серьезное препятствие на пути реализации Совместного заявления от 19 сентября 2005 г. Представитель МИД КНДР предупредил, что «если США не откажутся от агрессивной политики, грубо нарушающей договоренности, достигнутые на шестисторонних переговорах, то у КНДР не остается выхода, кроме как прервать процесс переговоров». КНДР пригрозила «наращивать свой оборонный потенциал, включая силы ядерного сдерживания». Пхеньян официально заявил, что «прекращает любые переговоры по ядерному разоружению из-за враждебной политики США, нацеленной на свержение политического режима КНДР».

С американской стороны в ответ последовали весьма жесткие и даже оскорбительные заявления в адрес КНДР. Глава делегации США на шестисторонних переговорах Кристофер Хилл заметил, что «переговоры не могут продолжаться бесконечно. Невозможно вечно сидеть за столом переговоров, которые проходят раунд за раундом, но не приносят ощутимых результатов». Американский посол в Сеуле А. Вершбоу назвал КНДР «преступным государством» и заявил, что «США не намерены снимать с нее экономические санкции».

Новый виток агрессивной риторики привел к прекращению переговорного процесса в рамках «шестерки». Вдобавок США заморозили северокорейские счета в банке Дельта Азия (Макао) на сумму 25 млн долларов.

Далее ситуация на полуострове стала развиваться весьма негативно и быстрыми темпами. В начале июля 2006 г. Пхеньян осуществил серию ракетных испытаний, что вызвало озабоченность у соседей КНДР. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1695, осуждающую КНДР и вводящую против нее санкции. В частности, наложен запрет на передачу Северной Корее ракетных технологий и материалов. США, Япония, Южная Корея, ряд других стран ввели свои санкции в отношении КНДР (запрет на въезд северокорейских граждан, прекращение продовольственной помощи, запрещение захода северокорейских судов в порты этих стран, ограничение въезда официальных лиц КНДР и др.).

К концу сентября 2006 г. обстановка на Корейском полуострове вновь осложнилась. В иностранной печати появились сообщения о том, что КНДР готовит испытание ядерного оружия. Спустя год после принятия Совместного заявления на шестисторонних переговорах, ядерный кризис на полуострове стал более глубоким и весьма опасным.

Северная Корея продолжала линию на дальнейшее ужесточение своего поведения. Многие

государства выступили с предупреждениями в адрес Пхеньяна, смысл которых сводился к тому, что проведение ядерных испытаний чревато серьезными последствиями для Северной Кореи. Совет Безопасности ООН за несколько дней до ядерного взрыва принял специальное заявление, в котором призвал КНДР воздержаться от ядерных испытаний. «Если КНДР проигнорирует призывы международного сообщества, то СБ ООН примет меры в соответствии с Уставом ООН», – подчеркивалось в заявлении.

Несмотря на все предупреждения, Северная Корея 9 октября 2006 г. произвела испытание ядерного устройства.

Северокорейские СМИ назвали произведенные испытания «триумфом» технических достижений страны, успехом в проведении политики «приоритета вооруженных сил».

Реакция международного сообщества на северокорейский ядерный взрыв была солидарной. Абсолютное большинство государств мира осудило КНДР. 14 октября 2006 г. Совет Безопасности ООН единогласно одобрил очень жесткую (№ 1718) резолюцию. Резолюция потребовала от КНДР не производить новых ядерных взрывов или запусков баллистических ракет, немедленного возвращения в ДНЯО и к гарантиям МАГАТЭ. В постановляющей части резолюция требует от государств не поставлять и не продавать КНДР танки, боевые машины пехоты, боевые самолеты, вертолеты, военные корабли, ракеты и ракетные системы.

В резолюции содержится призыв к КНДР без каких-либо условий вернуться за стол шестисторонних переговоров, содействовать скорейшему выполнению положений Совместного заявления от 19 сентября 2005 г.

Для мониторинга за осуществлением резолюции СБ ООН был создан Санкционный комитет.

Если давать общую оценку резолюции СБ ООН № 1718, то нужно выделить два важных требования к КНДР. Первое – полное и безусловное закрытие военных ядерных и ракетных программ. Второе – уничтожение всего имеющегося оружия. Естественно, все это должно происходить транспарентно, под строгим международным контролем.

Дело, однако, не ограничилось только международными санкциями, введенными Советом Безопасности ООН. Ряд государств дополнительно ввел свои жесткие меры в отношении Северной Кореи. Особенно поусердствовала в этом Япония. Правительство этой страны 13 октября 2006 г. ввело целую порцию достаточно серьезных санкций против КНДР. В частности, Токио запретил импорт в Японию всех северокорейских товаров. Правда, нужно заметить, что список этих товаров в общем-то невелик. Это в основном морепродукты, грибы, антрацит. Кроме того, Япония запретила заход в свои порты северокорейских судов (ранее запрет касался регулярного рейса Вонсан—Ниигата—Вонсан, который осуществлял северокорейский теплоход «Менгёнбон»), проход судов КНДР через японские территориальные воды, запрет на въезд в Японию граждан КНДР. Ранее японское правительство запретило визиты в страну северокорейских дипломатов. Заметные потери понесла японо-северокорейская торговля. Ее объем сократился с 500 до 180 млн долл. (2007 г.). Введены финансовые санкции против юридических лиц и организаций КНДР. Им запрещено открывать счета в японских банках. В дополнение к этим достаточно объемным санкциям Япония запретила экспорт в КНДР предметов роскоши – 24 видов товаров, в т.ч. автомобилей, драгоценностей, парфюмерии, видеокамер, телевизоров, алкогольных напитков, сигарет и др. Эти предметы предназначались северокорейской политической элите. Запрет на экспорт дорогих товаров, как полагали в Японии, должен был вызвать определенное недовольство среди северокорейских кадров, составляющих опору политического режима КНДР.

Достаточно жесткую позицию в отношении КНДР занял и ее единственный союзник – Китай. Пекину не удалось убедить Пхеньян отказаться от проведения ядерного испытания, хотя он неоднократно

предупреждал Пхеньян о серьезных последствиях такого шага. Представитель МИД КНР жестко отреагировал на ядерный взрыв, произведенный в КНДР. «Проигнорировав протесты международного сообщества, – подчеркнул китайский представитель, – КНДР нагло провела ядерное испытание. Китайская сторона решительно требует от КНДР безусловного соблюдения режима нераспространения, прекращения подобных действий, способных привести к ухудшению ситуации, и незамедлительного возвращения в процесс шестисторонних переговоров». Китай не ограничился политическими шагами в отношении КНДР. Он предпринял ряд практических мер по ограничению связей с ней. Как сообщили южнокорейские СМИ, китайские таможенные власти усилили контроль за передвижением на границе с Северной Кореей, укрепили пограничные заграждения. Некоторые банки КНР ввели частичные ограничения на денежные переводы в КНДР.

Позиция Китая пришлось не по нраву северокорейцам. В иностранную прессу просочилась информация о том, что предупреждения Китая были названы в Пхеньяне проявлением «шовинизма». Северокорейские генералы заявили, что они «более не нуждаются в китайской поддержке и что отныне КНДР абсолютно независима».

После первой реакции на мировом уровне Китай затем несколько смягчил свою публичную позицию в отношении КНДР. Призывая Пхеньян не предпринимать действий, ухудшающих ситуацию в мире и регионе, Пекин настаивал на том, чтобы все заинтересованные государства проявляли выдержку и стремились к мирному урегулированию. При этом министр иностранных дел КНР Ли Чжао син подчеркнул, что «Китай против наличия ядерного оружия у Северной Кореи. Китайское правительство занимает жесткую позицию в отношении ядерной программы Пхеньяна и намерено добиваться предотвращения повторных ядерных испытаний в КНДР».

Китайская сторона предприняла конкретные шаги по реанимации шестисторонних переговоров, недопущению силовых акций против своего союзника. Пекин подтвердил, что он продолжает выступать за денуклеаризацию Корейского полуострова, за прочный мир и безопасность в Северо-Восточной Азии и за скорейшее возобновление шестисторонних переговоров. Специальный посланник Председателя КНР Тан Цзясюань посетил все страны «шестерки», встретился с главами государств и правительств. Результатом этих встреч, а также контактов между всеми участниками шестисторонних переговоров стала договоренность о возобновлении пекинских встреч шести государств.

Шестисторонние переговоры возобновились в декабре 2006 г. Соединенные Штаты представили свою программу разрешения ядерного кризиса, состоящую из двух частей. На первом этапе КНДР должна прекратить работу ядерного реактора в Нёнбёне, допустить инспекторов МАГАТЭ в ядерный центр. Со своей стороны Вашингтон готов дать КНДР письменные гарантии безопасности. На втором этапе США оказывают Северной Корее экономическую и гуманитарную помощь в ответ на полное раскрытие КНДР своей ядерной программы. Затем проводятся международные инспекции ядерных объектов Пхеньяна и, наконец, осуществляется ликвидация ядерных программ КНДР.

Глава делегации КНДР на шестисторонних переговорах заместитель министра иностранных дел Ким Ге Гван заявил, что северокорейская делегация не сможет приступить к обсуждению ядерной программы до тех пор, пока США не откажутся от враждебного курса в отношении КНДР, и, в свою очередь, выдвинул перед США следующие требования:

США должны отказаться от враждебной политики в отношении КНДР в законодательном порядке и отменить введенные против Пхеньяна финансовые санкции;

отменить санкции, наложенные на КНДР Советом Безопасности ООН;

построить в КНДР легководные реакторы;

осуществить поставки в КНДР топлива.

Состоявшиеся накануне возобновления пятого раунда переговоров американо-северокорейские контакты, а также встречи в составе всей «шестерки» не продвинули разрешение кризиса. КНДР настойчиво добивалась от США отмены финансовых санкций, а затем уже была готова вести разговор по ядерной проблематике. США предложили обсудить вопрос об исключении КНДР из списка государств, поддерживающих терроризм, в ответ на свертывание Пхеньяном ядерной программы. Северокорейцам, судя по всему, понравилось это предложение, и они согласились изучить его. Однако делегация КНДР продолжала настаивать на снятии финансовых санкций. В южнокорейской печати прошло сообщение о том, что замороженные средства в банке Дельта Азия (25 млн долл.) принадлежат семье руководителя КНДР. Пхеньян давал понять, что без решения этой проблемы, т. е. отмены финансовых санкций, ожидать какого-либо прогресса на переговорах не следует. В итоге между КНДР и США была достигнута договоренность о том, что стороны проведут отдельные переговоры по вопросу о финансовых санкциях.

Нужно признать, что значительную долю ответственности за ядерный кризис на Корейском полуострове несут Соединенные Штаты. Именно они провоцировали этот кризис. Здесь нельзя не согласиться с точкой зрения бывшего министра обороны США У. Перри, который считает, что проведенное Пхеньяном испытание – итог плохо продуманной американской политики в Корее. По словам У. Перри, «это – полный провал политики администрации Буша в отношении Северной Кореи. На протяжении шести лет эта политика представляла собой комбинацию резкой риторики и бездействия». У. Перри назвал «недалековидным» отказ Буша от выполнения условий Рамочного соглашения 1994 г. Этот документ, действительно, уникален. Он открывал возможность для выхода на безъядерный статус Корейского полуострова. Администрация Буша упустила этот шанс, причем сделала это сознательно.

Ядерный взрыв, произведенный Пхеньяном в октябре 2006 г., вызвал новые негативные тенденции в СевероВосточной Азии. Прежде всего, обеспокоенная Япония стала осуществлять меры по укреплению своих военных возможностей. Японское правительство произвело реорганизацию военного ведомства. Вместо Управления национальной обороны (УНО) было создано министерство обороны, которое значительно расширило свои функциональные обязанности. Японские вооруженные силы, кроме участия в миротворческих операциях, имеют теперь право действовать «вне территории Японии в случае самообороны», а также оказывать помощь союзным государствам.

Япония совместно с США приступила к разработке оперативного плана (№ 5055) совместных действий на случай чрезвычайной ситуации на Корейском полуострове. Согласно этому плану, Япония предоставляет американской стороне неограниченные возможности использовать свои порты, военные базы и другие объекты в случае начала военных действий на Корейском полуострове. Между Японией и США обсуждаются также проекты создания единой противоракетной обороны и проведения совместных военных учений на предмет поражения баз на Корейском полуострове. Есть планы и у других соседей Корейского полуострова по повышению оборонных возможностей. Думается, что последствия ядерного взрыва в КНДР сейчас трудно предугадать. Ясно одно, что международный режим ядерного нераспространения находится под серьезной угрозой. Генеральный директор МАГАТЭ Мухаммад аль-Барадеи считает, что сейчас, кроме пяти ядерных держав (РФ, США, КНР, Великобритания и Франция), есть ряд государств, которые уже обладают или могут создать ядерное оружие. К ним он отнес Индию, Пакистан, Израиль и Северную Корею. А более 30 государств рассматривают возможность создания ядерного оружия в целях обеспечения национальной безопасности.

Состоявшиеся в Берлине в январе 2007 г. северокорейско-американские контакты (Ким Ге Гван – К. Хилл), получившие в Пхеньяне позитивную оценку, открыли возможность для продолжения шестисторонних переговоров в Пекине. На пекинской встрече в феврале 2007 г. участники переговоров

выработали План первоначальных действий по претворению в жизнь Совместного заявления от 19 сентября 2005 г. В документе снова подтверждается главная идея «шестисторонки» – достижение скорейшей денуклеаризации Корейского полуострова. Стороны договорились, что КНДР останавливает и опечатывает ядерные объекты в Нёнбёне, включая завод по переработке отработанных топливных стержней, и приглашает сотрудников МАГАТЭ для инспекций. Кроме того, КНДР взяла на себя обязательство обсудить с другими сторонами список всех своих ядерных программ.

КНДР и США согласились начать переговоры с целью разрешения неурегулированных проблем и продвижения к установлению дипломатических отношений в полном объеме. Как здесь не вспомнить слова вице-президента США Дика Чейни: «Мы не ведем переговоры с дьяволом (т. е. с КНДР. – *Примеч. авт.*), мы с ним боремся и побеждаем».

Вашингтон взял на себя обязательство исключить КНДР из «списка стран-спонсоров терроризма» и ускорить процесс прекращения применения к КНДР Закона о торговле с враждебными государствами. Здесь, однако, последовало обращение к госсекретарю К. Райс группы сенаторов Конгресса США с письмом, в котором содержался призыв не исключать Пхеньян из «террористического списка».

В План первоначальных действий включено также положение о том, что КНДР и Япония начнут переговоры о нормализации отношений в соответствии с Пхеньянской декларацией, подписанной лидерами двух стран в 2002 г.

Участники переговоров достигли согласия об оказании КНДР срочной энергетической помощи (50 тыс. т мазута в течение 60 дней после остановки реактора в Нёнбёне). А после прекращения всех ядерных программ Северной Кореи было обещано поставить 1 млн т мазута.

Для осуществления первоначальных действий и полного претворения в жизнь Совместного заявления от 19 сентября 2005 г. было решено создать пять рабочих групп: по денуклеаризации Корейского полуострова (курирует китайская сторона), по нормализации отношений КНДР – США, по нормализации отношений КНДР – Япония, по оказанию экономической и энергетической помощи КНДР (курирует южнокорейская сторона), по созданию механизма мира и безопасности в Северо-Восточной Азии (курирует российская сторона).

Стороны договорились также о том, чтобы после реализации Плана первоначальных действий провести встречу министров иностранных дел, в ходе которой подтвердить выполнение Совместного заявления от 19 сентября 2005 г. и обсудить дальнейшие шаги по укреплению безопасности и сотрудничества в СВА.

Участники переговоров подчеркнули важность создания системы постоянного мира на Корейском полуострове. Иными словами, стороны согласились провести отдельные переговоры о замене Соглашения о перемирии в Кореи от 1953 г. мирным договором.

Практическая реализация Плана первоначальных действий и Совместного заявления, однако, натолкнулась на трудности, возникшие в связи с переводом в КНДР разблокированных в банке Дельта Азия (Макао) северокорейских средств на сумму 25 млн долл. Несмотря на неоднократные заявления американской стороны, что проблема перевода денег носит чисто технический характер, реализация договоренностей затянулась.

При посредничестве российской стороны удалось в конечном итоге решить эту проблему. Северокорейские деньги (25 млн долл.) были переведены из банка Дельта Азия (Макао) в один из российских коммерческих банков в Хабаровске, что открыло возможность для дальнейших шагов по реализации договоренностей «шестерки». В ответ северокорейская сторона приостановила работу ядерного реактора в Нёнбёне. Южная Корея начала поставки в КНДР мазута, предусмотренные Планом

первоочередных действий.

Следующим шагом на пути разрешения корейского ядерного кризиса стали итоги очередного заседания пекинской «шестерки» 27–30 сентября 2007 г. Участники переговоров достигли договоренностей относительно дальнейших мер по денуклеаризации Корейского полуострова. В частности, КНДР согласилась вывести из рабочего состояния все существующие ядерные объекты к 31 декабря 2007 г. и представить полную и достоверную информацию о всех своих ядерных программах в соответствии с согласованным Планом первоначальных действий от 13 февраля 2007 г.

Пхеньян подтвердил свои обязательства не передавать ядерные материалы, технологии и «ноу-хау» другим государствам.

КНДР и США заявили о своей приверженности делу улучшения двусторонних отношений и продвижения по пути к установлению дипломатических связей.

Вашингтон подтвердил свои обязательства перед КНДР об исключении ее из списка стран, поддерживающих терроризм, отмене в отношении Пхеньяна действия Закона о торговле с враждебными государствами.

КНДР и Япония договорились прилагать усилия к скорейшей нормализации отношений на основе Пхеньянской декларации 2002 г.

Государства-участники шестисторонних переговоров продолжают оказание КНДР экономической, энергетической и гуманитарной помощи в объеме, эквивалентном 1 млн т мазута.

Правительство США заявило о готовности оказать КНДР дополнительную помощь продовольствием в случае выведения из строя северокорейских ядерных объектов.

Представители шести государств подтвердили согласие о проведении в Пекине встречи министров иностранных дел РФ, КНР, США, Японии, КНДР и РК.

Начало процесса движения к урегулированию северокорейской ядерной проблемы, безусловно, шаг позитивный и заслуживающий полной поддержки. Однако не следует его как недооценивать, так и переоценивать. Ведь в 1990-е гг. во время первого корейского ядерного кризиса аналогичные шаги уже предпринимались: завод по переработке оружейного плутония в Нёнбёне прекращал свою работу. Но отказ американской стороны от выполнения своих обязательств по Рамочному соглашению 1994 г. привел к возобновлению работы ядерного реактора в Нёнбёне и новому ядерному кризису.

В конце 2007 г. в урегулировании ядерного вопроса КНДР возникли новые осложнения. Пхеньян, как заявили официальные представители США, не предоставил к 31 декабря 2007 г. исчерпывающую информацию о своих ядерных программах, объектах, количестве ядерных боезарядов и наработанного оружейного плутония. В Вашингтоне также стали настойчиво утверждать, что Северная Корея развивает программу по обогащению урана, осуществляет сотрудничество с Сирией в ядерной области, т. е. распространяет ядерные технологии, экспортирует ракеты и ракетные технологии и т. д. Все эти утверждения были обнародованы директором разведывательной службы США М. Макконнеллом. Одновременно на уровне Государственного департамента США было заявлено, что Пхеньян не имеет мощностей по обогащению урана. В очередной раз Вашингтон публично продемонстрировал наличие разногласий в американском руководстве по поводу политики США в отношении Северной Кореи. В ответ Пхеньян обвинил США в попытках «развязать ядерную войну», пригрозил Вашингтону дальнейшим «наращиванием военной мощи», затормозил процесс вывода из строя ядерного центра в Нёнбёне.

По мнению американских экспертов, северокорейская сторона должна пройти три этапа на пути денуклеаризации Корейского полуострова: первый – остановка ядерного реактора в Нёнбёне; второй –

обнародовать полный список своих ядерных объектов; третий – демонтировать все ядерные объекты. Все эти действия Пхеньяна должны контролироваться МАГАТЭ.

Со стороны КНДР неоднократно подчеркивалось, что она в принципе готова к ликвидации своих ядерных объектов без возможности их восстановления, если ей будут предоставлены атомные реакторы на легкой воде.

Конкретные шаги по осуществлению заявленных США и КНДР позиций потребуют изнурительных и длительных переговоров в рамках шестисторонних и двусторонних (КНДР – США) переговоров, активного участия МАГАТЭ в переговорном процессе. Естественно, с обеих сторон (Пхеньян и Вашингтон) должна быть проявлена политическая воля к окончательному урегулированию этой проблемы.

Сложной проблемой Корейского полуострова остается ракетная программа КНДР. Северная Корея активно развивает ракетную промышленность, которая позволяет ей не только наращивать собственный военный потенциал, но и получать немалые валютные средства, экспортируя ракеты и ракетные технологии.

В настоящее время в КНДР, по сведениям иностранных экспертов, производятся следующие модификации баллистических ракет: «Скад» (дальность 300–500 км), «Нодон» (дальность 800–1200 км). «Тэпходон-1» (дальность 2500–3000 км), «Тэпходон-2» (дальность свыше 4000 км).

По американским источникам, Северная Корея обладает более, чем 200 баллистическими ракетами класса «Нодон» и до 1000 ракет класса «Скад».

В КНДР продолжают работы по совершенствованию ракет. Там регулярно проводятся ракетные испытания. Только в 2007 г. Северная Корея трижды осуществила пуски ракет малой дальности, что вызвало негативную реакцию США, Японии, РК и других стран. Причем эти пуски осуществлялись в период напряженных переговоров (май—июнь 2007 г.) по разрешению ядерного кризиса.

В недалекой перспективе проблема ракетного нераспространения на Корейском полуострове наряду с ядерной также будет стоять в повестке дня общего урегулирования обстановки на Корейском полуострове. Без разрешения этих двух очень серьезных проблем нельзя обеспечить надежный мир и безопасность на полуострове, во всей Северо-Восточной Азии.

Глава II

Партнеры и противники Северной Кореи

История северокорейско-российских отношений насчитывает 60 лет. Этот период в двусторонних отношениях изобилует многими событиями и поворотами исторического масштаба. В эпоху глобального военно-политического противостояния двух противоположных идеологических блоков СССР и КНДР были союзниками, поддерживали тесное военно-политическое и экономическое сотрудничество. На изломе биполярного мира Россия и Северная Корея оказались в разных идеологических и политических лагерях, сократились до минимума двусторонние связи. В начале 1990-х гг. между двумя странами фактически разразилась холодная война, прекратил свое действие Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 1961 г. Это, конечно же, была ненормальная ситуация, которую необходимо было исправить, и сделать это нужно было как можно быстрее. Этого требовала логика отношений между двумя соседними государствами, которые на протяжении многих десятилетий жили в дружбе, тесно сотрудничали друг с другом в интересах народов России и КНДР.

Исторические перемены, произошедшие в геополитической обстановке в Северо-Восточной Азии, на Корейском полуострове в 1990-е гг., складывающаяся новая конфигурация международных отношений в условиях глобализации потребовали соответствующих шагов по адаптации к новым обстоятельствам, таких форм сотрудничества между государствами, которые учитывали бы существующие реалии и способствовали бы поддержанию цивилизованных отношений, укреплению основ мира и стабильности в Северо-Восточной Азии.

В Российской Федерации отношениям с Корейской Народно-Демократической Республикой всегда придавалось важное значение, ибо Россия и КНДР – это соседи, а соседи всегда должны жить в мире и согласии.

Россия заинтересована в том, чтобы Корейская Народно-Демократическая Республика была процветающим и предсказуемым государством.

Россия заинтересована в том, чтобы из КНДР никогда не исходила угроза миру и безопасности, чтобы обстановка в этой стране и вокруг нее была стабильной и безопасной.

Россия заинтересована в том, чтобы Северная Корея, как и весь Корейский полуостров, не стали ареной нового вооруженного конфликта.

Россия заинтересована в том, чтобы КНДР и весь Корейский полуостров были свободны от оружия массового уничтожения.

Россия заинтересована в том, чтобы КНДР и весь Корейский полуостров были районом ракетно-ядерного нераспространения. Российская Федерация не только заинтересована в исключении КНДР, всего Корейского полуострова из разряда потенциально опасных районов, но и своими практическими действиями, своей открытой и честной политикой в корейском вопросе всемерно способствует разрядке напряженности на полуострове, политическому разрешению ядерного кризиса, установлению отношений мира, безопасности и сотрудничества в этом регионе.

Если попытаться дать объективную оценку российско-северокорейским отношениям за последние 20 лет, то следует, на наш взгляд, условно выделить четыре этапа, которые характеризуют суть непростой ситуации, складывавшейся в отношениях двух стран.

Этап первый (1987–1990) – это был период, когда СССР принял решение пойти на постепенную нормализацию отношений с Южной Кореей с тем, чтобы покончить с ненормальной ситуацией «не замечать» набиравшую экономический и политический потенциал Республику Корею. Установление дипломатических отношений СССР – РК привело к резкому спаду в отношениях между Советским Союзом и Северной Кореей.

Этап второй (1991–1995) можно назвать периодом обвала в российско-северокорейском сотрудничестве. Практически были свернуты политические контакты, бездействовал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 1961 г. Резко сократилось торгово-экономическое сотрудничество, были заморожены связи в области культуры, спорта, здравоохранения, фактически свернутыми оказались контакты между общественными организациями и людьми.

В средствах массовой информации обеих стран началась открытая полемика, в которой содержались взаимные обвинения в ухудшении двусторонних отношений. Особо острой критике подвергались позиции сторон по союзному договору 1961 г. и ядерной проблемы КНДР.

Надо признать, что значительные осложнения в российско-северокорейские отношения привнес ядерный кризис 1993–1994 г. Москва осудила выход КНДР из Договора о нераспространении ядерного оружия, потребовала ее возвращения в ДНЯО, свернула сотрудничество с Пхеньяном в строительстве на территории Северной Кореи атомной станции.

Этап третий (1996–1999) отмечен попытками Пхеньяна и Москвы стабилизировать межгосударственные отношения, найти пути к их нормальному развитию. Очень важно, что эти попытки нашли понимание у обеих сторон. Активизируются контакты между внешнеполитическими ведомствами, начинается переговорный процесс по выработке нового межгосударственного договора взамен договора 1961 г., заключается ряд основополагающих документов по экономическим вопросам, в частности соглашения о защите инвестиций, об избежании двойного налогообложения и др. Возобновляется деятельность Межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

Таким образом, благодаря совместным усилиям РФ и КНДР к концу 1990-х гг. удается выправить двусторонние отношения, придать им характер нормального межгосударственного общения.

Этап четвертый начался в 2000 г., и его по праву можно назвать периодом восстановления дружественных отношений. Обе стороны подготовили к подписанию новый договор. В феврале 2000 г. состоялся визит в Пхеньян министра иностранных дел России И. С. Иванова (первая поездка главы российского МИД в КНДР с 1990 г.), в ходе которого был подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой. Новый договор – сугубо политический документ, в отличие от Договора 1961 г. он не содержит никаких военных обязательств и не направлен против кого бы то ни было. Как выразился президент РФ В. В. Путин, «договор отражает обоюдное стремление народов России и КНДР строить свои отношения в духе взаимного уважения и созидательного партнерства».

Исторически прорывным событием в российско-северокорейских отношениях стал визит в июле 2000 г. в Пхеньян Президента РФ В. В. Путина и его переговоры с руководителем КНДР Ким Чен Иром, в ходе которых была подписана Пхеньянская декларация. Сама поездка в Северную Корею в этот период главы российского государства (впервые в истории двусторонних отношений высшее должностное лицо РФ нанесло официальный визит в КНДР) – событие, прямо скажем, в высшей степени неординарное. Российская сторона продемонстрировала не только стремление к поддержанию с КНДР нормальных отношений, но и выразила готовность поднять их значимость и вывести на уровень подлинного добрососедства и партнерства.

Продолжением контактов на высшем уровне стали визиты в Россию в 2001 и в 2002 гг. северокорейского лидера Ким Чен Ира. Во время официального визита в Москву в 2001 г. Ким Чен Ира была принята Московская декларация. Таким образом, Москва и Пхеньян имеют три крупных межгосударственных документа – Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 2000 г. и две политические декларации, подписанные в Пхеньяне в 2000 г. и в Москве в 2001 г. главами двух государств. Эти документы составляют солидную международно-правовую основу российско-северокорейских отношений.

Если давать общую характеристику отношениям между РФ и КНДР на современном этапе, то их можно охарактеризовать как дружественные, добрососедские, абсолютно деидеологизированные, ни политически, ни экономически, ни в военном отношении незаангажированные. В договоре и политических декларациях зафиксированы приверженность РФ и КНДР целям и принципам ООН, их стремление к обеспечению мира и безопасности, равноправного и взаимовыгодного сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Обе стороны взяли на себя обязательство «развивать дружественные отношения на принципах взаимного уважения государственного суверенитета, невмешательства во внутренние дела, равенства, взаимной выгоды, территориальной целостности и других общепризнанных принципах международного права».

В Российской Федерации с обеспокоенностью восприняли обострение северокорейской ядерной проблемы. Хорошо известно, что Москва последовательно и твердо выступает против распространения ядерного оружия в любом районе мира. Россию, естественно, не может не беспокоить появление нового ядерного государства у собственных границ. Во время первого ядерного кризиса 1993–1994 гг. Россия заняла однозначно негативную позицию в связи с объявленным КНДР 12 марта 1993 г. выходом из Договора о нераспространении ядерного оружия. В заявлении МИД РФ по этому поводу отмечалось, что неукоснительное соблюдение ДНЯО отвечает интересам, прежде всего, северокорейской стороны, стабильности и безопасности на Корейском полуострове. Ряд заявлений по северокорейскому ядерному вопросу в 1993–1994 гг. Россия сделала совместно с США, Великобританией и другими странами. Эти заявления были негативно восприняты в КНДР. На официальном уровне, в СМИ КНДР усилия Москвы не допустить ядерного кризиса на полуострове вызвали неадекватную риторику. Россия обвинялась в попытках совместно с США «задушить Республику». После принятия Советом Безопасности ООН нескольких заявлений и резолюций по ядерному вопросу КНДР в 1993–1994 гг., в которых содержались призывы к Пхеньяну сохранять членство в Договоре о нераспространении, выполнять свои обязательства по ДНЯО, обеспечить инспекции своих ядерных объектов со стороны МАГАТЭ, Россия приостановила сотрудничество с Северной Кореей в области мирного использования атомной энергии, включая подготовку специалистов, обмен делегациями. Российские специалисты, принимавшие участие в сооружении в КНДР АЭС, были отозваны на родину.

В условиях обострения северокорейской ядерной проблемы Россия в марте 1994 г. выступила с инициативой созыва международной конференции по безопасности и безъядерному статусу Корейского полуострова. Суть российского предложения состояла в том, чтобы урегулировать обстановку на многосторонней основе. При этом предметом договоренностей должны были стать вопросы гарантий безопасности обоих корейских государств, обеспечения денуклеаризации полуострова. Россия исходила из того, что соответствующий механизм, выработанный на конференции, позволил бы укрепить режим нераспространения ОМУ в этом районе, предотвратить конфронтацию на Корейском полуострове и вокруг него.

Инициативный шаг России наряду с усилиями СБ ООН, МАГАТЭ, а также других заинтересованных государств оказал позитивное влияние на дальнейшее развитие ситуации на Корейском полуострове, подтолкнул Пхеньян и Вашингтон к продолжению политического диалога и нахождению компромисса. В

результате КНДР и США в октябре 1994 г. в Женеве вышли на договоренности по ядерному вопросу, зафиксированные в Рамочном соглашении.

Во время второго ядерного кризиса, разразившегося на полуострове в конце 2002 г., российская сторона выступила с предложением о «пакетном решении», которое предусматривало политическое урегулирование северокорейской ядерной проблемы на основе многосторонних договоренностей. Такие договоренности были зафиксированы в Совместном заявлении от 19 сентября 2005 г. шести государств (РФ, КНР, США, Япония, КНДР, РК) – участников переговоров в Пекине.

Заложенные в Заявлении «шестерки» принципы и меры по разрешению ядерного кризиса на полуострове, по сути своей, перекликаются с «пакетными предложениями» РФ. Совместное заявление от 19 сентября 2005 г. создавало хорошую основу для дальнейшего движения вперед.

Ракетные пуски, осуществленные в КНДР в начале июля 2006 г., вызвали новую обеспокоенность в России и других государствах. В заявлении МИД РФ отмечалось, что этот шаг был предпринят без предварительного уведомления и в нарушение моратория на ракетные пуски, установленного Пхеньяном ранее. Российская сторона призвала КНДР к сдержанности и соблюдению взятых на себя обязательств в ракетной области.

Надо сказать, что проведенные у границ соседнего государства ракетные испытания без предварительного уведомления – это проявление нецивилизованного поведения. Конечно, у России есть достаточно эффективные и надежные средства защиты от возможного ракетного нападения. Известно, что РФ и КНДР имеют совместные документы международно-правового характера, которые предусматривают проведение консультаций по наиболее важным проблемам, требующим быстрого и эффективного решения. Пхеньян своими действиями фактически проигнорировал согласованные обеими сторонами принципы межгосударственного общения. Настораживает и то, что пуски ракет были осуществлены накануне важного международного форума – саммита «восьмерки», впервые проходившего в России в Санкт-Петербурге.

Российская сторона приняла активное участие в выработке резолюции СБ ООН № 1695 от 15 июля 2006 г. по поводу северокорейских ракетных пусков. Эта резолюция, по словам министра иностранных дел России С. В. Лаврова, достаточно твердая, но взвешенная реакция СБ ООН.

Новый виток напряжения вызвало испытание северокорейцами ядерного устройства 9 октября 2006 г. Реакция России была незамедлительной и последовательно жесткой. Москва осудила ядерные испытания в Северной Корее. Президент РФ В. В. Путин прямо заявил, что эти «действия наносят ущерб нашим отношениям с КНДР». Они были проведены в 178 км от российской границы. Российские технические средства зафиксировали это ядерное испытание. По мнению российских экспертов, это было «подземное испытание ядерного заряда». Министр обороны РФ С. Б. Иванов в этой связи заявил следующее: «КНДР де-факто стала девятой ядерной державой. Проведенное Пхеньяном испытание – это колоссальный удар по режиму нераспространения оружия массового поражения. Северная Корея – закрытая страна, она вправе жить, как считает ее народ, но факт испытания вызывает опасения и негодование». Насколько испытание было успешным, судить трудно. Но северокорейские СМИ охарактеризовали его как успех, отметив, что «оно проведено на 100 процентов нашим (т. е. северокорейским. – *Примеч. авт.*) разумом и технологиями».

В Пхеньяне поспешили заверить, что проведенный взрыв не несет опасности радиоактивного заражения. Контрольные замеры в Приморском крае РФ показали, что радиационный фон в регионе в пределах нормы.

Понятно, что действия КНДР достойны осуждения, принятия мер по прекращению северокорейских

военных ядерных программ. Резолюция СБ ООН № 1718 – точный и взвешенный сигнал Пхеньяну. Документ СБ ООН направлен на обуздание военного потенциала Северной Кореи, на мирное урегулирование ядерного кризиса на полуострове. Очень важно, что в резолюции есть указание на то, что в случае невыполнения КНДР предъявленных ей требований будет задействована статья 41 Устава ООН, предусматривающая еще более жесткие санкции.

Россия, не приемля и осуждая действия КНДР, тем не менее считает, что необходимо добиваться, чтобы любое государство, независимо от того, маленькое оно или большое, чувствовало себя в безопасности, чтобы существовала система международных гарантий безопасности. Ведь ни для кого не секрет (а тем более, для КНДР), что кое-кому хотелось бы сменить режим в Северной Корее.

Россия твердо убеждена, что шестисторонний формат переговоров является наиболее оптимальным вариантом ядерного урегулирования на Корейском полуострове. Как отмечал Президент РФ В. В. Путин, «нельзя прерывать переговорный процесс, нужно любой ценой сохранить его и иметь всегда, чтобы в конце туннеля был какой-то свет».

Российская сторона приняла самое непосредственное и конструктивное участие в выработке Плана первоначальных действий (принят 13 февраля 2007 г.) по реализации Совместного заявления «шестерки» от 19 сентября 2005 г. на возобновившихся в феврале 2006 г. пекинских переговорах. Принятый документ по осуществлению конкретных шагов в области ядерного разоружения на Корейском полуострове подтвердил главный смысл и задачу шестистороннего процесса – достижение скорейшей денуклеаризации Корейского полуострова. В Плате зафиксирована очередность действий со стороны КНДР, США и других участников переговоров по ликвидации кризиса. План предусматривал создание рабочих групп по различным направлениям: денуклеаризация Корейского полуострова, оказание экономического и энергетического содействия КНДР, нормализация отношений КНДР – США и КНДР – Япония, создание механизма мира и безопасности в Северо-Восточной Азии. Координатором рабочей группы по вопросу мира и безопасности в СВА назначена российская сторона, которой предстоит совместно с другими участниками выработать такую мирную структуру в этом регионе, которая исключала бы напряженность и противостояние. Прямо скажем, задача это непростая. Прежде всего, необходимо будет выработать и подписать мирный договор взамен Соглашения о перемирии в Корее от 1953 г., а также сформировать структуру безопасности и сотрудничества в Северо-Восточной Азии.

Россия сыграла весьма конструктивную роль в разрешении финансовых проблем между КНДР и США. Перевод из Банка Азия (Макао) северокорейских денег (25 млн долл.) в один из российских коммерческих банков в Хабаровске, получение их Пхеньяном открыли возможность для дальнейших шагов по осуществлению достигнутых договоренностей. Процесс мирного урегулирования ядерного кризиса сдвинулся с мертвой точки. Но это – только начало. Сторонам предстоит многотрудные переговоры для полного разрешения этой весьма сложной проблемы.

Разрешение ядерного кризиса на Корейском полуострове тесно связано с урегулированием корейской проблемы в целом. Стратегическая задача – добиться мирного, демократического объединения двух корейских государств. Россия выступает последовательным поборником мирного объединения Кореи. Москва в контактах как с Пхеньяном, так и с Сеулом постоянно подчеркивает свою принципиальную позицию о поддержке межкорейского диалога, примирения двух Корей, самостоятельного, мирного объединения Севера и Юга. В России находят полное понимание и поддержку межкорейские договоренности и документы на этот счет: Совместное заявление Севера и Юга от 1972 г., Соглашение о примирении, ненападении, сотрудничестве и обменах между Севером и Югом от 1991 г., Декларация Севера и Юга о безъядерном статусе Корейского полуострова от 1992 г., Совместная декларация Севера и Юга, подписанная руководителями двух корейских государств 15 июня 2000 г. в Пхеньяне, Декларация во

имя развития межкорейских отношений, мира и процветания, принятая на пхеньянской встрече Ким Чен Ира и Но Му Хёна 4 октября 2007 г.

По сути своей корейская политика России – это политика мира, добрососедства, взаимовыгодного партнерства и сотрудничества. В своих главных аспектах российская политика в Корее сводится к следующему:

- решение всех проблем Корейского полуострова дипломатическими средствами;

- обеспечение самостоятельного, без вмешательства извне межкорейского примирения;

- создание в перспективе единого демократического корейского государства, дружественно настроенного к России и другим соседям Кореи;

- обеспечение безъядерного статуса Корейского полуострова и ракетного нераспространения в этом районе;

- осуществление взаимовыгодных экономических проектов на Корейском полуострове, в т.ч. с участием России.

Москва и Пхеньян развивают связи и сотрудничество и по другим направлениям. Россия и КНДР поддерживают контакты между парламентами, различными министерствами и ведомствами. Руководители Госдумы и Совета Федерации неоднократно посещали КНДР. Делегация Верховного народного собрания КНДР также побывала в Москве. Между МИД РФ и МИД КНДР поддерживаются регулярные контакты, проводятся политические консультации. Внешнеполитические ведомства РФ и КНДР имеют планы обменов. Налажены контакты между МВД РФ и Министерством народной безопасности КНДР. В 2005 г. эти ведомства заключили соглашение о взаимодействии в борьбе против наркоторговли.

Экономическая составляющая российско-северокорейских отношений пока заметно отстает от уровня политических связей и контактов. Товарооборот не превышает 250 млн долл. (торговля РФ – Южная Корея в 2007 г., как отмечалось выше, составила 15 млрд долл.). Практически отсутствует инвестиционное сотрудничество. Северокорейский долг России достиг почти 8 млрд долларов. Стороны ведут переговоры о реструктуризации долга, однако пока взаимовыгодного согласия добиться не удалось.

Российская Федерация оказывает гуманитарную помощь КНДР, население которой испытывает в течение последних лет недостаток продовольствия. С 2003 г. РФ выделяет по 10 млн долл. ежегодно на закупку продовольствия для населения КНДР, которое направляется в Северную Корею через Всемирную продовольственную программу (ВПП).

Правительство РФ выделило 4 млн руб. и 150 тыс. долл. для оказания экстренной помощи КНДР, население которой сильно пострадало от ливневых дождей в августе 2007 г. В КНДР были направлены палатки, продовольствие, медикаменты. Кроме того, российская сторона увеличила на 3 млн долл. взнос РФ (с 11 млн до 14 млн долл.) во Всемирную продовольственную программу. Эти средства были направлены на дополнительную закупку продовольствия для северокорейского населения.

Проблемы торгово-экономического сотрудничества между Россией и КНДР обсуждались в ходе трех встреч на высшем уровне. Внимание к экономическим вопросам руководителей РФ и КНДР вполне понятно. Наши страны имеют немалый опыт в этой области. С советской технической помощью в КНДР было построено более 70 крупных промышленных объектов, которые составили костяк северокорейской экономики. На предприятиях КНДР, сооруженных при советском техническом содействии, в 1980-е гг. производилось 60 % электроэнергии, более 30 % стали и проката черных металлов, 50 % нефтепродуктов, около 20 % тканей, добывалось 40 % железной руды. Только в 1980-е гг. в КНДР было построено около двух десятков крупных объектов, таких как Пукчанская ТЭС мощностью 1,6 млн кВт, алюминиевый завод, завод

микроэлектродвигателей, подшипниковый завод, Чондинская ТЭС мощностью 150 тыс. кВт, аккумуляторный завод и др. Весьма активно развивалось сотрудничество в области лесозаготовок, легкой промышленности, сельского хозяйства, рыбной промышленности. Было организовано несколько совместных предприятий.

Естественно, прошли годы, и потребовалась реконструкция этих предприятий. На заседании Межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству РФ и КНДР в марте 2007 г. в Москве обсуждались вопросы участия российских компаний в реконструкции нефтеперерабатывающего завода «Сынри» в Унги и поставках российской нефти на это предприятие, в модернизации Пхеньянской и Пукчанской ТЭС, других объектов.

Понятно, российский бизнес будет готов к активной работе на северокорейском рынке после урегулирования проблемы долга КНДР перед РФ.

Есть весьма перспективная модель экономического взаимодействия – трехстороннее сотрудничество РФ – КНДР – РК. Речь, прежде всего, идет о проекте соединения транскорейской железной дороги с Транссибом. Эксперты считают, что данный проект выгоден всем трем сторонам. Северная Корея сможет модернизировать свою железную дорогу (стоимость 2,5–3 млрд долл.), Россия будет зарабатывать на международном транзите грузов (1 млрд долл. ежегодно), Южная Корея значительно сократит доставку грузов в Западную Европу (с 30–40 суток до 10–12 суток), а также удешевит их доставку (на 300–600 долл. за один контейнер).

Российская сторона последовательно выступает за реализацию железнодорожного проекта. «Мы, – подчеркивал Президент РФ В. В. Путин, – исходили из того, что активное российское участие в проекте соединения транскорейской железной дороги с Транссибом, продвижение других многосторонних экономических проектов на Корейском полуострове будет на деле способствовать сближению Сеула и Пхеньяна». Хотя корейские стороны и пришли к общему пониманию выгоды этого транспортного проекта, однако реализовать его пока не удастся. Главная проблема – неурегулированность ядерного кризиса на Корейском полуострове, общая напряженность в этом районе, что, естественно, не позволяет приступить к реализации проекта.

Возможно также трехстороннее сотрудничество в реконструкции промышленных объектов, построенных в КНДР с советской помощью. Это и теплоэлектростанции, и нефтеперерабатывающий и сталелитейный заводы, другие предприятия. Весьма выгодным представляется экспорт электроэнергии из Приморского края в Северную и Южную Корею. Этот проект находится в стадии обсуждения. РФ, РК и КНДР подписали протокол о намерениях, в котором зафиксирована трехсторонняя заинтересованность в продолжении работы с целью достижения практической реализации данного проекта.

Говоря о российско-северокорейских отношениях нельзя не упомянуть о контактах и связях в области науки, культуры, спорта, медицины. Российские художественные коллективы («Березка», ансамбль И. Моисеева и др.) – частые гости в КНДР. Российские артисты участвуют в ежегодно проводимом в Пхеньяне международном фестивале «Апрельская весна», приуроченном к празднику «День солнца» (день рождения покойного президента КНДР Ким Ир Сена). Кинематографисты России участвуют в международном кинофестивале в Пхеньяне.

Отношения между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой имеют немало резервов для совершенствования и дальнейшего поступательного развития. Конечно, нужно смотреть трезво и объективно на те трудности, которые сдерживают российско-северокорейское сотрудничество. Это, прежде всего, неурегулированность ядерного кризиса на полуострове, проблемы экономического порядка (северокорейский долг, незаконный промысел северокорейских рыбаков в российской экономической зоне).

Российская сторона заинтересована в скорейшем разрешении существующих проблем и делает всё от нее зависящее для устранения очага напряжения на Корейском полуострове. Москва готова к строительству подлинно добрососедских, дружественных отношений с Корейской Народно-Демократической Республикой. Но эта готовность, как представляется, должна быть взаимной и искренней. Именно взаимность, искренность и доверие способны вывести российско-северокорейские отношения на новый уровень взаимодействия в интересах народов двух стран, мира и безопасности на Корейском полуострове, во всей Северо-Восточной Азии.

Северная Корея придает особое значение отношениям с Китайской Народной Республикой. КНР является для КНДР единственным военно-политическим союзником, важным торгово-экономическим партнером. Между двумя странами действуют Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 1961 г., целый комплекс соглашений в различных сферах. В условиях фактической блокады Китай остается экономическим донором Северной Кореи, ежегодно поставляя в эту страну большие партии продовольствия и другие товары. Объем северокорейско-китайской торговли в 2006 г. составил 1,3 млрд долл.

Пхеньян и Пекин поддерживают регулярный политический диалог на высшем уровне. Начиная с 2000 г. по 2006 г. руководитель КНДР Ким Чен Ир четыре раза посетил Китай. Высшие китайские лидеры за этот период дважды побывали в Пхеньяне. В 2005 г. Председатель КНР Ху Цзиньтао нанес официальный визит в КНДР. Широкие контакты осуществляются по партийной линии, по линии МИД, военных ведомств, между представителями общественных кругов.

В КНДР с большой озабоченностью восприняли позицию Пекина по северокорейской ядерной проблеме, китайскую поддержку резолюции СБ ООН за № 1718, в которой, как известно, жестко осуждается ядерное испытание, проведенное в Северной Корее в октябре 2006 г. Введение антисеверокорейских санкций в 2005 г. (за ракетные пуски) и в 2006 г. (за взрыв ядерного устройства) и присоединение к ним Пекина вызвали резкую реакцию в Северной Корее.

Пхеньян и Пекин стремятся не афишировать существующие между двумя странами противоречия. Пожалуй, исключением из этой традиции стала резкая публичная реакция Китая на ядерное испытание. Пекин, как известно, назвал эту северокорейскую акцию «наглым вызовом» международному сообществу. Однако не только ядерная проблема является предметом противоречий. В КНДР не удовлетворены объемом китайской помощи, считая, что набирающий экономическую мощь Китай может и должен оказывать своему военно-политическому союзнику более масштабное содействие, ибо он (союзник. – *Примеч. авт.*) противостоит мощной империалистической супердержаве и таким образом защищает Китай. По-прежнему вызывает беспокойство Пхеньяна активное развитие отношений КНР с Южной Кореей. Широкие политические контакты, растущее торгово-экономическое сотрудничество (товарооборот между КНР и РК в 2007 г. превысил 160 млрд долл., южнокорейские инвестиции в китайскую экономику составляют более 20 млрд долл.) вызывают зависть и нервозность у северных корейцев.

В КНДР не удовлетворены двойственностью в подходе китайской стороны к проблеме северокорейских беженцев. По южнокорейским данным, в КНР нелегально проживает от 100 тыс. до 300 тыс. граждан Северной Кореи, часть из которых использует китайскую территорию для того, чтобы перебраться в Южную Корею и другие страны. Периодически Китай «разрешает» им это сделать, что вызывает негативную реакцию Пхеньяна. В большинстве же случаев китайские власти возвращают беженцев в Северную Корею, что вызывает протесты международных правозащитных организаций. По данным американских правозащитных организаций Китай ежегодно высылает в КНДР по 5 тыс. северокорейских беженцев.

К числу раздражающих обе стороны моментов относится ряд исторических фактов. В Северной Корее

весьма отрицательно относятся к тому, что китайские ученые-историки считают древние государства Когурё (1 в. до н. э. – 7 в. н. э.) и Пархэ (IX–X вв.) составной частью китайских империй. Хотя северокорейцы публично не выражают свое неудовольствие такой позицией Китая, однако в научных публикациях твердо и настойчиво подчеркивают, что эти древние государства являются не китайскими, а исконно корейскими.

Несмотря на наличие серьезных раздражителей в отношениях КНДР – КНР, обе стороны, тем не менее, стараются публично подчеркивать неизменность стремления двух стран укреплять стратегический характер двусторонних связей. В Пхеньяне признают, что Китай заинтересован в устойчивости северокорейского режима, в сохранении статус-кво на Корейском полуострове, т. к. это способствует внешнеполитической стратегии КНР, направленной на укрепление пояса добрососедства вокруг Китая в целях дальнейшего продвижения реформ, наращивания военного и экономического потенциала, скорейшего превращения Китая в мощную региональную и глобальную державу.

В условиях общей неблагоприятной для КНДР внешнеполитической обстановки и наличия противоречий с КНР Северная Корея по-прежнему рассматривает Китай как своего стратегического союзника в борьбе за сохранение государственности, укрепление существующего политического режима.

Отношение Северной Кореи к Соединенным Штатам Америки носит двойственный характер. С одной стороны, США рассматриваются в Пхеньяне как главный враг КНДР, корейского народа, стремящийся ликвидировать социалистический строй в этой стране. С другой – это единственный в мире партнер, с которым необходимо решать существующие проблемы, прежде всего, ракетно-ядерную. В Пхеньяне возлагали определенные надежды на то, что, подписав в 1994 г. Рамочное соглашение, США пойдут на нормализацию отношений с КНДР и, тем самым, ослабят военно-политическое давление, постепенно снимут санкции и будут строить отношения с КНДР на международно-правовых принципах. Однако этого не произошло. Администрация Дж. Буша-младшего отбросила договоренности Пхеньяна с администрацией Б. Клинтона и усилила нажим на КНДР, что привело к эскалации ядерного кризиса и ядерному испытанию в Северной Корее.

Достигнутые в рамках шестисторонних переговоров в сентябре 2005 г. договоренности, согласованный План первоначальных действий (февраль 2007 г.), а также разрешение финансовых проблем между КНДР и США (урегулирование вопроса о переводе 25 млн долл. из банка Дельта Азия через российский банк в КНДР) в принципе создавали предпосылки для продвижения северокорейско-американских отношений. Остановка северокорейского атомного реактора в Нёнбёне, подключение МАГАТЭ к инспекциям ядерных объектов КНДР – все это позитивно отразилось на отношениях КНДР – США. Однако до окончательного разрешения ядерного кризиса еще далеко. Пхеньяну и Вашингтону предстоит приложить немалые усилия, чтобы полностью закрыть эту проблему.

В повестке дня диалога Пхеньян – Вашингтон стоят и другие, не менее сложные вопросы – о мирном договоре, о программе обогащения урана, о ядерном потенциале КНДР, поддержке КНДР международного терроризма и т. д. По террористическому вопросу США изобрели новую формулу. Если ранее они причисляли Северную Корею к странам, которые поддерживают терроризм, то с 2007 г. КНДР включена в список государств, «не оказывающих помощь в борьбе с терроризмом». Северные корейцы неоднократно заявляли о готовности продолжать диалог с США, искать компромиссы по этим и другим проблемам.

Со своей стороны КНДР стремится прийти к таким договоренностям с США, которые гарантировали бы сохранение независимости северокорейского государства, дали бы ему возможность для мирного развития, доступа к международным финансовым институтам, расширения сотрудничества с государствами Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона в целом. Решение этих очень

сложных проблем потребует не только политической воли от лидеров двух стран, но и длительного переговорного процесса.

Отношения КНДР с Японией остаются на протяжении 60 лет ненормализованными. Между двумя странами сохраняются острые противоречия еще со времен колониального прошлого. В 2002 г. была предпринята попытка оздоровить отношения КНДР – Япония. Состоявшийся в сентябре 2002 г. визит в Пхеньян японского премьер-министра Дз. Коидзуми, его переговоры с Ким Чен Иром и подписанная Совместная декларация открывали перспективу для взаимного признания и установления официальных отношений. Совместный документ отражал достигнутый компромисс и намерения Пхеньяна и Токио вести дело к нормализации двусторонних связей. Япония принесла официальные извинения за колониальное прошлое Кореи, выразила желание оказать экономическое и финансовое содействие КНДР. Со своей стороны, Пхеньян признал свою причастность к похищению японских граждан в 1970–1980 гг. и обещал впредь не допускать подобных действий. КНДР заявила также о том, что она сохранит мораторий на запуски баллистических ракет.

В 2004 г. в Пхеньяне состоялась новая встреча в верхах (Ким Чен Ир – Дз. Коидзуми). Однако она не принесла существенного позитива. Японская сторона, не удовлетворенная решением проблемы похищенных граждан (в Токио считают, что не все японские граждане отпущены властями КНДР), продолжала настойчиво требовать полного выяснения судьбы всех своих подданных.

Проведенные после двух саммитов переговоры о нормализации связей оказались безрезультатными. Ситуация в северокорейско-японских отношениях еще более осложнилась после объявления КНДР о том, что она обладает атомным оружием, и ядерного испытания. Токио всецело поддержал резолюции СБ ООН № 1695 (о введении антисеверокорейских санкций за пуски баллистических ракет в июле 2006 г.) и № 1718 (о новых санкциях против КНДР за ядерный взрыв в октябре 2006 г.). Кроме того, правительство Японии ввело односторонние, весьма жесткие санкции в отношении Северной Кореи.

С японской стороны подвергается жесткой критике позиция КНДР по ракетно-ядерным проблемам. Пхеньян пытается игнорировать японскую позицию, периодически выступает за удаление японской делегации с шестисторонних переговоров. Япония отказалась от участия в реализации Совместного заявления «шестерки» от 19 сентября 2005 г. и Плана первоначальных действий, предусматривающих оказание КНДР экономической помощи после остановки ядерного реактора в Нёнбёне и других северокорейских действий по ликвидации военных ядерных программ. Токио заявляет о готовности предоставить КНДР экономическое содействие только после устраивающего Токио разрешения проблемы с похищенными гражданами и ракетно-ядерного разоружения КНДР.

Северокорейская сторона придает большое значение отношениям с Европейским Союзом, рассматривает Объединенную Европу как один из важных факторов, позитивно влияющих как на мировую обстановку в целом, так и на корейскую ситуацию. В своей политике в отношении ЕС Пхеньян учитывает то, что Евросоюз является противником силового давления на КНДР.

В последние годы КНДР установила дипломатические отношения с большинством стран ЕС (кроме Франции), состоялся саммит КНДР – ЕС, осуществляются регулярные политические консультации, открыты дипломатические представительства КНДР в Брюсселе и ЕС – в Пхеньяне.

Товарооборот между КНДР и ЕС ежегодно составляет 200–250 млн долл. (для сравнения – торговля Южной Кореи с ЕС превышает 70 млрд долл.). Государства Евросоюза участвуют в оказании международной гуманитарной помощи, поставках продовольствия, медикаментов в КНДР. Европейские страны, однако, предпочитают не участвовать в крупных экономических проектах в Северной Корее, рассматривая ее как страну с неблагоприятным инвестиционным климатом и недемократической политической системой. Северокорейский долг европейским государствам составляет более 5 млрд долл.

Негативное влияние на отношения КНДР – ЕС оказывает ядерная проблема Пхеньяна, его нежелание, как считают в Брюсселе, полностью и навсегда отказаться от ракетно-ядерного оружия. Европейцы не скрывают своего разочарования внутренними порядками в КНДР, отсутствием прогресса на пути реформирования северокорейской экономической системы, нежеланием Пхеньяна кардинальным образом улучшить ситуацию с правами человека.

В стремлении обойти «трудности» в отношениях с государствами Западной Европы Северная Корея пытается возобновить свои прежние связи со странами Центральной и Восточной Европы – «молодыми» членами Евросоюза – Венгрией, Чехией, Словакией, Румынией. Однако и с этой категорией государств у КНДР имеется немало проблем, в основном экономических, оставшихся неурегулированными еще с социалистических времен.

Говоря о внешнеполитической деятельности КНДР за последние 20 лет, необходимо подчеркнуть, что главная парадигма северокорейской внешней политики состоит в том, чтобы создать условия для выживания северокорейской государственности, сохранения существующего политического режима. Добиться реализации этих важнейших дипломатических задач предполагается путем сохранения тесных союзнических отношений с Китаем, поддержания добрососедских связей с Россией, нормализации отношений с США, развития сотрудничества с Европейским Союзом, оздоровления отношений с Японией, выборочного участия в многосторонних диалоговых структурах по проблемам безопасности в СВА и АТР в целом.

Организация Объединенных Наций с 1947 г. была причастна к решению корейского вопроса. По инициативе США в 1947 г. корейский вопрос был внесен в повестку дня сессии Генассамблеи ООН и принята резолюция о создании Комиссии ООН по Корее. Именно ООН оказалась непосредственно вовлеченной в создание в 1948 г. южнокорейского государства.

ООН была также вовлечена и в Корейскую войну 1950–1953 гг., одобрив резолюцию о направлении в Корею войск ООН.

После Корейской войны Комиссия ООН по восстановлению и объединению Кореи ежегодно представляла свои доклады о положении на Корейском полуострове.

До начала 1970 г. РК предпринимала попытки добиться членства ООН, однако Советский Союз по просьбе КНДР не допускал вступления Сеула в эту международную организацию. В 1973 г. делегация КНДР была приглашена на XXVIII сессию ГА ООН для обсуждения корейского вопроса, которая консенсусом приняла решение о роспуске Комиссии ООН по восстановлению и объединению Кореи. Этот шаг со стороны Объединенных Наций стал возможен в связи с начавшимся мирным диалогом между КНДР и РК и подписанием Совместного заявления Севера и Юга от 4 июля 1972 г. На XXVIII сессии ГА ООН была выражена надежда на продолжение межкорейского диалога с целью мирного воссоединения страны и подчеркнуто, что оба корейских государства примут действенные меры, направленные на прекращение наращивания вооруженных сил, значительное сокращение армий обеих сторон до равного уровня, предотвращение вооруженных конфликтов, неприменение вооруженных сил друг против друга.

В 1973 г. КНДР получила статус официального наблюдателя при ООН.

На XXX сессии ГА ООН в 1975 г. социалистические и некоторые развивающиеся страны (всего более 40) выступили с проектом резолюции «О создании благоприятных условий для превращения перемирия в Корею в прочный мир и ускорении самостоятельного мирного объединения Кореи». Проект резолюции предусматривал упразднение командования войск ООН и вывод из Южной Кореи всех иностранных войск, находившихся там под флагом ООН, а также замену соглашения о перемирии мирным соглашением. Генеральная Ассамблея одобрила эту резолюцию. За нее проголосовало 54 члена ООН, против – 43,

воздержалось – 42.

В то же время на Генассамблее был принят проект западных стран, в котором содержался призыв «ко всем непосредственно заинтересованным сторонам вступить в переговоры с тем, чтобы командование войск ООН могло быть распущено одновременно с принятием мер по обеспечению соблюдения соглашения о перемирии». Эта резолюция, однако, не предусматривала вывода войск США из Южной Кореи. За данную резолюцию проголосовало 59 делегаций, против – 51, воздержалось – 29. Таким образом, Генеральная Ассамблея приняла две противоположные по сути резолюции. Каждая из корейских сторон в ходе последующих сессий ГА ООН последовательно отстаивала только ту резолюцию, которая отвечала ее интересам.

В 1988 г. США, Япония и другие союзники Южной Кореи предприняли акцию, призванную «отметить» 40-ю годовщину создания РК, имея в виду, что именно ООН сыграла в этом событии свою роль. В повестку дня XLIII сессии ГА ООН был внесен пункт «Сороковая годовщина создания правительства Республики Корея». В противовес этому шагу было внесено предложение включить в повестку дня пункт «Опасная ситуация на Корейском полуострове и срочное осуществление резолюции, принятой на XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН». После напряженных закулисных контактов был достигнут компромисс, и в повестку дня был включен следующий вопрос: «Обеспечение мира, примирения и диалога на Корейском полуострове». В ходе состоявшегося обсуждения обе корейские стороны изложили свои позиции. Выступлений в прениях не было. Резолюция по данному вопросу не принималась.

В 1960 – начале 1990-х гг. позиция КНДР в отношении ООН состояла в том, чтобы не допустить приема в эту организацию Южной Кореи или одновременного допуска в ООН двух Корей, хотя в 1949–1950-е гг. северокорейская точка зрения на этот счет была иной. В 1949 г. и в 1952 г. КНДР обращалась с просьбой принять ее в члены ООН, но эти обращения отвергались США и их союзниками.

В 1957 г. на заседании Совета Безопасности было внесено предложение рекомендовать Генеральной Ассамблее ООН принять Республику Корея в ООН. Советский Союз, со своей стороны, предложил поправку, содержание которой сводилось к одновременному приему в ООН РК и КНДР. Советская поправка была отклонена, как и предложение США о допуске в ООН Южной Кореи.

До самого начала 1990-х гг. КНДР выступала категорически против допуска в ООН одной или двух Корей, рассматривая членство в ООН корейских государств как международно-правовое закрепление ситуации двух Корей, что, по убеждению Пхеньяна, вело к «вечному» расколу страны.

Республика Корея неоднократно выступала с предложением принять ее в члены ООН. Такие предложения исходили от президентов Пак Чжон Хи (1973 г.), Чон Ду Хвана (1982 г.), Ро Дэ У (1988 г.). Причем Сеул не возражал и против членства в ООН КНДР.

Наметившаяся в конце 1980-х гг. нормализация отношений РК с СССР и другими социалистическими странами подталкивала КНДР к поиску какого-либо компромисса в отношении членства в ООН корейских государств. В мае 1990 г. Ким Ир Сен выдвигает предложение о совместном вступлении в ООН Севера и Юга с занятием одного места. Предусматривалось, что Пхеньян и Сеул будут поочередно представлять в ООН оба корейских государства, занимая «одно корейское место». Южная Корея отклонила это предложение, посчитав его нереалистическим и нацеленным на то, чтобы помешать РК вступлению в ООН. Обсуждение северокорейского предложения на межкорейских переговорах не привело к выработке взаимоприемлемого решения.

В мае 1991 г. Пхеньян перед лицом реального приема в ООН одной Южной Кореи (СССР снял свое вето относительно членства РК в ООН, т. к. в сентябре 1990 г. были установлены дипломатические отношения с РК, Китай также не возражал против членства в ООН корейских государств) объявил о своем

решении вступить в ООН. В результате в сентябре 1991 г. оба корейских государства стали членами Организации Объединенных Наций.

Итогом почти пятидесятилетнего обсуждения Объединенными Нациями корейского вопроса стала констатация наличия на Корейском полуострове двух независимых государств. Приняв в свои члены РК и КНДР, ООН завершила процесс международно-правового признания раскола Корейского полуострова на два государства – Республику Корея и Корейскую Народно-Демократическую Республику.

Глава III

Республика Корея и внешний мир

Во внешнеполитической стратегии Республики Корея приоритетное положение неизменно занимают США. И это обусловлено целым комплексом исторических и международных факторов. США, оккупировавшие Юг страны на исходе Второй мировой войны, находились у истоков создания Республики Корея, впитавшей во многом опыт североамериканской политической культуры особенно при разработке структуры государственного устройства. В 1953 г. Южная Корея подписала с США военно-политический договор «О совместной обороне», определивший в последующем блоковый характер взаимоотношений между двумя странами. В период холодной войны Южная Корея вынуждена была довольствоваться ролью послушного «младшего партнера» в системе обеспечения американских стратегических интересов в Северо-Восточной Азии. В созданных на основе договора о совместной обороне объединенных американо-южнокорейских ВС многие годы абсолютно преобладали представители командования США. Сеулу приходилось практически безропотно принимать рекомендации Вашингтона по оборонным вопросам, хотя формально они прорабатывались на паритетной основе на двусторонних консультативных совещаниях по вопросам безопасности. Только с 1994 г. началась частичная «корейзация» совместной оборонительной структуры, по условиям которой увеличивалась численность южно корейских офицеров, командовавших национальными частями и соединениями. В 1966 г., т.е. в период правления администрации Пак Чжон Хи, Южная Корея добилась от США подписания Соглашения, которое регламентировало статус 37-тысячного армейского контингента США в стране. Сеул добился от США официальных гарантий в том, что американские войска будут находиться в Южной Корее столько времени, сколько сочтут это необходимым ее власти. На южнокорейской территории и ее прибрежных водах периодически проводились крупные совместные учения «Тим спирит», назначение которых – нанесение удара по потенциальному противнику, под которым подразумевается Северная Корея. В соответствии с оперативными планами генштабов РК и США на Корейский полуостров в течение 1–2 суток может быть переброшена мобильная группировка американских войск численностью в 100–150 тыс. солдат и офицеров, взаимодействующая с 7-м флотом США на Тихом океане.

Вашингтон сыграл ключевую роль в создании и модернизации современных вооруженных сил РК, численность которых к 2000 г. достигла 683 тыс. солдат и офицеров. Военно-промышленный комплекс РК, состоящий из 84 крупных компаний, в т. ч. оборонных предприятий таких могущественных корпораций, как «Хёндэ», «Самсунг», «Дэу», «Лакки Голдстар» (переименована в 1995 г. в «LG») и др., широко опирается на приобретение военно-технологических лицензий за рубежом и прежде всего в США.

Республика Корея – одна из наиболее милитаризованных стран Северо-Восточной Азии. Так, на период 1998–2012 гг. на военные цели выделено 122 млрд долл., из которых примерно одна треть предназначена на закупки вооружений. Суммарные расходы РК на военные нужды в 90-е гг. в 5–6 раз превышали достаточно высокие ассигнования на военные нужды в КНДР и были выше, чем у Китая и Индии.

Американские кредиты и субсидии, превращаясь в крупные и высокоприбыльные заказы для южнокорейского капитала, ускорили в конечном итоге форсированное неоиндустриальное развитие РК. А это в свою очередь позволило Сеулу постепенно трансформировать деловые отношения с Вашингтоном во взаимовыгодные торгово-экономические и технологические связи (аналогичная метаморфоза произошла с проникновением в РК японского капитала.)

В итоге США заняли доминирующие позиции во внешней торговле Южной Кореи. За два десятилетия со времени начала экономического подъема РК (1965) до середины 80-х гг. удельный вес ее продукции в импортной торговле США возрос примерно в 20 раз. Торговые связи с США в огромной степени стимулировали развитие текстильной, электронной, сталелитейной и некоторых других видов южнокорейской экономики. В последующие годы удельный вес экспорта Южной Кореи в США несколько снизился за счет освоения новых рынков, но в целом по-прежнему остается высоким. На долю США в 1991 г. приходилось 25,9 % южнокорейского экспорта, 1995 – 19,5 %, 2000 – 22,2 %, 2004 – 16 %. Аналогичная тенденция прослеживается и в импорте Южной Кореи. На долю США в 1991 г. приходилось 23,2 %, 1995 – 22,5 %, 2000 – 18,3 %, 2004 – 12,8 %. Указанные изменения были обусловлены в значительной степени потерей Южной Кореей льготного режима доступа на американский рынок, обретением РК статуса развитого государства, вступлением в 1996 г. в ряды ведущих экономик мира. Здесь также сыграла свою негативную роль и недостаточная конкурентоспособность ряда южнокорейских товаров, в т. ч. промышленного оборудования, продукции нефтехимии и др. Более или менее стабильные позиции на американском рынке заняла лишь продукция электроники и машиностроения, но США предъявили Сеулу серьезные претензии по части скрытой поддержки своей национальной автопромышленности, противоречащей регламенту ВТО. Особое недовольство заокеанского партнера вызывал государственный протекционизм, действующий в РК в области импорта автотранспорта иностранных фирм. Эти и другие противоречия вынудили Сеул согласиться в 2006 г. на ведение переговоров с Вашингтоном по выработке двустороннего договора о создании зоны свободной торговли. (Аналогичные переговоры РК ведет с Индией, Канадой, Мексикой, Японией).

С наступлением XXI века отношения с США оказались на авансцене внешнеполитического курса РК. Под влиянием роста антиамериканских настроений в стране президент РК Но Мун Хён выступил за более самостоятельный и независимый характер южнокорейских отношений, дальнейшую корреляцию статуса американских войск в стране. Одновременно новый глава южнокорейского государства дистанцировался от излишне жесткой позиции США в отношении КНДР, заявив в Национальном собрании: «Пока мы не хотим этого, на полуострове не будет никакой войны...» Тем самым президент Но Му Хён вопреки воинственной позиции Вашингтона высказался за урегулирование северокорейской ядерной проблемы исключительно мирными средствами. Противоречия с США привели к тому, что поездка Но Му Хёна в Вашингтон и его переговоры с президентом Д. Бушем ограничились формальным обменом мнениями и не завершились подписанием совместного заявления или проведением общей пресс-конференции, хотя высокий гость из Сеула акцентировал внимание на стратегическом характере дружественных и союзнических отношений между двумя государствами.

Начало нормализации отношений между Сеулом и Токио относится к концу 60-х – началу 70-х гг. XX века, когда администрация Пак Чжон Хи, преодолевая тяжелые психологические барьеры, порожденные многолетней колонизацией страны империей микадо, стала наводить деловые мосты с Токио. В итоге переговоров между РК и Японией в августе 1971 г. было принято решение о японском финансировании различных экономических проектов Юга Кореи на общую сумму в 200 млн долл. Вслед за этим Япония выразила готовность выделить крупную экономическую помощь РК и открыть «зеленую улицу» инвестициям (до 800 млн долл.). Тем самым Япония получала возможность широко использовать наемный труд южнокорейских рабочих и служащих, повышать свою конкурентоспособность на мировом рынке.

В августе 1973 г. отношения между Сеулом и Токио резко обострились в связи с тем, что ЦРУ РК, как уже было отмечено выше, похитило из токийского отеля лидера демократической оппозиции РК Ким Дэ Чжуна, намереваясь утопить его в открытом море. Ким Дэ Чжун был спасен после прямого вмешательства Вашингтона, но южнокорейскому премьеру Ким Чжон Пхилу в связи с инцидентом пришлось принести официальные извинения японским властям и привлечь формально к ответственности сотрудников своей

резидентуры в Токио.

Но не успело ослабнуть напряжение по поводу этого конфликта, как разгорелся новый скандал между двумя государствами. 15 августа 1974 г. в Сеуле на президента Пак Чжон Хи было совершено покушение, во время которого он чудом уцелел, но погибла его супруга. Террористом оказался кореец японского происхождения Мун Сен Гван, у которого был обнаружен паспорт, выписанный в г. Осака на другое имя. Мун Сен Гван, как было установлено следствием, был выходцем из безработной люмпенской среды и придерживался откровенно левых взглядов. Власти РК потребовали от Японии немедленного введения административных санкций против «прокоммунистической» Ассоциации японских корейцев, хотя последняя не имела никакого отношения к террористическому акту.

Эти события затормозили, но отнюдь не блокировали развитие южнокорейско-японских деловых отношений. В 70-е гг. Япония обеспечивала более 70 % внешних инвестиций в РК. Японская помощь и инвестиции в огромной степени содействовали реализации амбициозных планов Южной Кореи в 80-е гг.

В 90-е гг. южнокорейско-японские экономические отношения дополняются долгосрочными целями формирования стратегического треугольника: «Вашингтон – Токио – Сеул». С середины 90-х гг. между РК и Японией развивается сотрудничество по вопросам разработки современных вооружений и его экспорта. Значительно расширяются каналы обмена военно-технической информацией. Целям совершенствования отношений между Сеулом и Токио были посвящены визиты в Японию президента Ро Дэ У в 1992 г. и президента Ким Ен Сама в 1994 г. В декабре 1996 г. президент Ким Ен Сам и премьер Хасимото после двусторонней встречи в Маниле во время очередного саммита АТЭС подтвердили совпадение мнений по поводу того, что Республика Корея, Япония и США «будут усиливать координацию их политики в отношении Северной Кореи». Как уже отмечалось ранее, Япония оказала существенную помощь РК в преодолении последствий азиатского финансового кризиса 1997–98 гг., что содействовало дальнейшему сближению двух государств. В 1998 и 2000 гг. в Токио на высшем уровне вел переговоры президент РК Ким Дэ Чжун. В свою очередь, в Сеуле был проведен саммит между премьер-министром Японии Е. Мори и президентом РК Ким Дэ Чжуном. В дальнейшем встречи представителей двух государств на министерском уровне приобрели системный характер.

Между Сеулом и Японией 8 октября 1998 г. была подписана Совместная декларация о новых принципах корейско-японских отношений в XXI в., направленная на устранение негативных факторов в деловых отношениях и развитие интеграции на стратегическую перспективу. В январе 2003 г. вступил в действие Двусторонний инвестиционный договор, который предоставил друг другу режим наиболее благоприятствующей нации. Для выработки оптимальных проектов дальнейшего совершенствования деловых отношений была создана Совместная исследовательская группа, в которую вошли представители государственных структур, частных корпораций и ученые.

О возрастающей в целом роли Японии во внешнеэкономических связях РК говорят следующие данные. За период 1962–2001 гг. Южная Корея получила из Японии 11,3 млрд капиталовложений, поступивших в электронную, автомобильную, машиностроительную промышленность, а также в другие обрабатывающие отрасли и сферу услуг. (За тот же период южнокорейские инвестиции в Японии составили 730 млн долл.) В 1991 г. на Японию приходилось 17,2 % южнокорейского экспорта, 1995 – 13,6 %, 2000 – 11,9 %, 2004 – 8,5 %. Снижение южнокорейского экспорта было обусловлено в первую очередь растущей конкуренцией со стороны японских производителей, а также выходом РК на новые рынки Восточной Азии и ЕС. (В целом с 1991 г. по 2004 г. удельный вес восточноазиатского субрегиона в южнокорейском экспорте увеличился с 36,2 % до 47,6 %.) Менее подверженным конъюнктурным колебаниям оказался южнокорейский импорт из Японии. В 1991 г. Япония покрывала 25,9 % импорта РК, в 1995 – 24,1 %, в 2000 – 20,6 %. Сеул стремится расширить и интенсифицировать экономический обмен с Токио прежде всего по

линии наращивания японских инвестиций в стране и освоения технологического опыта Японии.

Однако на пути дальнейшего сближения между двумя государствами сохраняются не только глубокие финансово-экономические, но и политические противоречия, включая давний спор о принадлежности острова Токто (Такэсима), а также апологетика японской колониальной политики в Корее в школьных учебниках Японии и др.

Одна из сложных и труднорешаемых проблем отношений между Сеулом и Токио – это растущий год от года дефицит в южнокорейско-японском торговом обмене. На протяжении минувших полутора десятилетий, несмотря на энергичные усилия властей и коммерческих структур РК, дефицит торгового баланса в южнокорейско-японском торговом обмене не удалось существенно снизить. В 1990 г. при торговом обороте в 33,1 млрд долл. дефицит составил 7,9 млрд долл. В 2000 г. при общем обороте в 52,3 млрд долл. пассивное сальдо составило 11,3 млрд долл. А в 2004 г. при обороте в 67,8 млрд долл. торговый дисбаланс достиг 24,4 млрд долл. Одна из основных причин этого дисбаланса – значительное отставание машиностроительной продукции РК от японских аналогов, что вынуждает Сеул прибегать к массированным закупкам технически сложного и дорогостоящего иностранного оборудования, причем в первую очередь в Японии.

Большие надежды Сеул возлагает на переговоры с Токио по вопросу о создании зоны свободной торговли. Сформированная на двусторонней основе Группа изучения японо-южнокорейских экономических отношений в XXI в. сформулировала следующие базисные рекомендации: а) непрерывно снижать тарифные и иные барьеры в торговом обмене (вплоть до нулевого цикла); б) добиваться дальнейшей либерализации сфер приложения инвестиционного капитала, всемерно содействовать интеграционным процессам вплоть до создания совместных предпринимательских альянсов; в) координировать процессы стандартизации и информатизации; г) максимально либерализовать режим обмена людьми как в деловой, так и культурной и туристической сферах; д) постепенно сближать и унифицировать хозяйственное законодательство двух стран. (Причем Сеул и Токио уже достигли соглашения на условиях равноправного урегулирования трудовых, финансовых и других конфликтов.)

РК и Япония рассчитывают, что оформление зоны свободной торговли между ними значительно повысит мировую конкурентоспособность обеих экономик, облегчит поиски эффективных ответов на вызовы глобализации, ускорит интеграционные процессы в рамках АСЕАН и других субрегиональных объединений в АТР.

До конца 70-х гг. XX в. Южная Корея и КНР находились по существу в полной дипломатической и политической изоляции друг от друга. Корейская война 1950–1953 гг., в которой участвовал крупный контингент китайских войск, создала на многие годы непроходимые барьеры между двумя государствами. Однако неоиндустриальный прорыв РК побудил пекинских прагматиков по-новому взглянуть на отношения со своим динамичным восточным соседом. В публикациях агентства Синьхуа на рубеже 70-х – 80-х гг. стала проскальзывать мысль о том, что опыт экономического развития РК «заслуживает внимания». В свою очередь, МИД РК сделал необычное заявление о том, что Сеул не будет налагать запрет на коммерческие связи с деловыми кругами тех стран, с которыми не установлены официальные дипломатические отношения.

В 1982 г. МИД КНР разослал своим посольствам за рубежом конфиденциальную инструкцию, разрешающую входить в контакты с должностными лицами РК, правда на нейтральной территории третьих стран. Это нововведение содействовало в дальнейшем практической реализации т. н. северной политики («Nordpolitic») Сеула, одним из разработчиков которой был министр иностранных дел РК Ли Бум Сик. В Китай направляется ряд спортивных, научных, журналистских и иных делегаций РК. Между Сеулом и Шанхаем устанавливается прямая телефонная линия. А в 1988 г. КНР, несмотря на бойкот союзной ей

КНДР, приняла участие в XXIV Олимпийских играх в Сеуле.

Одновременно бурное развитие получает южнокорейско-китайская торговля, правда путем тщательно завуалированных реэкспортных операций через Гонконг, Макао, Сингапур, японские порты. Согласно различным данным публикации, [\[51\]](#) в стартовом 1979 г. объем торгового оборота между Сеулом и Пекином составил 19,0 млн долл., 1984 – 434,0 млн долл., 1990 – 3,8 млрд долл., а в 1994 г. – 11,6 млрд долл. Этот фантастический рост был обусловлен в первую очередь рыночными потребностями обеих бурно развивающихся экономик. РК закупала в КНР сельхозпродукты (в т.ч. кукурузу), уголь и другие минеральные товары, шелковую и хлопковую пряжу, переработка которой и вывоз готовой продукции на экспорт приносили высокие прибыли. В Китай южнокорейские фирмы вывозили бытовую электронику, текстильные изделия, ткани, стальной прокат, автомобили и др. Только за период 1984–1987 гг. поставки китайского зерна в РК увеличились на 60 % и составили около 80 % всех зернопродуктов, закупленных Сеулом на мировом рынке.

В канун Олимпийских игр 1988 г. в Сеуле учреждается совместный Корейско-китайский совет по экономическим отношениям, придавший заметный импульс инвестиционному сотрудничеству между двумя странами. Первоначально совместные проекты реализовывались в сфере среднего бизнеса и, как правило, под прикрытием оффшорных компаний, поскольку между Сеулом и Пекином не были установлены официальные отношения. К числу таких предприятий относились: фабрика по переработке морепродуктов в провинции Гуандун, завод по производству холодильного оборудования в Фучжоу, фабрика по производству музыкальных инструментов в Хэйлунцзяне и др. О бурной динамике южнокорейских инвестиций в КНР убедительно говорят следующие данные. В 1988–1989 гг. было одобрено 11 совместных проектов на сумму в 13,8 млн долл., в 1992 г. – 26 проектов на 220,9 млн долл., а в 1993 г. – 630 проектов на 570,3 млн долл. Всего же за период 1988–1993 гг. РК приступила к реализации 1043 совместных проектов на общую сумму 976,9 млн долл. Таким образом КНР стала одной из основных сфер экспорта южнокорейского предпринимательского капитала.

К концу 80-х – началу 90-х гг. развитие деловых отношений между РК и КНР приобрело такие солидные масштабы, что возникла настоятельная необходимость обмена торговыми представительствами между двумя странами. Соглашение по этому вопросу было достигнуто 20 октября 1990 г., а 2 мая 1992 г. государственные торговые представительства Южной Кореи и Китая юридически оформили принципиальную договоренность «О взаимном поощрении и защите инвестиций». Около двух лет спустя (24 августа 1992 г.) РК и КНР подписали соглашение о взаимном признании и установлении официальных дипломатических отношений. При этом РК обязалась признавать КНР в качестве единственно законного государства на всей китайской территории, включая о. Тайвань. В свою очередь, правительство КНР выразило официальное сожаление по поводу участия китайских народных добровольцев в Корейской войне 1950–1953 гг. [\[52\]](#)

Переход Южной Кореи от военно-авторитарного правления к гражданскому обществу, с одной стороны, и усиление элементов прагматизма и открытости во внешнеэкономической стратегии Пекина, с другой, заметно стимулировали развитие деловых взаимосвязей между РК и КНР. Удельный вес «Большого Китая» (КНР и Гонконг) в экспортной торговле РК с 1991 по 2004 гг. возрос с 8,0 % до 26,7 %, т.е. более чем в 3 раза. За этот же период удельный вес импорта Южной Кореи из «Большого Китая» возрос с 5,2 % до 14,6 %, т.е. увеличился более чем в 2,5 раза.

К началу XXI в. Китай стабильно превратился в ведущего внешнеторгового партнера РК, каким до этого были США. Южнокорейский экспорт на гигантский китайский рынок в суммарном выражении возрос с 1,0 млрд долл. в 1991 г. до 18,5 млрд долл. в 2000 г. и 49,8 млрд долл. в 2004 г. За эти же годы валовой импорт Южной Кореи из Китая возрос с 3,4 млрд долл. в 1991 г. до 12,8 млрд долл. в 2000 г. и 29,6 млрд

долл. в 2004 г. В рассматриваемый период среднегодовой прирост южнокорейско-китайской торговли находился на рекордном уровне – около 30 %, достигнув в 2007 г. объема в 160 млрд долл.

Одновременно КНР с ее дешевой рабочей силой и более низкими затратами на природоохранные мероприятия становится приоритетной сферой экспорта южнокорейского промышленного капитала. К концу 2004 г. накопленный объем инвестиций РК в КНР составил 20 млрд долл. На основе экспортного бума в КНР южнокорейский бизнес заметно повысил уровень конкурентоспособности своей продукции на мировом рынке. Южнокорейские корпорации («Лакки Голдстар», «Самсунг» и др.) заняли надежные ниши на китайском рынке бытовой электроники, холодильников, стиральных машин и др., хотя наталкиваются на растущую конкуренцию национальных производителей КНР. Не ограничиваясь производством потребительской продукции, южнокорейский корпоративный капитал стремится проникнуть в такие высокотехнологичные сферы, как информационные технологии, нефтехимия, тяжелая индустрия, включая металлургию. В 2004 г. в РК началось сооружение уникального металлургического комбината корпорации «ПОСКО», оснащенного самым совершенным в мире ресурсосберегающим и природоохранным оборудованием. Именно на основе этой новейшей технологии запланировано сооружение целой сети предприятий по выпуску металла высочайшего качества в Китае и других странах Восточной Азии. Две ведущие южнокорейские корпорации «Хёндэ» и «КИА» запланировали довести к 2008 г. производство автомобилей на своих предприятиях в КНР до 1 млн единиц. В налаживании и совершенствовании взаимовыгодных отношений между двумя странами ведущую роль играют, помимо частных корпораций и государственных структур, такие влиятельные неправительственные предпринимательские организации, как Федерация корейской промышленности, Конфедерация китайских предприятий и Корейско-Китайская торгово-экономическая палата.

Вместе с широким экономическим проникновением РК в Китай усиливается культурное и психологическое влияние Южной Кореи на обширную страну. Все то, что по ступает из Сеула, считается в Китае модным, престижным, образцовым. Не случайно китайские власти без колебаний сделали крупный заказ на автомобили южнокорейской корпорации «Хёндэ» для обслуживания участников и гостей Олимпийских игр 2008 г. в Пекине.

Южнокорейско-китайские торговые, экономические, технологические, научные и культурные взаимосвязи – показатель нового типа международной интеграции, зарождающейся между странами с различными социальными системами в эпоху глобализации. Причем переплетение, а нередко сращивание в сфере маркетинга и промышленной кооперации и специализации, научно-технических исследований, подготовке кадров, стандартизации и информатизации, координации финансово-инвестиционной стратегии и других сферах настолько основательное и всеохватывающее, что позволяет двум странам в целом успешно разрешать возникающие между ними трудности и противоречия путем переговорного механизма.

После установления 30 сентября 1990 г. официальных дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея и заключения Договора об основах отношений РК и РФ 19 ноября 1992 г., подписания затем торгово-экономического соглашения, наконец, создания Корейско-российской комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству была создана довольно прочная международно-правовая база для взаимодействия двух государств не только в сфере обеспечения безопасности и стабильности в СВА, но и интенсификации деловых связей между двумя государствами. Торговые, технологические и другие виды взаимодействия вышли из тени, освободились от обременительных посредников и стали обретать ускоренный динамизм. Этому в целом содействовали также позитивные внутривнутриполитические сдвиги как в РК, так и в постсоветской России.

В Сеуле с большим оптимизмом оценили зафиксированные в совместном южнокорейско-российском

заявлении от 20 ноября 1992 г. основные сферы двустороннего взаимодействия на стратегическую перспективу. Они включали: общее машиностроение, электротехнику, электронику, химию, металлургию, судостроение, текстильную промышленность, разработку природного газа и коксующихся углей, освоение космоса, транспорт, рыболовство, охрану окружающей среды и другие отрасли. В данной ситуации подход Сеула и Москвы носит в высокой степени рациональный характер: оба государства, исходя из принципа взаимодополняемости двух экономик, стремятся максимально опереться на свои лучшие народно-хозяйственные достижения.

В целях оптимизации взаимных деловых связей РК и РФ сформировали на министерском уровне совместные: Комитет по научно-техническому сотрудничеству, Комитет по сотрудничеству в области энергетики и минеральных ресурсов, Комитет по сотрудничеству в области промышленности, Комитет по рыбному хозяйству и Координационную комиссию по сотрудничеству с Республикой Саха (Якутия). За первые три года сотрудничества минфин РК выдал 56 лицензий на реализацию различных проектов в России. Началось создание первых совместных южнокорейских предприятий, правда пока средних по размерам инвестированного капитала. В их число вошли: лесозаготовительный комплекс «Светлая», рыбопроизводственные фирмы-предприятия «Одиссей», аграрная фирма «Татьяновская», предприятия по добыче и переработке полудрагоценных камней «Халла лимитед» и «Саханчук», фармацевтическая корпорация, Владивостокский бизнес-центр и др. Южнокорейский капитал сделал инвестиции в реконструкцию порта Находка, ряд совместных строительных проектов.

Особый интерес Южная Корея проявила к научно-техническому сотрудничеству с Россией. На начальном этапе двустороннего взаимодействия было выделено 94 тематики для совместных исследований, по которым Южная Корея находилась в сильной зависимости от Японии и западных государств. В число этих проектов вошли: лазерная технология, система управления лазерным излучением, создание сверхпрочных алмазозаменяющих структур, особых материалов аэрокосмического назначения, биотехнологические разработки и т. д.

Ведущим южнокорейским фирмам удалось установить прямые научно-технические связи с рядом крупных российских научных центров, включая МИФИ, МФТИ, МЭИ, МГУ и другие научно-учебные заведения. В ходе этого взаимодействия в сжатые сроки были созданы и запатентованы технические новинки в сфере полупроводников, не знающие аналогов в мире. По приглашению южнокорейской стороны в РК стали выезжать на работу по контрактам вначале десятки, а затем сотни лазерщиков, химиков, авиаконструкторов, электронщиков и других специалистов.

Республика Корея проявила также интерес к закупкам новейшей военной техники, включая танки Т-80У, бронетранспортеры сухопутных войск, боевые вертолеты, противотанковые системы, ракетные комплексы ПВО, катера на подводных крыльях и т. д.

Однако несмотря на вышеупомянутые сдвиги, качественного прорыва в южнокорейско-российских отношениях в 90-е гг. XX в. не произошло. (Эти сдвиги совершенно несопоставимы с настоящим бумом в отношениях между РК и КНР и РК и Японией.) О том, какими темпами развивалась взаимная торговля России с Южной Кореей, убедительно говорят следующие данные. Экспорт Южной Кореи в РФ составил: в 1991 г. – 0,6 млрд долл., 1995 – 1,4 млрд долл., 2000 – 0,8 млрд долл., 2004 – 3,9 млрд долл. За те же годы импорт российских товаров в Южную Корею составил: 1991 г. – 0,5 млрд долл., 1995 – 1,9 млрд долл., 2000 – 2,1 млрд долл., 2004 – 3,9 млрд долл. Суммарный оборот южнокорейско-российской торговли лишь к 2005 г. достиг 7,8 млрд долл., а к 2007 г. – 15 млрд долл. Удельный вес России во внешней торговле РК составил 1 %. На Южную Корею, на которую возлагались амбициозные расчеты Москвы, приходится ныне менее 2 % валового внешнеторгового оборота России. Аналогичные процессы наблюдались и в инвестиционной сфере. К концу 2005 г. общая сумма заявленных южнокорейских капиталовложений в РФ

составила лишь 500 млн долл., а российских в Южной Корее – 11 млн долл.

В номенклатуру товаров, которые Южная Корея вывозит в Россию, входят: машины, оборудование, транспортные средства, в т.ч. автомобили, бытовая техника (55–60 %), продукция химической промышленности (18–20 %), металлы и металлоизделия (7–10 %), продовольственные товары (5 %), текстиль, текстильные изделия, обувь (5 %). В свою очередь, РК закупает в России: металлы и металлоизделия (50–53 %), топливно-энергетические товары (20–23 %), морепродукты (6 %), древесину, целлюлозу, бумагу (6 %), машинотехническую продукцию (5 %) и т. п. Чем же объяснить, что первая декада делового сотрудничества между РК и РФ не оправдала оптимистических ожиданий Сеула и Москвы, исходивших, как было отмечено выше, из принципа объективной взаимодополняемости народно-хозяйственных структур двух государств? Южнокорейские и российские аналитики практически единодушны в том, что они носят в основном субъективный характер, обусловлены несостыкованностью действий партнеров, просчетами административно-управленческого характера. Так, по не вполне объяснимым мотивам для участия в грандиозном международном проекте освоения Ковыктинского газового месторождения власти РК избрали компанию «Ханбо», обладавшую не самой лучшей репутацией среди южнокорейских чэболей. Под ударами азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. корпорация лопнула словно мыльный пузырь, нанеся тяжелый ущерб не только южнокорейской, но и российской стороне. С другой стороны, характер затянувшегося международного скандала приобрела проблема создания крупного Российско-Корейского индустриального комплекса в г. Находка. Межправительственное соглашение по этому вопросу, подписанное двумя странами 29 мая 1999 г., предусматривало передачу корейской стороне в аренду на 49 лет земельной площади в 330 га с целью привлечения внешних инвестиций до 800 млн долл. Национальное собрание РК довольно оперативно ратифицировало соглашение, но Госдума РФ усмотрела в нем несоответствие с российским законодательством. Пока шли поиски выхода из правового тупика, первоначальные инвесторы один за другим переориентировали свои планы на иные выгодные проекты, причем в других странах – Китае, государствах АСЕАН и др.

Немалой преградой для реального прорыва в южно-корейско-российских отношениях служат проявления коррупции в России, нечеткость стратегии социально-экономического развития дальневосточных регионов России, длительная затяжка с погашениями финансовой задолженности РФ перед РК. (До урегулирования этой проблемы в 2003 г. правительство Южной Кореи запретило коммерческим банкам страны предоставлять торгово-экономические кредиты российским фирмам.) Негативное влияние на позиции южнокорейских инвесторов оказал односторонний пересмотр российской стороной соглашений о разделе продукции (СРП) по проекту «Сахалин энерджи-2».

После прихода к власти в РК первого «народного президента» Но Му Хёна поиски путей оптимизации южно-корейско-российских отношений активизировались. Авторитетный Корейский институт внешнеэкономического сотрудничества выдвинул идею разработки принципиально новой комплексной концепции взаимодействия с Россией. По части взаимной открытости, согласования взаимных норм, научно-технической кооперации и информатизации деловые взаимосвязи между РК и РФ должны не только укладываться в действующие нормативы ВТО, но и превосходить их, считают южнокорейские ученые. В последние годы наметился сдвиг и в новых промышленных инвестициях РК в России. Южнокорейский капитал проявил интерес к сооружению нефтеперерабатывающего и нефтехимического завода в Татарстане (сумма контракта около 3 млрд долл.), модернизации Хабаровского нефтеперерабатывающего завода (500 млн долл.), автомобильного завода в г. Калуга, завода по выпуску аудио- и видеооборудования и бытовой техники в г. Руза (Московская область), совместному с «Роснефтью» проекту по поиску и добыче нефти на западном шельфе Камчатки, проектам поставок сжиженного газа с месторождений Сибири и Дальнего Востока, проекту стыковки Транскорейской ж.д. с

Транссибом и ряду других перспективных проектов. На борту российского космического корабля в апреле 2008 г. совершен полет в космос первого южнокорейского астронавта. Это была женщина-космонавт Ли Со Ён.

Ведущие аналитики Южной Кореи справедливо подчеркивали, что *амбициозные замыслы Республики Корея по превращению страны в «узловой центр» неоиндустриального развития всей Восточной Азии вряд ли можно реализовать без опоры на энергетический потенциал и громадный рынок модернизирующейся России.* Судя по всему, в Сеуле чутко прислушиваются к подобным суждениям.

Глава IV

Эволюция межкорейского диалога

В конце 1990-х гг. межкорейские отношения «выруливают» на новые рубежи. Приход к власти в Южной Корее в 1998 г. известного оппонента военным режимам РК Ким Дэ Чжун и провозглашение им т. н. «политики солнечного тепла» («солнечная политика») стало поворотным этапом в отношениях между двумя корейскими государствами. Ким Дэ Чжун объявил, что главная задача данного этапа – не объединение Кореи, а нормализация межкорейских связей и сотрудничества. Президент РК заявил, что Юг не собирается поглощать Северную Корею и намерен проводить курс в отношении Пхеньяна, исходя из принципа отделения политики от экономики. Одновременно Ким Дэ Чжун подчеркнул, что в случае провокаций со стороны КНДР Южная Корея даст «твердый адекватный отпор». Надо признать, что провозглашенная Ким Дэ Чжуном «солнечная политика» выглядела достаточно гибкой и конструктивной. Она призывала Пхеньян к диалогу и сотрудничеству.

Первоначально в КНДР новая политика Сеула была воспринята без особого энтузиазма. В ней Пхеньян усмотрел намерение южных корейцев «разложить» северокорейскую политическую систему, а затем и «поглотить» КНДР. Однако практические действия администрации Ким Дэ Чжуна в отношении КНДР, стремление оказать КНДР реальное гуманитарное содействие и экономическую помощь подвигло руководство КНДР на установление контактов с новым правительством РК. В июне 2000 г. в Пхеньяне состоялся межкорейский саммит – первая в истории раскола Кореи встреча лидеров Севера и Юга. Согласившись на эту встречу, КНДР, как отмечали северокорейские эксперты, преследовала следующие цели:

«приблизить» дело объединения Родины на основе трех принципов, зафиксированных в Совместном заявлении Севера и Юга 1972 г. (самостоятельное, мирное объединение, национальная консолидация);

твердо противостоять «политике солнечного тепла», если она направлена на «размывание социализма и поглощение КНДР»;

добиваться от Сеула оказания КНДР экономической помощи;

поддержать администрацию Ким Дэ Чжуна и его партию на предстоящих парламентских выборах («Ким – плохой президент, но он лучше других»).

Историческим итогом «политики солнечного тепла» стала встреча лидеров двух Корей Ким Чен Ира и Ким Дэ Чжуна в Пхеньяне в июне 2000 г. и подписание ими Совместной декларации Севера и Юга. Этот документ включает пять пунктов:

1. Север и Юг договорились добиваться объединения Кореи самостоятельно и мирным путем.
2. Признавая сходство между предложениями Севера и Юга о конфедерации и сообществе, стороны намерены двигаться к объединению в этом направлении.
3. Север и Юг договорились обменяться группами разлученных родственников по случаю 15 августа (день освобождения Кореи) и решать другие гуманитарные вопросы.
4. Север и Юг договорились развивать экономическое сотрудничество, связи и контакты в области культуры, спорта, здравоохранения.
5. В целях практического осуществления перечисленных выше договоренностей Север и Юг решили начать диалог между властями.

Ким Дэ Чжун и Ким Чен Ир условились, что руководитель КНДР нанесет ответный визит в Сеул. Северокорейский руководитель, однако, не выполнил своего обещания и под различными предлогами не пошел на встречу в Сеуле. Откровенно говоря, этого следовало ожидать. Визит Ким Чен Ира в РК выглядел бы в глазах населения КНДР «неразумным шагом». Кроме того, северокорейцы потребовали бы значительные суммы в долларах, чтобы «застраховать» его поездку в Сеул.

Внимательный анализ документа показывает, что корейские стороны инкорпорировали в него не только прежние договоренности, зафиксированные в Заявлении 1972 г. и Соглашении 1991 г., но и заметно продвинулись вперед. Во-первых, лидеры двух корейских государств вновь подчеркнули, что решение проблемы объединения Кореи – это прерогатива самих корейцев («корейская нация является хозяином вопроса объединения»). Во-вторых, Ким Чен Ир и Ким Дэ Чжун заявили, что объединение Кореи должно осуществляться мирными средствами. Эти принципы, как известно, были зафиксированы еще в 1972 г. в первом совместном документе. В-третьих, лидеры КНДР и РК признали схожесть идей объединения, заложенных в северокорейских предложениях о создании конфедерации Севера и Юга и в сеульской инициативе о формировании корейского общества. Это был наиболее трудный пункт декларации, потребовавший личного участия руководителей двух стран в его формулировке.

Однако здесь нужно признать, что каждая сторона толкует этот пункт по-своему. Южные корейцы рассматривают корейское сообщество как этап к полному единству Кореи. Северокорейцы утверждают, что Конфедерация Корё – это единое государство, но с двумя самостоятельными правительствами, двумя различными политическими и экономическими системами. В отличие от прошлых лет Пхеньян в своей пропаганде конфедерации делает больший акцент на необходимость «взаимного признания и уважения идей, идеалов друг друга, сосуществования систем независимо от классовых интересов», на ликвидацию угрозы нападения или поглощения. В-четвертых, северокорейцы декларируют свое согласие с наличием различных форм собственности в едином государстве, инакомыслия в обществе (трудно, правда, представить, как это можно осуществить на практике, ибо в КНДР действует строгое правило «не знать никаких других идей, кроме идей чучхе»).

Понятно, что заметное смягчение северокорейских подходов к созданию конфедерации Севера и Юга – это не только проявление определенной гибкости, но и в значительной степени вынужденный шаг Пхеньяна, охваченного внутриэкономическим кризисом и испытывающего сильное политическое давление со стороны международного сообщества в связи с ядерной проблемой. Тем не менее межкорейский саммит 2000 г. – событие позитивное в отношениях КНДР и РК, которое, однако, переоценивать также не следует. На пути практической реализации договоренностей лежат огромные завалы, расчищать которые придется не год, не два, а десятилетия. Так уж повелось, что периоды относительной разрядки на Корейском полуострове сопровождаются весьма острыми конфликтами, в т. ч. военного характера. Боевое столкновение военных кораблей КНДР и РК в Желтом море в 2002 г., вооруженные инциденты в 2005 г. и в 2006 г. в районе демилитаризованной зоны напоминают, что угроза военного конфликта на полуострове продолжает сохраняться.

За годы межкорейского диалога накоплена достаточно серьезная политико-правовая база для дальнейшего движения вперед. Между корейскими сторонами налажен переговорный механизм на правительственном уровне, который позволяет обсуждать политические проблемы Корейского полуострова. Несмотря на то, что Север стремится ограничить обсуждение вопросами экономического характера, тем не менее южнокорейской стороне удастся включать в повестку дня проблемы военно-политической разрядки. Стороны достигли, в частности, договоренности согласовывать друг с другом свои позиции по ядерному вопросу на Корейском полуострове и продолжать сотрудничество с целью разрешения всех вопросов путем мирного диалога.

В мае 2007 г. на очередной министерской встрече южнокорейская делегация выступила с идеей выработки Плана развития межкорейского сотрудничества в политической, военной и экономической областях. Пхеньян пока не изъявил намерения обсуждать такой комплексный план и со своей стороны предложил прекратить ежегодные совместные американо-южнокорейские военные учения, отменить действующий с 1948 г. в РК закон о национальной безопасности.

Наиболее стабильно межкорейские связи развиваются в экономической области. Между Севером и Югом действует Совместный комитет экономического сотрудничества, различные подкомитеты, рабочие группы, которые занимаются конкретными сферами экономического взаимодействия. Намечен рост внутрикорейской торговли: в 2003 г. – 735 млн долл., в 2004 г. – 698 млн долл., в 2005 г. – 1 млрд долл., в 2006 г. – 937 млн долл., в 2007 г. – около 1,5 млрд долл. Всего же с 1991 г. по 2006 г. товарооборот между корейскими государствами превысил 8,5 млрд долл.

Пхеньян и Сеул осуществляют крупные совместные проекты. Кымгансанский туристический проект действует с 1998 г. КНДР приняла решение расширить в Кымгансане туристическую зону для южнокорейцев. За время осуществления этого проекта более 2 млн граждан РК побывали в Алмазных горах.

Стабильно функционирует Кэсонский индустриальный комплекс. Более 25 южнокорейских фирм открыли свой бизнес в Кэсоне. Свыше 15 тыс. северокаорейских рабочих заняты на совместных предприятиях.

Пока не удалось наладить железнодорожное сообщение между двумя корейскими сторонами, однако пробный прогон поездов состоялся в мае 2007 г. Этот проект требует значительных инвестиций на модернизацию северокаорейского участка железной дороги.

Корейские стороны договорились о сотрудничестве в области легкой промышленности, совместном освоении природных ресурсов в КНДР. Специалисты двух стран разрабатывают совместные меры по использованию водных ресурсов пограничных рек. Южная Корея осуществляет инвестиции в добычу магнетита и цинка в провинции Северная Хамгён (КНДР).

Север и Юг подписали соглашение о сотрудничестве в области морского транспорта. Между северокаорейским портом Раджин и южнокорейским Пусаном три раза в неделю курсируют суда двух стран.

На средства общественных организаций РК в северокаорейском городе Нампхо построен завод минеральных вод.

Корейские стороны осуществляют сотрудничество также в области сельского хозяйства, рыболовства, в научно-технической сфере. Правительство РК выделило около 1 млн долл. на совместные научные исследования.

В Южной Корее создан специальный фонд экономического сотрудничества с КНДР. В настоящее время он составляет более 1 млрд долл. и используется, главным образом, на финансирование крупных экономических проектов (Кэсонский индустриальный комплекс, Кымгансанский туристический проект и др.).

Наряду с сотрудничеством на межправительственном уровне РК ежегодно оказывает КНДР большую гуманитарную помощь (поставки на Север продовольствия, лекарств, товаров широкого потребления, минеральных удобрений и др.). Объемы южнокорейской гуманитарной помощи составили в 2004 г. 300 млн долл., 2005 г. – 370 млн долл., в 2006 г. – 200 млн долл. (сокращение помощи в 2006 г. связано с введением ограниченных санкций против КНДР из-за ядерного испытания). Южная Корея оказала существенную гуманитарную помощь КНДР в августе 2007 г., когда на Северную Корею обрушились

ливневые дожди, в результате которых погибло и пропало без вести более 600 человек, почти 450 тыс. человек остались без крыши над головой. Было разрушено и повреждено более 100 тыс. домов, 800 общественных зданий, 540 мостов, 70 участков железнодорожного полотна. Более 30 % посевных площадей оказались под водой. Потеряно около 1 млн т урожая зерновых. Особенно пострадала провинция Канвон. Правительство РК выделило 7,5 млн долл. на оказание экстренной помощи, а также предоставило дополнительную помощь (цемент, стройматериалы, техника) на сумму 36 млн долл. В КНДР было срочно направлено продовольствие, медикаменты, палатки.

В последние годы возросло количество встреч разлученных родственников. Такие встречи проходят в Алмазных горах, там же строится специально для этих целей гостиница. Организуются также видеовстречи разлученных родных и близких. Всего более 15 тыс. родственников удалось встретиться после многих десятилетий разлуки.

Обе корейские стороны активизировали обмены между людьми, представителями общественных организаций, молодежью, студентами. На официальном уровне отмечены 60-летие освобождения Кореи (2005 г.) и 5-летие подписания Совместной декларации Севера и Юга от 15 июня 2000 г. Примечательно, что развитие межкорейского мирного процесса до последнего времени не находило поддержки в оппозиционном лагере Южной Кореи. Основная оппозиционная партия – Партия Великой страны (Ханнарадан) выступила категорически против как «солнечной политики» Ким Дэ Чжуна, так и «политики мира и процветания» президента Но Му Хёна, считая, что оказание гуманитарной, экономической помощи КНДР со стороны РК не поощряет на адекватные ответные меры Северную Корею. Иными словами, Юг идет на слишком большие уступки Пхеньяну, не получая взамен соответствующих уступок с северокорейской стороны. Однако в июне 2007 г. руководство Ханнарадан пересмотрело свою политику в отношении КНДР (сделано это было в год президентских выборов) и объявило, что партия поддерживает межкорейский мирный диалог, экономические связи между двумя Кореями, выступает за дальнейшее развитие Кэсонского индустриального комплекса, поставку электроэнергии из РК в КНДР, оказание гуманитарной помощи Северной Корее.

Партия Великой Страны выступила также в поддержку проведения второго межкорейского саммита в целях разрешения ядерного кризиса и превращения Корейского полуострова в зону, свободную от оружия массового поражения.

Ханнарадан заявила о таком беспрецедентном шаге, как предоставление населению РК возможности читать северокорейские газеты и слушать радио КНДР. Правда, эти меры нарушают закон о национальной безопасности 1948 г., запрещающий и строго карающий тех, кто занимается чтением прессы КНДР и прослушиванием передач северокорейского радио. Эти предложения, скорее всего, носят пропагандистский характер. Однако объявление о существенном изменении политики главной оппозиционной партии РК в отношении Северной Кореи – это не только предвыборный шаг. Это, прежде всего, стремление учитывать изменения общественного мнения Южной Кореи, выступающего за продолжение межкорейского диалога и сотрудничества, за мирное разрешение проблем Корейского полуострова.

Гуманитарные проблемы, прежде всего, проблема прав человека в КНДР, остаются достаточно острыми в отношениях КНДР – РК. Периодически в Южной Корее организуются международные форумы, на которых подвергаются критике северокорейские власти за нарушение прав человека. Увеличивается количество северокорейских перебежчиков в РК: по южнокорейским данным, в 2001 г. – 531 чел., в 2002 г. – 1139 чел., 2003 г. – 1281 чел., в 2004 г. – 1217 чел. (за 9 месяцев).

Южнокорейская сторона в ходе официальных встреч с северными корейцами настойчиво ставит вопрос о возвращении в РК бывших военнопленных (их в КНДР насчитывается около 540 человек) и

похищенных спецслужбами Северной Кореи южнокорейских граждан (около 500 человек). Со своей стороны, сеульские власти отправили в КНДР около 30 северокорейцев, отсидевших в тюрьмах РК длительные сроки заключения.

Военная составляющая является наиболее сложной сферой межкорейских отношений. Десятилетия острой военно-политической конфронтации, кровопролитная трехлетняя война, унесшая жизни более 4 млн корейцев, наложили глубокий след подозрительности и недоверия между Севером и Югом. После межкорейского саммита 2000 г. были установлены ограниченные контакты между военными двух стран. Представители военных ведомств КНДР и РК достигли договоренности о недопущении боевых столкновений в спорном районе Желтого моря (установлена радиотелефонная «горячая линия»), о ликвидации средств пропаганды в демилитаризованной зоне. Стороны обеспечили безопасный пробный прогон поездов по транскорейской железной дороге в мае 2007 г.

Предпринятые шаги в военной области, конечно же, недостаточны. Периодически в районе демилитаризованной зоны, в Желтом море происходят инциденты, что обостряет ситуацию на полуострове. Прошедшие в июле 2007 г. очередные переговоры представителей военных ведомств КНДР и РК (на уровне генералов) в Пханмунчжоме завершились безрезультатно. Главная проблема – неурегулированность линии разграничения между Севером и Югом в Желтом море. Установленная США в одностороннем порядке после Корейской войны так называемая «северная разграничительная линия» не признается Северной Кореей, которая требует отнести эту линию южнее. РК категорически возражает против этого. Естественно, отсутствие прогресса по данной проблеме не позволяет договориться о совместном рыболовстве в этой зоне.

Ежегодно в Сеуле публикуется «Белая книга по вопросам обороны», в которой КНДР характеризуется как «представляющая угрозу с точки зрения развития ее ядерной программы и опасности применения ею оружия массового уничтожения».

Пхеньян, со своей стороны, подвергает резкой критике военную политику Сеула, требуя прекращения действия военно-политического альянса РК – США, отмены американо-южнокорейских военных маневров и т. п.

Важное позитивное значение для межкорейского примирения, дальнейшего расширения сотрудничества и обменов, общего оздоровления отношений между КНДР и РК имел второй межкорейский саммит, состоявшийся в Пхеньяне 2–4 октября 2007 г. По итогам переговоров между председателем Государственного комитета обороны КНДР Ким Чен Иром и президентом РК Но Му Хёном была подписана Декларация во имя развития межкорейских отношений, мира и процветания, в которой зафиксированы общие подходы к решению ряда важных проблем межкорейских отношений, нормализации военно-политической обстановки на Корейском полуострове, устранению ядерной угрозы и др.

В совместном документе отмечена приверженность Пхеньяна и Сеула Пхеньянской декларации 2000 г., подчеркнуто намерение обеих корейских сторон решать проблему объединения самостоятельно, без вмешательства внешних сил. В этой связи заявлено о том, что Север и Юг намерены постепенно вносить соответствующие изменения в свои государственно-правовые системы.

Обе стороны акцентировали свои обязательства не вмешиваться во внутренние дела друг друга, строить межкорейские отношения на основе принципов примирения, сотрудничества и объединения, не допускать военной конфронтации, обеспечить мир на Корейском полуострове.

Главы двух корейских государств договорились исключить военную напряженность в районе спорных островов в Желтом море, выработать меры доверия в военной области в этом районе, превратить эту зону

в зону мира и межкорейского сотрудничества. В этих целях намечены переговоры на уровне военных министров.

Север и Юг достигли согласия относительно замены Соглашения о перемирии 1953 г. мирным договором. Предполагается проведение трех– или четырехстороннего форума с участием заинтересованных государств. Как полагают южнокорейские эксперты, этот форум возможен в составе КНДР – РК – США, КНДР – РК – США – КНР. Вашингтон в принципе выразил согласие начать переговоры о заключении мирного договора, но только после окончательного урегулирования северокорейской ядерной проблемы.

В Пхеньянской декларации содержится упоминание о том, что Пхеньян и Сеул приложат совместные усилия для выполнения подписанных на шестисторонних переговорах документов по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова.

Существенное место в декларации Ким Чен Ира – Но Му Хёна занимают вопросы межкорейского экономического взаимодействия. Руководители двух Корей договорились значительно расширить экономические и инвестиционные связи, создать на территории КНДР несколько экономических и торговых зон. В частности, планируется организовать Особую зону мира и сотрудничества в Желтом море, включая район Хэчжу. Достигнута договоренность приступить к строительству второй очереди Кэсонского индустриального комплекса, реконструировать железную дорогу Кэсон—Пхеньян. Эксперты подсчитали, что на осуществление согласованных корейскими сторонами экономических проектов потребуется более 11 млрд долл. Как отмечают руководители РК, южнокорейское правительство готово выделить эти немалые финансовые средства на межкорейское экономическое сотрудничество. Для реализации этих и других проектов предусмотрено создание межкорейской комиссии по экономическому сотрудничеству во главе с заместителями премьер-министров КНДР и РК.

Намечены совместные планы сотрудничества в области корейского языкознания, истории, образования, науки и техники, здравоохранения, спорта и туризма.

Север и Юг согласились расширять гуманитарные связи, встречи разлученных родственников.

Для претворения в жизнь Пхеньянской декларации решено начать переговоры на уровне глав правительств обеих Корей.

В документе зафиксировано важное положение о том, что встречи на высшем уровне станут проводиться по мере необходимости для обсуждения важнейших вопросов межкорейских отношений.

Пхеньянская декларация – заметный шаг вперед в межкорейских отношениях. Ее позитивное значение не вызывает сомнений. Главное – это обеспечить реализацию зафиксированных в ней договоренностей. Это в значительной степени зависит от политической воли Пхеньяна и Сеула, от того, насколько успешно будет продвижение на пути политического урегулирования ядерного кризиса на Корейском полуострове.

*** * ***

Во внешнеполитическом курсе КНДР и Республики Корея в конце XX – начале XXI в. прослеживались две противоположные тенденции. Несмотря на вступление в ООН (одновременно с РК) и участие в некоторых региональных организациях (например, Асеановский региональный форум безопасности – АРФ и др.), Пхеньяну не удалось выйти из состояния внутриэкономического кризиса, преодолеть международную изоляцию, установить дипломатические отношения с США, Японией. Крайне ограниченный характер носила интеграция КНДР в мирохозяйственные и глобальные информационные

структуры.

С другой стороны, Южная Корея, форсированно преодолев тяжелые последствия азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг., продолжала наращивать свою вовлеченность в международное разделение труда. Приоритетными партнерами РК в мировом торгово-экономическом, научно-техническом и информационном обменах стали Китай, США и Япония. Глубина делового взаимодействия РК и КНР достигла таких впечатляющих масштабов, которые дают основания говорить о зарождении нового типа международной интеграции между странами с различными социальными системами. Россия во внешних приоритетах РК заняла устойчиво четвертое место после вышеупомянутых государств.

В рассматриваемый период заметно расширился и углубился межкорейский диалог. В 2007 г. состоялся второй межкорейский саммит. Шестисторонние переговоры в Пекине по урегулированию северокорейской ядерной проблемы, несмотря на сложности, пробуксовку, привели к определенным договоренностям, реализовать которые будет непросто, учитывая враждебный характер северокорейско-американских отношений.

Часть девятая

Две тенденции цивилизационно-культурного развития на Корейском полуострове

Глава I

Восточно-западный синтез в культурной эволюции Юга Кореи

Полувековой период – это время жизни примерно двух человеческих поколений, в течение которого в культурной жизни деколонизирующегося корейского общества происходили перемены фундаментального характера. Такие эпохальные события послевоенной истории, как освобождение, раскол страны, братоубийственная война, «военная революция», южнокорейское «экономическое чудо» вывели корейскую нацию на авансцену мирового развития, хотя «пассионарный толчок» (термин Л. Н. Гумилева) охватил лишь южную часть полуострова. Отсюда разворачивание на корейской территории процессов дивергенции не только двух антагонистических государств, но и отличающихся друг от друга культурно-цивилизационных массивов. Причем дивергенция, или распад некогда единого целостного всекорейского культурного пространства – одна из самых больших трагедий корейской нации, поскольку культурный разлом затронул судьбу каждой корейской семьи, каждого корейца.

Конечно, дивергенция неоднозначно отражается в культуре Севера и Юга. В то время как культура КНДР в условиях международной полуизоляции и сверхжесткой идеологической доктринизации, как было отмечено выше, оказалась замкнутой в рамках традиционализма, Юг сумел построить мосты взаимодействия с важнейшими очагами мировой цивилизации, а вслед за этим найти пути поиска восточно-западного синтеза в самых различных сферах культуры – образовании и науке, художественной литературе, музыкальном, балетном и изобразительном творчестве, киноискусстве и других сферах интеллектуальной жизни.

Образование и наука. В годы японской колонизации начальную школу могли посещать лишь 30 % детей школьного возраста. Только один подросток из двадцати мог пойти в среднюю школу. В стране действовал единственный университет в Сеуле, в котором обучались в основном выходцы из семей колонистов. После освобождения страны и провозглашения Республики Корея народное образование и подготовка специалистов становится одной из основных стратегических задач государства, взявшего курс на скорейшую ликвидацию неграмотности и введение системы обязательного бесплатного образования. К концу XX в. за школьные парты село свыше 11,5 млн учащихся, или около одной четверти населения страны. Бурное развитие получило высшее образование. В 1952 г. в Южной Корее насчитывалось лишь 34 тыс. студентов. К 1955 их численность выросла до 296 тыс., т. е. увеличилось в 9 раз. К концу XX в. численный состав студенчества достиг 1,39 млн чел., а общее количество колледжей и университетов достигло 121. Причем высшее образование стало доступно не только выходцам из богатых и влиятельных кланов, но и из средних и даже бедных слоев, включая крестьянские семьи. Своего рода «образовательная революция», или нарастающие инвестиции на развитие интеллектуального потенциала человека, стали

возможны на основе тесной интеграции ресурсов государства и частного сектора. Госбюджет – основной источник финансирования научного образования. Вместе с тем частный сектор покрывает примерно 15 % школьного бюджета, 50 % – дошкольного и почти 80 % университетских и вузовских расходов.

Сложившаяся к началу XXI в. система образования формировалась под сильным влиянием западного опыта и включает начальную школу (6 лет), обычную среднюю школу (3 года), среднюю школу повышенной ступени (3 года), университетское образование (бакалавриат и магистратура) и, наконец, аспирантуру – докторантуру, по окончании которой, в случае успешной защиты диссертации, присваивается докторская степень. Несмотря на большую роль частного капитала в финансировании образовательных программ закон запрещает частное преподавание (практику репетиторства), которая была тяжелым материальным бременем для семей с небольшими доходами и подрывала роль и престиж школьного образования. Государство ввело систему единых государственных экзаменов и учебным заведениям запрещено устанавливать свою систему вступительных экзаменов. Эти радикальные нововведения введенные в 70–80-е гг. XX в., были с одобрением встречены общественными кругами страны.

В условиях интенсивных неоиндустриальных перемен государство стремилось непрерывно совершенствовать систему образования и подготовки кадров. В 1968 г. в РК была принята «Хартия национального образования», в которой говорилось, что обладание современными знаниями призвано помочь людям: обрести чувство национального единения; вырабатывать уважение к истории и традициям нации; воспитывать дух созидателей во имя процветания нации и достижения всеобщего благосостояния.

Указанная Хартия легла в основу положений Конституции 1983 г. о национальном образовании. Статья 31 Основного закона, подтвердив действующее положение об обязательном бесплатном начальном образовании, особо выделила гарантированный статус учителя, а также «самостоятельность, профессионализм, политическую независимость и право колледжей на самоуправление».

После перехода Республики Корея от авторитаризма к гражданскому правлению, процессы либерализации и демократизации в образовательной системе РК приобрели более масштабный характер. Постепенно уменьшается перечень обязательных общеобразовательных дисциплин, расширяется обучение по дисциплинам специализации, укрепляется университетская академическая автономия, нарастает удельный вес гуманитарной составляющей в учебных программах, поощряется инициатива и самостоятельность в студенческом творчестве.

Вместе с тем демократические круги южнокорейской общественности не перестают вести отчаянную борьбу против сверхэлитарного статуса ряда столичных университетов, в особенности Сеульского государственного и Университета Корё, которые стали своего рода полузакрытыми клубами, скрепленными кланово-корпоративными связями на ключевых направлениях государственной службы и делового менеджмента.

Прорыв Южной Кореи в неоиндустриальное, а затем постиндустриальное общество был бы невозможен без масштабного научно-технического переворота, который приблизил страну к техническому уровню наиболее развитых государств мира. Удельный вес затрат на НИОКР в РК к концу XX в. достиг 2.7 % ВВП, что намного выше соответствующих показателей среднеразвитых государств. В РК на каждые 10 тыс. населения приходится 16–17 научно-технических сотрудников и исследователей. В Японии – 37, а в США – 39 человек на каждые 10 тыс. населения. К началу XXI в. общая численность ученых и инженеров в РК превысила 150 тыс. человек, т. е. составила 30 сотрудников на 10 тыс. населения. Именно за счет всемерной оптимизации подготовки своего кадрового потенциала Южной Корее удалось завоевать лидирующие позиции в целом ряде сфер современной электроники, машиностроении, химии, судостроении, ядерной энергетики и т. д. Система ядерных объектов, действующих в стране, вырабатывает

около половины потребностей в энергоресурсах.

Ключевую роль в обеспечении научно-технического прогресса играет государство. В 1967 г. в РК был принят Закон о развитии науки и техники, который логически дополнили в 70-е гг. Закон о развитии технологии, Закон о развитии инженерной службы и др. Согласно статье 127 Конституции в стране создан Президентский консультативный совет по науке и технике, в который входят видные представители фундаментальной науки, технологии и промышленности. По рекомендациям президентской комиссии разрабатываются долгосрочные программы развития науки и технологии. Причем общие ассигнования на НИОКР должны достигнуть 5 % ВВП.

Большой общественный резонанс в РК в 90-е гг. получил доклад специальной президентской комиссии, перед которой была поставлена не простая задача – определить в условиях нарастающей глобализации оптимальные научно-технические перспективы постиндустриального развития страны в первые десятилетия XXI в.

В итоге довольно интенсивной работы с привлечением значительного числа экспертов по различным отраслям знаний был подготовлен солидный прогностический документ «Перспективы развития Кореи в XXI столетии», изданный отдельной книгой на корейском и английском языках.

На основе обширной, подчас малоизвестной экономической, демографической и социальной статистики авторы разработки всесторонне проанализировали четыре узловые проблемы: глобальные вызовы XXI в. и Корейский полуостров; базисные тенденции и перспективы развития цивилизации в наступающем столетии (народонаселение, окружающая среда, технологическое развитие, социально-культурные сдвиги и основные сценарии воссоединения Кореи); проекты развития на XXI столетие (базисные принципы социальной гармонии, культурная самоидентификация, упрочение гражданского общества, рыночная экономика и социальное равенство, процесс управления межкорейскими отношениями и др.); проблемы радикального реформирования отечественного образования в соответствии с новыми целями национального развития, поиски стабильных источников мобилизации финансовых ресурсов (вплоть до 2010 г.) Разделение ответственности за объединение Кореи между правительством и частным сектором.

В контексте культурной эволюции наибольший интерес для нас представляет доктринально-прогностическая часть доклада президентской комиссии.

К середине наступающего XXI столетия корейской нации при условии достижения общегосударственного объединения и сохранения эффективных темпов модернизации, гласит доклад, предстоит глубоко и всесторонне внедрить в общество следующие концептуальные общецивилизационные ценности.

Первое. Высокий, основанный на мировых критериях, уровень общенационального, всекорейского благосостояния, достигнутый не любой политической ценой, а передовыми методами и средствами, выбранными сознательно самой нацией.

Второе. Равенство всех граждан во всех сферах общенациональной жизни независимо от социального положения и происхождения, религиозной веры, образовательного уровня и других различий. Каждый кореец должен владеть на правах собственности соответствующей долей общенационального богатства, что в свою очередь, обеспечит его гражданский статус и достоинство. Вместе с тем, национальное богатство должно распределяться не на основе примитивной общинной уравниловки, а в соответствии с количеством и качеством труда и индивидуальными талантами и способностями граждан.

Третье. Максимальное расширение принципов политического плюрализма, поскольку в

модернизирующемся корейском обществе (чрезвычайно многослойном, многоконфессиональном и многогрупповом) широкую свободу мнений и раскованность общественно-политической деятельности в состоянии обеспечить лишь реальный политический плюрализм. Соперничество идей и программ жизненно необходимо для совершенствования политической теории и практики. Общенациональное государство должно последовательно гарантировать свободу мысли во всех сферах национальной модернизации.

Четвертое. Смысл существования человека в соответствии с духовными традициями нации не должен сводиться к безудержному накоплению богатств. Нация концентрирует весь свой интеллектуальный потенциал на трех китах: моральном самоусовершенствовании, самоограничении и самовоспитании. Исходя из традиционных конфуцианских ценностей, общество всемерно поощряет трудовую и общественную активность, резко осуждает пассивность и бездеятельность. При активном содействии государства разрабатывается долгосрочная стратегия выявления и поощрения талантов.

Пятое. Всемерное поощрение национальной науки и процесса сотворческого созидания с определенной стратегической целью – вхождение в группу наиболее продвинутых наций планеты. Поскольку научно-технический прогресс в конечном итоге определяет общенациональный прогресс, общество уделяет особое внимание поощрению конструктивно-созидательного мышления, поддержке выдающихся научных умов.

Шестое. Динамичное развитие присущего нации духа коллективизма и солидаризма («Community spirit») в сочетании с неустанными поисками духа гармонии и сосуществования. Кооперация модернизирующегося сообщества особенно необходима в защите окружающей экологической среды. Корейской нации предстоит возродить древний опыт гармоничного взаимодействия человека с природой. Столь значимый для Кореи индустриально-технологический прогресс должен достигаться лишь при условии ненанесения разрушительного ущерба природе, т. е. на основе ресурсосберегающих технологий и эффективного экологического воспитания.

Седьмое. Преодоление узконационалистического кругозора и глубокое освоение достижений мировой цивилизации на пути к становлению планетарного гражданства («becoming Global Citizens»). Кореец с кругозором, не выходящим за пределы своего полуострова, не может претендовать на полноценный образ жизни. В эпоху глобализации каждая семья, будучи первичной ячейкой человечества, все более ощущает себя одновременно частью и национального, и планетарного сообщества. В такой ситуации националистическая ограниченность и шовинизм вынуждены будут сдавать свои устаревшие позиции мировым гуманистическим ценностям. Раскол Кореи стал величайшим тормозом на пути ее глобализации. Поэтому преодоление раскола – коренная предпосылка полного вхождения Кореи в группу ведущих мировых держав (the Great World Powers).

Восьмое. Нахождение оптимального баланса и рационального баланса между национальным традиционным наследием и планетарными ценностями иных цивилизаций и культур. Корейцам следует преодолеть упрощенное деление всей динамики мирового развития только на черное и белое. Реальная жизнь намного богаче. На основе рационалистического и взвешенного взаимодействия и синтеза богатое наследие корейской цивилизации вполне может быть интегрировано в процессы модернизации XXI в.

Девятое. Грядущее и исторически неизбежное воссоединение Кореи должно быть непременно взаимоувязано с сбалансированным общенациональным развитием. Усилиями правящих и интеллектуальных элит нации надо подвести черту под наследием отчужденности, вражды, антагонизма двух частей Корейского полуострова. В контексте общепланетарных тенденций вполне возможно постепенное сближение и интеграция различных политических, социальных, экономических и иных структур. Только на этой основе возможно рождение нового общенационального корейского сообщества,

способного занять достойное место в планетарной структуре XXI в.

Изложенный ясным, четким и доступным языком, понятным не только представителям элиты, но и социальным низам, доклад Президентской комиссии «Корея в XXI столетии» – в концентрированном виде отразил наиболее конструктивные и созидательные элементы долгой истории антиколониального протеста, прорыва нации в будущее.

Авторы доклада органично синтезировали наследие традиционализма и идеи модернизма. Преисполненная чувством планетарного мышления и реального оптимизма, прогностическая стратегия в какой-то мере стала достойным ответом тем этнополитологам, которые находят иногда в национальном характере корейцев прежде всего такие доминирующие черты, как фатализм, смирение и покорность, низкий уровень национальной адаптации, комплекс неполноценности, неспособность к активному протесту и т. п.

Разумеется, вряд ли можно недооценить огромные барьеры и трудности, которые предстоит преодолеть корейской нации на пути реализации вышеизложенной стратегии. Интеллектуальная элита на Юге, гиперболизует внутренние потенции модернизации – материальные, социальные, психологические и явно недооценивает внешние факторы. Южнокорейские авторы оптимистических прогнозных разработок не в полной мере принимают во внимание деструктивную роль, которую продолжает подчас играть устойчивое сохранение конфронтационного политического мышления не только на Севере, но и на Юге Корейского полуострова. Тем не менее их вера в будущее имеет фундаментальную основу.

Освобождение страны от колониального угнетения в августе 1945 г. открыло поистине новую веху в развитии **художественной литературы Кореи**. В 1946 г. состоялось уникальное событие в культурной жизни страны – Первый съезд писателей освобожденной Кореи, на котором обсуждалась миссия мастеров слова в условиях духовной деколонизации, вопросы взаимосвязи между литературной традицией и современностью, роль национальной литературы в воспитании подрастающего поколения. Дух патриотического обновления вовлек в свое русло многих писателей и поэтов, вынужденных прежде излагать свои взгляды в «эзоповой» форме (Чу Ё Сон, Ким Дон Ин, Ли Мун Ён, Чхве Чжон Хи, Чон Бин Сок, Ли Бон Сон и др.). Безмерное счастье раскрепощения, утро духовного возрождения, нетленные традиции национального бытия – стали преобладать в творчестве мастеров художественного слова. Но раскол страны, опустошительная война, безмерные страдания миллионов людей круто меняют сюжетную линию в южнокорейской литературе. На первый план выходят суровые реалистические повести и роман Чхве Ин Хуна «Квадрат», Ха Ты Чхана «Два поколения в бедствии», Ли Бон Сона «Шальная пуля», Ким Сон Хана «Путь в глубокой ночи», Сон У Хви «Пламя» и др. Жесточайшие законы войны, деградация и опустошение личности, всеобщей апокалипсис, «дорога в никуда» выходят на авансцену литературного творчества.

На этом безрадостном фоне духовного тупика в южнокорейскую литературу из западного мира проникают теории антиромана и экзистенциализма. Их приверженцы склонялись к отказу от сюжетной линии, абстрактному бесфабульному повествованию. Но такого рода тенденция утверждения искусства ради самого искусства не пустила глубоких корней. Отношение к реальной судьбе человека и общества, проблемы духовной модернизации выходят на первый план литературной формы во всех его основных направлениях – реалистическом, модернистском, традиционалистском. Причем в реальном творчестве южнокорейских писателей второй половины XX в. эти разделительные линии носят весьма условный, относительный характер. Поскольку их творчество в условиях глобализации формируется под возрастающим воздействием наиболее значимых, гуманистических достижений мировой культуры, которая до освобождения была практически недоступна широким слоям национальной интеллигенции.

В романе Чхве Ин Хуна «Квадрат» трагические события разворачиваются на борту пассажирского судна «Тагор», на котором герой произведения Ли Мен Чжун, чудом выживший в горниле корейской войны,

бежит в некую нейтральную страну. Сквозь израненное сознание калейдоскопом мелькает пережитое. Далекий от политики, он становится жертвой издевательского политического допроса, после которого принимает решение бежать на Север, расставшись со своей первой любовью Юн Э. Но Север разочаровывает Ли Мен Чжуна. К тому же происходит его разрыв с новой любовью – танцовщицей Ын Хе.

Герой романа вновь возвращается на Юг, становится офицером военной разведки и здесь он вновь случайно встречает Ын Хе, ставшую медсестрой. Оживают прежние чувства и молодые умудряются урывать мгновения взаимного тепла и счастья. Но Ын Хе погибает в жестоком сражении, а Мен Чжун оказывается в северо-корейском плену. После перемирия мучительный выбор – пути: Юг, Север или нейтральная страна. Стихийно выбирая последнее и вглядываясь безнадежно в буруны уходящего от берегов родины корабля, герой произведения пытается в символическом квадрате пространства осмыслить логику крушения всех своих жизненных иллюзий. И почти инстинктивно бросаясь за борт корабля, Ли Мен Чжун находит освобождение от всех своих иллюзий и мучительных размышлений...

Художественный стиль романа органически сочетает в себе национальную и западноевропейскую классику. Как отмечалось в литературной критике Юга, в «Квадрате» соединились лучшие качества произведений Камю и Хемингуэя. Это трудная для восприятия книга. Философские отступления отвлекают внимание читателя, а сама тема крайне мрачна и дышит пессимизмом.

Последняя четверть XX в. – эпоха блистательного расцвета южнокорейского романа и повестей, обращенных к драматическим судьбам простых людей, ставших жертвой несправедливости и произвола. К их числу относится «Странное место» Хван Сок Ена (судьбы рабочих, занятых на изнурительных мелиоративных работах); «Странное место» – это печальная повесть о девушке Пэк Хва, вынужденной совершить побег из винной лавки, где ее подвергали постоянным унижениям и оскорблениям. В 1984 г. в свет выходит «Эпоха героя» Ли Мун Еля о трагедии человека, добровольно избравшего для себя идеал коммунистической утопии.

В обширном перечне видных южнокорейских прозаиков второй половины XX в. особое место завоевала Пак Кен Ни, автор многотомной эпической драмы «Земля», которая считается на юге выдающимся корейским романом современности. (Пак Кен Ни являлась номинантом на Нобелевскую премию по литературе, а многие критики в Южной Корее и за рубежом не без основания сравнивают ее высокохудожественную эпопею с «Тихим Доном» М. Шолохова).

Эпическое произведение Пак Кен Ни, окончательно похоронив консервативное деление художественной литературы страны на неравные между собой сугубо мужские и женские части, в предельно реалистичной манере повествует о драме традиционной янбанской семьи, лицом к лицу столкнувшейся с крутыми историческими и социальными переменами эпохи – освобождением, деколонизацией, модернизацией и глобализацией. Главная героиня романа госпожа Чхве – живой, яркий и противоречивый образ современницы, оказавшейся на перекрестке эпох. После выхода в свет романа огромный успех имел многосерийный телефильм, созданный по мотивам этого произведения. «Земля» переведена на английский и многие другие языки. Надо полагать, что в недалеком будущем роман появится и на русском языке.

Художественная литература и изобразительное искусство современного Юга Кореи неотделимы от **уникальных традиций каллиграфического письма**, которое проникло на полуостров под влиянием китайской классической иероглифики. Корейские интеллектуалы учатся высокому искусству каллиграфии всю свою жизнь, ибо нет предела интеллектуальному изяществу и экспрессивности, которая передается утонченной кистью каллиграфа. Лучшие каллиграфические изречения на рисовой бумаге, шелковой ткани, кувшинах и вазах выставляются на показ как уникальные произведения высоких мастеров, либо через такие надписи передается философская мысль автора письма.

Вторая половина XX и начала XXI веков это эпоха бурного ренессанса и поступательного подъема в Южной Корее художественного творчества. Крутые перемены этого времени, о котором было уже упомянуто выше, вывели мастеров кисти из состояния длительной летаргии. Огромное влияние на различные художественные школы оказало преодоление изоляции страны от внешнего мира особенно от Франции, Японии, США, а позднее России, куда устремились один за другим многие представители молодого поколения художников страны. В итоге в послевоенной южнокорейской живописи стали одновременно сосуществовать самые различные, а подчас противоречивые живописные потоки – экспрессионизм, традиционализм, экзистенциализм, академический реализм, минимализм, символизм, абстракционизм и другие течения. Причем в этом плюрализме весьма затруднительно выделить какую-то одну доминирующую тенденцию.

Обычно под емким термином «национальная корейская восточная живопись» на Юге Кореи понимают, прежде всего, следование в русле классической художественной традиции эпохи Чосон, а также непререкаемое признание авторитета основополагающих конфуцианских догматов, пришедших из соседнего Китая. Однако послевоенный ренессанс национальной южнокорейской живописи не только не свелся к очередной апологетике китайского художественного стиля, но стал смелым поиском обновленного художественного направления национального характера.

В отличие от Севера изобразительное искусство Юга никогда, даже в годы военно-авторитарного режима, не испытывало на себе давление административного ресурса. Самоорганизация и распад художественных школ, несмотря на острое соперничество между традиционалистами и модернистами, никогда не окрашивались в политические цвета. Это давало возможность представителям различных художественных школ не только формировать свои группы, но и проводить самостоятельно крупные выставки, издавать проспекты и альбомы не только у себя на родине, но и за рубежом. В конечном итоге изобразительное искусство Юга Кореи к началу XXI в. на основе утонченного синтеза национального и глобального вышло на самые передовые рубежи мирового искусства, в то время как на Севере произошла консервация социалистического монументализма, во многом оторванного от жизни и реализма.

Послевоенная южнокорейская живопись, пройдя сложные циклы эволюции (от некритического подражания Западу до творческого осмысления национального художественного наследия), бурно эволюционировала одновременно по своим качественным и количественным критериям. К концу XX в. в Корейской ассоциации изящных искусств состояли 9184 человека, из которых в традиционном национальном стиле работали 1718 художников, а 3878 мастеров предпочитали создавать свои произведения на основе обращения к опыту западных художественных школ. В Ассоциацию изящных искусств входили 117 мастеров современного эстампа, 776 скульпторов, 1262 мастера декоративно-прикладного искусства, 1017 каллиграфов, 394 дизайнера, 22 критика. Эти данные – убедительное свидетельство той значимой роли, которую играет изобразительное творчество в постиндустриальном развитии современного Юга Кореи.

В отличие от изобразительного искусства, где на протяжении всей второй половины XX в. происходил сложный процесс синтеза национальных традиций и модернистских стилей в южнокорейской музыке довольно устойчиво сосуществовали классические и современные западные мелодии. Национальные вариации корейской музыки многие годы подразделялись на две основные разновидности: «чонак» – изысканные, утонченные, лирические мелодии для высших аристократических слоев общества и «соган» – народную музыку, которая включает буддистские и шаманские напевы, крестьянские песни, сольные исполнения мелодий «санжю». На таких классических инструментах как: комунго (инструмент из крученого шелка), каягым (двенадцатиструнная цитра), хэгым (двухструнная смычковая скрипка), тэгым (поперечная флейта с 12 отверстиями), пхири (цилиндрический гобой) и др. исполняются народные песенно-драматические напевы, близкие к оперному произведению. При создании новых произведений

на классическую тему современные композиторы Юга стремятся, как правило, в целом избежать эклектического смешения национальных и западноевропейских мелодий, тем более что государство всемерно поддерживает и поощряет хранение национального музыкального наследия.

В 1956 г. в стране создается первый симфонический оркестр при корейской телерадиовещательной корпорации, затем один за другим возникают филармонические оркестры и оперные труппы в ряде провинциальных центров страны. В оперный репертуар южнокорейской сцены устойчиво входят такие шедевры мировой классики, как «Травиата», «Аида», «Тоска», «Чио-Чио Сан», «Богема», «Свадьба Фигаро» и другие. Из национальных корейских оперных произведений особой популярностью пользуются: «Чхунхянчжон» Хен Чже Мена, «Принц Ходон» Чан Иль Нама, «Сим Чжон Джон» Ким Дон Чжина, «Нонгэ» Хон Ен Тхэка, «Чхобун» Пак Чэ Еля и другие.

Необычную динамику во второй половине XX в. перенесло **корейское танцевальное искусство**, включающее такие направления как традиционные дворцовые танцы, народные танцы и современный балет. Наиболее характерные элементы традиционного танца – плавное движение с пятки на носок, медленный подъем с колен, ритмичные вибрации корпуса, выразительные движения рук наполнены большой внутренней экспрессией. В западной хореографии, подчиненной определенному пространству, решающее значение имеет сама техника и динамика танца.

В корейском же танце, как отмечают критики, важна не внешняя сторона, не физические движения, граничащие с акробатикой, а выражение трансцендентального чувства радости. Тело корейского танцора, скрытое под объемной шелковой одеждой с ее обязательными длинными рукавами, превращено в какой-то небывалый цветок или птицу на фоне идеализированного пейзажа. Большую популярность и в стране, и за рубежом завоевал балетный театр «Юниверсал» под руководством Джулии Мун.

Во второй половине 50-х гг. XX в. на родину после профессионального обучения в Японии искусству западной хореографии возвращается Им Сок Нам, который в 1973 г. был назначен руководителем Национального балета, получившего широкое признание не только в стране, но и за рубежом. В репертуар балетной труппы вошли такие произведения западной классики как «Лебединое озеро», «Щелкунчик», «Шахерезада», «Коппелия», яркие и выразительные постановки по мотивам народных легенд. Им Сок Нам выступил при создании этих хореографических шедевров не только как художественный руководитель, но и как исполнитель ведущих ролей.

Освобождение Кореи стало началом бурного возрождения и становления **национального кинематографа**. В 60-е гг. ежегодно на экраны выходило около 200 фильмов. Однако в 70-е гг. в результате бурного расширения телевидения и увеличения проката зарубежных картин, происходит количественное снижение в выпуске национальной кинопродукции, хотя заметно растет ее художественный уровень. В 1984 г. южнокорейская лента «Прялка» была удостоена премии на Международном фестивале в Каннах. В 1985 г. другая лента «Глубокая синяя ночь» завоевала Гран-при на Международном фестивале в Токио. Затем на 42-м кинофестивале в Локарно Гран-при получил фильм «Почему Бодхидхарма ушел на Восток?». В 80–90-е гг. на мировую киноарену успешно выходит целая плеяда одаренных южнокорейских мастеров киноискусства. В 1981 г. на фестивале в Венеции награды были вручены режиссеру Ли Ду Ену за фильм «Пимак». Известная в РК актриса Кан Су Ен получила награду за лучшую женскую роль на 16-м Московском международном кинофестивале в 1989 г. В кинофестивале в Монреале в 1991 г. за исполнение лучшей женской роли награды была удостоена Ли Хе Сук. В 1993 г. на 18-м Московском кинофестивале актер Ли Дон Хва получил приз за лучшее исполнение мужской роли в фильме «Я буду жить». На этой основе в конце XX – начале XXI в. произошел крупный прорыв южнокорейского киноискусства на мировую художественную арену. Широкую известность за рубежом получили такие выдающиеся мастера корейского кино, как Лим Квон Тэк, Ким Ги Дук и другие.

Художественно-архитектурный облик нынешнего Юга Кореи разительно отличается от архитектурного стиля Севера страны, где преобладает монументализм соцреализма, правда, несколько растворенный различными элементами зодчества традиционного типа особенно в возведении многоярусных крыш, украшенных многоцветным орнаментом. В архитектурно-строительную сферу Кореи европейский стиль начал проникать еще в первой половине XX в., когда были возведены монументальные здания утилитарного характера: соборный комплекс Мендон (готика), главный корпус Национального банка Кореи (ренессанс), Сеульский железнодорожный вокзал и Собор англиканской церкви (романтизм) и другие. Одновременно возводились отдельные жилые дома европейского типа. Многие годы сооружения западноевропейского стиля выглядели неестественным чужеродным наростом на фоне традиционного местного ландшафта. И только со второй половины XX в. этот анахронизм начинает постепенно стираться на базе все большего сближения западного и восточного колорита. Бурное строительство, развернувшееся в стране в условиях «экономического чуда» и постиндустриального подъема, притягивает в страну большую группу молодых и одаренных мастеров зодчества, прошедших творческую школу во Франции, Германии, в США, Японии и других странах и сумевших найти «золотую середину» в создании уникальной целостности в соединении национального и интернационального. Именно в этом новаторском ключе были возведены Национальный театр в Сеуле в 1972 г. (архитектор Ы Хутхэ); Культурный центр имени короля Сэджона в 1976 г. (архитектор Ом Тук Мун); Музей национальной армии 1981 г. (архитектор Ким Чун Оп); Буддистский центр Дхармы в Сеуле в 1989 г. (архитектор Ким Ки Ун) и другие. Питомцы зарубежных университетов, сохраняя верность национальным традициям, активно содействовали гибкому и осмысленному внедрению в национальное зодчество брутализма Ле Корбюзье и других мировых архитектурных школ. Но этот процесс никогда не носил утилитарного характера и неизменно сопровождался постепенным нарастанием не только общенационального, но и регионального местного колорита. Поэтому величественные здания Национального музея и Культурного центра в г. Кванчжу, Музея фольклора и естественной истории, и Национального музея в г. Чеджу, Дворца независимости в г. Мечхон, возведенные в 80–90-х гг., органически вписались в окружающую градостроительную среду. Хотя при этом не обошлось без сомнительных абстракционистских увлечений в стиле псевдоготики, хай-тэк и других внешних веяний, особенно при возведении сооружений и объектов международного бизнеса. Огромный толчок новому взлету южнокорейского зодчества дала подготовка к Сеульской олимпиаде 1988 г.

Диаметрально противоположные пути политического, экономического, социального развития Юга и Севера породили разрушительные процессы дивергенции в сфере культуры единого и целостного прежде этноса. Глубокие деструктивные различия охватили все сферы национальной жизни, включая сферу общественного сознания, социальной психологии и даже литературного языка.

Глава II

Особенности культурной эволюции КНДР во второй половине XX—начале XXI века

Раскол Корейского полуострова и образование в 1948 г. двух независимых государств – Республики Корея на Юге и Корейской Народно-Демократической Республики на Севере привел к размыванию этнической общности корейцев Юга и Севера. В двух Кореях сформировались два варианта корейского языка, появились, активно развиваются и закрепляются существенные различия в культуре и искусстве.

Основу этих различий составляют фундаментально противоположные идеологические доктрины, полярные социально-политические и культурологические системы, утвердившиеся в РК и КНДР. Десятилетия идеологической и политической конфронтации между Севером и Югом Кореи, кровопролитная война 1950–1953 гг. фактически привели к тотальному размежеванию двух частей Корейского полуострова.

Культурная революция в КНДР осуществлялась в соответствии с идеологической доктриной «чучхе». В северокорейском обществе в конце 1960-х гг. утверждалась так называемая «единая идеологическая система партии», т. е. идеология «чучхе», были отвержены «ревизионизм», тенденции «архаизации» – не критическое отношение к наследию традиционной корейской культуры, иностранное культурное влияние.

Основные постулаты культурной политики КНДР зафиксированы в Конституции. В главе («Культура») записано, что «КНДР создает подлинно народную и революционную культуру, служащую социалистическим труженикам». Северокорейское государство «выступает против культурной экспансии империализма и тенденции к беспринципному сохранению и восстановлению старого, охраняет национальное культурное наследие...» (ст. 41).

Культурная революция в Северной Корее началась сразу же после освобождения Кореи в 1945 г. Главная задача того периода – борьба с неграмотностью. К 1949 г. неграмотность среди северокорейского населения была ликвидирована. В стране была создана единая система образования. В 1955 г. было введено обязательное начальное обучение, в 1975 г. – всеобщее обязательное 11-летнее обучение.

Система школьного, средне-технического и высшего образования в КНДР была создана с советской помощью. В 1946 г. в Пхеньяне был основан Университет им. Ким Ир Сена. Это было первое высшее учебное заведение на Севере Корейского полуострова. Сегодня в КНДР действует около 200 вузов. В начале 1980-х гг. их было 280, однако острый экономический кризис, поразивший страну в середине 1990-х гг., повлек закрытие около сотни институтов, главным образом, вузов.

Самыми престижными вузами КНДР сегодня являются Университет им. Ким Ир Сена (Кимдэ) и Политехнический университет им. Ким Чхэка. Из-за экономических трудностей число студентов в КНДР сократилось (в Кимдэ с 19 тыс. до 10 тыс. человек). Надо признать, что уровень среднего и высшего образования в КНДР невысок и не соответствует международным стандартам. Это связано как со слабой материально-технической базой учебных заведений, так и крайне ограниченными связями северокорейских преподавателей с международными образовательными учреждениями.

В КНДР придается большое значение развитию науки, передовых технологий. В стране действует ряд крупных научно-исследовательских центров в области ядерной физики, лазерной техники, ракетостроения,

биотехнологий и других современных отраслей научных знаний. Северокорейские ученые достигли определенных успехов в ядерной физике, химии. Вся научная работа координируется Академией наук, созданной в 1952 г.

Общественные науки в КНДР находятся в ведении Академии общественных наук, в составе которой действует ряд институтов, в т. ч. Институт идей «чучхе», Институт истории, этнографии и др. В стране функционируют также Академия сельскохозяйственных наук, Академия педагогических наук, Академия медицинских наук и др. В Конституции КНДР записано, что «государство, руководствуясь принципом „чучхе“ в научно-исследовательской работе, активно внедряет новейшие достижения науки и техники...» (ст. 50).

Эти достижения в основном сосредоточены в ракетно-ядерной области. Трудовая партия Кореи на VI съезде в 1980 г. поставила задачу «подвести научную базу» под народное хозяйство, однако этот тезис не получил практического осуществления. Технологический уровень северокорейской промышленности (за исключением оборонной) очень низкий.

Партийная пропаганда активно эксплуатирует лозунг «трех революций» (идеологической, технической и культурной), который, скорее, служит задаче мобилизации населения на выполнение правительственных установок, чем реальному научно-техническому прогрессу.

Северокорейские литература, искусство, кинематограф, театр, музыка, являясь важной составной частью идеологического воспитания населения страны, подчинены выполнению задач по прославлению лидеров КНДР. В 1970–1980-е гг. культурная политика была направлена на «раскручивание» культа личности Ким Ир Сена, его заслуг в становлении и развитии корейского «чучхейского социализма». «Революционные оперы» – «Море крови», «Цветочница», «Расскажи, тайга», «Песня о Кымгансане» стали образцом оперного искусства КНДР, ибо отражали борьбу корейцев за независимость страны, строительство «чучхейского социализма» под руководством Ким Ир Сена. Классические оперные спектакли, классический балет отсутствуют в северокорейской культуре, т. к. «не отвечают эстетическому вкусу народа и не соответствуют его социалистическим чучхейским идеалам». В Основном законе КНДР записано, что «государство развивает самобытные и революционные литературу и искусство, национальные по форме и социалистические по содержанию» (ст.52).

Северокорейский кинематограф также имеет культовую направленность. Фильмы «Звезда Кореи», «Нация и судьба» посвящены революционной деятельности Ким Ир Сена.

Большое внимание развитию кино, театра, всей северокорейской культуре уделял и уделяет Ким Чен Ир. В годы работы в ЦК ТПК (1970-е гг.) он курировал вопросы развития культуры. Ким Чен Иром написан ряд работ по этим вопросам, в частности, «Теория киноискусства» и др.

Культурная политика конца 1990-х – начала 2000-х гг. подчинена выполнению главной политической задачи: освещение линии «сонгун», отражение современной жизни и роли армии КНДР, ее верховного главнокомандующего. В литературе, искусстве, кинематографе, музыке обращается особое внимание на заслуги маршала Ким Чен Ира в руководстве вооруженными силами, партией и всей страной, его «непревзойденный полководческий талант». В стране созданы сотни литературных, музыкальных произведений, посвященных Ким Чен Иру, прославляющих полководца. Ким Чен Иру посвящено более тысячи песен. В одной из них есть такие слова: «Если нет тебя – нет партии, если нет тебя – нет родины, если нет тебя – нет нас».

Северокорейская пропаганда объявила, что в КНДР в соответствии с политикой «сонгун» создана и успешно развивается «революционная солдатская культура». Суть «солдатской культуры» состоит в том, что «военнослужащие ведут оптимистический образ жизни: их жизнь наполнена революционным

эмоциональным энтузиазмом». В армейской среде «установлен оптимистический образ жизни». Воины Корейской народной армии уверены в том, что «они будут наслаждаться счастьем в недалеком будущем». Эта «солдатская культура, – утверждают в КНДР, – соответствует корейской культуре XXI в., девиз которой – “преодолевать трудности с улыбкой на устах”».

Таким образом, *политика в области культуры и искусства тесно увязана с общей политической линией северокорейского руководства, направленной на усиление индоктринации населения, укрепление чуждого самосознания граждан, недопущение влияния современной мировой культуры.* В условиях глобализирующегося мира культурная политика КНДР ориентирована на укрепление чуждого устоев северокорейской государственности, на сохранение власти в руках нынешней политической элиты.

Заключение

Перспективы воссоединения Кореи

Прошло более 60 лет после освобождения Кореи от японского колониального господства. Однако корейская нация до сих пор остается расколотой. Два независимых государства Корейского полуострова – РК и КНДР не могут найти путь к единству. Десятки, сотни инициатив, доктрин и концепций, декларируемые властями Севера и Юга Кореи в целях объединения страны, так и остались на бумаге. Политические элиты двух Кореи, активно эксплуатируя естественное стремление населения Севера и Юга жить вместе, в едином государстве, не готовы, можно даже утверждать, боятся объединения. Особенно пугает единство Кореи северокорейскую правящую элиту, которая понимает, что ожидает ее в случае объединения. Пример Германии показывает, что более мощная страна и, естественно, более богатый правящий класс, подомнет под себя более слабую политическую элиту. При этом нужно иметь в виду, что восточногерманский истеблишмент значительно превосходил по своему интеллектуальному и экономическому уровню северокорейский правящий класс. Кроме того, важно учитывать и такой фактор, как отношение корейского обывателя на Севере и Юге к эвентуальному (возможному) единству Кореи.

На Севере, конечно, известно, что уровень жизни южнокорейского населения достаточно высок и не идет ни в какое сравнение с тем, как живут северные корейцы. Население КНДР хорошо осведомлено о той гуманитарной помощи, которая поступает из Южной Кореи. Северные корейцы, конечно же, хотели бы единства, причем такого единства, которое позволит им жить лучше и легче. Южные корейцы на уровне дискуссий, политических деклараций также выступают за объединение страны. Однако немало и тех в РК, кто не скрывает своих опасений в случае объединения потерять то благополучие, которого они добились, живя в разделенной Корее.

Конец XX в. вошел в историю отношений двух корейских государств фактическим и юридическим признанием друг друга и установлением диалоговых структур, экономических связей и обменов, ограниченных гуманитарных контактов. Этому положил начало межкорейский саммит в Пхеньяне в июне 2000 г. и принятая на нем Совместная декларация Севера и Юга.

В начале XXI в. реальных предпосылок для объединения двух корейских государств не просматривается. И надо прямо сказать, что это понимают как на Севере, так и на Юге. Экспертные оценки показывают, что ожидать германского варианта объединения Кореи, т. е. поглощения Севера Югом, не приходится. КНДР, несмотря на острый экономический кризис, терзающий ее в течение длительного периода времени, несмотря на сильное военно-политическое давление со стороны США и их союзников, сохраняет политическую стабильность.

Южнокорейские эксперты, ожидавшие быстрого падения северокорейского режима после германского объединения, также переосмыслили свои выводы на этот счет. На Юге подсчитали, во что обойдется единство Кореи, и решили, что не стоит спешить с этим процессом (по самым оптимистическим оценкам, на объединение Кореи потребуется не менее одного триллиона долларов, при этом нужно учитывать, что темпы экономического развития страны резко сократятся, а социальное положение населения РК заметно снизится).

Современный этап развития обстановки на Корейском полуострове требует решения первоочередных задач, каковыми является урегулирование ядерного кризиса, ракетной проблемы, превращение этого региона в зону, свободную от оружия массового уничтожения и средств его доставки.

Процесс этот – нескорый, он займет длительный переговорный период. Потребуется также немало усилий и времени для замены временного соглашения о перемирии мирным договором. Все это предполагается осуществить в рамках многостороннего переговорного процесса.

По мере продвижения переговоров в рамках «шестерки» возрастает значимость межкорейского диалога, причем его политического и военного аспектов. Вопрос военной разрядки на Корейском полуострове, выработка общих принципов сокращения вооруженных сил и вооружений корейских государств – весьма сложный и чувствительный для обеих сторон.

Как представляется, объединительный процесс на Корейском полуострове должен пройти несколько продолжительных по времени и сложных этапов. Двум корейским государствам предстоит длительный период мирного сожительства, в ходе которого необходимо будет решать очень непростые проблемы межкорейских отношений. Во-первых, требуется выработка постоянно действующего механизма разрешения военно-политических, экономических, гуманитарных и иных вопросов. Во-вторых, необходимо сформировать согласованную схему продвижения к национальному единству. Наметки такой формулы зафиксированы в Совместном заявлении Севера и Юга от 15 июня 2000 г. по итогам первой межкорейской встречи на высшем уровне в Пхеньяне. В этом документе, констатируется, что программа создания Конфедерации Севера и Юга и южнокорейская концепция образования корейского национального сообщества имеют некую общность и могут быть использованы для дальнейшего поиска более конкретной формулы объединения страны. В-третьих, продвижение к единству Кореи потребует позитивной реакции и поддержки со стороны соседей Корейского полуострова. Как известно, Россия твердо и ясно заявляет о своем отношении к объединению Кореи, поддерживает корейское единство при условии, что объединенная Корея будет демократическим, миролюбивым государством, развивающим дружественные отношения с РФ и другими соседними странами. Что касается позиции КНР, то она также выражает словесную поддержку процессу мирного объединения Кореи. Соединенные Штаты Америки и Япония предпочитают публично не высказываться по вопросу корейского единства.

Конечно, главное будет зависеть от корейцев Севера и Юга, правительств двух корейских государств, которым предстоит пройти трудный путь, чтобы преодолеть взаимное недоверие, политические и идеологические противоречия и предрассудки.

В Пхеньянской декларации, подписанной руководителями КНДР и РК 4 октября 2007 г., намечены крупные меры, особенно в области экономического взаимодействия, реализация которых позволит создать хороший фундамент для продвижения к примирению и согласию Севера и Юга.

Все, кто понимает корейскую проблему и заинтересован в ее решении, твердо убеждены, что кроме мирной, иной альтернативы урегулирования проблем Корейского полуострова просто не существует. Не существует также иного, кроме мирного, пути объединения Севера и Юга Кореи.

Хронология основных событий

15 августа 1945 г. – Освобождение Кореи Советской Армией.

10 октября 1945 г. – Создание Трудовой партии Кореи.

16–26 декабря 1945 г. – Московское совещание министров иностранных дел СССР, США, Великобритании.

15 августа 1948 г. – Образование Республики Корея. Первая республика.

9 сентября 1948 г. – Провозглашение Кореической Народно-Демократической Республики.

12 октября 1948 г. – Установление дипломатических отношений между КНДР и СССР.

25 июня 1950 г. – Начало Кореической войны.

26 июля 1953 г. – Подписание Соглашения о перемирии в Корее. Окончание Кореической войны.

5–9 августа 1953 г. – Пленум ЦК ТПК принял трехлетний (1953–1956 гг.) план послевоенного восстановления экономики КНДР.

1 октября 1953 г. – Подписание Договора о взаимной обороне между РК и США.

23–26 апреля 1956 г. – iii съезд Трудовой партии Кореи. Одобрен пятилетний (1956–1961 гг.) план экономического развития.

Август 1956 г. – Пленум ЦК ТПК. Победа Ким Ир Сена над оппозицией.

Апрель 1960 г. – Антиправительственные выступления в РК. Падение правительства Ли Сын Мана.

15 июня 1960 г. – Избрание президентом РК Юн Бо Сона. Вторая республика.

16 мая 1961 г. – Военный переворот в РК. Приход к власти генерала Пак Чжон Хи.

6 июля 1961 г. – Подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между КНДР и СССР.

11 июля 1961 г. – Подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между КНДР и КНР.

11–18 сентября 1961 г. – iv съезд Трудовой партии Кореи. Одобрен семилетний (1961–1967 гг.) план экономического развития.

Декабрь 1962 г. – Принятие новой Конституции РК. Избрание Пак Чжон Хи президентом РК. Третья республика.

10–14 декабря 1962 г. – Декабрьский пленум ЦК ТПК. Утвержден курс на параллельное оборонное и экономическое строительство.

Июнь 1965 г. – Нормализация южнокорейско-японских отношений.

5–12 декабря 1966 г. – Конференция ТПК. Подтвержден курс на параллельное оборонное и экономическое строительство. Принято решение продлить выполнение семилетнего плана (1961–1967 гг.) до 1970 г.

2–13 ноября 1970 г. – v съезд Трудовой партии Кореи. Утвержден шестилетний (1970–1976 гг.) план экономического развития.

Сентябрь 1971 г. – Начало переговоров представителей Обществ Красного Креста Севера и Юга.

Май 1972 г. – Начало политических контактов между Югом и Севером.

4 июля 1972 г. – Опубликовано Совместное заявление Севера и Юга о трех принципах объединения Кореи.

Декабрь 1972 г. – Введение в РК «Конституции октябрьского возрождения». Четвертая республика.

27 декабря 1972 г. – Принятие Социалистической Конституции КНДР. Избрание Ким Ир Сена президентом КНДР.

11 февраля 1974 г. – На пленуме ЦК ТПК было официально объявлено, что Ким Чен Ир является официальным преемником Ким Ир Сена.

19 февраля 1974 г. – В КНДР провозглашается курс на «всеобщую чучхеизацию общества».

26 октября 1979 г. – Убийство президента РК Пак Чжон Хи. Избрание президентом Чхве Гю Ха.

12 декабря 1979 г. – Военный переворот в РК. Приход к власти генерала Чон Ду Хвана.

Май 1980 г. – Восстание в Кванчжу.

22 октября 1980 г. – Принятие новой Конституции РК.

10–14 октября 1980 г. – Состоялся VI съезд ТПК, одоббивший Программу создания Конфедерации Севера и Юга Кореи. Принята программа «10 экономических высот».

25 февраля 1981 г. – Избрание Чон Ду Хвана президентом РК в соответствии с новой Конституцией, принятой 22 октября 1980 г. Пятая республика.

15 апреля 1982 г. – В КНДР широко отмечено 70-летие Ким Ир Сена.

12 декабря 1983 г. – КНДР присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия.

22–23 сентября 1985 г. – Первый межкорейский обмен группами разлученных родственников.

Декабрь 1987 г. – Ро Дэ У избран президентом РК. Шестая республика.

7 июля 1988 г. – Президент РК Ро Дэ У обнародовал специальную декларацию о новом подходе Сеула к отношениям с КНДР и социалистическими странами.

30 сентября 1990 г. – Установление дипломатических отношений между РК и СССР.

17 сентября 1991 г. – КНДР и РК стали членами в ООН.

8 ноября 1991 г. – Президент РК Ро Дэ У обнародовал «Декларацию об отказе от ядерного, химического и биологического оружия».

13 декабря 1991 г. – Между Севером и Югом подписано Соглашение о примирении, ненападении, сотрудничестве и обменах.

20 декабря 1991 г. – Ким Чен Ир становится Верховным Главнокомандующим Корейской Народной Армией.

30 декабря 1991 г. – Между КНДР и РК подписана Декларация о безъядерном статусе Корейского полуострова.

9 апреля 1992 г. – В КНДР принята новая редакция Конституции 1972 г.

24 августа 1992 г. – РК установила дипломатические отношения с КНР.

19 ноября 1992 г. – Подписан Договор об основах отношений Российской Федерации и Республики Корея.

18 декабря 1992 г. – Избрание Ким Ен Сама президентом РК. Курс на построение «Новой Кореи».

6 апреля 1993 г. – Ким Ир Сен выдвинул «Программу великой консолидации всей нации за объединение родины из десяти пунктов».

24 мая 1993 г. – Президент РК Ким Ен Сам представил трехфазовую концепцию объединения Кореи.

13 июня 1994 г. – КНДР объявила о выходе из МАГАТЭ.

8 июля 1994 г. – Умер Ким Ир Сен.

21 октября 1994 г. – В Женеве подписано Рамочное соглашение между КНДР и США по урегулированию северокорейской ядерной проблемы.

24 декабря 1995 г. – В КНДР провозглашается курс на «приоритет армии» («сонгун»).

8 октября 1997 г. – Ким Чен Ир избирается Генеральным секретарем ТПК.

18 декабря 1997 г. – Избрание Ким Дэ Чжуна президентом РК.

5 сентября 1998 г. – В КНДР принята еще одна редакция Конституции 1972 г., в которой Ким Ир Сен объявлен «вечным президентом страны».

9–10 февраля 2000 г. – Визит в КНДР министра иностранных дел РФ И.С.Иванова. Подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР.

13–15 июня 2000 г. – В Пхеньяне состоялась встреча Ким Чен Ира и Ким Дэ Чжуна. Подписана Совместная декларация Севера и Юга.

19–20 июля 2000 г. – Визит Президента РФ В. В. Путина в КНДР. Подписана Пхеньянская декларация.

26–28 февраля 2001 г. – Визит Президента РФ В. В. Путина в Сеул.

1–3 августа 2001 г. – Официальный визит руководителя КНДР Ким Чен Ира в Россию. Подписана Московская декларация.

20–24 августа 2002 г. – Рабочий визит в РФ руководителя КНДР Ким Чен Ира. Встреча В.В.Путина с Ким Чен Иром во Владивостоке.

Декабрь 2002 г. – Избрание Но Му Хёна президентом РК. Провозглашение курса на «мир и процветание Корейского полуострова».

10 января 2003 г. – КНДР объявила об окончательном выходе из Договора о нераспространении ядерного оружия.

16 августа 2003 г. – Начало шестисторонних (РФ, КНР, США, Япония, КНДР, РК) переговоров по урегулированию северокорейской ядерной проблемы.

12 марта 2004 г. – Национальное собрание РК объявило об импичменте президенту Но Му Хёну.

18 мая 2004 г. – Конституционный суд РК восстановил президентские полномочия Но Му Хёна.

20–23 сентября 2004 г. – Официальный визит в РФ президента РК Но Му Хёна. Опубликовано совместное российско-корейское коммюнике.

31 мая 2005 г. – КНДР официально объявила об обладании ядерным оружием.

19 сентября 2005 г. – На шестисторонних переговорах принято Совместное заявление об урегулировании ядерного кризиса на Корейском полуострове.

5 июля 2006 г. – КНДР осуществила пуски баллистических ракет малой и средней дальности.

15 июля 2006 г. – Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1695, в которой осудил запуски

ракет и ввел санкции в отношении КНДР.

9 октября 2006 г. – КНДР произвела испытание ядерного устройства.

14 октября 2006 г. – Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1718 с осуждением ядерного взрыва и о введении санкций против КНДР.

13 февраля 2007 г. – На шестисторонних переговорах согласован План первоначальных действий по осуществлению Совместного заявления от 19 сентября 2005 г.

2 апреля 2007 г. – РК и США подписали Соглашение о свободной торговле.

27 мая 2007 г. – Указ Президента РФ о присоединении к санкциям против КНДР, введенных СБ ООН 14 октября 2006 г.

14 июля 2007 г. – КНДР официально объявила об остановке ядерного реактора в Нёнбёне.

27–30 сентября 2007 г. – По итогам второго заседания пятого раунда шестисторонних переговоров в Пекине объявлено, что КНДР к 31 декабря 2007 г. выведет из рабочего состояния все свои ядерные объекты.

2–4 октября 2007 г. – Второй межкорейский саммит в Пхеньяне.

19 декабря 2007 г. – Президентские выборы в РК. Президентом РК избран Ли Мён Бак.

25 февраля 2008 г. – Официальное вступление Ли Мён Бака на пост президента РК.

Время избрания на должность и прекращения полномочий президентов Республики Корея в период Первой-Шестой республик

Первая республика (1948–1960)

- Президент Ли Сын Ман (1948–1960)
- И.о. президента Хо Чжон (03.03–15.06.1960)
- И.о. президента Квак Санг Хун (15–26.06.1960)
- И.о. президента Хо Чжон (26.06–13.08.1960)

Вторая республика (1960–1962)

- Президент Юн Бо Сон (1960–1962)
- Президент Пак Чжон Хи (1962–1963)

Третья республика (1963–1972)

- Президент Пак Чжон Хи (1963–1972)

Четвертая республика (1972–1980)

- Президент Пак Чжон Хи (1972–1979)
- Президент Чхве Гю Ха (1979–1980)
- И.о. президента Пак Чжун Хун (16.08–01.09.1980)

Пятая республика (1980–1987)

- Президент Чон Ду Хван (1980–1987)

Шестая республика

- Президент Ро Дэ У (1987–1992)
- Президент Ким Ен Сам (1992–1998)
- Президент Ким Дэ Чжун (1997–2003)
- Президент Но Му Хён (2002–2008)
- Президент Ли Мён Бак (2008 – ...)

(В историографии Республики Корея отсчет президентов РК принято иногда начинать от президента Временного правительства Кореи, созданного на волне народного антияпонского восстания 1919 г.)

Иллюстрации и фото

Командиры Корейской антияпонской армии (декабрь 1940 г.)

***Встреча советских и американских солдат и офицеров
в районе 38 параллели в Корее (август 1945 г.)***

Ким Гу,

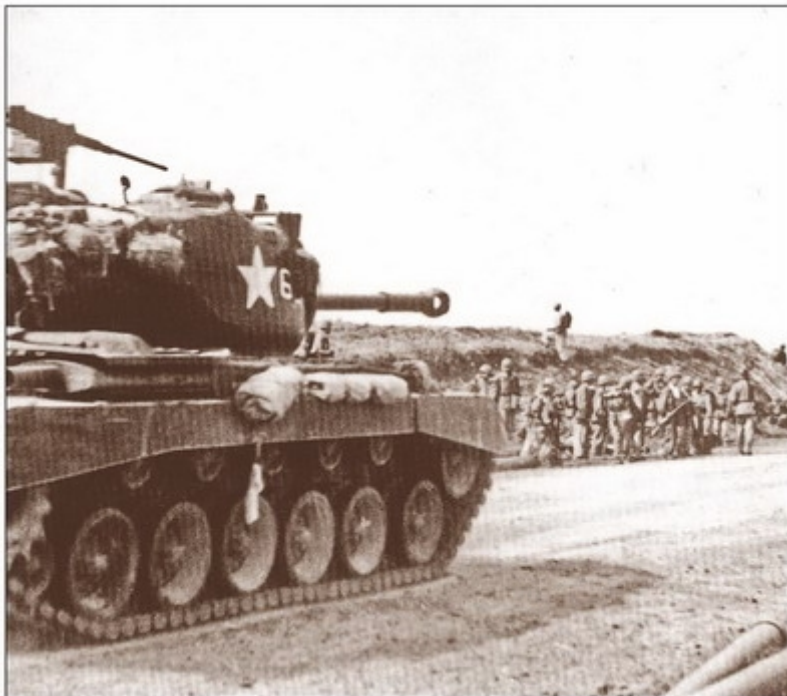
***участник антияпонской освободительной войны, глава
Временного Корейского правительства в ШАНХАЕ***

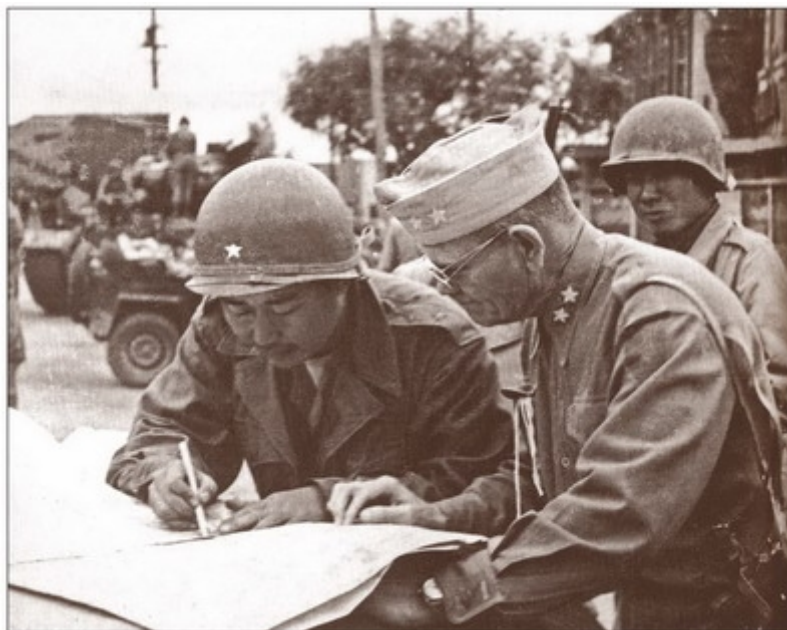

***Ли Сын Ман,
первый президент Республики Корея (1948-1960)***

Апрельская революция в Южной Корее (апрель 1960 г.)

Корейская война 1950-1953 гг.

***Пханмунчжом – деревня, где было подписано
Соглашение о перемирии в Корее (1953 г.)***

Президент Республики Корея

Пак Чжон Хи (1962-1979 гг.)

«Вечный президент» КНДР

Ким Ир Сен

Встреча Ким Чен Ира и Ким Дэ Чжуна (июнь 2000 г.)

Встреча Ким Чен Ира и Но Му Хёна (октябрь 2007 г.)

***Прием в Пхеньяне по случаю визита президента
Республики Корея в КНДР (октябрь 2007 г.)***

***Монумент, символизирующий грядущее объединение
Кореи (Южная Корея)***

***Ли Мён Бак,
президент республики Корея, вступивший в должность
25 февраля 2008 г.***

Встреча В. Путина с Ким Чен Иром (Москва, август 2001 г.)

***Шестисторонние переговоры по урегулированию
корейского ядерного кризиса***

Военный парад в Пхеньяне

Корейские музыканты

Примечания

1

Этимология (происхождение) названия «Корея» («Korea»), или «Страна утренней свежести» уходит в далекие исторические времена. Это смысловой перевод двух китайских иероглифов «чао» и «сянь», которыми около V в. до н. э. обозначалось древнее княжество на полуострове. Однако в отличие от европейского пространства этим названием не пользуются сегодня ни на Севере, который называет себя Чосон, ни на Юге, современное название которого Хангук (или государство Хан). Поэтому сегодня трудно сказать, как назовет себя воссоединенная Корея и сохранится ли наименование «Korea» на европейских языках. (Примеч. авт.)

2

См.: Ли Ги Бэк. История Кореи: новая трактовка: Пер. с кор. – М., 2000. – С. 371.

3

Сом – мера измерения соломенного мешка емкостью в 80 кг риса

4

См.: Очерки российской внешней разведки / Под ред. Е. М. Примакова. – Т. 2. – М., 1996. – С. 254.

5

Изучение какой-либо доктрины без критической оценки

6

Лебедев Н. Г. Годы возмужания Народной Кореи // За мир на земле Кореи: Воспоминания и статьи. – М.: «Наука», 1985. – С. 9.

7

Отношения Советского Союза с Народной Кореей. 1945–1980: Документы и материалы. – М., 1981. – С.13.

8

Цит. по: Чжон Хюн Су. Социально-экономические преобразования в Северной Корее в условиях Советской Военной Администрации. 1945–1948 гг. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, ИСАА, 1997. – С. 16.

9

Атлантическая хартия декларировала неотъемлемое право «всех народов избрать себе форму правления, при которой они хотят жить», и призвала активно содействовать «восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем». Таким образом, Хартия недвусмысленно затрагивала судьбу Кореи. Позднее (9 сентября 1941 г.) правительство Великобритании сделало оговорку, что декларация не распространяется на британские колонии. (Примеч. авт.)

10

Цит по: Ю Бен Ен. Внешнеполитическая стратегия Великобритании и корейский вопрос. – М., 1999. – С. 21.

11

См.: Советский Союз и корейский вопрос: Документы. – М., 1947. – С. 44–45.

12

Современная историография КНДР утверждает, что предшественницей КНА явилась мифическая Корейская народно-революционная армия, якобы созданная Ким Ир Сеном 25 апреля 1932 г.

13

Стьюк У. Корейская война. – М., 2002. – С. 14.

14

Стьюк У. Корейская война. – М., 2002. – С. 91.

15

См.: Корея: Расчленение, война, объединение. – М., 1995. – С. 201

16

Хрущев Н.С. Воспоминания: Время, люди, власть. – М., 1999. – С. 85.

17

Цит. по: Корея: Расчленение, война, объединение. – С. 206.

18

См.: Внешняя политика современной России. – М.: ДА МИД РФ, 2000. – С. 154.

19

(Цит. по: Волохова А. Некоторые архивные материалы по корейской войне (1950–1953 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. – 1999. – № 4. – С. 124.

20

Цит. по: Попов И., Лавренов С., Богданов В. Корея в огне. – М., 2005. – С. 469.

21

Цит. по: Стьюк У. Корейская война. – С. 588.

22

Ким Ир Сен. Избранные сочинения. – Пхеньян, 1954. – Т. 4. – С. 174.

23

Корея: расчленение, война, объединение. – М., 1995. – С. 227.

24

Стьюк У. Корейская война. – С. 604.

25

Орлов А. С., Гаврилов В. А. Тайны корейской войны. – С. 296.

26

Попов И. М., Лавренев С. Я., Богданов В. Н. Корея в огне войны. – М., 2005. – С. 519

27

Попов И. М., Лавренев С. Я., Богданов В. Н. Корея в огне войны. – С. 517.

28

См.: Война в Корее. 1950–1953: Взгляд через 50 лет. – М., 2001. – С. 300.

29

Женевское совещание министров иностранных дел (26 апреля– 21 июля 1954 г.): Документы по корейскому вопросу. – М., 1956. – С.12–13.

30

Женевское совещание министров иностранных дел. – С. 159–160.

31

Там же. – С. 192.

32

Yoo Byong-yong. Geneva Conference of 1954 on Korean Unification. – Diplomatic Academy of Russia's Foreign Ministry. Ph.D Dissertation in Political Science, 1999. – P.116–117.

33

Бэк Чжун Ки. Становление политической системы в КНДР и роль СССР (после Корейской войны). – М.: МГУ, 1997. – С. 111.

34

О положении в Корее: Политическое положение КНДР 1955 г. // Бэк Чжун Ки. Становление политической системы в КНДР и роль СССР (после Корейской войны). – М.: МГУ, 1997. – С. 96.

35

Чхонлима – мифический конь, пробегающий в день 1 тыс. ли (250 км).

36

Бэк Чжун Ки. Указ. соч. – С. 145.

37

Там же. – С. 164–167.

38

Ланьков А. Н. КНДР вчера и сегодня: Неформальная история Северной Кореи. – М.: Восток-Запад, 2005. – С. 225.

39

Ким Ир Сен. Отчетный доклад ЦК ТПК IV съезду партии. – Пхеньян, 1961. – С. 31.

40

Мера площади размером в 3,3 кв.м

41

Россия и межкорейские отношения / Под ред. член-корр. РАН В. А. Медведева. – М., «Горбачев-Фонд», 2003. – С. 23.

42

См.: Ткаченко В. П. Безопасность в Кореи и интересы России: Дисс. на соиск. уч. степени кандидата наук. – М., 2007.

43

В КНДР с начала 1960-х гг. не публикуются официальные статистические данные о развитии экономики.

44

Более подробно об этом см. в гл. «Отношения между Россией и КНДР».

45

См. подробнее: Развитие корейской экономики / Под ред. Н. В. Кузнецовой и И. А. Толстокулакова. – Владивосток, 2001. – С. 44.

46

Ким Ен Сам. Новая Корея / Сост. Ким Ток Чу; Пер. с кор. В. Тихонов. – СПб, 1993. – С. 162.

47

Там же. – С. 200–215.

48

Ким Ен Сам. Указ. соч. – С. 200–215.

49

См подробнее: Развитие корейской экономики / Под ред. Н. В. Кузнецовой и И. А. Толстокулакова. – Владивосток, 2001. – С. 44.

50

См.: Ким Бен Кук. Президент Республики Корея Ким Дэ Чжун. – М., 1998. – С. 62–63.

51

См., например: “China and Korea. Dynamic Relations”. By Chae-Jin Lee. Stanford, 1996, p. 147.

52

Там же. С. 155.